

Проф. Г. Ашаффенбургъ

главный врачъ, завѣдующій психіатрическимъ отдѣленіемъ для душевно
больныхъ преступниковъ въ Галле.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ И БОРЬБА СЪ НИМЪ

Уголовная психологія для врачей,
юристовъ и социологовъ.

(Къ вопросу о реформѣ уголовного законодательства).

Переводъ съ нѣмецкаго
подъ редакціей и съ предисловіемъ
Я. Л. САКЕРА.

ОДЕССА.

Изданіе Вл. РАСПОПОВА.

1906.

СПБГУ

Типографія Л. С. Шутака въ Одессѣ,
Троицкая, д. 27.

Профессору

Эмилю Крeпелину

съ благодарностью

посвящаетъ

авторъ.

Предисловіе редактора перевода.

Въ тяжелое для науки время выходитъ предлагаемая читателямъ книга. Все вниманіе общества сосредоточено на политической борьбѣ и пока она не кончится первой побѣдой—завоеваніемъ правъ человѣка и гражданина—ни люди науки, ни учащіеся не смогутъ отдаваться проблемамъ теоретическаго знанія. Ученые стали публицистами, борцами; научная мысль изгнана изъ общественной и государственной жизни,—университеты закрыты и у входа ихъ стоятъ военные караулы.

Но если тѣ, которые до сихъ поръ посвящали свои силы и способности наукѣ, стали теперь въ ряды борцовъ за освобожденіе Россіи, то этимъ они не только не задерживаютъ культурнаго и научнаго развитія страны, но, напротивъ, открываютъ путь, при которомъ лишь и возможенъ непрерывный прогрессъ знанія. Въ поращенной странѣ поработена и наука—хартія свободъ необходимое условіе ея процвѣтанія. Съ увѣренностью можно утверждать, что въ освобожденной Россіи проявится широкая творческая дѣятельность. Проблемы, которыхъ подъ гнетомъ абсолютизма или нельзя было касаться, или разрѣшать которыхъ не имѣло непосредственно практическаго смысла, такъ какъ рѣшенія ихъ не могли найти примѣненія въ русской жизни, привлекутъ къ себѣ вниманіе нашей интеллигенціи. Одной изъ такихъ проблемъ и была проблема уголовного права. Къ кому должны были быть направлены проекты реформы уголовного законодательства? Кто долженъ былъ использовать выводы уголовной социологіи? Бюрократія—мышленіе, принципы, идеи которой слишкомъ далеки отъ научнаго духа? Вѣдь введена же въ наше уголовное уложеніе смертная казнь, такъ какъ этого требовала „политика“, несмотря на то, что сами составители его выставили цѣлый рядъ доводовъ противъ смертной казни съ точки зрѣнія научной критики!

Книга Ашаффенбурга „Преступленіе и борьба съ нимъ“ была восторженно встрѣчена германскимъ ученымъ міромъ. Проф. Листъ въ своей рецензіи говоритъ: „Ашаффенбургъ—первый нѣмецкій писатель, рѣшившійся на смѣлый шагъ. Онъ предлагаетъ намъ систему уголовной политики, опирающуюся на научное основаніе... Работа эта прокладываетъ новые пути... Въ Германіи онъ первый подвергъ научной обработкѣ область, которая до сихъ поръ была ареной

дилетантскихъ попытокъ. Онъ начертилъ планъ, по которому можетъ быть сооружено зданіе новой науки, и самъ построилъ по этому плану остоуъ его. Не трудно будетъ собрать новый матеріалъ, довершить то, что онъ лишь намѣтилъ, дать внутреннюю и внѣшнюю отдѣлки воздвигнутому имъ лишь вчера зданію. Его книга—наиболѣе цѣнная для реформы уголовного законодательства въ Германіи.“ Другой нѣмецкій криминалистъ—проф. Лиліенталь—называетъ работу Ашаффенбурга образцовой, которую нужно настойчиво рекомендовать всѣмъ, интересующимся вопросами уголовной политики.

Рекомендуя книгу Ашаффенбурга, какъ по собранному и обработанному въ ней матеріалу, такъ и по методу, которымъ онъ пользовался при изслѣдованіи сущности преступленія и его причинъ, мы должны сказать, что не со всѣми взглядами автора можно согласиться. Посвящая всю первую часть своего труда (стр. 11—96) выясненію зависимости преступленія отъ отдѣльныхъ социальныхъ факторовъ, авторъ не анализируетъ *структуры* современного общественнаго строя съ его капиталистическимъ способомъ производства. Между тѣмъ преступленіе порождается, главнымъ образомъ, этимъ строемъ, а потому и мѣры борьбы, которыя предлагаетъ Ашаффенбургъ, какъ некасающіяся переустройства государственныхъ и общественныхъ формъ жизни, могутъ считаться лишь палліативами. Лишь перестройка политическаго и общественнаго организма согласно требованіямъ социализма освободитъ человѣчество отъ значительнаго числа преступленій.

Я. С.

Предисловіе автора.

Наука уголовного права, несмотря на тѣснѣйшую связь, соединяющую ее съ общественною жизнью, долгое время имѣла совершенно абстрактный характеръ. Продуктъ школьныхъ и чисто логическихъ построеній, она удовлетворялась тщательно сформулированными опредѣленіями и блестящими остроуміемъ силлогизмами. Какую массу умственной работы надо было потратить для того, чтобы разграничить другъ отъ друга отдѣльные виды преступленія, истолковать точный смыслъ неудачно изложеннаго закона,—показываютъ учебники и комментаріи, научные журналы и болѣе всего рѣшенія нѣмецкаго имперскаго суда. И все-таки уголовная наука не избѣжала опасности и впала въ крючкотворство и игру словами; *буква*, а не *духъ*, получила въ ней преобладаніе.

Вотъ почему даже самые упорные сторонники существующаго законодательства не могли не признать *необходимости реформы нашего уголовнаго кодекса*. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что реформа будетъ совершена. Вопросъ только въ томъ, какое направленіе она приметъ, и достигло ли общественное мнѣніе той степени просвѣтленія, чтобы возможно было предпринять дѣйствительно серьезную реформу. По мнѣнію сторонниковъ классическаго направленія моментъ для этого созрѣлъ. Они хотятъ только измѣненія тѣхъ многочисленныхъ опредѣленій, которыя уже обнаружили свою негодность и нецѣлесообразность; они хотятъ устраненія только тѣхъ параграфовъ, которые вели къ грубѣйшимъ ошибкамъ; они согласны, пожалуй, и на исключеніе изъ уголовного уложенія полицейскихъ наказаній; но въ остальномъ основы начала дѣйствующаго кодекса должны по возможности оставаться неприкосновенными.

Для другого направленія весь центръ тяжести находится въ *борьбѣ съ преступленіемъ*, отдѣльныя же наказанія имѣютъ смыслъ лишь постольку, поскольку они могутъ служить этой цѣли. Не подлежитъ сомнѣнію, что это направленіе находится въ тѣснѣйшей связи съ естественно-научнымъ методомъ мышленія и изслѣдованія, который и здѣсь оказалъ свое живое и плодотворное дѣйствіе. Оно наблюдаетъ преступленіе и преступника и затѣмъ ищетъ средствъ борьбы съ ними.

Задача изслѣдованія причинъ преступленія, несмотря на массу труда, вложеннаго въ нее, совершенно не можетъ считаться разрѣ-

шенной. Когда я въ 1896 году въ Гейдельбергѣ впервые приступилъ къ чтенію лекцій по психологіи преступленія и преступника студентамъ всѣхъ факультетовъ, я часто оказывался въ большомъ затрудненіи при оысканіи надежнаго матеріала для обоснованія моихъ положеній. Лучшій матеріалъ я находилъ въ *нѣмецкой уголовной статистикѣ*, тщательная постановка которой служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что наши государственныя учрежденія давно уже признали важность уголовно-статистическихъ данныхъ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, благодаря ежегодно обнародывавшимся статистическимъ бюро новымъ свѣдѣніямъ, мнѣ представлялся удобный случай заполнять образовавшіеся пробѣлы, провѣрять и исправлять сомнительныя и спорныя положенія и тѣмъ самымъ давать опредѣленную законченность своимъ взглядамъ.

Выводы, къ которымъ привело меня, какъ и многихъ другихъ, изученіе преступленія, оказались несомвѣстимыми съ *основаніями нашего существующаго законодательства*. Я лично не допускаю возможности созданія новаго уголовного кодекса путемъ компромисса. Этому мѣшаютъ слишкомъ рѣзкія противорѣчія. Но одно я считаю возможнымъ,—это то, чтобы даже лица, готовые удовольствоваться украшеніемъ фасада зданія, устраненіемъ его уродливостей и вѣрнѣе въ прочность и надежность его фундамента, попытались продумать взгляды тѣхъ, для которыхъ существенное заключается не въ *преступленіи*, но въ *оураженіи правъ общества*. Богатый опытъ даетъ мнѣ смѣлость утверждать, что даже криминалисты, стремящіеся обосновать уголовное право съ точки зрѣнія защиты общества, нерѣдко обнаруживаютъ крайне недостаточныя и подчасъ совершенно ошибочныя представленія. И, однако, мнѣ думается, что каждый, кому близко благо народа, безусловно *обязанъ* прислушиваться къ такимъ взглядамъ и не проходить мимо того, чему учили послѣднія десятилѣтія.

Это—обязанность не только криминалистовъ и судей, не только тѣхъ, которые призваны содѣйствовать реформѣ уголовного законодательства. Поле дѣйствія расширяется, такъ какъ важнѣе борьбы съ преступленіемъ—*предупрежденіе* его; въ этомъ именно направленіи всѣ должны работать; къ этой работѣ я и хотѣлъ бы призвать.

Разъ знаніе *причинъ преступленія* сдѣлается общимъ достояніемъ, а укоренившіеся предрасудки исчезнутъ, тогда можно будетъ предпринять кампанію въ пользу принциповъ новаго уголовного права; тогда будетъ найденъ путь для серьезной борьбы съ преступностью ко *блѣзу страны и народа*.

ВВЕДЕНИЕ.

Задача и методъ.

Для уголовного судьи наказаніе предполагаетъ совершеніе такого поступка, который по закону считается *преступленіемъ*¹⁾ и запрещается подъ страхомъ наказанія. Nullum crimen sine lege! Этотъ взглядъ, выражающій основное положеніе уголовного права, соотвѣтствуетъ § 2 нѣмецкаго имперскаго уголовного уложенія: «Дѣяніе только тогда можетъ повлечь за собою наказаніе, когда это наказаніе установлено было закономъ до момента совершенія дѣянія». Это значитъ, что дѣяніе, считающееся по *дѣйствующему* въ данное время праву преступленіемъ, перестаетъ быть таковымъ, когда соотвѣтствующій параграфъ уголовного уложенія отмѣняется. Такъ было бы, напр., съ дѣяніемъ § 175, въ пользу отмѣны котораго были приведены различныя основанія, частью юридическаго, частью медицинскаго характера. Если бы требованіе объ отмѣнѣ этого параграфа было удовлетворено, то этимъ самымъ противосестественныя сношенія между лицами мужскаго пола не считались бы болѣе преступленіемъ.

Съ другой стороны, § 2 исключаетъ изъ компетенціи уголовного судьи тѣ дѣянія, которыя намѣренно или случайно не захвачены областью законодательной санкціи, или же наказуемость которыхъ не можетъ быть допущена по точному тексту параграфовъ закона. Въ примѣрахъ этому недостатка нѣтъ; таковы: половыя сношенія женщинъ другъ съ другомъ; содѣйствіе дѣянію, главный виновникъ котораго долженъ быть оправданъ влѣдствіе невмѣяемости,—все это дѣйствія, не подлежащія наказанію. Чтобы обвинить суттинера, чтобы привлечь къ отвѣтственности за кражу электрической энергіи должны быть созданы особые законы.

Гейеръ²⁾ удивляется совершенно понятному для неюристовъ взгляду, по которому подвергается наказанію *покушеніе* съ годными, но неумѣло примѣненными средствами, и какъ на примѣръ указываетъ на кухарку:

¹⁾ Въ послѣдующемъ изложеніи я постоянно буду говорить о *преступленіи* и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, согласно принятому германскимъ уголовнымъ уложеніемъ трехчленному дѣленію, дѣло идетъ только о проступкѣ или полицейскомъ нарушеніи.

²⁾ Geyer, *Über die sogenannten untauglichen Versuchsvorhandlungen*. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. т. I, стр. 35.

поставившую подъ кровать своей соперницы чашку съ нѣсколькими порошинками и затѣмъ взорвавшую ихъ при помощи зажженной спички. Неужели только потому, что этотъ планъ не удался и не могъ удался, что задуманное убійство не осуществилось только въслѣдствіе непреднамеренной ошибки въ примѣненіи средства, виновница его должна быть оправдана! *Цукер*¹⁾), какъ примѣръ ненаказуемаго покушенія на *неодные объекты*, приводитъ слѣдующій случай: «По нашему воззрѣнію нѣтъ мѣста преступному покушенію на кровосмѣшеніе, если виновникъ сожительствоваель съ женщиной, которую онъ считалъ своею сестрою, но которая, какъ оказалось послѣ произведеннаго слѣдствія, принята была въ домъ его родителей, какъ сирота, и только воспитывалась какъ родное дитя». Быть можетъ такого субъекта и нельзя привлечь къ суду, но второстепенный фактъ, констатирующій отсутствіе кровнаго родства, *психологически* нисколько не умаляетъ гнусности самаго дѣянія. Съ другой стороны, бывають обстоятельства, при которыхъ дѣяніе, являющееся само по себѣ преступленіемъ, возбуждаетъ чувство уваженія; стоитъ вспомнить, напр., объ убійствѣ Мората Шарлотой Корде, или матери, которая рѣшается на воровство или проституцію, чтобы спасти своего больного ребенка.

Интеллигентному уголовному судѣ, которому предстоитъ высказаться по поводу отдѣльнаго случая и который не довольствуется чисто формальнымъ установленіемъ факта преступленія, примѣненіемъ определенныхъ параграфовъ и схематическимъ соизмѣреніемъ наказанія со степенью виновности, не много радости доставляетъ его призваніе. «Въ высшей степени вредный формализмъ въ вопросѣ наказуемости и слишкомъ широкія границы судейскаго усмотрѣнія въ опредѣленіи степени наказанія противорѣчатъ другъ другу»²⁾). Судья крѣпко связанъ писаннымъ правомъ, которое оставляетъ ему слишкомъ мало простора для оцѣнки психологическихъ *мотивовъ*. Что съ обстоятельствами, сопровождающими преступленія, приходится считаться,—на это ясно указываютъ параграфы, касающіеся необходимой обороны, смягчающихъ вину обстоятельствъ, невмѣняемости душевнобольныхъ, полной или частичной безнаказанности несовершеннолѣтнихъ, а также и увеличенія наказанія при повторномъ рецидивѣ. Лишь нѣкоторые лица, точка зрѣнія которыхъ не выдерживаетъ строгой критики, ни какъ не могутъ признать законнымъ требованіе психологическаго анализа столь сложнаго феномена, какъ преступленіе.³⁾

¹⁾ *Zucker, Noch ein Wort zur Lehre von untauglichen Versuche. Archiv für Strafrecht.* т. 36, стр. 370

²⁾ *Wach, Zukunft des Strafrechts.* Рѣчь, произнесенная въ Дюссельдорфѣ на 75-мъ годовичномъ собраніи Рейнско-Вестфальскаго тюремнаго общества.

³⁾ Ср. *Sacher, Der Rückfall*, стр. 19. М. Чубинскій, Мотивъ преступной дѣятельности и его значеніе въ уголовномъ правѣ.

Для удовлетворенія этого требованія необходима иная научная подготовка, нежели та, которую могутъ дать комментаріи уголовного уложенія. «Коренную причину многихъ недостатковъ нашего современнаго состоянія, я вижу въ исключительно—юридическомъ образованіи нашихъ криминалистовъ—теоретиковъ и практиковъ. Мнѣ и въ голову не приходитъ требовать отъ криминалиста антропологическихъ или статистическихъ излѣдованій; но я требую, чтобы онъ былъ знакомъ съ результатами *уголовной биологіи* и *уголовной социологіи* такъ же хорошо, какъ съ параграфами уголовного уложенія или рѣшеніями имперскаго суда». Такъ говоритъ *проф. Листъ*¹⁾, который изученіе преступленія, какъ соціальнаго явленія, и преступника въ его особой индивидуальности цѣнить такъ же высоко, какъ и изученіе законодательныхъ нормъ. И онъ вполне правъ. Наша уголовная юстиція — *не абстрактная наука, а практическая уголовная политика.*

Необходимость дать послѣдней прочныя основанія можетъ отрицать лишь тотъ, кто не хочетъ или не можетъ знать, во что обходится государству человѣческая преступность. Нѣмецкая уголовная статистика 1898 года показываетъ, что на 572.381 дѣяній, бывшихъ предметомъ судебного разбирательства, пришлось 477.807 обвинительныхъ приговоровъ; на каждые 100.000 уголовно-совершеннолѣтнихъ—1257 осужденныхъ; при этомъ статистика имѣетъ въ виду, конечно, преступленія и проступки противъ общеимперскихъ законовъ, а не противъ законовъ отдѣльныхъ частей имперіи, и оставляетъ въ сторонѣ безчисленные мелкія нарушенія. Поэтому странною должна показаться каждому, кто знакомъ съ этимъ явленіемъ—а оно должно быть знакомо всякому юристу—излюбленная въ такихъ случаяхъ попытка ослабить значеніе этихъ цифръ указаніемъ на то, что въ нихъ включены данныя о наказаніяхъ, которымъ подвергаются лица, нарушающія предписанія о привитіи оспы или уничтоженіи гусеницъ (ср. *Вахъ*, цитированное соч.). Серьезность положенія, при которой совершенно неумѣстны эти забавныя увертки, требуетъ вполне объективнаго и спокойнаго къ себѣ отношенія.

Въ 1898 г. нѣмецкіе суды вынесли 48 смертныхъ приговоровъ; лишеніе свободы выразилось не менѣе какъ въ 28.000 лѣтъ заключенія въ каторжной тюрьмѣ и 49.000 лѣтъ—въ тюрьмѣ! Издержки по преслѣдованію уголовнымъ судомъ и приведенію въ исполненіе судебныхъ приговоровъ исчисляется Зейфертомъ для Германіи въ 100 милліоновъ марокъ. Нужно ли еще говорить, почему судья долженъ оставить свой письменный столъ, выйти изъ залы суда, изъ своего рабочаго кабинета и окунуться въ дѣйствительную жизнь, въ народную массу для того,

¹⁾ *von List, Kriminalpolitische Aufgaben. Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswissenschaftl.* т. IX, стр. 456.

чтобы изучить преступниковъ и, лучше вооружившись, иначе, чѣмъ до сихъ поръ, повести *борьбу съ преступленіемъ?*

Для тѣхъ, по мнѣнію которыхъ уголовное право есть не болѣе какъ продуктъ логическаго построенія и которые очень довольны, когда имъ удастся найти для жизненнаго явленія какую нибудь подходящую общую формулу, приведенныя цифры не имѣютъ никакого значенія. Тѣ же, которые не довольствуются рѣшеніями, подсказываемыми буквою закона, не должны избѣгать непосредственныхъ соприкосновеній съ будничною жизнью; они должны ознакомиться съ *уголовной соціологіей*, раскрывающей въ данныхъ уголовной и *моральной статистики*.

Уголовная соціологія показываетъ, при какихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ возникаетъ преступленіе, какое вліяніе—прямое или косвенное—оказываютъ окружающія условія, въ которыхъ мы живемъ, на совершеніе преступныхъ дѣяній. Она также показываетъ, что на ряду съ социальными явленіями, воздействующими на человѣка, послѣдній подвергается также вліянію присущихъ ему физическихъ и психическихъ факторовъ. Такимъ образомъ мы глубже проникаемъ въ *психогенезисъ* преступленія. Предъ нами при этомъ выступаетъ цѣлая совокупность новыхъ точекъ зрѣнія, новыхъ вопросовъ, на которые не всегда возможно отвѣтъ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что *психологія преступленія и преступники* не есть еще законченная наука; для этого она еще слишкомъ молода. Но уже и теперь, одну за другую, вскрываетъ она причины, обуславливающія преступленіе, освѣщаетъ намъ тайники его, остающіеся скрытыми для судьбы, постановляющаго окончательный приговоръ, расшатываетъ основные устои уголовного права,—не для того однако, чтобы равнодушно присутствовать при позномъ крушеніи столь, повидному, солиднаго зданія. Уголовная психологія стремится изслѣдовать причины преступленія и познакомиться съ дѣйствіемъ наказаній; она хочетъ на новыхъ основаніяхъ построить уголовное право, которое лучше, нежели современное, *защищало бы общество* и обезпечивало бы отдѣльную личность отъ преступныхъ посягательствъ. Такова *цѣль*. Каковъ же *путь*, ведущій къ ней?

«Преступники не должны разсматриваться какъ отверженцы общества; они также тѣсно связаны съ послѣднимъ, какъ рана съ тѣломъ». Это замѣчаніе *Корра* ¹⁾ столь же мѣтко, сколько и справедливо. Преступность есть неотдѣлимый факторъ человѣческаго общества, съ которымъ онъ органически связанъ, и отъ котораго онъ постоянно получаетъ все новую нищу. Только въ обществѣ и во взаимодействіи съ нимъ совершается преступленіе, и если оно дѣйствительно представляетъ собою рану на социальномъ тѣлѣ, то слѣдовало бы попытаться продолжать эту

¹⁾ *Corre, Essai sur la criminalité*, стр. 76.

аналогію далѣе и внести въ изученіе преступности тѣ же приемы, какими обыкновенно пользуются при клиническомъ изслѣдованіи.

Въ медициннѣ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о причинахъ и происхожденіи болѣзни—*этіологія*; затѣмъ—о внѣшнихъ признакахъ ея—*симптоматологія*; отсюда слѣдуетъ *діагнозъ*, отличеніе ея отъ другихъ болѣзней—*дифференціальный діагнозъ*, и наконецъ—*терапия*. Соотвѣтственно этому и мы постараемся прежде всего изслѣдовать причины преступности; затѣмъ—различныя формы, въ которыхъ проявляется преступленіе; дифференціальный же діагнозъ совпадаетъ съ вопросомъ о классификаціи преступниковъ, вопросомъ о существованіи «прирожденнаго преступника» *Ломброзо*. Когда мы, слѣдуя по этому пути, составимъ себѣ опредѣленные взгляды, когда мы возможно глубже проникнемъ въ сущность преступленія и его причины, тогда надо будетъ поставить самый важный въ практическомъ отношеніи вопросъ: какъ будемъ мы лечить эту рану на тѣлѣ человѣческаго общества? Мы разсмотримъ и изслѣдуемъ существующія средства и—если будетъ доказана недостаточность практикующихся методовъ леченія,—то постараемся выяснитъ, что можетъ быть сдѣлано.—задача въ одинаковой мѣрѣ серьезная и интересная.

Аналогія съ естественно-научною дисциплиною указала намъ не только на *направленіе* нашего изслѣдованія, но и дала намъ *методъ*, указала на самый удобный путь—*объективную наблюденія*. Разъ мы познакомились съ внѣшними обстоятельствами, при которыхъ было совершено преступленіе, то слѣдуетъ попытаться установить отношеніе между совершенными преступленіями и хорошо извѣстными намъ явленіями жизни. Само собою разумѣется, нельзя многого ожидать отъ анализа отдѣльныхъ случаевъ, примѣннаго хотя бы съ величайшею тщательностью. Правильность нашихъ наблюденій можетъ быть нарушена всякаго рода случайностями. Поэтому законы мы будемъ выводитъ только изъ обширнаго матеріала, который намъ можетъ доставитъ *уголовная статистика* ¹⁾.

Но здѣсь представляется для насъ два крупныя затрудненія. Одно заключается въ собираніи статистическаго матеріала ²⁾, другое—въ пользованіи имъ. Пользоваться абсолютными цифрами, какъ масштабомъ для сравненія, неудобно. Когда мы, напримѣръ, видимъ, что количество *assaults* (преступленіе противъ личности) въ Англій за два трехлѣтія 1861—63 и 1879—1881 относятся между собою, какъ 100 : 102, пре-

¹⁾ Нѣмецкая уголовная статистика появляется ежегодно отдѣльнымъ томомъ, издаваемымъ имперскимъ статистическимъ бюро.

²⁾ Ср. по этому вопросу: *von Oettingen, Moralstatistik*. 3-е изд., стр. 440 и *von Scheele, Zur Einführung in die Kriminalstatistik, insbesondere diejenige des Deutschen Reiches, Allg. statist. Archiv*. т. I, стр. 185.

ступленія противъ собственности какъ 100 : 110, то просто еще не слѣдуетъ, что количество этихъ преступленій увеличилось. Дѣйствительно населеніе за то же время увеличилось болѣе чѣмъ на 30%, и потому выводъ о возрастаніи числа кражъ и тѣлесныхъ поврежденій былъ бы грубой ошибкой. Совершенно неправильно было бы также установленіе точнаго соотвѣтствія между увеличеніемъ числа преступленій и числа жителей. Ростъ населенія выражается прежде всего въ увеличеніи числа его молодыхъ членовъ; послѣдніе же принимаютъ болѣе замѣтное участіе въ пополненіи контингента преступниковъ, нежели взрослые. Съ этой оговоркой—ошибки въ исчисленіи нельзя избѣжать,—методъ, примѣняемый въ уголовной статистикѣ германской имперіи, исчисляющій количество преступленій по числу уголовно совершеннолѣтнихъ лицъ, т. е. всѣхъ жителей Германіи, начиная съ 12 лѣтняго возраста, не вызываетъ почти никакихъ возраженій.

Но и относительными числами нельзя пользоваться безъ всякихъ ограниченій. Прежде всего надобно опредѣлить моментъ судебного процесса, къ которому должны быть приурочены цифровыя данныя. Принимать ли за исходной пунктъ вычисленія моментъ преступленія, обвиненія или осужденія?... Въ *уголовныхъ дѣлахъ* передъ нами только *фактъ*, но мы не видимъ его *виновника*, знакомство съ которымъ для насъ не менѣе важно. Во многихъ преступленіяхъ принимаютъ участіе нѣсколько лицъ. Въ числѣ уголовныхъ дѣлъ въ Германіи за 1898 г., закончившихся обвинительнымъ приговоромъ, оказалось 42.529, или 7,4% такихъ, въ каждомъ изъ которыхъ принимали участіе нѣсколько лицъ. Этого не слѣдуетъ упускать изъ виду, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ никакъ не меньше чѣмъ о 100.000 преступныхъ лицъ.

Если мы остановимся на *обвиняемыхъ*, то среди нихъ опять таки попадаютъ лица совершенно невинныя или такія, виновность которыхъ не могла быть доказана. Число оправданныхъ по суду въ 1898 г. было не менѣе 118.002 душъ, что составляетъ почти $\frac{1}{5}$ часть обвиняемыхъ. Всѣ эти лица для нашихъ выводовъ не имѣютъ значенія, хотя и не лишены извѣстнаго интереса. Оправдательные приговоры въ сильнѣйшей степени подвержены вліянію общаго правового сознанія господствующимъ въ обществѣ взглядамъ. Это становится яснымъ при сравненіи судебныхъ процессовъ различныхъ странъ. Стоитъ только вспомнить объ оправдательныхъ приговорахъ по дѣламъ о прелюбодѣяніи столь частыхъ въ романскихъ странахъ. Но и у насъ, въ Германіи, нѣтъ недостатка въ подобнаго же рода явленіяхъ. Въ дѣлахъ о поджогахъ каждый защитникъ въ интересахъ своихъ кліентовъ пользуется правомъ отвода присяжныхъ-сельскихъ хозяевъ, потому что въ этихъ дѣлахъ они болѣе, нежели горожане, склонны къ обвиненію; и, наоборотъ, въ дѣлахъ о нарушеніяхъ присяги они предпочитаютъ присяжныхъ-крестьянъ. Съ

другой стороны и коронный судья, гораздо болѣе нежели онъ думаетъ, находится въ зависимости отъ господствующихъ воззрѣній и платитъ имъ свою дань; этимъ мы не высказываемъ упрека, да и было бы противорѣчимъ кореннымъ началамъ нашего мышленія, если бы мы допустили, что судья не тотъ же сынъ своего времени и окружающей среды. Съ этой точки зрѣнія оправдательные приговоры приобретаютъ громадный интересъ; они даютъ намъ матеріалъ для нашихъ представленій о міросозерцаніи опредѣленныхъ эпохъ и народовъ.

Противъ пользованія для нашихъ цѣлей цифровыми данными обвиняемыхъ говорить еще и то обстоятельство, что колебанія ихъ зависятъ отъ степени совершенства *полицейской* организаціи; отъ бдительности и ловкости полиціи очень часто зависитъ самая возможность возникновенія судебного преслѣдованія. Кромѣ того приходится считаться съ явленіями «уголовной чувствительности»¹⁾, которыя все чаще и чаще заставляютъ публику обращаться къ помощи уголовного судьи.

Остается, слѣдовательно, пользоваться тѣми цифрами, которыя касаются лицъ *осужденныхъ*. Частые случаи, во время которыхъ виновники остаются нераскрытыми, окажутся, правда, внѣ нашего исчисленія, но за то мы въ состояніи точно установить тѣ факторы, которые участвовали въ возникновеніи преступленія. При такихъ условіяхъ учетъ числа *осужденныхъ* не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Мелкіе промахи, отъ которыхъ не свободенъ этотъ отдѣлъ статистики, едва ли устранимы; выгоды же абсолютной точности, которыя получились бы отъ устраненія этихъ промаховъ, никоимъ образомъ не искупили бы необходимой для этого неразумной траты труда.

Какъ мы уже упоминали въ имперской статистикѣ отсутствуютъ данныя о нарушеніяхъ. Вслѣдствіе этого внѣ поля зрѣнія остаются прежде всего нищенство и нарушеніе постановленій полиціи нравовъ, т. е. вся громадная армія *нищихъ*, *бродягъ* и *проститутокъ*. Слѣдовательно для полученія данныхъ объ этихъ явленіяхъ придется обращаться къ другимъ источникамъ. Съ другой стороны, нѣкоторые преступленія выражены въ цифрахъ, которыя далеко ниже дѣйствительности. Это относится особенно къ случаямъ *вытравленія плода*, о которомъ *Левинъ*²⁾ говоритъ: «Такое явное, сознательное, молчаливо всеми одобряемое поруганіе закона, которое мы наблюдаемъ теперь, не должно быть прикрываемо». Разъ официальная статистика оставляетъ насъ въ полномъ невѣдѣніи относительно этого рода преступленій, то мы должны обратиться

¹⁾ *Seufert, Die Bewegung im Strafrechte während der letzten dreissig Jahre.* 1901, стр. 64.

²⁾ *Lewin und Brenning, Die Fruchtabtreibung durch Gifte und andere Mittel, Berlin 1899. Aug. Hirschwald. стр. 7.*

за помощью въ другое мѣсто: что это вполне возможно, — доказала превосходная книга *Левина*. Для главныхъ же видовъ преступленій, и прежде всего преступленій противъ собственности и личности, статистика остается неисчерпаемымъ источникомъ, которая при каждомъ новомъ изслѣдованіи обнаруживаетъ новые цѣнные результаты.

Дальнѣйшее затрудненіе, на котораго обратилъ вниманіе главнымъ образомъ *Листъ*, состоитъ въ томъ, что уголовная статистика оперируетъ только *спеціально-юридическими опредѣленіями преступленія*, не включающими въ себя *психологическихъ* мотивовъ дѣйствія. Уголовное уложеніе составило свои опредѣленія преступленія въ соответствіи съ *интересами*, которые даннымъ дѣяніемъ нарушены или могутъ быть нарушены, и съ этой точки зрѣнія классифицировало преступленія по группамъ. Уголовная же статистика, которая должна выяснитъ причины преступленія, нуждается въ иномъ способѣ группировки. Приведемъ для поясненія этого нѣсколько примѣровъ. Въ періодъ 1892—1895 гг. число кражъ значительно сократилось: простые кражи (безъ рецидива) уменьшились съ 107904 до 86656, квалифицированныя — съ 12228 до 10235; такимъ образомъ уменьшеніе составило 20 и 17⁰/₀. Въ то же время другое преступленіе, которое вмѣстѣ съ кражами относится къ категоріи «преступленій и проступковъ противъ собственности», а именно — истребленіе имущества, увеличилось на 15⁰/₀. Если мы теперь рассмотримъ, какія изъ преступленій показываютъ такое же приблизительно возростаніе, то мы натолкнемся на обвинительные приговоры за оскорбленіе и нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій.

Различіе между кражею и истребленіемъ имущества, всегда доступное наблюденію, слишкомъ рѣзко бросается въ глаза, и несомнѣнно для этого существуютъ свои основанія, которыя ярко обнаруживаются уже изъ одного сравненія психическаго состоянія виновниковъ того и другого изъ названныхъ преступленій въ моментъ ихъ совершенія. Въ то время какъ кража большей частью совершается тихо и тайно, чаще всего въ ночное время, истребленіе имущества совершается лишь рѣдко столь нозорнымъ образомъ; обыкновенно же — въ состояніи раздраженія и дикой злобы, громко, открыто, часто подъ вліяніемъ алкогольнаго экецесса. Отсюда намъ становится понятнымъ и увеличеніе такихъ преступленій, какъ нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій и оскорбленія, которыя обыкновенно обуславливаются тѣми же причинами. Такимъ образомъ психологически истребленіе имущества должно быть отнесено къ разряду тѣлесныхъ поврежденій, а не кражъ.

Другой примѣръ даютъ преступленія противъ нравственности, которыя одновременно включаютъ въ себя и *сводничество* и *изнасилованіе*. Сводничество есть отвратительнѣйшая форма страсти къ наживѣ, торгъ, совершаемый съ холоднымъ расчетомъ, преимущественно женщинами, ча-

сто лицами, половыя потребности которыхъ давно атрофировались. Изнасилованіе же является моментальнымъ актомъ животнаго и разнузданнаго полового возбужденія; по характеру самого преступленія виновниками его являются только мужчины.

Итакъ, психологически совершенно разнородныя преступленія не должны быть включаемы въ одну общую группу, иначе уголовная психологія серьезно рискуетъ направиться по ложному пути, который заведетъ въ темныя дебри заблужденій. Имперская уголовная статистика различаетъ четыре группы преступленій и проступковъ: 1) противъ государства, общественнаго порядка и религіи; 2) противъ личности; 3) противъ собственности и 4) преступленія и проступки противъ должности. По поводу приведенной классификаціи *Зейффертъ* ¹⁾ справедливо замѣчаетъ, что только послѣдняя группа цѣнна для пониманія преступности.

Нельзя не признать, что статистика оставляетъ желать многого; тѣмъ требованіямъ, которыя къ ней предъявляются, возможно будетъ удовлетворить только путемъ точной разработки основанной на фактахъ уголовной психологіи. Изъ сказаннаго выше становится также яснымъ, въ чемъ заключается то второе основаніе, которое затрудняетъ для насъ пользованіе данными уголовной статистики. Въ цифрахъ ея выражены лишь преступленія, подходящія подъ опредѣленія уголовного уложенія. Поэтому мы не можемъ изъ этихъ цифръ дѣлать слишкомъ широкіе выводы. Старое, незыблемое правило медицинской науки предписываетъ при всякихъ изысканіяхъ остерегаться опасности смѣшенія *post hoc* съ *propter hoc*.

Лишь когда, напр., мы видимъ, что послѣ повторнаго примѣненія какого нибудь врачебнаго средства постоянно наступаютъ одни и тѣ же явленія, мы въ правѣ констатировать фактъ *причинной* связи между первымъ и послѣдними.

Тотъ же принципъ въ примѣненіи къ уголовной статистикѣ требуетъ, чтобы мы заключали о внутренней связи только тогда, когда между внѣшними обстоятельствами, которыя мы склонны принимать за причины извѣстныхъ поступковъ, и этими послѣдними мы наблюдаемъ постоянно одни и тѣ же отношенія. Затѣмъ надлежитъ зрѣло обдумать, дѣйствительно ли этихъ причинъ достаточно для объясненія самого возникновенія этихъ поступковъ. Отъ допущенія *минимыхъ* причинъ, т. е. отъ заблужденій, какъ это бываетъ при случайныхъ совпаденіяхъ двухъ явленій, насъ можетъ уберечь систематическое наблюденіе и тщательная критика, отъ лживыхъ и тенденціозныхъ утвержденій—которыя, увы, встрѣчаются не такъ ужъ рѣдко—насъ защититъ наша научная добросовѣстность.

¹⁾ *Seuffert*, питяров. соч., стр. 23.

Только предусмотрительная осторожность можетъ гарантировать отъ смѣшенія дѣйствительныхъ причинъ съ виѣшними поводами. Если, напр., мы устанавливаемъ фактъ вреднаго вліянія страсти къ развлеченіямъ на преступность, то было бы ошибочно заключать о страсти къ развлеченіямъ, какъ о причинѣ увеличивающей число преступленій, особенно преступленій противъ личности. Эта страсть служитъ лишь *внѣшнимъ* условіемъ, *истинной* же причиной является алкоголь, потребляемый на пирахъ и празднествахъ.

Вслѣдствіе этихъ затрудненій приходится подвигаться медленно и осторожно. Мы не должны забывать, что уголовная статистика даетъ лишь голыя цифры, что она не регистрируетъ *мелкихъ нарушеній*, и потому не даетъ исчерпывающаго обзора міра преступниковъ. И тѣмъ не менѣе попытка обобщить все то, чему насъ учатъ сухія цифры, вдохнуть въ нихъ жизнь заслуживаетъ полнаго вниманія. Пусть средства, которыми мы при этомъ пользуемся будутъ порой и неправильны и совершенно ошибочны, но *пріобрѣтеніе и усвоеніе новыхъ точекъ зрѣнія* вознаградитъ насъ за потраченный трудъ; иному новая точка зрѣнія позволитъ яснѣе разсмотрѣть лежащую предъ нимъ цѣль и легче достигнуть ея.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Соціальные причины преступленія.

Преступленіе и времена года.

Нѣкоторыя преступленія обнаруживаютъ поразительную зависимость отъ времени года. Разница, обнаруживающаяся въ этомъ отношеніи между зимнимъ и лѣтнимъ временемъ, наблюдается во всѣхъ странахъ. Неудивительно поэтому, что это явленіе давно уже обратило на себя особое вниманіе и возбуждало глубокой интересъ. Между тѣмъ мы до сихъ поръ еще ничего не знаемъ о глубочайшихъ причинахъ этихъ колебаній и теряемся въ области догадокъ. Но важность самыхъ фактовъ отъ этого нисколько не умаляется.

Таблица I.

Преступленія противъ нравственности и времена года во Франціи 1827-69.
(По Ферри; процентныя вычисленія сдѣланы мною)

Мѣсяцы	Преступленія противъ нравственности во Франціи съ 1827—69 гг.				Дни зачатія 1863—71 г.	
	Надъ взрослыми		Надъ дѣтьми		Абсолютн. числа	%
	Абсолютн. числа	%	Абсолютн. числа	%		
Январь . . .	584	7,09	1106	5,57	2603	7,84
Февраль . . .	563	6,84	1041	5,24	2661	8,02
Мартъ . . .	643	7,82	1366	6,88	2608	7,85
Апрѣль . . .	608	7,39	1700	8,56	2887	8,69
Май . . .	904	10,98	2175	10,95	3060	9,21
Іюнь . . .	1043	12,67	2585	13,03	3018	9,08
Іюль . . .	860	10,45	2459	12,42	2911	8,76
Августъ . . .	794	9,64	2208	11,13	2742	8,25
Сентябрь . . .	653	7,93	1773	8,93	2810	8,46
Октябрь . . .	532	6,46	1447	7,29	2625	7,91
Ноябрь . . .	514	6,24	983	4,95	2620	7,89
Декабрь . . .	534	6,49	939	5,05	2665	8,02
Время не обозн.	1421	—	16160	—	—	—

Изъ этой таблицы, составленной по Ферри,¹⁾ видно какъ распредѣлились по отдѣльнымъ мѣсяцамъ во Франціи за время 1827—1869 гг.

¹⁾ Ferri, *Das Verbrechen in seiner Abhängigkeit von dem jährlichen Temperaturwechsel*. Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswissensch. т. II, стр. 38.

преступленія противъ нравственности. Преступленія эти учащаются съ марта мѣсяца; быстро повышаясь, доходятъ до кульминаціоннаго пункта въ іюнѣ, чтобы затѣмъ, понижаясь съ такой же быстротой, остановиться на время съ октября по февраль приблизительно на одной и той же низшей точкѣ своей. Различіе между отдѣльными мѣсяцами еще яснѣе выступаетъ по отношенію къ преступленіямъ совершеннымъ надъ дѣтьми; здѣсь число преступленій, выпадающихъ на іюнь превосходитъ число тѣхъ же преступленій за зимніе мѣсяцы на 130%.

Т а б л и ц а П.

Преступность Германіи по годамъ и мѣсяцамъ совершенія наказуемыхъ дѣяній.

(Statistik des Deutschen Reiches N. F. т. 83. II. стр. 52).

Если считать среднимъ числомъ въ году по 100 преступленій на день, то приходится на 1 день мѣсяца:

Названіе преступленій и проступковъ	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Преступленія и проступки противъ имперск. закон. вообще	95	97	90	92	99	103	105	109	105	103	103	98
Насиліе и угроза противъ должностныхъ лицъ	89	94	89	94	97	104	109	117	112	104	99	90
Нарушеніе домашней тишины	94	99	96	100	98	101	105	110	106	102	100	89
Развратъ, соединенный съ насиліемъ и проч.	64	66	78	103	128	144	149	130	108	90	68	69
Оскорбленіе обществ. нравственности посредствомъ безнравственныхъ дѣйствій, распостран. безнрав. сочиненій	62	74	83	101	130	150	141	133	109	84	69	64
Оскорбленіе	83	89	85	93	108	115	120	122	113	99	93	80
Дѣтубійство	89	127	127	121	118	102	95	80	91	86	82	87
Нанесеніе легк. тѣлесн. поврежд.	76	80	79	95	108	116	124	134	121	102	88	74
» тяжкихъ » »	75	78	78	95	108	113	118	133	124	106	93	78
Преступленія противъ собствен.	109	108	96	90	93	93	92	93	93	104	113	117
Простая кража и съ повторнымъ рецидивомъ	113	115	98	85	87	88	88	92	92	106	117	121
Квалифицированная кража и съ повторн. рецидивомъ	102	107	92	89	94	98	98	94	96	106	112	108
Растрата	100	97	94	94	98	100	103	101	98	104	105	111
Подлогъ, и съ повторнымъ рецидивомъ	112	108	95	88	92	92	92	93	90	88	102	121
Истребленіе имущества	88	92	98	108	109	106	104	104	103	101	99	88

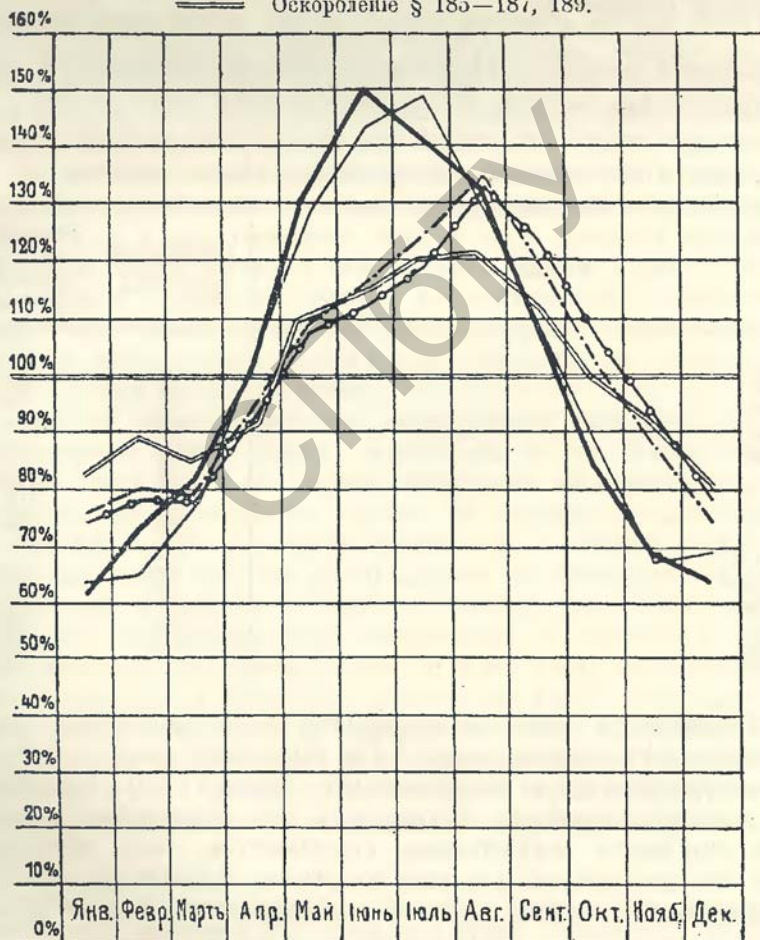
Статистическія карточки для учета осужденныхъ въ Германіи имѣютъ также рубрику: «время совершенія наказуемаго дѣянія». Результаты этого въ теченіе ряда лѣтъ продолжавшагося собранія свѣ-

дѣній были сведены въ уголовной статистикѣ 1894 г.¹⁾ Въ основаніи расчета положено время за 1883—1892 гг.; расчетъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что въ немъ устранены ошибки, обусловливаемыя разницей въ продолжительности отдѣльныхъ мѣсяцевъ.

Преступленія и времена года въ Германіи. 1883—1892 г.

(Статистика Германской Имперіи. N. F. 83. II. стр. 52—53).

- Распутство §§ 176—179.
- Нарушеніе обществ. тишины §§ 183—184
- Нанесеніе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій § 223
- " тяжелыхъ " " § 223a
- Оскорбленіе § 185—187, 189.

¹⁾ Статистика Германской Имперіи. N. F. т. 83.

Возростаніе преступленій противъ нравственности начинается въ Германіи точно такъ же, какъ и во Франціи, въ мартѣ; максимумъ выпадаетъ на іюль, а затѣмъ число ихъ быстро падаетъ; совершенно такую же кривую представляетъ «Возбужденіе публичнаго скандала путемъ безнравственныхъ дѣйствій», съ той лишь разницей, что кульминаціоннаго пункта это преступленіе достигаетъ уже въ іюнѣ. Разница между лѣтними и зимними мѣсяцами громадная: іюль по количеству преступленій противъ нравственности превосходитъ зимніе мѣсяцы болѣе, чѣмъ вдвое; весьма наглядно это отношеніе обнаруживается въ графическомъ изображеніи (чертежь I).

Таблица III.

Распределеніе зачатій по отдѣльнымъ мѣсяцамъ въ Германіи (1872—1883).
(Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 1885. стр. 21).

Если среднимъ числомъ на каждый день въ году считать по 100 случаевъ, то на одинъ день соотвѣтствующаго мѣсяца придется:

Мѣсяцы	Родившихся въ брака	Родившихся включая мертворож- денныхъ
Январь	91	100
Февраль	95	99
Мартъ	103	99
Апрѣль	110	103
Май	116	106
Іюнь	109	104
Іюль	104	100
Августъ	100	97
Сентябрь	95	95
Октябрь	91	95
Ноябрь	88	98
Декабрь	100	105

Спрашивается теперь, каково значеніе этого наблюдаемаго также и въ остальныхъ странахъ явленія? Уже *Виллерме*¹⁾ указалъ на то, что рожденія распределяются по отдѣльнымъ мѣсяцамъ очень неравномѣрно, и что численныя колебанія, въ которыхъ эта неравномѣрность выражается, отличаются замѣчательною правильностью. Само собою разумѣется, что дни рожденія для насъ совершенно безразличны, но тѣмъ болышую важность имѣетъ для насъ психологическое значеніе времени

¹⁾ *Villermé, De la distribution par mois des conceptions et des naissances de l'homme. Annales d'hygiène et de médecine légale. 1831.*

зачатія. Какъ показываетъ таблица I, заимствованная изъ работы Ферри, увеличеніе случаевъ зачатій въ маѣ и іюнѣ очевидно, хотя различія между отдѣльными мѣсяцами въ этомъ отношеніи не особенно велики ¹⁾.

Въ Германіи различіе въ мѣсяцахъ зачатія совершенно независимо отъ заключенія браковъ; постъ и молитва вызываютъ отерочку послѣднихъ до болѣе удобнаго времени, такъ что кривалъ, изображающая движеніе бракосочетаній, представляетъ два глубокихъ уклоненія. Разница въ числѣ рожденій, приходящихся на каждый мѣсяць, на первый взглядъ не особенно велика. Число дней зачатія дважды достигаютъ своего максимум'а—въ декабрь (праздничные дни) и въ маѣ. Послѣдній мѣсяць, между прочимъ, по числу рожденій превысилъ низшій мѣсяць, сентябрь, за десятилѣтній періодъ на 142000 рожденій—доказательство того, какъ значительна бываетъ въ теченіе многолѣтнихъ періодовъ разница между отдѣльными мѣсяцами.

Но особенный интересъ возбуждаетъ отношеніе между брачными и *внѣбрачными* рожденіями. Число внѣбрачныхъ зачатій начинаетъ быстро повышаться съ марта, достигаетъ, какъ и число брачныхъ зачатій, своего высшаго пункта въ маѣ и затѣмъ снова быстро падаетъ. Начиная съ сентября и до февраля, несмотря на незначительное повышеніе въ декабрь, число это остается ниже средняго уровня. Такимъ образомъ, разница въ распредѣленіи по отдѣльнымъ мѣсяцамъ въ случаяхъ внѣбрачнаго зачатія гораздо замѣтнѣе.

Если мы теперь сопоставимъ разсмотрѣнные нами данныя, то предъ нами выступитъ фактъ вліянія времени года на всю область половыхъ сношеній. Менѣе всего, но, въ виду обширности подлежащихъ наблюденію чиселъ, все же достаточно замѣтно оно выражено въ случаяхъ брачныхъ зачатій; полнѣе это явленіе наблюдается въ области внѣбрачныхъ зачатій; еще болѣе ярко оно обнаруживается въ преступленіяхъ противъ нравственности и особенно въ наиболѣе отвратительной формѣ этого рода преступленій—по отношенію къ беззащитнымъ и малолѣтнимъ дѣтямъ. Отсюда долженъ быть сдѣланъ выводъ о *связи между половую возбуждимостью и временемъ года*. Тотъ фактъ, что время года выступаетъ, помимо нашего сознанія, какъ факторъ, вліяющій на половую жизнь также въ сферѣ *нормальныхъ и дозволенныхъ половыхъ сношеній*, и что зависимость отъ времени года тѣмъ рѣзче проявляется, чѣмъ отвратительнѣе способъ удовлетворенія половой потребности—требуетъ разъясненія.

¹⁾ Увеличеніе числа зачатій въ мѣсяцы съ апрѣля по іюнь ярко отмѣчено въ швейцарской статистикѣ 1871—1890 гг. (*Bezola. Statistische Untersuchungen über die Rolle des Alkohols bei der Entstehung des aiginären Schwachsinnnes. Internat. Monatsschrift zur Bekämpfung der Trinksitten. Bd. XI, стр. 180*).

Другія соціальныя явленія также обнаруживают замѣтную правильность въ цифровыхъ колебаніяхъ; таково прежде всего *самоубійство*, кривыя котораго имѣютъ такое же направленіе, какъ и кривая преступленій противъ нравственности. Въ зимніе мѣсяцы, т. е. въ такое время, когда матеріальная нужда можетъ иногда довести до послѣднихъ границъ отчаянія, сравнительно мало лицъ кончаютъ жизнь самоубійствомъ. *Maximum самоубійствъ* приходится на іюнь мѣсяць, въ нѣкоторыхъ странахъ также на май ¹⁾. При томъ эта закономерность—быстрое увеличеніе въ весенніе мѣсяцы и столь же быстрое паденіе въ разгаръ лѣта—наблюдается не только въ Германіи, но во всѣхъ европейскихъ странахъ безъ исключенія.

Таблица IV.

Самоубійство и температура.

(По *Durkheim*'у: *Le suicide*. Стр. 93).

Мѣсяцы (каждый мѣсяць=30 днѣмъ)	Франція. 1866—1870		Италія 1883—88			Пруссія 1876—78, 80—82, 85—89	
	Средняя температура	Сколько самоубійствъ ежемесячно при 1000 самоубійствахъ въ годъ?	Ртуть	Неаполь	Сколько самоубійствъ ежемесячно при 1000 самоубійствахъ въ годъ?	Средняя температура 1848—77	Сколько самоубійствъ ежемесячно при 1000 самоубійствахъ въ годъ?
Январь	2°,4	68	6°,8	8°,4	69	0°,28	61
Февраль	4°,0	80	8°,2	9°,3	80	0°,73	67
Мартъ	6°,4	86	10°,4	10°,7	81	2°,74	78
Апрѣль	10°,1	102	13°,5	14°,0	98	6°,79	99
Май	14°,2	105	18°,0	17°,9	103	10°,47	104
Іюнь	17°,2	107	21°,9	21°,5	105	14°,05	105
Іюль	18°,9	100	24°,9	24°,3	102	15°,22	99
Августъ	18°,5	82	24°,3	24°,2	93	14°,60	90
Сентябрь	15°,7	74	21°,2	21°,5	73	11°,60	83
Октябрь	11°,3	70	16°,3	17°,1	65	7°,79	78
Ноябрь	6°,5	66	10°,9	12°,2	63	2°,93	70
Декабрь	3°,7	61	7°,9	9°,5	61	0°,60	61

¹⁾ von Mayr, *Der Selbstmord*, *Allgem. statistisches Archiv*, 1896, смп. 722; Soquet, *Abhängigkeit der Selbstmorde von der Witterung in Frankreich von 1827—1880*, *Annales médico-psycholog.* 1890, смп. 41.

*Морселли*¹⁾ ищетъ объясненія этого явленія въ температурѣ. Сопоставленіе колебаній температуры съ количествомъ самоубійствъ обнаруживаетъ, правда, замѣчательный параллелизмъ до іюня, но затѣмъ число самоубійствъ быстро понижается, хотя лѣтняя температура продолжаетъ еще повышаться. Августъ съ его высокою температурой остается далеко позади прохладнаго апрѣля. Такимъ образомъ температура сама по себѣ не можетъ объяснить или не вполне объясняетъ это явленіе. Я не рѣшился, подобно *Дюркгейму*²⁾, въ данномъ случаѣ исключить космическія вліянія. Однако вполне возможно, что увеличеніе лѣтней жары, оказывая вначалѣ *возбуждающее* дѣйствіе на человѣка, при дальнѣйшемъ ея возрастаніи дѣйствуетъ на него уже *разслабляющимъ* образомъ.

Еще болѣе интересно другое явленіе, а именно—связь, существующая между числомъ самоубійствъ и продолжительностью дня, т. е. увеличеніемъ часовъ дневнаго свѣта. Дѣйствительно между возрастаніемъ числа самоубійствъ и увеличеніемъ продолжительности дня въ различныхъ мѣсяцахъ наблюдается прямое соотвѣтствіе. Тѣмъ не менѣе истолкованіе этого явленія кажется неосновательнымъ, ибо большая часть самоубійствъ совершается не днемъ, а рано утромъ или ночью. Кромѣ того, большой натяжкой было бы искать психологической мотивъ самоубійства въ *дневномъ свѣтѣ*.

Самоубійство посредствомъ самоотпленія среди различныхъ видовъ смерти не играетъ значительной роли; въ Пруссіи, напр., изъ 6409 самоубійцъ въ 1893 г. покончили съ собою этимъ способомъ только 1145 чел. = 18%. Поэтому относительная рѣдкость самоубійствъ зимою не можетъ быть поставлена въ зависимость, какъ это при случаѣ уже высказано было, отъ простаго механическаго затрудненія пользоваться однимъ изъ способовъ смерти; тѣмъ болѣе, что при допущеніи такой гипотезы осталось бы совершенно непонятнымъ быстрое пониженіе числа самоубійствъ съ середины года и одинаковое распредѣленіе самоубійствъ въ странахъ, въ которыхъ рѣки и пруды никогда не замерзаютъ.

Всякое объясненіе, которое стремится обосновать фактъ усиленія самоубійствъ въ лѣтнее время, при помощи *внѣшнихъ вліяній*, остается неудовлетворительнымъ. Мы должны удовольствоваться голымъ фактомъ. Онъ достаточно важенъ, такъ какъ наглядно обнаруживаетъ передъ нами *периодическія колебанія психическаго равновѣсія*. Даже въ эпохи, когда внѣшняя жизненная обстановка даетъ сравнительно прочныя гарантіи противъ нужды и нищеты, на человѣка дѣйствуютъ столь глубоко захватывающіе и ярко ощущаемые мотивы или до такой степени

¹⁾ *Morselli, Der Selbstmord, стр. 93.*

²⁾ *Durkheim, Le suicide. Paris. Félix Alcan. 1897, стр. 82.*

способны ослабить его силу сопротивленія, что онъ прибѣгаетъ къ самоубійству; за недостаткомъ какой бы то ни было разумной причины этого явленія, объясненія его приходится искать въ томъ фактѣ, что нашъ организмъ порою подвергается глубокимъ измѣненіямъ.

Такіе *періодическіе колебанія* намъ хорошо извѣстны въ сферѣ *половой жизни*. У животныхъ половой инстинктъ даетъ о себѣ знать только въ опредѣленное время, во время *течки*. Но чѣмъ больше животное привыкаетъ къ человѣку, чѣмъ больше они становятся домашними, тѣмъ менѣе рѣзко проявляется это приуроченное къ опредѣленному моменту половое возбужденіе, на свободѣ приводящее къ самой ожесточенной борьбѣ изъ-за обладанія самкой.

У людей половая возбудимость, съ перваго взгляда, какъ будто не обнаруживаетъ никакихъ періодическихъ колебаній. Однако очень недавно *Гавелокъ Эллис*¹⁾ старался доказать, что *менструація* у женщинъ представляетъ собою аналогію течки у животныхъ и что *мужчинъ* также не чужда правильная періодичность половыхъ функцій.

Какъ ни заманчива гипотеза о періодичности колебаній въ половой жизни мужчины, тѣмъ не менѣе она еще нуждается въ болѣе солидномъ подтвержденіи. Болѣе правильнымъ является предположеніе, что менструація есть abortивное проявленіе полового возбужденія, и что она теперь служитъ показателемъ того, насколько сохранилась еще *періодичность* въ сферѣ половыхъ функцій. Это доказано также наблюденіями надъ нѣкоторыми душевнобольными: во время менструаціи, а часто также въ сроки, когда она ожидалась, но не наступала, обострялась степень возбужденія вообще и полового въ частности.

Установленіе *физиологическихъ кривыхъ* у женщины²⁾ позволяетъ допустить дѣйствіе сходныхъ причинъ для объясненія указанныхъ значительныхъ колебаній психического равновѣсія у самоубійць и повышенія половой возбудимости, выражающейся въ формѣ учащенныхъ изнасилованій и преступленій противъ нравственности въ весеннее время года. Поэтому мы должны допустить, что напряженіе и ослабленіе полового инстинкта, охватывающее собою все формы полового удовлетворенія отъ супружескаго соитія до звѣрскаго изнасилованія дѣтей, представляетъ собою явленіе однородное,—хотя и значительно смягченное и видоизмѣненное,—съ *течкой* у животныхъ.

Для объясненія преступленій противъ нравственности это соображеніе получаетъ тѣмъ большее значеніе, что все другія объясненія оказываются неудовлетворительными. Учащающіеся въ дѣтнее время *случаи*

¹⁾ Havelock Ellis, *Geschlechtstrieb und Schamgefühl*. II изд. Вюрцбургъ. 1901.

²⁾ A. Hegar, *Zur Frage der sogenannten Menstruationspsychosen*. *Allg. Zeitschr. f. Psych.* т. 58. стр. 357.

посягательства на взрослых и дѣтей, вліяніе обычнаго для того же сезона *чрезмѣрнаго пльнства*, повышенная *температура воздуха*— всё эти, быть можетъ, одновременно и благопріятно дѣйствующія причины оставляютъ открытымъ вопросъ, почему число преступленій въ августѣ и сентябрѣ такъ быстро падаетъ, хотя виѣшнія обстоятельства также благопріятствуютъ имъ. Такимъ образомъ едва-ли остается какое либо иное объясненіе, кромѣ указаннаго выше.

Психологическая важность самаго факта, разумѣется, нисколько не зависитъ отъ того или иного истолкованія его. Безразлично, правдѣно оно или нѣтъ, но фактъ тотъ, что всё мы въ весеннее время испытываемъ чрезвычайный приливъ половой энергіи, сами этого не сознавая. Такимъ путемъ предъ нами открывается возможность проникнуть въ сущность побудительныхъ мотивовъ, которые не могутъ быть познаны непосредственно изъ анализа единичнаго поступка ни со стороны его общаго смысла, ни со стороны обнаруживающихся въ немъ жестокости и преступныхъ наклонностей вообще.

Дѣтоубійство, умерщвленіе виѣбрачнаго ребенка въ моментъ рожденія или тотчасъ же послѣ него (§ 217 имперскаго уголовного уложенія) чаще всего происходитъ въ февралѣ и мартѣ. Въ то время какъ на каждый изъ этихъ мѣсяцевъ выпадаетъ 127 случаевъ, и только апрѣль и май еще нѣсколько приближаются къ этому числу, числа приходящіяся на остальные мѣсяцы года отъ іюня до января колеблются между 80 и 95. Разрѣшенію отъ беременности въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ соответствуютъ, какъ мѣсяцы зачатія, май, іюнь и іюль. Такимъ образомъ и здѣсь *косвеннымъ образомъ* вліяетъ повышеніе половой возбудимости. При этомъ особенно любопытно то обстоятельство, что стремленіе избавиться отъ нежеланнаго потомства, очевидно, въ гораздо большей степени зависитъ отъ числа родившихся, чѣмъ отъ опасенія за будущую судьбу ребенка.

Требованіе болѣе мягкаго наказанія для дѣтоубійцы исходило изъ предположенія о безнадежно-отчаянномъ состояніи духа, вызываемомъ беспомощностью, стыдомъ, раскаяніемъ и опасеніемъ за будущее. Данныя статистики показываютъ однако, что, по крайней мѣрѣ, непосредственныя заботы о потомствѣ большого значенія не имѣютъ, но періодъ нужды, зимніе мѣсяцы, ко всѣмъ лишеніямъ которыхъ присоединяется еще опасность остаться безъ пристанища, гораздо сильнѣе вліяютъ на дѣтоубійство. При всемъ томъ число дѣтоубійствъ оказывается въ тѣснѣйшемъ соответствіи съ числомъ родившихся, такъ что можно почти съ увѣренностью сказать, что одно и то же число виѣбрачныхъ матерей выдѣлится изъ своей среды, совершенно независимо отъ матеріальнаго положенія, приблизительно одинаковое число такихъ, которыя избавляются отъ своего новорожденнаго ребенка путемъ насилія.

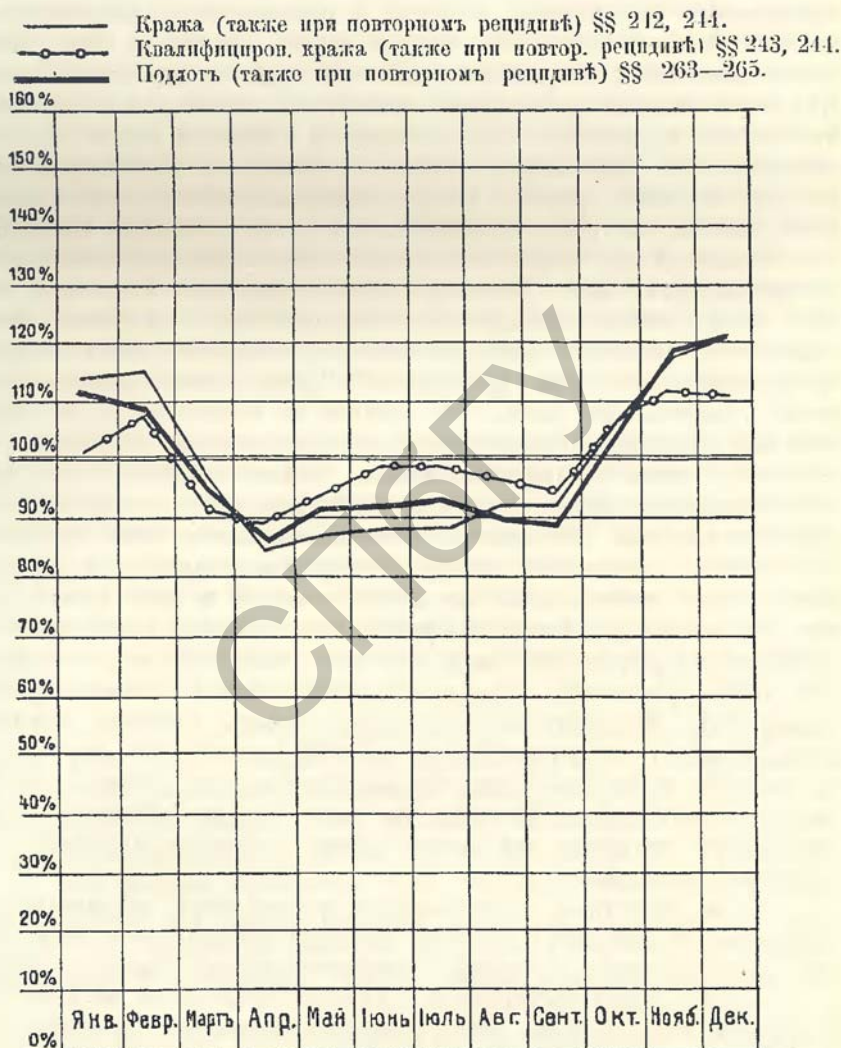
По такой же кривой, какъ преступленія противъ нравственности, распредѣляется и цѣлый рядъ другихъ преступленій, каковы: *нанесеніе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій* (134), *нанесеніе тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій* (133), *принужденіе и угроза* (132), *оскорбленіе* (122), *насиліе и угроза противъ должностныхъ лицъ* (117), *нарушеніе общественной тишины* (110). Какъ видно изъ приведенныхъ въ скобкахъ среднихъ ежемѣсячныхъ цифръ каждая изъ нихъ выше—и порою весьма значительно—100. Высшаго предѣла цифры этихъ преступленій, равномерно увеличиваясь, достигаютъ въ августъ, а затѣмъ наступать быстрое пониженіе, достигающее своего низшаго предѣла въ декабрь или январь. Мѣсяцы ноябрь и апрѣль, безъ исключеній, даютъ цифры всегда ниже среднихъ. Сходство всѣхъ этихъ кривыхъ (см. таблицу I); ограниченное лишь нѣкоторымъ отклоненіемъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ въ области преступленій противъ нравственности, до того поразительно, что мы вынуждены допустить дѣйствіе *одинаковыхъ причинъ*, хотя юридическій характеръ этихъ преступленій, въ виду разнородности нарушаемыхъ каждымъ изъ нихъ благъ, совершенно различенъ. Всѣмъ этимъ преступленіямъ присущъ общій способъ дѣйствія—*грубое насиліе и разнузданность*.

Повышеніе и пониженіе ихъ числа совершается параллельно съ движеніемъ средней температуры. Поэтому было бы рискованно исключить изъ числа причинъ, обуславливающихъ эти преступленія, вліяніе *внѣшней температуры*; однако мнѣ кажется, что высота температуры имѣетъ лишь *косвенное* вліяніе. Оно облегчаетъ лѣтомъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, увеличиваетъ и расширяетъ область соціального тренія. Вслѣдствіе этого увеличиваетъ и *опасность конфликтовъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наряду съ повышеніемъ доходовъ, уменьшаются необходимые расходы, а въ различныхъ поводахъ для денежныхъ тратъ въ лѣтнее время недостатка нѣтъ: освященіе новаго знамени, общаго собранія, памятника, зданія, празднованіе дней рожденія, именинъ, сбора жатвы, освященія церкви,—все это сопровождается праздничными торжествами. Съ этими торжествами неразрывно связано *пьянство*—опасность, осложняемая лѣтней жарой. О значеніи пьянства для перечисленныхъ выше преступленій мы должны будемъ ниже коснуться подробнѣе. Здѣсь же достаточно пока указать на связь между увеличеніемъ преступленій, въ которыхъ преобладаетъ элементъ насилія, съ празднествами лѣтняго сезона.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ *преступленіями* противъ собственности; исключеніе составляетъ только *истребленіе имущества*—преступленіе, по общимъ своимъ признакамъ родственное съ преступленіями противъ тѣлесной неприкосновенности и потому обнаруживающее характеръ, аналогичный съ послѣднимъ, хотя въ распредѣленіи его между лѣтними и зимними мѣсяцами разница менѣе рѣзко выражена.

Чертежъ II.

Преступления и времена года въ Германіи 1883—1892.

Что касается кражъ и подлоговъ, то эти преступления никогда не достигаютъ средней цифры 100 въ періодъ времени отъ марта мѣсяца до сентября, но начиная съ послѣдняго мѣсяца они быстро увеличиваются и держатся на повышенномъ уровнѣ всю зиму (Чертежъ II).

Обясненіе этого явленія представляеть гораздо меньше трудностей, нежели въ случаяхъ преступленій противъ нравственности.

Съ наступленіемъ весны расширяется сфера приложенія труда, и одновременно уменьшаются, а частью и прекращаются совершенно расходы на топливо, освѣщеніе и теплую одежду. Въмѣстѣ съ тѣмъ оказывается возможность сократить количество питательныхъ веществъ, безусловно необходимое въ холодное время года. Зимняя нужда проходить. Кто не хочетъ работать—а среди такихъ и находятся многіе изъ тѣхъ, которые зимой посягають на чужую собственность—перевивается босякъ въ качествѣ *бродяги*, по проселочнымъ дорогамъ и затѣмъ исчезаетъ, если не съ глазъ уголовного судьи, то изъ показаній статистики.

Опасность для неприкосновенности собственности снова возникаетъ съ возвращеніемъ зимы. Извѣстное значеніе при этомъ получаютъ *темныя* ночи, сильно благопріятствующія кражамъ со взломомъ. Но въ этомъ обстоятельствѣ не слѣдуетъ однако усматривать основную причину увеличенія этого рода преступленій. Противъ такого взгляда убѣдительно говоритъ тотъ фактъ, что разница въ количествѣ кражъ, совершаемыхъ въ лѣтнее и зимнее время, значительнѣе для случаевъ кражъ простыхъ, нежели квалифицированныхъ. Въмѣстѣ съ заботою о ежедневномъ насущномъ хлѣбѣ, вмѣстѣ съ лишениями, которыя создаются голодомъ и холодомъ, уменьшается *сопротивленіе* *искушенію* воровать.

Тѣсная зависимость между *матеріальною* *нуждою* и преступностью здѣсь можетъ быть только намѣчена. Я не хочу однако упустить случая указать, какимъ образомъ *статистика* также могла бы содѣйствовать разрѣшенію вопроса о томъ, дѣйствительно ли и въ какой степени увеличеніе числа кражъ зимою связано съ экономическимъ положеніемъ. Если матеріальная нужда служить истинною причиною этого явленія, то по отношенію къ наиболѣе безпомощнымъ жертвамъ ся, *женищинамъ* и *дѣтямъ*, различія по временамъ года должны обнаружиться особенно рѣзко. Слѣдовало бы также, гдѣ это возможно, установить особую статистику для мелкой кражи, съѣстныхъ припасовъ, чего до сихъ поръ не было.

За то нѣкоторыя подвергавшіяся до сихъ поръ статистическому учету преступления могли бы быть опущены. Подкидываніе дѣтей, убійство предумышленное и простое, незаконное лишеніе свободы, грабежъ и др.—очень рѣдкія преступления; дѣйствіе случайностей во время ихъ совершенія легко можетъ дать совершенно превратное представленіе о причинахъ ихъ возникновенія.

Раса и Религія.

На вопросъ о томъ, обнаруживаютъ ли отдѣльные народы какія либо различія въ своихъ преступныхъ склонностяхъ, отвѣчаютъ обык-

новенно утвердительно. Тѣмъ не менѣ свѣдѣнія наши по этому предмету очень недостаточны. И нигдѣ, какъ именно здѣсь, не встрѣчается столь серьезныхъ затрудненій, изъ которыхъ важнѣйшее—*несходство законодательствъ*. Характернымъ въ этомъ смыслѣ примѣромъ, служащимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательствомъ возможности тенденціознаго пользованія статистическими данными, является приведенная *Эттинге-номъ* таблица *Legoyt*¹⁾. По даннымъ этой таблицы приходилось въ 1850—1860 гг. въ Австріи на каждые 81,9, въ Италіи на каждые 81,8 жителей по одному осужденному (какъ за преступленія, такъ ихъ проступки и мелкія нарушенія); тогда какъ въ Пруссіи одинъ осужденный приходится на каждые 22,9, и въ Ганноверѣ даже—на каждые 12,8 жителей. Выходитъ такъ, что Пруссія и Ганноверъ, т. е. *протестанскія германскія* государства, играютъ очень печальную роль сравнительно со странами *католическими*. Но все дѣло въ томъ, что въ цифры, относящіяся къ Пруссіи и Ганноверу, включена масса обвинительныхъ приговоровъ за порубку лѣса, о чемъ *Legoyt* благоразумно умалчиваетъ.

Подобныхъ ошибокъ можно еще избѣгать, но нельзя избѣгнуть ошибокъ, которыя обуславливаются специфическими отличіями отдѣльныхъ законодательствъ. Мужеложство, напримѣръ, въ странахъ германскихъ (за исключеніемъ Голландіи) и славянскихъ есть дѣяніе наказуемое: въ романскихъ же—только при извѣстныхъ специальныхъ условіяхъ²⁾. Вытравленіе плода у однихъ народовъ влечетъ за собою особенно строгое наказаніе, у другихъ наказывается очень легко; у однихъ уже одно покушеніе влечетъ за собою наказаніе, у другихъ же только преступленіе, приведенное въ исполненіе³⁾.

Къ этому затрудненію, сопряженному съ опредѣленіями границъ области преступныхъ дѣяній у отдѣльныхъ народовъ, присоединяются еще различныя особенности въ формахъ *судопроизводства*. *Bodio*⁴⁾ показываетъ, что на каждые 100 человекъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ, приходится осужденныхъ въ Англіи 52, въ Шотландіи 57, въ Германіи же 92. Эта разниця объясняется тѣмъ, что для обвинительнаго приговора за убійство въ Англіи требуется единогласное постановленіе присяжныхъ; въ Германіи же этого не требуется. *Garofalo*⁵⁾ въ сравнительной таблицѣ показываетъ, что въ такихъ преступленіяхъ, какъ на-

¹⁾ von Oettingen, *Die Moralstatistik in ihrer Bedeutung für die Sozialethik*. III. Auflage. Erlangen. 1882. стр. 455.

²⁾ Wachenfeld, *Homosexualität und Strafgesetz*. Leipzig. 1901, стр. 59.

³⁾ Lewin und Breuning, Цитированное сочиненіе, стр. 85.

⁴⁾ Bodio, *Gli omicidii in alcuni stati d'Europa*. Bulletin de l'Institut internationale de statistique, IV, стр. 205.

⁵⁾ Garofalo, *La criminologie*. Paris, Félix Alcan. 1895. стр. 440.

несеніє тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій Австрія даєть бѣльшее число случаевъ нежели Італія; въ области же кражъ Германія превзошла отечество автора (Італія) на 250%. Допуская справедливость этихъ данныхъ, нужно однако задаться вопросомъ, не объясняется ли это явленіе скорѣе лучшимъ устройствомъ полицейскихъ органовъ и судовъ, и бѣльшею солидностью статистическихъ изслѣдованій, чѣмъ бѣльшею грубостью нравовъ въ Австріи и бѣлье низкимъ уровнемъ честности въ Германіи.

Ломброзо¹⁾ говоритъ: «Въ нашемъ цивилизованномъ мѣрѣ легче и съ бѣльшею точностью (нежели у дикихъ племенъ) можно констатировать этнологическія вліянія на уголовную преступность». Это совершенно неправильно. Не говоря уже о томъ, что едва-ли мы въ настоящее время можемъ найти чистыя расы, но и экономическія отношенія въ отдѣльныхъ странахъ настолько различны, что установленіе равсовыхъ особенностей въ области преступности едва-ли возможно.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что племенные особенности лишены всякаго психологическаго значенія; не нужно слишкомъ серьезнаго изслѣдованія, чтобы признать различія между легко возбуждающимися итальянцами и сдержанными нидерландцами, между спокойными и неуключими обитателями нижней Германіи и жизнерадостными, подвижными жителями Пфальца. Даже статистика, хотя и не въ области преступности, отмѣчаетъ такія различія. Съ этой точки зрѣнія всякое уклоненіе отъ этническаго типа не лишено значенія.

Совершенно особыя различія мы наблюдаемъ при обзорѣ данныхъ о внѣбрачныхъ рожденіяхъ въ Европѣ.

Таблица V.

Внѣбрачныя рожденія въ Европѣ.

(По Бодіо: Movimento della popolazione. Bulletin de l'Institut international de statistique. Rom. 1897. X. стр. 118).

Государства.	Годъ.	% Родившихся.
Австрія	1894	14,73
Швеція	1894	10,62
Данія	1894	9,50
Венгрія	1894	9,35
Германія	1894	9,26
Бельгія	1894	8,99
Франція	1894	8,94
Шотландія	1894	7,29

¹⁾ Lombroso, Die Ursachen und Bekämpfung des Verbrechens. Berlin.

Государства.	Годъ.	% родившихся.
Норвегія	1894	7,17
Италія	1894	6,77
Финляндія	1894	6,39
Румынія	1892	6,06
Швейцарія	1894	4,70
Англія	1894	4,31
Голландія	1894	3,12
Ирландія	1894	2,73
Россія (исключая Польшу)	1893	2,66
Сербія	1894	1,07

Государства, статистика которых едва ли может считаться вполне надежной, каковы Сербія съ 1% и Россія съ 2,7% незаконнорожденных, должны быть исключены изъ обзора. Среди остальных на первомъ мѣстѣ по числу вѣбрачныхъ рожденій оказывается Австрія съ 14,7%, за нею слѣдуетъ Германія съ 9,3%, тогда какъ Швейцарія даетъ только 4,7%, Англія 4,3%, а Голландія 3,1% вѣбрачныхъ рожденій. Сравнительно высокій процентъ, наблюдаемый въ Швеціи (10,6), стоитъ въ связи съ мѣстнымъ законодательствомъ, которое дѣтямъ обрученныхъ представляетъ такія же права, какъ и дѣтямъ вступившихъ въ бракъ.

Еще замѣтныя отклоненія, обнаруживаемыя отдѣльными провинціями внутри одной и той же страны. Въ Бельгіи число рожденныхъ вѣбрака колеблется между 2,6 въ Лимбургѣ и 14,6% въ Брабантѣ. Въ Германіи число вѣбрачныхъ рожденій въ теченіе многихъ лѣтъ оставалось почти неизмѣннымъ (1881—1890 9,3; 1891—1900 9,1%). Для Берлина въ 1900 г. дана была высшая цифра 14,9%. При этомъ клиники, въ качествѣ мѣстъ для разрѣшенія отъ бремени, какъ и во всѣхъ другихъ большихъ и университетскихъ городахъ, получаютъ особое значеніе. Баварія по правую сторону Рейна съ своими 14,3% не особенно сильно отстаетъ отъ столицы имперіи. Впрочемъ, въ Баваріи мѣстное законодательство нѣсколько затрудняетъ заключеніе браковъ; однако это обстоятельство не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ Пфальцъ даетъ только 6,2% вѣбрачныхъ рожденій. Minimum вѣбрачныхъ рожденій даетъ Вестфалія—2,7%.

Особенно поразительны различія, наблюдаемыя въ Австріи. По Szalardi ¹⁾, Истрія изъ каждыхъ 100 дѣтей даетъ 2,06 незаконнорожден-

¹⁾ Szalardi, *Der gegenwärtige Stand des Findelwesens in Europa*, 1896.

Таблица VI.

Самоубійства въ европейскихъ странахъ.

(По Майру: Der Selbstmord. Allg. statist. Archiv. 1896, стр. 722).
На 1.000.000 жителей приходится самоубійствъ:

Государства.	1881—1890.
Монако	301
Данія	255
Швейцарія	227
Германія	209
Франція	207
Австрія	161
Бельгія	114
Швеція	107
Венгрія безъ Кроаціи и Славоніи	96
Англія и Уэльсъ	77
Норвегія	68
Шотландія	55
Нидерланды	55
Кроація-Славонія	55
Лихтенштейнъ	53
Италія	49
Румынія	41
Финляндія	39
Сербія	38
Россія	32
Люксембургъ	28
Испанія	24
Ирландія	23
Боснія и Герцеговина	6

ныхъ, а Каринтія—44,16! Кромѣ того, тогда какъ въ областяхъ, отличающихся и безъ того незначительной вѣббрачной рождаемостью, послѣдняя обнаруживаетъ тенденцію къ дальнѣйшему уменьшенію, въ Коринтіи, Штиріи, Нижней. и Верхней Австріи—наоборотъ—высокій процентъ рождаемыхъ вѣбра безпрерывно повышается.

Подобныя же различія между отдѣльными народами и странами показываетъ и *статистика самоубійствъ* (Таблица VI).

Во главѣ странъ особенно сильно поражаемыхъ бѣдствіемъ самоубійствъ стоитъ, согласно *Майру* ¹⁾, Монако (301 на 1 миллионъ жителей), по причинамъ легко понятнымъ; за нимъ, не очень далеко отставая, слѣдуетъ Данія съ 255 случаями, въ то время какъ Италія

¹⁾ G. von Mayr, Der Selbstmord Allg. statist. Archiv. 1897, стр. 720.

дасть только 49, Россія 32, Испанія 24 и Боснія съ Герцеговиной всего на всего 6 случаевъ самоубійства. По изслѣдованіямъ *Морселли* ¹⁾, преимущественною склонностью къ самоубійству отличается *германская* раса и особенно обитатели Нижней Германіи, тогда какъ славяне и западные романскіе народы (испанцы, жители средней и нижней Италіи) очень мало склонны къ самоубійствамъ. Характерны также въ этомъ отношеніи различія между отдѣльными странами. Въ годъ 1881—1890 въ Альтенбургѣ (въ Саксоніи) покончили самоубійствомъ 461 чел. на миллионъ жителей, въ Саксонскомъ королевствѣ 353, тогда какъ среднее число самоубійствъ для всей Германіи составляло только 209; низшую цифру 116 и 113 дали Вальдекъ и Эльзась-Лотарингія.

Я далекъ отъ мысли объяснить эти своеобразныя различія въ области виѣбрачной рождаемости и самоубійства исключительно расовыми особенностями. Здѣсь играютъ роль факторы *религіозные* и *экономическіе* такъ же, какъ и особенности *законодательства*, какъ, напримѣръ, въ Швеціи. Но нельзя, не насылая фактовъ, отвергать вліяніе племенныхъ отличій. Тутъ не мѣсто подробно доказывать это; нужно только помнить, что *этнографическія* отличія имѣютъ психологическое значеніе.

Велѣдствіе упомянутыхъ уже *техническихъ затрудненій* я долженъ отказаться отъ заманчивой задачи провести параллель въ области преступности отдѣльныхъ странъ. Прежде всего, необходимый для этого статистическій матеріалъ слишкомъ недостаточенъ и едва-ли можно было бы обойтись безъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Однако слѣдуетъ сдѣлать попытку сопоставить въ этомъ отношеніи отдѣльныя *части какой нибудь страны*, хотя и здѣсь прійдется поставить извѣстныя границы. Для распознаванія племенныхъ особенностей мы должны были бы, при разсмотрѣніи каждаго отдѣльнаго случая преступности, знакомиться съ мѣстомъ рожденія преступника, такъ какъ это можетъ обнаружить принадлежность и къ другому еще племени по мѣсту рожденія. Статистики принимаютъ во вниманіе вообще только мѣсто преступленія и поступаютъ, по моему, совершенно правильно. Прежде всего потому, что, какъ показала уголовная статистика Германской Имперіи²⁾, мѣсто совершения преступленія и мѣсто рожденія преступника совпадаютъ лишь въ незначительной долѣ уголовныхъ дѣлъ, а затѣмъ также и потому, что соціальныя причины важнѣе индивидуальныя.

Не слѣдуетъ однако умалять значеніе спеціальнаго изслѣдованія вопроса о мѣстѣ совершения преступленія и мѣстѣ рожденія преступника; къ подобной операциі въ нѣкоторыхъ случаяхъ прійдется прибѣгать для объясненія непонятныхъ на первый взглядъ явленій. Въ такого рода

¹⁾ *Morselli*, цит. соч.

²⁾ *N. F.* т. 126, стр. 26.

попыткахъ не было недостатка. Такъ, напр., Жоли¹⁾ не нашелъ никакихъ измѣненій въ числовомъ рядѣ 20 лучшихъ и 20 худшихъ съ уголовной точки зрѣнія департаментовъ Франціи, бралъ ли онъ за основаніе этого ряда мѣсто преступленія или мѣсто рожденія преступника. Но *Корсика* въ отношеніи преступности внутри страны имѣла въ этомъ рядѣ высшій номеръ—86, тогда какъ внѣ острова корсиканцы—преступники занимаютъ только 65-е мѣсто. Отсюда Жоли сдѣлалъ выводъ, что причиною большей преступности корсиканцевъ у себя дома служитъ *соціальная среда* Корсики, а не расовая особенность ея населенія.

Съ этимъ я не могу согласиться. Въ то время какъ случаи нарушенія частной собственности очень рѣдки и падаютъ большей частью на иностранцевъ, *убійство*, и главнымъ образомъ по мотивамъ *мести*, является однимъ изъ главныхъ видовъ преступленій на Корсикѣ. На каждое убійство, совершенное во Франціи, приходится одиннадцать на Корсикѣ. Не смотря на всѣ усилія французскаго правительства, *кровавая мечь* на Корсикѣ до сихъ поръ еще не исчезла, и въ эпоху, къ которой относятся статистическія вычисленія *Жоли*, находилась еще въ полномъ разцвѣтѣ. Для корсиканца, живущаго за предѣлами своей родины, вдали отъ мѣстныхъ, семейныхъ раздоровъ, исчезаетъ главнѣйшій поводъ къ убійству. Внутри же страны *vendetta* имѣетъ еще силу *народнаго обычая*. Народные же обычаи, особенно отличающіеся такимъ своеобразнымъ характеромъ и такою непобѣдимую живучестью, глубоко коренятся въ *расовыхъ особенностяхъ* народа.

Въ пользу этого свидѣтельствуетъ также фактъ различной степени распространенія кровавой мести на Корсикѣ. Необходимость защиты отъ нападеній вынудила жителей областей, являющихся центромъ вендетты, прибѣгнуть даже къ особому типу постройки своихъ жилищъ. Какъ я лично имѣлъ случай убѣдиться, дома въ Sartena и особенно въ Bonifacio напоминаютъ собою бастионы. Между тѣмъ восточное побережье острова, жители котораго постоянно смѣшиваются съ итальянскими иммигрантами, а также Кальви, на западномъ берегу, заселенный греками, чужды этому обычаю.

Значительный интересъ представляетъ работа *Ничеферо*²⁾ о преступности въ *Сардиніи*. Эта работа можетъ служить образцомъ для дальнѣйшихъ подобныхъ же изслѣдованій, потому что авторъ имѣлъ дѣло съ замкнутою областью, населеніе которой лишь очень незначительно увеличивается отъ притока виѣшнихъ элементовъ, а также потому, что онъ на мѣстѣ изучилъ *составъ населенія*, его *жизнь* и *правы*. Сардинія обладаетъ населеніемъ съ рѣзко выраженною склонностью къ

¹⁾ Joly, *La France criminelle*, Paris. 1889.

²⁾ Nicefero, *La delinquenza in Sardegna*. Palermo. 1897.

преступленію. Такъ, напр., по количеству случаевъ убійствъ простыхъ и предумышленныхъ — Сардинія превосходитъ Ломбардію, лучшую провинцію Италіи, въ 14 разъ. Еще важнѣе характерныя различія, наблюдаемыя между отдѣльными небольшими округами острова. Въ двухъ смежныхъ частяхъ области случаи грабежа и вымогательства представляются въ совершенно различныхъ цифрахъ: въ Нуоро на 100,000 жителей этихъ преступленій насчитывается 67,45, въ Сассари 11,92, тогда какъ въ Венеціи число это падаетъ до 3,13. *Ничефоро* усматриваетъ на островѣ даже особую зону *delinquente*. Населеніе этой области преступниковъ происходитъ отъ средиземно-морской расы *Sergis*, разселенной по Малой Азій, Сѣверной Африкѣ, Испаніи и южной Италіи, тогда какъ въ остальной части Сардиніи преобладаютъ кельтская раса. Допустивъ справедливость этихъ утвержденій — и я долженъ признать вполне солидный характеръ этого изслѣдованія, — мы получимъ ясное доказательство, свидѣтельствующее о *важномъ значеніи вопроса о расовомъ происхожденіи*.

*Бурле*¹⁾ извлекъ нѣкоторыя интересныя цифры изъ австрійской уголовной статистики.

Въ десяти уѣздахъ судебного округа Вруксъ съ 94% и трехъ съ 82—91% нѣмецкаго населенія приходилось на 100.000 жителей 475 мелкихъ кражъ, въ одномъ судебномъ округѣ Лаунъ съ 97% чеховъ — 1030. Въ округѣ Будвейзъ имѣются шесть уѣздовъ съ 87—99% нѣмецкаго населенія, въ остальныхъ не болѣе 52%, въ нѣкоторыхъ даже менѣе 10%; и въ нѣмецкихъ уѣздахъ приходилось 524 мелкихъ кражъ противъ 951 въ остальныхъ. То же самое видно изъ таблицы VII.

Таблица VII.

На 10.000 уголовно совершенональшихъ въ 1879—83 г. приходилось	Преступленія вообще	Кражи	Нанесеніе тяжкихъ телесныхъ повреждений	Другія преступленія	1882 г. Мелкія кражи	1882 г. Нанесеніе тяжк. телесныхъ повреждений
а. Въ судебныхъ округахъ съ преобладающимъ нѣмецкимъ населеніемъ	204	114	19	71	518	219
б. Въ другихъ областяхъ	224	129	34	61	669	568

¹⁾ *Beurle, Einige Ergebnisse der österreichischen Kriminalstatistik. Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswissenschaft., т. VIII, стр. 325.*

Какъ ни выгодно отличается поведеніе *нѣмецкаго населенія* отъ чешскаго, было бы однако ошибочно дѣлать изъ него слишкомъ широкіе выводы. То же явленіе отмѣчается и данными, добытыми *Курелла* ¹⁾; по этимъ даннымъ мы можемъ заключить, что *прибалтійскія* губерніи выгодно отличаются отъ *русскихъ*. Приведенныя цифры захватываютъ слишкомъ короткій промежутокъ времени; а затѣмъ необходимо обратить вниманіе и на *вліяніе* такихъ факторовъ, какъ *народное образованіе* и *экономическое состояніе*, которые, быть можетъ, скорѣе прольютъ свѣтъ на вопросъ, нежели расовыя отличія.

Наши личные интересы влекутъ насъ, само собою разумѣется, къ *Германіи*. Солидность статистическихъ данныхъ, съ одной стороны; точное знаніе образа жизни, экономического и соціального положенія— съ другой, даютъ намъ право избрать предметомъ анализа отечественную дѣйствительность, чтобы изслѣдовать, имѣютъ-ли *расовыя особенности* то значеніе, которое имъ придаютъ. Къ сожалѣнію, статистическое вѣдомство лишь для немногихъ преступленій опредѣляетъ мѣсто ихъ совершенія и затѣмъ дѣлаетъ учетъ населенія въ соответствующихъ областяхъ. Благодаря этому въ нашемъ распоряженіи оказывается очень цѣнный, хотя и ограниченный *сравнительный матеріалъ*, который приобрѣтаетъ тѣмъ большую важность, что охватываетъ періодъ полныхъ 15 лѣтъ. Этотъ періодъ времени гарантируетъ насъ отъ опасности вѣдательства случайныхъ и преходящихъ вліяній на преступность. Такъ, напр., нельзя не признать случайнымъ повышеніе преступности въ такой мирной области, гдѣ сооружался сѣверо-восточный каналъ, и гдѣ влѣдствіе этого на очень незначительномъ пространствѣ скопилось громадное число рабочихъ. Возможность вытекающихъ отсюда ошибокъ можетъ быть устранена только при обзорѣ длинныхъ періодовъ времени.

Результаты упомянутыхъ изслѣдованій изложены въ 126-мъ томѣ Статистики Германской Имперіи въ большихъ таблицахъ и пяти картахъ. Изъ таблицъ я извлекъ только цифры, касающіяся провинцій и административныхъ округовъ, территорій, изъ которыхъ исключены мелкіе судебные округа, и сопоставилъ ихъ въ таблицѣ VIII. Правда, при этомъ, исчезаютъ нѣкоторыя очень важныя подробности, но для насъ интересно только подчеркнуть крупныя, типичныя черты.

¹⁾ Kurcella, *Naturgeschichte des Verbrechens*. 1893. Стр. 157.

Таблица VIII.

Мѣсто совершенія преступленій въ Германіи въ годы 1883—1897.

На каждыя 10.000 лицъ населенія, достигшихъ уголовнаго совершеннолѣтія, въ Германіи приходилось въ 1883—1897 годы:

Мѣсто преступленія	Преступленіе противъ имперскихъ законовъ вообще	Насилія и угрозы противъ личности, лицъ и т. д.	Тяжкія телесныя поврежденія	Простал и квалифцированная кража	Подлогъ
I. Пруссія.	110,3	4,2	17,5	28,1	4,1
Администр. округъ Кенигсбергъ 1	155,3	5,1	22,9	44,3	3,7
» » Гумбиненъ . 2	180,7	3,6	22,6	56,4	4,3
Провинція Восточ. Пруссія	165,5	4,5	22,8	49,2	3,9
Администр. округъ Данцигъ . . . 3	156,1	7,7	27,3	47,7	3,8
» » Мариенвердеръ 4	155,0	4,5	29,5	51,6	3,1
Провинція Западн. Пруссія	155,5	5,9	28,6	49,9	3,4
Городъ Берлинъ 5	134,6	4,9	10,4	34,1	7,2
Администр. округъ Потсдамъ. . 6	113,0	5,2	16,9	27,5	4,1
» » Франкфуртъ 7	95,4	3,4	13,2	26,1	3,6
Провинція Бранденбургъ съ Берлиномъ.	117,0	4,6	13,3	29,8	5,2
Администр. округъ Шеттинъ. . 8	117,6	4,9	20,0	25,8	3,3
» » Кэслинъ . . 9	95,2	2,6	20,4	23,9	2,2
» » Штральзундъ 10	81,6	2,3	12,1	21,0	2,8
Провинція Померанія.	104,5	3,7	19,0	24,5	2,8
Администр. округъ Познань. . 11	144,9	3,8	25,9	46,6	3,4
» » Бромбергъ . 12	186,6	4,7	34,4	62,4	3,8
Провинція Познань	159,7	4,3	29,9	52,2	3,5
Администр. округъ Бреславль . 13	131,3	6,1	16,6	34,0	5,6
» » Лигницъ . . 14	85,2	2,8	8,3	26,0	4,6
» » Оппельнъ . 15	183,1	7,5	33,3	44,3	4,7
Провинція Силезія	138,2	5,7	20,5	35,7	5,0
Администр. округъ Магдебургъ 16	108,9	4,2	16,8	24,9	4,6
» » Мерзебургъ 17	102,5	3,1	13,5	27,4	4,9
» » Эрфуртъ . 18	92,9	3,3	11,3	21,9	5,1
Провинція Саксонія	103,6	3,6	14,5	25,5	4,8
Провинція Шлезвигъ-Гольштейнъ .					
Шлезвигъ 19	75,0	5,5	8,5	19,4	3,8

Мѣсто преступленія	Преступленія противъ имперскихъ законовъ вообще	Насилия и угрозы противъ должности и т. д.	Тяжкія телесныя поврежденія	Простая и квалифированная кража	Подлогъ
Администр. округъ Ганноверъ . 20	103,9	3,4	14,5	22,9	6,3
» » Гильдегеймъ 21	86,4	2,3	12,9	22,1	5,0
» » Люнебургъ . 22	80,4	2,2	11,7	19,0	4,4
» » Штаде . 23	83,0	2,1	14,7	16,7	4,7
» » Оснабрюкъ. 24	54,8	1,6	11,3	10,7	2,5
» » Аурихъ . . 25	69,1	1,7	9,5	16,1	3,8
Провинція Ганноверъ	83,1	2,3	12,8	18,9	4,7
Администр. округъ Мюнстеръ . 26	62,5	3,1	13,7	11,5	2,4
» » Минденъ . 27	50,3	1,7	10,1	10,2	2,3
» » Арнсбергъ . 28	92,3	3,1	22,2	17,2	3,2
Провинція Вестфалія	76,0	2,8	17,5	14,3	2,8
Администр. округъ Кассель . . 29	80,1	2,8	13,3	19,1	3,9
» » Висбаденъ . 30	94,5	5,2	13,4	20,0	5,2
Провинція Гессенъ-Нассау	88,1	4,1	13,3	19,6	4,6
Администр. округъ Кобленць . 31	65,1	2,9	13,8	12,8	2,9
» » Дюссельдорфъ 32	85,4	3,7	17,6	17,5	3,3
» » Кельнъ . . 33	86,2	5,1	17,2	17,2	3,7
» » Триръ . . 34	72,8	2,7	19,0	13,7	2,5
» » Аахенъ . . 35	69,8	3,4	14,0	13,2	2,6
Провинція Рейнская	79,0	3,6	16,8	15,7	3,1
Администр. округъ Зигмарингенъ 36 (Гогенцоллеръ)	60,5	2,3	10,6	11,9	4,6
II. Баварія	131,3	3,2	32,6	28,0	8,1
Админ. окр. Верхняя Баварія . 37	145,8	3,6	34,2	33,2	11,3
» » Нижняя Баварія . 38	140,7	3,2	40,0	31,2	7,2
» » Пфальць . . 39	162,4	3,7	48,1	24,0	7,1
» » Верхній Пфальць . 40	121,7	2,6	30,6	28,6	6,5
» » Верхняя Франконія 41	114,7	3,0	28,4	25,4	5,0
» » Средняя Франконія 42	128,4	3,5	29,6	29,9	8,7
» » Нижняя Франконія 43	110,2	3,1	25,0	22,5	6,3
» » Швабія 44	109,3	2,2	22,1	25,4	9,7
III. Саксонія	89,8	5,7	7,7	27,8	6,1
Администр. округъ Дрезденъ . 45	92,0	6,0	6,0	29,5	7,0
» » Лейпцигъ . 46	95,3	5,9	7,1	32,6	6,3
» » Цвикау . . 47	91,8	6,1	9,9	25,0	5,5
» » Бауценъ . 48	65,1	3,0	6,4	22,2	5,0

Мѣсто преступленія	Преступленія противъ имперскихъ законовъ вообще	Насилія и угрозы противъ личности лицъ и т. д.	Тяжкія телесныя поврежденія	Простая и квали-фицированная кража	Подлогъ
IV. Вюртембергъ	90,7	4,0	15,5	20,5	6,7
Округъ Неккаръ 49	96,0	4,8	16,0	22,7	6,2
» Шварцвальдъ 50	89,5	4,0	20,3	16,1	5,5
» Ягстъ 51	77,1	2,6	11,4	20,5	6,2
» Дунайскій 52	95,8	4,1	13,3	21,9	9,0
V. Баденъ	91,8	2,8	19,4	22,5	7,1
Округъ Констанцъ 53	74,3	1,7	9,3	22,1	7,6
» Филлингенъ 54	80,3	1,6	16,2	20,6	7,4
» Вальдсгутъ 55	68,2	1,4	12,9	19,1	5,1
» Фрейбургъ 56	86,9	2,7	14,7	22,2	8,0
» Лэррахъ 57	75,5	2,1	14,1	19,5	6,3
» Оффенбургъ 58	72,5	2,0	15,3	16,0	5,1
» Баденъ 59	66,2	2,3	14,4	17,9	4,9
» Карлсруэ 60	107,2	3,9	25,3	26,7	7,6
» Маннгеймъ 61	154,1	4,5	35,7	36,4	11,3
» Гейдельбергъ 62	123,1	4,6	30,7	29,9	8,5
» Мосбахъ 63	58,8	1,6	12,4	14,0	4,1
VI. Гессенъ	84,7	2,3	20,1	16,0	4,7
Провинція Штаркенбургъ . . . 64	79,5	2,6	20,4	13,9	4,0
» Верхній Гессенъ 65	75,4	1,6	15,2	14,0	4,3
» Рейнскій Гессенъ 66	99,8	2,6	24,1	20,4	6,0
VII. Мекленбургъ-Шверинъ . . . 67	78,1	2,5	13,2	21,7	4,1
VIII. Саксенъ-Веймаръ 68	83,2	3,1	7,0	28,1	6,9
IX. Мекленбургъ-Стрелицъ . . . 69	83,8	2,7	11,6	26,7	3,0
X. Ольденбургъ	76,2	1,5	12,5	18,4	5,1
Герцогство Ольденбургъ . . . 70	71,0	1,0	12,0	16,9	5,2
Княжество Любекъ 71	120,1	3,3	15,1	32,3	6,9
Княжество Биркенфельдъ . . . 72	73,8	3,2	13,8	16,2	2,8
XI. Брауншвейгъ 73	100,4	2,1	12,6	27,7	5,1
XII. Саксенъ-Мейнингенъ . . . 74	115,3	3,8	18,1	24,9	5,1
XIII. Саксенъ-Альтенбургъ . . . 75	81,8	1,6	8,2	32,3	6,5

Мѣсто преступленія	Преступленія про- тивъ имперскихъ законовъ вообще.	Насилія и угрозы противъ дождности, лицъ и т. д.	Тяжкія тѣлесныя поврежденія	Простая и квали- фицированная кража	Подлогъ
XIV. Саксенъ-Кобургъ-Гота . . . 76	37,7	2,8	13,7	23,6	5,4
XV. Ангальтъ 77	108,5	3,8	15,5	28,9	4,6
XVI. Шварцбургъ-Зондергаузенъ 78	121,2	3,2	10,4	45,4	5,7
XVII. Шварцбургъ-Рудольштадтъ 79	147,9	5,4	20,7	46,0	8,7
XVIII. Вальдекъ 80	44,1	1,0	4,4	11,8	2,6
XIX. Рейсъ старшей линіи . . . 81	93,5	4,6	12,2	30,8	6,9
XX. Рейсъ младшей линіи . . . 82	101,7	3,3	9,2	37,9	9,2
XXI. Шаумбургъ-Липпе 83	40,2	1,4	5,7	9,3	2,9
XXII. Липпе 84	57,1	1,4	6,2	17,4	3,9
XXIII. Бременъ 85	167,8	6,5	21,4	41,6	12,3
XXIV. Любекъ 86	92,1	5,4	9,0	27,0	5,9
XXV. Гамбургъ 87	142,5	9,3	10,6	37,8	8,6
XXVI. Эльзасъ-Лотарингія	78,4	2,3	20,2	14,8	3,0
Округъ Нижній Эльзасъ . . . 88	78,8	2,2	22,8	14,5	2,8
» Верхній Эльзасъ 89	86,2	2,9	21,6	17,2	3,2
» Лотарингія 90	77,2	2,0	15,8	12,9	3,2
Нѣмецкая имперія	107,5	4,0	18,3	26,9	5,1

Если мы бросимъ взглядъ на карты, которыя я здѣсь не привожу, то увидимъ, что наибольшее число обвинительныхъ приговоровъ приходится на всю *восточную часть* Германіи, на *верхнюю и нижнюю Баварію и Пфальцъ*. Въ то время какъ во всей Германіи на каждые 10.000, достигшихъ уголовнаго совершеннолѣтія, приходится 107,5 подвергнувшихся наказанію, въ округахъ Бромбергъ 186,1, Оппельнъ 183,1, Гумбиненъ 180,7, Бременъ 167,8, Пфальцъ 162,4, Данцигъ 156,1, Кенигсбергъ 155,3, Мангеймъ 154,1, Верхняя Баварія 145,8, Познань 144,9 и Нижняя Баварія 140,7. Съ другой стороны въ *Вальдекъ* приходится лишь 44,1, въ *Шаумбургъ-Липпе* 40,2 осужденныхъ. Вальдекъ даетъ поводъ для любопытнаго сравненія съ другой равной по числен-

ности населенія административной единицей. По народной переписи 1890 г. въ Вальдекѣ насчитывалось 38.986 жителей, въ округѣ Пирмазенсъ почти столько-же—38.327, и въ то же время, какъ въ Вальдекѣ въ среднемъ ежегодно приговаривалось судомъ къ наказанію 172 чел., въ Пирмазенсъ—885!

Еще глубже проникаемъ мы въ причины такихъ мѣстныхъ отличій, когда отъ изслѣдованія *преступности вообще* мы обратимся къ разсмотрѣнію *отдѣльныхъ видовъ преступленій*. Изъ этихъ послѣднихъ статистика избрала и разработала слѣдующія четыре: насиліе и угроза противъ должностныхъ лицъ, нанесеніе тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій, воровство и мошенничество. Два вида этихъ преступленій—*воровство* и *нанесеніе тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій* имѣютъ рѣшающее значеніе въ характеристикахъ общей фізіономіи преступности всякой страны по той простой причинѣ, что своею численностью они превосходятъ всѣ другіе виды преступленій; только по однимъ этимъ двумъ преступленіямъ судъ выноситъ почти половину своихъ обвинительныхъ приговоровъ.

Какъ видно изъ данныхъ за 15-лѣтній періодъ наблюденій надъ случаями нанесенія тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій, на каждые 10.000 уголовно-совершеннолѣтнихъ приходилось 18,3 обвинительныхъ приговоровъ. При сравненіи данныхъ, показывающихъ степень распространенія этого вида преступленій въ разныхъ странахъ относительно общей преступности, не можетъ не броситься въ глаза ихъ поразительное *сходство*; только Баварія и Пфальцъ платятъ большую дань въ этомъ отношеніи. Главнымъ центромъ этого вида преступленій и является Пфальцъ съ 48,1 обвинительныхъ приговоровъ, затѣмъ слѣдуетъ Нижняя Баварія съ 40,0, округъ Мангеймъ съ 35,7, Бромбергъ съ 34,4, Верхняя Баварія съ 34,2 и Гейдельбергъ съ 30,7. Дрезденскій округъ, напротивъ, даетъ лишь 6,0 обвинительныхъ приговоровъ, Шаумбургъ-Линне 5,7 и Вальдекъ 4,4. Въ этомъ случаѣ Вальдекъ снова представляетъ любопытный контрастъ съ одинаковымъ по числу жителей Пирмазенсомъ, который съ своими 69,4 приговорами стоитъ во главѣ ряда.

Итакъ въ трехъ пунктахъ—въ Бромбергѣ, Пфальцѣ и юго-восточной Баваріи—наблюдается наибольшее число случаевъ нанесенія тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій. Около этихъ трехъ центровъ группируются затѣмъ, почти незамѣтно отставая другъ отъ друга, сосѣднія области. Объясненіе этого географическаго распредѣленія случаевъ нанесенія тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій дается легко: три указанныя мѣстности, служащія *оагами* этого варварскаго преступленія, служатъ въ то же время главными *центрами потребленія алкоголя* подъ различными видами его—на Востокѣ въ видѣ *водки*, въ Баваріи въ видѣ *пива*, въ Пфальцѣ въ видѣ *вина*.

Связь между преступленіями этого рода и потребленіемъ *алкоголя* настолько важна, что требуетъ болѣе подробнаго обсужденія. При этомъ я заранѣе предупреждаю, что степень опасности, связанной съ различными родами алкогольных напитковъ, не соответствуетъ ходячему мнѣнію на этотъ счетъ. Если для опредѣленія этой степени *опасности* возьмемъ за основаніе число преступленій, то у насъ получится такая скала: вино, пиво, водка. Во всякомъ случаѣ мы должны признать вмѣстѣ съ *Фальдесомъ*¹⁾, что родъ напитка со стороны дѣйствія содержащагося въ немъ алкоголя имѣетъ извѣстное значеніе. По поводу одного моего доклада по вопросу объ этой связи учащенныхъ случаевъ нанесенія тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій съ усиленнымъ потребленіемъ алкоголя мнѣ сдѣлано было возраженіе въ томъ смыслѣ, что примѣръ Пирмазенса, являющагося также очагомъ этого рода преступленій, говоритъ противъ моего тезиса, потому что при бѣдности населенія въ этой мѣстности вина потребляется мало. Наведенныя мною справки подтвердили справедливость возраженія; но въ то же время я узналъ, что тамъ страшно злоупотребляютъ водкой. Относительно округовъ Мангеймъ и Гейдельбергъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ, я могу положительно утверждать, что тамъ алкоголь во всѣхъ его видахъ играетъ главнѣйшую, чтобы не сказать единственную, роль въ чрезмѣрномъ распространеніи случаевъ нанесенія тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій.

Впрочемъ *жители Пфальца*, какъ показываетъ самое ихъ прозвище «*Krischer*» (Крикуны), славятся какъ люди слишкомъ пылкіе и *раздражительные*. Къ сожалѣнію, эта раздражительность проявляется менѣе въ словахъ, чѣмъ въ поступкахъ. Количество случаевъ оскорбленій словомъ не превышаетъ у нихъ средней цифры. И весьма вѣроятно, что ихъ пылкій нравъ является слѣдствіемъ систематическаго потребленія алкоголя, какъ *драчливость* у *верхнебаварцевъ*, развившаяся подъ влияніемъ воскресныхъ и праздничныхъ пооекъ и ставшая всеми признанной въ настоящее время чертой ихъ національнаго характера.

Какъ извѣстно, мы не располагаемъ, несмотря на всѣ усилія, точными и надежными данными о количествѣ мѣстнаго потребленія алкоголя. Впрочемъ возможно, что мѣстные условія, по какимъ нибудь случайнымъ или исключительнымъ обстоятельствамъ, способны ослабить вредное дѣйствіе пьянства, какъ фактора преступности; таковъ случай, когда мѣстность обладаетъ рѣдкимъ населеніемъ, вслѣдствіе чего уменьшается опасность столкновеній. Въ общемъ же географическое распространеніе случаевъ *нанесенія тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій* слѣдуетъ поставить въ непосредственную связь съ *потребленіемъ алкоголя*.

¹⁾ *Földes, Einige Ergebnisse der neueren Kriminalstatistik, Zeitschr. f. d. gesamte Strafrechtsw. т. XI, стр. 535.*

Такая же связь существует и относительно преступлений против должностных лиц, которые большей частью возникают въ случаѣ задержанія пьянаго полицейскими чинами. Но наряду съ этимъ возникаютъ и другіе причинные моменты въ преступленіяхъ этого рода. Пограничные округа со *смѣшаннымъ населеніемъ, мѣстности съ преобладающей крупной промышленностью* и съ сильнымъ рабочимъ населеніемъ, которое отъ времени до времени устраиваетъ стачки, организуеъ борьбу за заработную плату, большіе города съ толлою суттинеровъ, живущей насчетъ разврата—все оказываетъ неослабное вліяніе на увеличеніе случаевъ нападенія и угрозъ противъ представителей государственной власти. Это особенно ярко проявляется въ *портовыхъ городахъ*, гдѣ скопляются отбросы различныхъ странъ и народовъ. Моряки особенно низшихъ ранговъ стараются вознаградить себя на сушѣ за лишенія, связанныя съ суровою, неумолимою дисциплиною, господствующею на кораблѣ во время плаванія. Заработанныя деньги спускаются въ нѣсколько дней, часто въ нѣсколько часовъ, въ кабакахъ и публичныхъ домахъ, и подъ вліяніемъ *паровъ алкооля* грубая, разнузданная масса гораздо легче впадеъ въ эксцессы, вызывая бурныя уличныя сцены. Отсюда понятно, почему Альтона, эта знаменитая увесилительная мѣстность около Гамбурга, съ ея 19 обвинительными приговорами на каждые 10.000 населенія, такъ далеко превосходитъ среднюю цифру для всей Германіи (4).

Нѣкоторыя непонятныя явленія, какъ напр., большое количество этого рода преступленій въ городскомъ округѣ Потсдамъ (8,6) сравнительно съ Берлиномъ (4,9), вѣроятно, легче могутъ быть объяснены мѣстными жителями, нежели со стороны, безъ знакомства съ мѣстными условіями. Я полагаю, что именно проступки противъ должностныхъ лицъ должны исключительно или почти исключительно обуславливаться внѣшними причинами, къ которымъ я отношу составъ населенія, опредѣляемый не общностью *происхожденія, а профессіи*.

На долю восточныхъ областей выпадеъ также поразительно большое число случаевъ простыхъ и квалифицированныхъ кражъ. Все пограничные съ Россіей округа показываютъ увеличеніе и порою очень значительное сравнительно съ среднею цифрою этихъ преступленій для всей Германіи (26,9 на 10.000 достигшихъ уголовнаго совершеннолѣтія). Впереди всѣхъ стоятъ округа Бромбергъ съ 62,4, Гумбиненъ съ 56,4, Мариенведеръ съ 51,6; затѣмъ слѣдуютъ мѣстности, насчитывающія отъ 50 до 40 по нисходящей линіи Данцигъ-Познань-Опельпъ; изъ государствъ, лежащихъ за предѣлами Пруссіи, болѣе 40 случаевъ даеъ только Бременъ (41,6), Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ (46) и Шварцбургъ-Рудольштадтъ (45,4). Болѣе мелкія административныя единицы обнаруживаютъ еще болѣе рѣзкія различія. Рядомъ съ округомъ Гейнсбергъ (Рейнской провинціи) съ его 4 случаями мы имѣемъ Иоганисбергъ

(Восточной Пруссіи) съ 102,8 случаями. Что касается Западной части, то, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ взломовъ, въ ней сравнительно бываетъ очень мало кражъ; нѣблыя провинціи, какъ Шлезвигъ, Ганноверъ, Вестфалія, Гессенъ-Нассау, Прирейнская область, часть Гессена на правомъ берегу Рейна, Эльзась-Лотарингія даютъ менѣе 20 случаевъ.

Замѣтное увеличеніе случаевъ этого рода преступленій наблюдается въ тѣхъ менѣе значительныхъ пунктахъ, въ которыхъ получила развитіе крупная промышленность. Быть можетъ въ данномъ случаѣ дѣйствовать *искушеніе* утаить сырой матеріалъ, готовый продуктъ, топливо. Къ населенію восточной части, занимающемуся преимущественно *сельскимъ хозяйствомъ* и разбросанному на обширномъ пространствѣ, это объясненіе непримѣнимо. Не малая часть поденныхъ рабочихъ въ восточной части обречены на крайне скудную и однообразную пищу, вынуждены селиться въ жалкихъ лачугахъ и довольствоваться совѣмъ ничтожнымъ денежнымъ вознагражденіемъ. Точно также и въ промышленныхъ восточныхъ областяхъ, даже при сравнительной дешевизнѣ необходимыхъ предметовъ потребленія, заработная плата далеко ниже, чѣмъ въ западныхъ. *Экономическая нужда* является, безспорно, одною изъ серьезныхъ причинъ сильнаго распространенія кражъ на востокъ, но, конечно, не исключительное. Населеніе, живущее въ страшной нуждѣ и при томъ находящееся на низкомъ умственномъ уровнѣ развитія, имѣетъ, разумѣется, довольно смутное понятіе о различіи между «моимъ» и «твоимъ»; а разъ перестаютъ уважать эту строгую границу, то уже нѣтъ надобности въ наличности непосредственной нужды, для того, чтобы соблазниться кражей. Съ другой стороны, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ Вестфаліи и Прирейнскихъ областяхъ, отличающихся, за исключеніемъ большихъ городовъ и промышленныхъ областей, повсемѣстной зажиточностью, посягательства на чужую собственность очень рѣдки.

Поразительный контрастъ съ этой картиной мы обнаруживаемъ при наблюденіи географическаго распредѣленія случаевъ *мошенничества*. Востокъ, который, какъ мы видѣли, платитъ такую крупную дань преступности, такъ же, какъ Сѣверъ и Западъ, даетъ лишь самое незначительное число обвинительныхъ приговоровъ за мошенничество, за исключеніемъ ганзейскихъ городовъ и Берлина. Напротивъ, большое число случаевъ преступленій этого рода мы видимъ въ Саксоніи, Тюрингенѣ, Пфальцѣ, Баденѣ, Вюртенбергѣ и Баваріи. Бременъ съ 12,3 превосходитъ среднюю цифру для всей Германіи болѣе, чѣмъ вдвое (5,1), не далеко отстали Мангеймъ (11,3) и верхняя Баварія (11,3). Выяснить значеніе этого явленія довольно трудно, и становится еще труднѣе, когда мы обращаемся къ мелкимъ территоріямъ. Maximum случаевъ *мошенничества* наблюдается въ Траунштейнѣ (35,4), minimum—въ Любекѣ (Вестфалія)—0,63.

*Зейффертз*¹⁾ относительно *Траунштейна* дает заслуживающее внимания объяснение. Въ годы 1883—1887 Траунштейнъ показывалъ очень высокую цифру (42,1), тогда какъ отъ 1888 по 1892 давалъ среднюю цифру только 21,2. На его запросъ по этому поводу ему сообщили, что черезъ Траунштейнъ ежегодно проходить 7000—8000 переселенцевъ, преимущественно австрійцевъ. Съ 1883 было введено натуральное продовольствіе, выдававшееся только два раза въ годъ. Чтобы получить его болѣе двухъ разъ, очень часто пробѣгали къ фальсификаціи даты. Давая такое же объясненіе относительно другихъ верхнебаварскихъ городскихъ общинъ, *Зейффертз* приходитъ къ слѣдующему заключенію: «значительная доля слишкомъ большаго числа случаевъ подлога въ южной части Германіи, надо отнести на счетъ *пришлаго*, а не *туземнаго* населенія».

Къ сожалѣнію, я не могу присоединиться къ этой попыткѣ, принятой для спасенія національной чести. Во 1-хъ, потому, что подѣлки «паспортныхъ книжекъ и удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ» наказываются не какъ мошенничество, а какъ подѣлка документовъ (§ 363 Уголовнаго уложенія). Во 2-хъ, дальнѣйшія наблюденія показали, что временныя улучшенія не удержались надолго, и число случаевъ мошенничества за 15 лѣтній промежутокъ времени доходить до 35,4 и, слѣдовательно, все еще превышаетъ въ семь разъ среднюю цифру для всей Германіи. Далѣе въ мѣстахъ, прилегающихъ къ Траунштейну, гдѣ такимъ образомъ, подѣлка ради полученія городского подарка не имѣетъ уже мѣста, число обвинительныхъ приговоровъ за мошенничество все же превышаетъ среднюю цифру для всей Германіи. Взглядъ на карту убѣждаетъ насъ, что ссылка на пришлое населеніе недостаточна для оправданія столь виднаго участія всего юга Германіи въ мошенничествѣ.

Преступленіе въ формѣ мошенничества находится въ связи съ *экономическимъ* положеніемъ, что видно изъ значительнаго увеличенія случаевъ мошенничества въ зимніе мѣсяцы. Но эта связь не столь непосредственная какъ въ случаяхъ кражи. *Беурле* пришелъ къ заключенію, что среди преступниковъ вообще 89% совершенно неимущихъ: среди воровъ въ частности—94%; зажиточныхъ же—только 0,1%. Среди же лицъ, обвиненныхъ въ мошенничествѣ, зажиточныхъ насчитывается 1,4% и только 79% совершенно неимущихъ.

Я полагаю, двѣ причины обуславливаютъ такое географическое распределеніе случаевъ мошенничества: первая заключается въ характерѣ *профессіи*. Въ деревнѣ не такъ легко совершить мошенничество, какъ въ городѣ, гдѣ дѣловая жизнь даетъ не мало поводовъ къ такому искушенію. Вторая заключается въ *большой интеллигентности*, необходимой

¹⁾ Цит. соч. стр. 54.

для совершенія мошенничества. Здѣсь требуется болѣе высокій уровень умственного развитія, болѣшая сообразительность, чѣмъ для простаго акта присвоенія чужой собственности.

Однако для объясненія опаснаго по своей численности распростра-ненія мошенничества на югѣ Германіи, въ Тюрингіи и Саксоніи недоста-точно еще указанія на значительное скопленіе людѣй въ городахъ, на особыя условія городской жизни, на высшій уровень умственного разви-тія. Тогда и Прирейнская область и Вестфалія должны были бы давать большее число мошенничествъ. Поэтому приходится предполагать, что въ этомъ явленіи скрывается *характерная черта*, свойственная населе-нію мѣстностей, дающихъ наибольшее число этого рода преступленій. Пресловутая честность швабовъ выступать поэтому въ сомнительномъ освѣщеніи. Но именно для того, чтобы опровергнуть справедливость это-го упрека, который, разумѣется, еще въ большей степени относится къ Бремену, верхней Баваріи и Мангейму, было бы желательнo подвергнуть статистическому обследованію вопросъ о томъ, обнаруживается ли не-совпаденіе мѣста рожденія и мѣста совершенія преступленія при мошен-ничествѣ чаще, чѣмъ при другихъ преступленіяхъ.

Результаты *географическаго* изслѣдованія по вопросу о значеніи расовыхъ отличій довольно *скудны*. Только фактъ противоположности между числомъ кражъ и мошенничествъ на востокѣ и югѣ, быть можетъ, слѣдуетъ принять за признакъ такихъ различій; я именно говорю, *мо-жетъ быть*, потому что въ матеріалахъ, имѣющихся въ нашемъ распо-ряженіи, для этого нѣтъ абсолютно достовѣрнаго доказательства. Одно только можно рѣшительно утверждать, что предполагаемыя *расовыя от-личія* оказываютъ слишкомъ ничтожное вліяніе сравнительно съ влія-ніемъ такихъ могучихъ соціальныхъ факторовъ, какъ *народное благо-состояніе и нравы*. Чрезмѣрная преступность, характеризующая восточ-ную часть, свидѣтельствуетъ не о низкой ступени нравственности ея населенія, но о дурномъ экономическомъ состояніи послѣдняго.

Отрицательные результаты, полученные при изслѣдованіи значенія расы, представляютъ для уголовной политики фактъ въ высшей степени отраднѣй. Измѣненіе расовыхъ особенностей совершается очень медленно, въ теченіе столѣтій, и не поддается дѣйствию, виѣшнихъ, искусственныхъ вліяній. Напротивъ, для борьбы съ экономическими невзгодами и злоу-потребленіемъ алкоголемъ мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи доста-точно средствъ.

Остановимся здѣсь теперь на вопросѣ о вліяніи *принадлежности къ той или иной религіи* на преступность. *Впроисовданіе*, само по себѣ едва-ли имѣетъ значеніе въ уголовной статистикѣ. Мы регистри-руемъ лишь принадлежность къ той или другой изъ существующихъ религій, а не степень индивидуальной религіозности, не интенсивность

вѣры отдѣльныхъ лицъ, не вліяніе религіозныхъ догматовъ на мысли и поступки. Вели же мы обратимся къ даннымъ статистики, то мы увидимъ такія крупныя различія, которыхъ мы не вѣраваѣ игнорировать, тѣмъ болѣе, что въ спорѣ о религіяхъ ссылаются на родъ и число преступленій для доказательства ихъ относительныхъ достоинствъ или недостатковъ¹⁾.

Въ среднемъ, въ года 1882—1891 на каждые 10.000 чел. цивилизованныхъ народовъ одинаковаго вѣроисповѣданія приходилось осужденныхъ по суду²⁾:

Таблица IX.

Христіанъ евангелическаго исповѣданія . . .	963
» католическаго » . . .	1153
» другихъ исповѣданій . . .	325
Иудейскаго вѣроисповѣданія . . .	784

Преступность евреевъ вообще—и довольно замѣтно—ниже преступности христіанъ. Ближе къ христіанамъ по количеству осужденныхъ подходить евреи, въ такъ называемой первой статистической группѣ (преступленія и проступки противъ государства, противъ общественнаго порядка и религіи); значительнѣе же отстоятъ они отъ нихъ въ преступленіяхъ противъ собственности, а еще дальше въ преступленіяхъ противъ личности.

Таблица X.

Религія и преступленіе.

Преступленія и проступки противъ имперскихъ законовъ (исключая нарушеній правилъ о воинской повинности).		На каждые 100.000 уголовно-совершеннолѣтнихъ приходилось осужденныхъ одного и того же вѣроисповѣданія въ 1891 г.		
		Евангелическаго.	Католическаго.	Иудейскаго.
1	Преступленія и проступки вообще . . .	1011	1190	799
2	Преступленія и проступки противъ государства, религіи и общественнаго порядка	127	126	98

¹⁾ Въ одной анонимной статьѣ (*Die konfessionelle Kriminalstatistik in Württemberg, Halle, Eugen Strien 1886* г. съ эпиграфомъ: «По плодамъ познаете вы ихъ») мы встрѣчаемъ слѣдующую мысль (стр. 32): «Итакъ, ридомъ съ жалобами протестантовъ на возрастающее отпаденіе отъ церкви, равнодушіе, индифферентизмъ мы наблюдаемъ среди католиковъ за послѣдніе 40 лѣтъ безпримѣрное повышеніе интереса къ церкви и... паденіе нравственности!»

²⁾ *Statistik des Deutschen Reiches, N. F. т. 64 II, стр. 35.*

Преступленія и проступки противъ имперскихъ закоповъ (исключая нарушеній правилъ о волнской повинности).		На каждыя 100.000 уголовно-совершеннолѣтнихъ приходилось осужденныхъ одного и того же вѣроисповѣданія въ 1891 г.		
		Евангелическаго.	Католическаго.	Иудейскаго.
3	Преступленія и проступки противъ личности	384	514	338
4	Преступленія и проступки противъ собственности	496	546	360
5	Насиліе и угрозы противъ должности, лицъ и пр.	37,1	40,8	11,5
6	Нарушеніе общественной тишины	48,7	50,1	31,5
7	Нарушенія § 147 промышленнаго устава	17,7	9,6	26,3
8	Нарушеніе присяги	2,0	2,7	2,8
9	Прелюбодѣяніе, соединенное съ насиліемъ, по отношенію къ несознательнымъ субъектамъ и проч.	9,0	10,5	8,3
10	Оскорбленіе	125,9	129,6	181,8
11	Нанесеніе тяжелыхъ тѣлесн. поврежденій	145,5	239,6	61,8
12	Простая кража, а также съ повторнымъ рецидивомъ	241,1	270,4	81,0
13	Квалифицированная кража, также съ повторнымъ рецидивомъ	31,3	34,7	6,5
14	Растраты	51,0	47,0	40,3
15	Притонодержательство	20,3	26,0	22,0
16	Мошенничество	46,3	52,2	94,8
17	Злостное банкротство	0,6	0,27	4,8
18	Простое банкротство	1,8	1,2	26,3
19	Истребленіе имущества	36,7	46,4	10,3

Гораздо болѣе значительное участіе, сравнительно съ христіанами, евреи обнаруживаютъ въ области ростовщичества. За періодъ времени съ 1882 по 1891 15,4% всѣхъ дѣлъ о ростовщичествѣ приходится на долю евреевъ, хотя процентное отношеніе ихъ ко всему населенію выразилось цифрою 1,15%. Для выясненія этихъ данныхъ необходимо принять во вниманіе два обстоятельства, во 1-хъ, наказанія за ростовщичество вообще очень рѣдки. Въ 1897, 1898 и 1899 гг. за ростовщичество были осуждены 3,4 и 3 еврея, въ совокупности 10 изъ общаго числа 109 судебныхъ обвинительныхъ приговоровъ. Такія ничтожныя цифры, благодаря различнымъ случайностямъ, могутъ представить въ ложномъ свѣтѣ самое явленіе. Впрочемъ, эти малыя числа довольно постоянны, и потому за ними нельзя отрицать извѣстнаго значенія. Во 2-хъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что ростовщичество есть преступленіе специфически свойственное торговлѣ; такъ, въ періодъ

съ 1885—1889 60% всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ о ростовщичествѣ пришлось на долю лицъ, занимавшихся торговлею и промышленностью.

По послѣднимъ даннымъ статистики о родѣ занятій ¹⁾ 1895 г., торговой дѣятельностью занимались 5,71% евреевъ; эта цифра въ пять разъ больше цифры, выражающей процентное отношеніе евреевъ ко всему числу населенія. Поэтому слѣдуетъ брать не цифру, выражающую отношеніе числа осужденныхъ за ростовщичество евреевъ къ общему числу христіанъ, а цифру, выражающую численное отношеніе евреевъ-торговцевъ къ христіанамъ-торговцамъ. Въ послѣднемъ случаѣ видимое преобладаніе евреевъ сильно понижается, не исчезая однако вполне. Изъ всего этого мы не можемъ дѣлать никакихъ рѣшающихъ выводовъ уже по одному тому, что большая часть случаевъ ростовщичества не доходитъ до суда, а небольшое число обвинительныхъ приговоровъ слишкомъ немногочисленно, чтобы ему можно было придавать серьезное значеніе.

Тѣ же самыя соображенія сохраняютъ свою силу и по отношенію къ преступленіямъ, которыя по самой природѣ своей едва-ли возникаютъ въ другой какой либо сферѣ дѣятельности, кромѣ торговой въ самомъ широкомъ значеніи этого слова; таковы: *простое и злостное банкротство, нарушеніе параграфа 147 промышленнаго устава*. Какъ важно принимать во вниманіе родъ занятій, показываетъ примѣръ саксонскаго королевства. На его долю пришлось 14,9% всѣхъ злостныхъ банкротствъ, 23% всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ о ростовщичествѣ; въ то же время процентный составъ населенія выразился въ цифрѣ 7,07. Объясняется это преобладающими (въ Саксоніи) родами занятій (на 1000 лицъ занимающихся различными видами дѣятельности въ 1895 г. 122 занимались торговлей); вмѣстѣ съ тѣмъ евреи въ Саксоніи составляютъ лишь 0,27% всего числа населенія.

Поразителенъ фактъ, что евреи въ 5 разъ чаще христіанъ принимаютъ участіе въ *поединкахъ*. По Кроне ²⁾ въ 1889—93 въ баденскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ баденскіе евреи составляютъ 5,4%, тогда какъ по отношенію ко всему населенію евреи составляли 1,6%. Большое число обвинительныхъ приговоровъ противъ евреевъ по дѣламъ о поединкахъ объясняется сравнительно большею численностью ихъ среди учащейся студенческой молодежи, а, быть можетъ, также болѣе частымъ возникновеніемъ серьезныхъ конфликтовъ, поводами къ которымъ является ихъ вѣроисповѣданіе.

¹⁾ *Statistik des Deutschen Reiches. N. F.*, т. 111-ый, стр. 172.

²⁾ *L. Cron, Der Zugang der Badener zu den badischen Universitäten 1869—93*. Гейдельбергъ 1897 г.

Не можетъ быть объяснено родомъ занятій число обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ объ *оскорбленіяхъ*; оно тѣмъ болѣе любопытно, что евреи вообще очень мало обнаруживаютъ склонности къ пьянству, служащему одной изъ наиболѣе частыхъ причинъ этого рода проступковъ. Но насколько и въ этихъ случаяхъ оскорбленіе является лишь реакціей на предшествующее раздраженіе опредѣлить трудно. Считая доказаннымъ недостаточность вліянія *расовыхъ особенностей* для объясненія другихъ преступленій, я полагаю, что связь между *происхожденіемъ* отъ данной этнографической группы и такими проступками, какъ нанесеніе оскорбленій, вполне возможны. Живость характера, выражающаяся въ жестикуляціи, въ яркости выраженій, въ крикѣ, въ легкой возбудимости, какъ извѣстно, свойственна югу болѣе, чѣмъ сѣверу; поэтому, возможно, что большее число случаевъ оскорбленій объясняется особыми свойствами характера южанъ; разумѣется, едва-ли можно привести основательныя доказательства въ пользу этого предположенія.

Если мы вообще обратимся къ оцѣнкѣ рода дѣятельности, съ интересующей насъ стороны во всемъ его объемѣ, то въ отдѣльныхъ преступленіяхъ—и прежде всего въ сферѣ простого и злостнаго банкротства—евреи даютъ гораздо болѣе значительную цифру обвинительныхъ приговоровъ, нежели христіане (1891 г.: 26,3 и 1,6 и для простыхъ и 4,8 и 0,49 для злостныхъ банкротствъ на каждыя 100.000 уголовно совершеннѣйшихъ одного и того же вѣроисповѣданія); эта мрачная тѣнь на дѣлахъ многихъ евреевъ, впрочемъ, совершенно разсѣивается, потому что за послѣдніе годы осужденія евреевъ не поднимаются уже выше извѣстнаго процента.

Менѣе замѣтны благопріятныя перемѣны въ области нѣкоторыхъ изъ другихъ видовъ преступленія, какъ *мошеничество, поддѣлка официальныхъ документовъ*. Но здѣсь именно родъ дѣятельности и можетъ обнаружить свое вліяніе. Во всякомъ случаѣ ясно одно, что большая часть тѣхъ преступленій евреевъ, которые выражаются въ цифрѣ, превосходящей ихъ процентное отношеніе къ общему числу населенія, относится къ сферѣ приобрѣтенія личныхъ, преимущественно *матеріальныхъ выгодъ* и чаще всего, если не всегда, обуславливается профессіей.

Выше было уже упомянуто, что евреи не обнаруживаютъ склонности ни къ посѣщенію трактировъ, ни къ пьянству. Является-ли подобное воздержаніе особенностью ихъ расоваго происхожденія или же болѣе изолированнаго положенія, которое они, отчасти намѣренно, отчасти невольнo, занимаютъ въ обществѣ, остается вопросомъ открытымъ. Во всякомъ случаѣ, дѣйствіе этого явленія какъ фактора, предупреждающаго преступленіе, въ высшей степени благопріятно. Въ области такихъ преступленій, какъ *нанесеніе тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій*,

евреи даютъ цифру въ четверо меньшую той, какую можно было бы ожидать по процентному отношенію ихъ къ общему числу населенія; и такъ какъ это преступленіе почти исключительно обуславливается алкогольными эксцессами, то отмѣченный здѣсь фактъ объясняется только что сказаннымъ вполне естественно.

Въ общемъ лица, принадлежація къ *небольшимъ религіознымъ общинамъ* или къ *расамъ, проникшимъ* въ сферу другихъ народовъ, обнаруживаютъ меньшую склонность сходить съ пути законности. Отчасти это слѣдуетъ приписать болѣе строгимъ требованіямъ, которыя къ нимъ предъявляютъ въ обыденной ихъ жизни. Каждое преступленіе челоуѣка, принадлежащаго къ кругу лицъ, стоящему въ особомъ положеніи, скорѣе бросается въ глаза и подаетъ поводъ къ слишкомъ послѣдственнымъ обобщеніямъ. Напомню только, какъ быстро преступленіе противъ нравственности, совершенное священникомъ, подлогъ, учиненный дворяниномъ, звѣрскій поступокъ офицера подхватываются всѣми враждебными партіями и выставляются ими, внѣ всякой связи съ специфическими условіями, породившими эти дѣянія, какъ типическія для ихъ виновниковъ, и тѣхъ общественныхъ классовъ, которые они собою представляютъ.

Этотъ строгій надзоръ со стороны имѣть свои крупныя преимущества. Въ Пруссіи за время съ 1862 по 1864 г. у евреевъ было 3,58% внѣбрачныхъ рожденій, у различныхъ сектъ (меннонитовъ и др.) 3,29% противъ 10% у остальныхъ. По *Корззи*, въ Австріи незаконныхъ дѣтей среди евреевъ 3,2%, среди католиковъ 37,89%; въ Вѣнѣ съ 1874 по 1878 насчитывалось среди евреевъ 11,8%, среди протестантовъ 23,1%, среди католиковъ 44,2% незаконнорожденныхъ; точно также въ Россіи: среди православныхъ 3,06%, евреевъ 0,22%, магометанъ 0,16%.

Этому подъему нравственнаго уровня, имѣющему болѣе искусственный характеръ, способствуютъ однако внѣшнія благоприятныя условія: принадлежность къ одной и той же общинѣ приводитъ къ болѣе совершенной системѣ *взаимопомощи* въ нуждѣ и бѣдствіи. Это обстоятельство въ связи съ сравнительно высокимъ уровнемъ благосостоянія нѣмецкихъ евреевъ объясняетъ незначительное участіе ихъ въ *кражахъ*: участіе евреевъ въ простыхъ кражахъ болѣе чѣмъ вътрое, а въ квалифицированныхъ вѣнтеро меньше участія христіанъ, то же самое наблюдается и въ нѣкоторыхъ другихъ видахъ преступленій противъ собственности.

Непосредственное благоприятное вліяніе на состояніе преступности, оказываемое *уваженіемъ къ семьѣ* и святости брака, обнаруживается въ томъ, что почти совершенно не возникаетъ судебныхъ процессовъ по дѣламъ о кровосмѣшеніи, двоеженствѣ, прелюбодѣянніи, соединенномъ съ злоупотребленіемъ довѣріемъ. Полная непричастность или лишь незначи-

тельное участіе во всѣхъ остальныхъ видахъ преступленій должно разсматриваться какъ слѣдствіе благопріятнаго энопомического положенія. По тѣмъ же самымъ основаніямъ, но подкрѣпленнымъ еще рѣзко выраженной фанатической *религіозностью*, рѣдко подвергаются судебному преслѣдованію за преступленія сектанты изъ такъ называемыхъ «прочихъ христіанъ», къ которымъ имперская статистика причисляетъ, кромѣ меннонитовъ, баптистовъ и т. п. и значительную долю *диссидентовъ*.

Таблица XI.

Распределение осужденныхъ судомъ по вѣроисповѣданіямъ (евангелическому и католическому) въ 25 округахъ со смѣшаннымъ вѣроисповѣднымъ населеніемъ.

Мѣста (преступленія), въ которыхъ и евангелическое и католическое население составляли болѣе 1/4 всего населенія 1-го декабря 1885 г. * означ. преоблад. евангел. † » » католич.	Среднее число осужденныхъ на каждыя 100000 ¹⁾ жителей одного и того же вѣроисп. за время 1882/91.							
	Преступленія и проступки противъ государственныхъ законовъ вообще, исключая закона о воинской повинности		Нанесеніе тяжкихъ поврежденій		Кражи		Мошенничество	
	еванг.	кат.	еванг.	кат.	еванг.	кат.	ев.	кат.
Данцигъ*	979	1168	145	198	311	427	28	19
Маріенвердеръ†	917	1117	160	183	311	441	18	17
Познань*	705	1128	100	184	212	424	22	21
Бромбергъ†	1055	1416	180	231	345	590	25	24
Бреславль*	821	1005	105	111	233	290	29	41
Оснабрюкъ†	384	354	69	79	88	70	17	16
Миинденъ*	303	297	63	48	74	65	14	10
Арнебергъ*	545	581	127	129	109	122	19	19
Висбаденъ*	590	774	73	102	136	190	33	39
Кобленцъ†	408	445	74	89	83	99	22	15
Дюссельдорфъ†	484	572	95	118	99	129	19	20
Пфальцъ*	936	1156	256	317	144	195	39	49
Верхняя Франконія*	652	864	135	205	174	208	24	36
Шварцвальдскій округъ*	565	614	115	124	111	137	35	46
Округъ Ягстъ*	489	611	64	86	145	179	41	49
Дунайскій округъ†	661	656	74	85	160	172	65	64
Лэррахъ*	499	731	87	106	130	209	27	76
Офенбургъ†	530	494	114	89	120	134	27	36
Карлсруэ*	726	640	144	134	207	184	46	46
Мангеймъ*	893	1123	180	210	245	327	71	10
Гейдельбергъ*	810	800	186	173	176	192	59	56
Мосбахъ†	393	420	73	73	105	117	22	28
Штаркенбургъ*	460	603	105	170	95	116	21	25
Рейнгессенъ†	626	685	138	141	143	167	40	38
Нижній Эльзасъ†	445	611	122	168	83	128	14	19

¹⁾ Въ основаніе взято все населеніе.

Сильное преобладание католиков сравнительно съ протестантами очень трудно объяснить (таблица X). Въ среднемъ за десятилѣтiе отношенiе между ними выражается какъ 1153 : 963. Изъ главныхъ группъ лица евангелическаго исповѣданiя преобладаютъ лишь въ первой группѣ (127 : 126), а изъ подгруппъ—въ растратахъ (51 : 47). Весьма вѣроятно, что эти крупныя различiя находятся въ связи съ мѣстнымъ распределенiемъ населенiя. Фонз-Шель считаетъ вопросъ о религiи въ данномъ случаѣ совершенно празднымъ и объясняетъ указанныя различiя просто тѣмъ, что въ сѣверо-западной и средней Германiи обитаютъ жители протестантскаго исповѣданiя, болѣе спокойныя по темпераменту и отчасти болѣе зажиточныя, а мѣстности съ преобладающимъ католическимъ населенiемъ находятся въ необработанной и мало культурной области восточной Германiи. Но это утвержденiе неправильно и не объясняетъ самого явленiя. Въ восточной Пруссiи, напр., съ ярко выраженной преступностью ея населенiя, имѣется всего 13% католиковъ.

Яенѣ получается картина въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ вѣроисповѣднымъ населенiемъ (таблица XI). Имперская уголовная статистика ¹⁾ собрала данныя о 25 болѣе крупныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, 4-я часть принадлежитъ къ евангелическому или католическому населенiю. Изъ этихъ мѣстностей преступность евангелическаго исповѣданiя превышаетъ преступность католиковъ, и принимая въ основанiе расчетъ 100.000 человекъ одного и того же вѣроисповѣданiя, мы получимъ повышенiе въ Дунайскомъ округѣ на 5, въ Минденѣ на 6, въ Оффенбургѣ на 36 и въ Карлеруэ на 86; для всѣхъ 6 округовъ въ среднемъ на 28 обвинительныхъ приговоровъ больше при общемъ среднемъ числѣ въ 1031 для всей Германiи.

Въ округахъ Мосбахъ (27), Арнсбургъ (36), Кобленцъ (37), Шварцфальдъ (49), Рейнскiй Гессенъ (59), Дюссельдорфъ (88), Данцигъ (89), Мариенвердеръ (100), Пфальцъ (120), Штаркенбургъ (143), Нижнiй Эльзасъ (166), Бреслау (184), Висбаденъ (184), Верхняя Франконiя (212), Мангеймъ (230), Лэррахъ (232), Бромбергъ (361), Познань (423)—напротивъ, т. е. въ этихъ 19 округахъ со смѣшаннымъ населенiемъ католики совершаютъ въ среднемъ на 150 преступленiй болѣе, чѣмъ это можно было бы ожидать по ихъ численности.

Въ виду такихъ рѣзкихъ различiй было-бы неопозволительно уклоняться отъ вопроса объ ихъ причинахъ. Особенно часто какъ на причину этого явленiя указываютъ на тайную исповѣдь; но насколько это указанiе справедливо—рѣшить трудно. Люди, ограниченныя и невѣжественныя пожалуй могутъ дойти до такого взгляда, что церковное покаянiе уничтожаетъ или уменьшаетъ ихъ отвѣтственность и предъ го-

¹⁾ N. F., т. 64, II. 36.

сударствомъ. Если даже такіе взгляды практически проводятся въ жизни, то трудно во всякомъ случаѣ опредѣлить степень ихъ распространенности. Едва ли нужно пояснять, что отвѣтственность за такое пониманіе обряда, столь важнаго въ католической церкви, не можетъ быть возложена на послѣднюю. Я знаю нѣсколько случаевъ, когда непосредственно послѣ исповѣди обнаруживалось стремленіе искупить свои преступленія путемъ возвращенія похищенныхъ вещей, добровольной отдачей себя въ руки правосудія. Насколько часты подобныя случаи трудно опредѣлить; но не подлежитъ спору, что исповѣдь сама по себѣ *больше способна удерживать* отъ преступныхъ склонностей, нежели *поощрять* ихъ.

Большаго вниманія заслуживаетъ экономическое положеніе католиковъ, въ общемъ худшее нежели у протестантовъ. Мы не попались въ руки подробнаго для всей Германіи изслѣдованія по этому вопросу. Но относительно небольшой части имперіи, Бадена, этотъ вопросъ изслѣдованъ довольно обстоятельно. *Мартинъ Оффенбахеръ* ¹⁾ доказалъ, что, за ничтожными исключеніями, протестанты Бадена во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности занимаютъ *лучше вознаграждаемыя* мѣста; и въ земледѣліи, гдѣ численность католиковъ относительно выше числа протестантовъ, снабженіе оживленныхъ рынковъ молокомъ, зеленью, овощами находится преимущественно въ рукахъ послѣднихъ. Въ области промышленности протестанты повсюду доставляютъ большее число самостоятельныхъ рабочихъ-мастеровъ, какъ, напр., наборщики, печатниковъ, фотографовъ. Подходящій налогъ въ 1895 г. на 1000 католиковъ достигалъ 589.800, на 1000 протестантовъ 954.900 марокъ.

Картина, представляемая Баденомъ, можетъ считаться типичной, тѣмъ болѣе, что составъ воспитанниковъ высшихъ школъ въ Баваріи, Вюртембергѣ и Пруссіи даетъ полную аналогію съ Баденомъ: относительно незначительное число католиковъ въ реальныхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ и нѣсколько большее число ихъ въ гимназіяхъ, но все таки ниже того, какого можно было бы ожидать.

Этотъ фактъ, выясненіе причинъ котораго не входитъ въ нашу задачу, указываетъ на болѣе низкое соціальное и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическое положеніе католиковъ. Въ силу этого, въ виду тѣсной зависимости преступленій отъ экономическихъ условій, опасность конфликта съ закономъ для католика больше, нежели для протестантовъ.—Меньшее значеніе, по моему мнѣнію, имѣетъ въ данномъ случаѣ болѣе низкій уровень *образованія*; свѣдѣнія наши о вліяніи образованія на преступность еще очень ненадежны.

Относительно возможной связи между ростомъ *преступныхъ* склонностей среди католиковъ и *соціальнымъ положеніемъ* послѣднихъ я

¹⁾ *Martin Offenbacher, Konfession und soziale Schichtung, 1900.*

вынужденъ ограничиться простымъ лишь указаніемъ на нее; въ виду серьезности этого вопроса необходимы еще дальнѣйшія изслѣдованія. Обращая вниманіе на совершенную неразработанность этой области, кстати замѣтимъ, какъ неправы мы, пользуясь фактомъ большей или меньшей преступности, какъ оружіемъ противъ тѣхъ или иныхъ религіозныхъ вѣрованій, или полагая вмѣстѣ съ упомянутымъ выше анонимомъ, что «уголовная статистика служитъ истиннымъ показателемъ нравственной цѣнности религій».

Совершенно справедливо имперская статистика заключаетъ свои соображенія о связи между религіей и преступленіемъ слѣдующими словами: 1) «Мы однако особенно настойчиво предостерегаемъ противъ пользования такими данными, какъ аргументами за или противъ той или иной религіи, для опредѣленія вліянія послѣдней на размѣры преступности».

Городъ и деревня; профессія.

По Эттингену 2) городское населеніе относится къ сельскому въ Италіи, какъ 32 : 68; въ области же преступности та и другая часть населенія распредѣляется болѣе равномерно выражаясь отношеніемъ 43 : 57. То же наблюдается во Франціи, хотя городскіе жители составляютъ тамъ 30% всего числа населенія. Въ Германіи приходится на каждые 100.000 лицъ, достигшихъ уголовного совершеннолѣтія, въ большихъ городахъ и бециркахъ съ болѣе чѣмъ 20.000 жит. 134,2 подвергнутыхъ по суду наказанію; во входящихъ же сюда сельскихъ областяхъ—96,6. Но отсюда ошибочно было бы заключить о болѣе прочномъ состояніи нравственности и добрыхъ нравовъ среди крестьянъ, нежели среди горожанъ. Большіе города по понятнымъ причинамъ обладаютъ для преступниковъ и бездѣльниковъ громадной *притягательной силой*; тамъ они находятъ болѣе удобную арену для своихъ темныхъ дѣлъ, легче пріобрѣтаютъ компаньоновъ и имѣютъ болѣе шансовъ укрыть себя самихъ и свою добычу отъ преслѣдованій. Точно также манятъ къ себѣ разнообразныя *развлеченія*, которыми богаты большіе города. Наряду съ этими развлеченіями, ежедневно смѣняющимися одни другими, безконечно болѣею опасностью для *слабохарактерныхъ* людей грозятъ проституція и эксцессы алкоголизма. Сложныя условія городской жизни гораздо легче, нежели простая обстановка деревни, способны подвергнуть слабого человѣка искушенію посягнуть на чужую собственность. Разъ такой человѣкъ падаетъ подъ вліяніе легкомысленныхъ товарищей, или, что еще хуже,

1) *Statistik des Deutschen Reiches* T. 69. II. 37.

2) *von Oettingen* (упомянутое соч., стр. 499).

очутится въ рукахъ старожиловъ тюрьмы и смирительнаго дома, то онъ уже сдѣлать шагъ къ преступленію.

За годы 1883—1892 въ Германіи ¹⁾ наблюдалось слѣдующее различіе между городомъ и деревней:

Т а б л и ц а XII.

Мѣсто преступленія.	Преступленія вообще	Насиліе и угроза противъ властей	Нанесеніе тяжк. тѣлесн. поврежденій	Кража	Мошенничество
Совокупность 33 городовъ и бецирковъ съ болѣе чѣмъ 20.000 жит.	134,2	7,4	12,3	37,8	8,1
Остальное пространство болѣе или менѣе значительныхъ бецирковъ съ преобладающимъ сельскимъ населеніемъ	96,6	3,2	16,7	27,3	3,8

Преступленія противъ собственности, особенно мошенничества, обнаруживаютъ въ городахъ явное преобладаніе; скопленіе авантюристовъ и случайныхъ рабочихъ, характеристику которыхъ позднѣе мы попытаемся дать, словомъ всякіе поддонки, среди которыхъ рекрутируются тюремные обитатели, находятся въ постоянномъ конфликтѣ (скрытомъ или явномъ) съ государственной властью. Въ деревнѣ, напротивъ, воскресные попойки часто подають поводъ къ дракамъ, во время которыхъ нерѣдко пускаются въ ходъ ножи; поэтому число случаевъ нанесенія тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій въ ней преобладаетъ.

Нужно всегда соблюдать большую осторожность при опредѣленіи различій между городомъ и деревней. *Ивернесъ* ²⁾, напр., опредѣлилъ, что въ деревнѣ совершается 75% всѣхъ дѣтубійствъ, а въ городѣ—60% всѣхъ случаевъ вытравленія плода. Но это различіе не уголовно-психологическое, которое было бы цѣнно для характеристики населенія, но различіе *техническое*, если такъ можно выразиться. Забеременѣвшая дѣвушка въ городѣ легко можетъ воспользоваться опытомъ подруги или помощью какой нибудь безсовѣстной повивальной бабки; недаромъ же газеты пестрятъ объявленіями съ предложеніемъ услугъ «секретнымъ беременнымъ». *Деревенскія же дѣвушки* прибѣгаютъ для изгнанія плода большей частью къ недействительнымъ внутреннимъ средствамъ, и потому за отсутствіемъ осязательныхъ результатовъ эти случаи оста-

¹⁾ *Statistik des Deutschen Reiches. N. F. T. 77. II. 28.*

²⁾ Цитировано у *Földes'a, Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswissensch. XI. стр., 528.*

ются неизвѣстными властямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ за лишеніе ребенка жизни послѣ его рожденія, онѣ рѣдко подвергаются обвиненію и осужденію; въ городахъ заботу объ истребленіи новорожденныхъ съ большимъ удобствомъ и гарантіей принимаетъ на себя женщина, занимающаяся спеціальностью *фабрикаціи ангеловъ*.

Не всегда, однако, такъ ясна связь между явленіями, какъ въ указанномъ случаѣ. Часто мѣстные особенности становятся понятными только въ связи съ профессіей преступника. Характеръ профессіи дѣйствительно оказываетъ значительное вліяніе на характеръ и форму преступленій; прежде всего потому, что извѣстные проступки, какъ, напр., нарушеніе промышленнаго устава, банкротство, связаны исключительно съ точно опредѣленною дѣятельностью, какъ, напр., преступленія по должности могутъ быть совершены только должностными лицами. Далѣе еще и потому, что на выборъ профессіи вліяютъ индивидуальныя склонности и способности. Въ мясники идутъ субъекты болѣе здоровые и крѣпкіе, нежели въ портные и кельнеры; человекъ, стоящій на очень низкомъ уровнѣ развитія, никогда не поднимется выше положенія носильщика и поденщика. Еще болѣе интересъ представляетъ тотъ общезвѣстный фактъ, что есть много лицъ съ извращенными половыми инстинктами, среди ресторанный прислуги и дамскихъ портныхъ и часто, именно потому, что ненормальное воображеніе даетъ перевѣсъ выбору этихъ занятій. Къ сожалѣнію, психологія различныхъ профессій еще мало разработана. Поэтому то и германская имперская статистика, отказавшись отъ слишкомъ трудной и пока безнадежной детальной разработки данныхъ профессиональной статистики, ограничивается приведеніемъ данныхъ относительно большихъ группъ.

Въ таблицѣ XIII сопоставлено число уголовно совершеннѣйшихъ лицъ, занимающихся извѣстною отраслью дѣятельности, съ числомъ, въ которомъ выражается степень участія въ преступленіяхъ вообще и въ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ преступленіяхъ въ особенности. Люди, занимающіеся земледѣіемъ, лѣснымъ хозяйствомъ, охотою и рыбною ловлею, обнаруживаютъ особенно замѣтное участіе въ *поджогахъ*, клятвопреступленіяхъ и нанесеніяхъ тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій. Подозрѣніе, что поджоги дѣлаются большей частью съ цѣлью полученія *страховой премии*, опровергается статистикой. Быть можетъ, какой нибудь крестьянинъ, совершенно разорившись, и прибѣгнетъ къ этому вспомогательному средству, чтобы подняться на прежнюю высоту матеріальнаго благополучія; но это бываетъ сравнительно рѣдко. Большая часть поджоговъ производится вълѣдствіе *мести* со стороны «прислуги», т. е. батраковъ и служанокъ. Ненависть и злоба, на почвѣ какого нибудь недоразумѣнія, являются поводомъ, а соблазнительные стога соломы и сѣна—прекраснымъ случаемъ для осуществленія мстительнаго замысла.

Таблица XIII.
Профессия и преступность.
(Statistik des Deutschen Reiches N. F. Bd. 89. II. S. 48).

1890—1891 Наз. 100 осужденных нижеприведенных категорий принадлежали къ профессиям, обозначенным въ смежных графахъ.	Земледельческое и лѣсное хозяйство, охота и рыбная ловля			Промышленность, горное дѣло и строительное дѣло			Торговля и об- мѣнъ, включая трактирный и рас- шивоч. промыслы			Обществ. и привд. служ- ба: такъ наз. публ. проф.			Домашняя прислуга			Рабочіе, не указавшіе опред. отрас- ли труда			Безъ про- фес. и не до- ставив. дан. о своей проф.		
	Самостоя- тельные хозяева	Помощники	Домочадцы	Самостоя- тельные хозяева	Помощники	Домочадцы	Самостоя- тельные хозяева	Помощники	Домочадцы	Самостоят. зарабатыв.	Домочадцы	Самостоят. зарабатыв.	Домочадцы	Самостоят. зарабатыв.	Домочадцы	Самостоят. зарабатыв.	Домочадцы				
I. Осужденные за преступленія и проступки во- обще:	4,7	18,9	2,3	6,4	30,4	4,4	5,7	5,8	1,2	1,3	0,17	1,6	0,02	10,4	1,8	4,6	0,27				
II. Осужденные за:																					
Насиліе и угрозы прот. дол. лицъ и пр.	2,9	11,9	0,89	5,2	46,3	1,4	3,8	7,2	0,39	0,96	0,07	0,30	0,003	15,8	0,54	2,2	0,11				
Клятвопреступлен.	8,5	24,1	2,4	10,1	21,2	4,1	7,1	3,6	1,5	1,2	0,20	3,0	—	7,9	1,0	3,9	0,23				
Насильственные безнравственные дѣйств. и изнасил.	1,5	22,6	0,82	6,7	43,3	1,0	3,2	5,7	0,34	3,2	0,07	0,21	0,01	8,9	0,46	1,9	0,11				
Нанесеніе тяжкихъ тѣлесн. поврежд.	5,1	25,9	1,4	5,2	41,3	2,3	2,9	3,9	0,52	0,62	0,07	0,22	0,02	8,6	0,91	0,90	0,13				
Кража	2,4	23,4	3,4	2,3	28,8	6,4	1,4	5,4	1,1	0,59	0,18	4,3	0,04	15,0	3,5	1,3	0,45				
Растрата	2,3	15,4	1,4	6,7	31,8	3,9	4,6	12,8	0,82	1,7	0,15	2,3	0,01	12,7	1,7	1,5	0,20				
Укрывательстве	3,5	15,8	5,3	5,3	22,2	10,3	6,8	4,2	2,5	0,52	0,24	1,1	0,02	14,4	5,5	1,8	0,54				
Мошеничество	2,4	19,0	1,2	6,2	31,6	2,8	8,4	10,1	0,78	2,1	0,13	3,1	0,01	9,6	1,0	1,4	0,16				
Ростовничество	4,0	0,58	0,58	12,1	—	2,9	59,8	4,0	1,1	2,3	—	—	—	—	—	12,6	—				
Поджогъ	4,5	39,3	3,8	5,9	22,3	4,3	2,4	1,6	0,74	0,39	0,12	4,0	0,04	7,1	1,3	1,7	0,47				
На 100 уголовно- совершенн. лицъ общ. числа насел. приход. на 1895 г.	7,0	15,6	12,1	5,6	17,0	14,5	2,3	4,1	4,6	2,2	1,8	4,3	0,2	0,6	0,4	5,8	1,9				

Только за клятвопреступленіе число осужденныхъ среди самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ выше нежели среди служебнаго въ хозяйствѣ персонала; въ остальныхъ случаяхъ наказуемыя дѣянія въ преобладающемъ числѣ падаютъ на батраковъ и служанокъ.

Наиболѣе распространенный видъ преступленія *среди промышленнаго населенія, это—насиліе и угрозы противъ должностныхъ лицъ.* Почти половина всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ по этимъ дѣламъ приходится на долю лицъ, занятыхъ въ фабричной, горной и строительной промышленности, которыя составляютъ едва ли шестую часть общаго числа населенія. Причину этого нужно видѣть въ большемъ числѣ *молодыхъ рабочихъ на фабрикахъ*; ранняя самостоятельность и свободное распоряженіе своимъ ежедневнымъ заработкомъ оказываютъ неблагоприятное вліяніе на эту задорную молодежь. Въ своемъ самоиѣннн она считаетъ актомъ геройства—сопротивленіе второстепеннымъ представителямъ государственной власти.

Обилію молодежи въ центрахъ промышленности слѣдуетъ приписать значительное участіе послѣднихъ въ области преступленій противъ нравственности, а сильное распространеніе случаевъ нанесенія тѣлесныхъ поврежденій находится въ зависимости отъ многочисленности кабаковъ въ промышленныхъ центрахъ.

Преступленіемъ, специфически характернымъ для *купеческаго сословія*, къ которому слѣдуетъ отнести и лицъ, владѣющихъ трактирными заведеніями и кабаками, является *ростовщичество*. На 2,3% самостоятельныхъ хозяевъ пришлось 59,8 случаевъ ростовщичества. Благопріятное матеріальное положеніе многихъ купцовъ позволяетъ легче, чѣмъ лицамъ другихъ какихъ либо профессій, совершать ссудныя денежныя операціи; возможно, что для нѣкоторыхъ ростовщиковъ торговое дѣло служить лишь прикрытіемъ для ихъ рискованныхъ ссудныхъ операцій.

Преступность четвертой группы стоитъ далеко ниже численнаго ея отношенія къ общему количеству населенія; эта группа охватываетъ категоріи лицъ, занятыхъ общественной и придворной службой и такъ называемыми *либеральными профессіями* (врачи, учителя, адвокаты и т. д.). Специально-экономическое положеніе, происхожденіе и воспитаніе служатъ защитой противъ преступныхъ соблазновъ и искушеній; защитой, къ сожалѣнію, недостаточной. Въ сферѣ ростовщичества и мошенничества число преступленій среди этого общественного слоя достигаетъ такого же числа, а въ преступленіяхъ противъ нравственности даже превосходить число этихъ преступленій среди лицъ, принадлежащихъ къ другимъ профессіямъ.

Для нѣкоторыхъ видовъ свободныхъ профессій въ 1899 г. были произведены особыя статистическія обследованія, изъ которыхъ видно, что на каждые 10.000 высшихъ судебныхъ чиновниковъ приходилось

обвинительныхъ приговоровъ 3,5, на то же число адвокатовъ—56, врачей—70, учителей 29,5. Дѣйствительное общее число обвинительныхъ приговоровъ очень незначительно—наказанію были подвергнуты, напр., всего 3 высшихъ судебныхъ чиновника. Болѣе половины обвинительныхъ приговоровъ, относительно врачей постановлено по дѣламъ объ оскорбленіи, относительно учителей— $\frac{1}{3}$ приговоровъ, $\frac{1}{6}$ —за нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій при исполненіи служебныхъ обязанностей, $\frac{1}{8}$ —за преступленія противъ нравственности. Среди 58 осужденныхъ лицъ духовнаго сословія 23 наказаны за оскорбленіе, 11—за оскорбленіе чести. За всѣмъ тѣмъ, наблюденія всего за одинъ годъ слишкомъ незначительны, чтобы имъ можно было придавать серьезное значеніе. Болѣе цѣнны данныя о преступности среди студентовъ; но они будутъ рассмотрѣны въ другомъ мѣстѣ.

Очень незначительно число осужденныхъ *слугъ*. Господствующій среди нихъ видъ преступленія—*кража*; но и число этихъ преступленій не выше того, которое соотвѣтствуетъ ихъ процентному отношенію къ общему составу населенія. Большое количество кражъ среди слугъ объясняется тѣмъ соблазномъ, которому съ этой стороны ежедневно подвергаются молодые люди. Молодость вообще наименѣе защищена отъ преступныхъ искушеній; и если мы все таки видимъ, что слуги проявляютъ наименьшую преступность, то не ошибемся, приписавъ этотъ благоприятный фактъ вліянію матеріально обезпеченнаго существованія: они пользуются здоровой пищей, имѣютъ приличное платье и не испытываютъ острой нужды.

Группа *«совсѣмъ безъ занятій или безъ опредѣленныхъ занятій»* отличается очень пестрымъ составомъ. Она состоитъ изъ представителей такихъ общественныхъ слоевъ, для членовъ которыхъ очень рѣдко или совсѣмъ не представляется поводовъ къ совершенію преступленій; таковы: учащіеся, рантье, опекаемые благотворительными учрежденіями, наконецъ, лица, неуказавшія своей профессіи. Едва-ли мы ошибемся, если предположимъ, что послѣдняя категорія лицъ таитъ въ себѣ скрытыхъ профессиональныхъ преступниковъ; за это говорить высокій процентъ *ростовщиковъ*, выходящихъ изъ этой группы.

Общая рубрика «рабочіе, неуказавшіе опредѣленной отрасли труда», обнимаетъ, наконецъ, седьмую группу, составляющую 1% населенія, но показывающая въ 10 разъ большій процентъ преступности. Цифры совершаемыхъ ими преступленій, какъ укрывательство (14,4), кража (15), растрата (12,7), насиліе и угрозы противъ должностныхъ лицъ (15,8), клятвopеступленіе (7,9), безнравственность (8,9) показываютъ, какіе опасные элементы скрываются въ этой группѣ. То, что сказано было о лицахъ, скрывающихъ свою профессію, еще въ большей степени можетъ быть примѣнено къ нимъ. Сюда нужно при-

числить и тѣхъ рабочихъ, которые, вслѣдствіе тѣлесныхъ или духовныхъ дефектовъ, не способны къ продолжительной работѣ ни въ городской промышленности, ни въ земледѣльской. Но большинство изъ нихъ и не заслуживаетъ собственно почетнаго имени «рабочаго». Изъ 2886 обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ о сводничествѣ въ 1895 г. 521 выпало на долю этихъ «рабочихъ», составляющихъ всего 1% общаго числа населенія. Уголовная статистика совершенно правильно отмѣчаетъ тотъ фактъ¹⁾, что въ уголовно-статистическія карточки часто заносятся въ качествѣ «рабочихъ» лица, совершенно неработающія. Такое злоупотребленіе этимъ терминомъ вовсе невыгодно для рабочихъ и совершенно неумѣстно.

Выше было упомянуто объ отдѣльныхъ статистическихъ обследованіяхъ нѣкоторыхъ либеральныхъ профессій. Можно заранѣе предсказать, что никакихъ крупныхъ результатовъ отъ этого ожидать нельзя, такъ какъ обезпеченное экономическое и социальное положеніе лицъ, принадлежащихъ къ этимъ профессіямъ, избавляетъ ихъ отъ серьезнаго риска впасть въ преступленіе. Трудность подобнаго частнаго статистическаго обследованія особенно велика въ отношеніи нѣкоторыхъ профессій, характеръ которыхъ не изученъ съ достаточной полнотой. Было бы желательно произвести учетъ преступленій среди нѣкоторыхъ ремесель, сопоставивъ при этомъ представителей по возможности самыхъ разнохарактерныхъ видовъ занятій, какъ мясниковъ и парикмахеровъ; владѣльцевъ трактировъ, кельнеровъ, поденщиковъ, наконецъ, безусловно необходимо опредѣлить размѣръ участія *проституціи* въ области преступленія.

Народная нравственность. Алкоголизмъ.

Разрушительное вліяніе алкоголя принадлежитъ къ разряду тѣхъ причинъ преступленія, которыя изучены наиболѣе основательно и полно. Однако дѣйствіе алкоголя, какъ фактора преступленія, во всемъ его объемѣ можетъ быть оцѣнено только въ томъ случаѣ, когда послѣднее является *непосредственнымъ* результатомъ его. *Косвенное* же вліяніе пьянства имѣетъ тѣмъ большее значеніе и тѣмъ болѣе прискорбно, что лицо, являющееся его жертвою, само можетъ и не быть алкоголикомъ.

Пьяницы лишь очень рѣдко производятъ нормальное *потомство*. Демме²⁾ произвелъ сравнительное изслѣдованіе дѣтей, принадлежащихъ къ различнымъ семьямъ, находящимся въ одинаковыхъ экономическихъ

¹⁾ N. F. 95. II. 35.

²⁾ Demme, *Über den Einfluss des Alkohols auf den Organismus des Kindes* 1891.

условіяхъ. Одна группа изъ 10 семействъ, въ числѣ членовъ которыхъ совѣтъ не было пьяницъ, произвела 50 нормальныхъ и выжившихъ дѣтей, 7—преждевременно умершихъ, 2—съ остановкою въ умственномъ развитіи и 2—съ врожденными уродствами. Отъ 10 семействъ пьяницъ пронзшли только 9 нормальныхъ дѣтей и 24 преждевременно умершихъ, остальные 22 дѣтей представляли собою субъектовъ слабоумныхъ, уродливо-развитыхъ, подверженныхъ эпилептическимъ припадкамъ. Къ совершенно аналогичнымъ результатамъ пришелъ *Леграиз* ¹⁾. Изъ 54 выжившихъ членовъ семействъ, въ которыхъ отецъ и мать были пьяницами, въ свою очередь сдѣлались пьяницами 63⁰/₁₀₀; часть изъ нихъ, а также часть остальныхъ членовъ этихъ семействъ, были подвержены душевнымъ заболѣваніямъ.

Печальное наслѣдство приносить съ собою ребенка, произведенный на свѣтъ пьяницей. *Физическіе и умственные качки*—въ силахъ ли они выдержать борьбу за существованіе? Это прирожденные кандидаты въ тюрьмы и дома для умалишенныхъ. *Бонзѣфферъ* ²⁾ насчиталъ среди изслѣдованныхъ имъ бродягъ 57⁰/₁₀₀ пораженныхъ наслѣдственнымъ алкоголизмомъ; большинство изъ нихъ сами также сдѣлались алкоголиками. Это прямое наслѣдованіе наклонности къ пьянству рѣзко бросается въ глаза при разсмотрѣніи приведеннаго на страницѣ 57-й родословнаго дерева.

Но одной печальной наслѣдственностью не исчерпывается *роковая участь* дѣтей алкоголиковъ. Какъ вообще живется въ семьяхъ пьяницъ,—едва ли объ этомъ нужно много говорить. Окруженный грязью и нищетою, невольный и равнодушный свидѣтель гнусныхъ зрѣлищъ, проявленій животнаго эгоизма отца, отвратительныхъ ссоръ и грубаго насилія—могутъ ли въ ребенкѣ при такихъ условіяхъ зародиться какія либо нравственныя привычки? *Улица* со всеми ея опасными соблазнами дѣлается ему второю родиною. Нужно особенно счастливое стеченіе обстоятельствъ, чтобы дѣти пьяницъ уже въ самомъ раннемъ возрастѣ *сами* не познакомились съ алкоголемъ. Рано также исчезаетъ и страхъ передъ тюрьмою. Такъ какъ большинство пьяницъ отъ времени до времени оказываются въ конфликтѣ съ законами, то у ребенка, для котораго пребываніе отца въ тюрьмѣ является привычнымъ фактомъ, въ концѣ концовъ пропадаетъ всякій страхъ передъ уголовнымъ судьей.

Это—только одно изъ опасныхъ послѣдствій принадлежности къ семьѣ пьяницъ. Сюда надо еще присоединить *тяжелое экономическое положеніе* такихъ семей. Если даже въ бюджетѣ трезваго рабочаго расходы на выпивку занимаютъ довольно видное мѣсто, то каковы же они

¹⁾ *Legrain, Dégénérescence et alcoolisme. Paris 1895.*

²⁾ *Bonhöffer, Über großstädtisches Bettel- und Vagabondentum. Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswissenschaft. T. XXI, стр. 20.*

Анто:ъ В. (пьяница).

Николай,
здоровъ.

Яковъ,
по прозвищу
водяной богъ, пья-
ница; умеръ отъ
разрыва сердца.

Юаннъ,
пьяница,
умеръ
отъ разры-
ва сердца

Антонъ,
пьяница,
умеръ
отъ разры-
ва сердца.

Соломонъ,
здоровый.

Кетхенъ,
пьяница,
проститут-
ка, пре-
ступница.

Здоровый.

Про-
ститутка.

Про-
ститутка.

Здоровъ.

Распут-
никъ, безъ
вѣсти про-
павшій.

Данилъ,
пьяница,
умеръ отъ
бѣлой
горячки.

Юаннъ,
умеръ отъ
оспы

Фрицъ,
пьяни-
ца.

Юлія,
чест-
ная.

Юаннъ,
пьяни-
ца (86
пред-
шеств.
наказ.)

Грег-
хенъ,
пья-
ница.

Умер-
ла.

должны быть въ бюджетѣ настоящаго пьяницы? Работаетъ ли онъ, ба-
стуетъ, понедѣльничаетъ или просто бездѣльничаетъ изъ за пьянства,
онъ не ограничиваетъ количества потребляемаго алкоголя; въ трудныя
времена онъ урѣзываетъ пропитаніе жены и дѣтей. Нужда же женъ и
дѣтей не рѣдко наводитъ на первую мысль о преступленіи, приводитъ
къ первой кражѣ, къ первому наказанію.

Этими указаніями на косвенное вліяніе алкоголизма на преступ-
ность я ограничусь. Гораздо легче указать на непосредственное участіе
пьяницъ въ области преступленій ¹⁾.

Въ недавнее время *Масуэнз* ²⁾ сдѣлалъ попытку на основаніи
актовъ, а также показаній осужденныхъ, опредѣлить роль алкоголя въ пре-
ступленіи. Изъ добытыхъ имъ данныхъ мною приведены въ таблицѣ лишь
наиболѣе обстоятельныя цифры.

Т а б л и ц а XIV.

	Число	Привычные пьяницы		Число	Пьяные въ мо- ментъ соверш. преступленія	
		Число	%		Число	%
Приговорены къ смерти за 1872— 1895 г.	202	121	59,9	88	38	43,1
Приговорены къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ за 1872—1895 г.	216	118	54,6	130	53	40,7
Осужденные въ центральной тюрь- мѣ въ Лувенѣ 1874—1895.	2588	1157	44,7	2045	344	16,8

Наибольшее число привычныхъ пьяницъ насчитывается среди ка-
тегорій преступниковъ, осужденныхъ къ смертной казни; оно умень-
шается вмѣстѣ съ *тяжестью* преступленія, поскольку размѣръ и сте-
пень наказанія могутъ служить мѣриломъ опасности преступныхъ дѣя-
ній. Еще замѣтнѣе становятся различія, смотря по тому, совершены ли
наказуемыя дѣянія трезвыми или пьяными людьми. Въ общемъ среди
осужденныхъ число пьяницъ составляло лишь $\frac{1}{6}$ часть, въ случаяхъ
же тяжкихъ преступленій—болѣе $\frac{2}{5}$. Отсюда слѣдуетъ, что привычное,

¹⁾ Нижеслѣдующее изложеніе по содержанію соответствуетъ тому, что я
уже говорилъ въ напечатанной мною статьѣ въ *Zeitschrift f. d. ges. Strafrechts-
wissenschaft.*, т. XX, стр. 80: «Потребленіе алкоголя и преступленіе; уголовно-психо-
логическій этюдъ». Приведены тамъ цифры соответственно измѣнены и допол-
нены и потому приобрѣли еще большую силу доказательности.

²⁾ *M. Mascin. Communication relative à l'alcoolisme dans ses rapports avec
la criminalité. Bulletin l'academie royale de médecine de Belgique. 1896. стр. 321.*

какъ и случайное пьянство, какъ факторъ преступленія, обнаруживается главнымъ образомъ въ случаяхъ тяжкихъ преступленій; по крайней мѣрѣ, таковы результаты наблюденій въ Бельгiи.

Наиболѣе полныя статистическія данныя по этому вопросу собраны *Беромъ* ¹⁾, которому удалось добыть свѣдѣнія изъ 49 прусскихъ каторжныхъ тюремъ и 32 тюремъ для мужчинъ, изъ 18 каторжныхъ тюремъ и обыкновен. тюремъ для женщинъ и 21 исправительныхъ пріютовъ для обоихъ половъ. Среди 30041 заключенныхъ мужчинъ насчитывается 43,9% и 2796 заключенныхъ женщинъ—18,1% пьяницъ.

Число пьяницъ во всѣхъ категорiяхъ заключенныхъ мужчинъ, какъ показываютъ цифры нижеслѣдующей таблицы, приблизительно одинаково.

Таблица XV.

Родъ пенитенці- арнаго учрежде- нія.	Число за- ключенныхъ	Пьяницы						Среди пьяницъ было			
		Въо- бще	%	Слу- чай- ные	%	При- выч- ные	%	Слу- чай- ныхъ	%	При- выч- ныхъ	%
Каторжная тюрьма . . .	19531	8817	45,1	4606	23,6	4211	21,5	4606	52,2	4211	47,8
Тюрьма . . .	8067	3324	41,2	2465	30,5	859	10,7	2465	70,4	859	26,0
Исправитель- ный домъ . . .	2443	1058	43,3	—	—	1058	43,3	—	—	—	—

Здѣсь не отмѣчено распространеніе *пьянства среди бродягъ*; и это понятно, потому что за преступленія, совершенныя въ пьяномъ видѣ, помѣщаютъ въ тюрьму и каторжную тюрьму, а не въ рабочій домъ. Между тѣмъ почти половина всѣхъ бродягъ—привычные пьяницы. Еще болѣе высокія цифры, нежели у *Бера*, нашли *Снелъ* ²⁾ и *Бониффергъ* ³⁾. Послѣдній устанавливаетъ факты, что изъ 113 бродягъ, вьавшихъ въ преступленіе до 25 лѣтняго возраста, но ко времени наблюденія уже перешедшихъ этотъ возрастъ, только 12 не потребляли регулярно и ежедневно алкоголя; среднее потребленіе составляло $\frac{3}{4}$ литра водки. *Снелъ* нашелъ, что въ исправительномъ заведеніи Вунсторфъ (Ганноверъ) изъ 100 обитателей его, 87 уже въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ потребляли въ среднемъ по $1\frac{1}{2}$ литра въ день. Кромѣ того 67% обнаруживали признаки хроническаго алкоголизма.

¹⁾ *A. Baer, Der Alkoholismus, seine Verbreitung und seine Wirkung auf den individuellen und socialen Organismus. Berlin. 1878. стр. 349.*

²⁾ *Snell, Цитированный у Hoppe, Die Tatsachen über den Alkohol. 1901. стр. 216.*

³⁾ *Цит. соч. стр. 13.*

Пьяницы привычныхъ больше въ *каторжной тюрьмѣ*, нежели въ *тюрьмѣ*, напротивъ, преступленіе, совершенное въ пьяномъ видѣ, чаще, повидимому, проводится въ *тюрьму*, нежели въ смирительный домъ. Для объявленія этого явленія нужно обратиться къ разсмотрѣнію преступленій, за которыя налагаются эти наказанія. Но для этого я не обладаю достаточными статистическими данными; къ тому же недостаточно рѣзко проведено различіе между привычными, случайными пьяницами и непьющими.

Вообще случайными пьяницами называютъ тѣхъ, которые пьютъ въ особыхъ только случаяхъ; привычные же предаются эксцессамъ алкоголизма, безъ всякихъ особыхъ поводовъ, вродѣ какого нибудь праздника, дня именинъ или рожденія. Но такъ какъ поводовъ къ выпивкѣ для тѣхъ, кто ихъ ищетъ, всегда имѣется въ изобиліи, то разница между привычнымъ и случайнымъ пьяницей ступевывается. Кромѣ того, бываютъ пьяницы, которые рѣдко или никогда не напиваются, а съ другой стороны, случайное опьяненіе не является еще признакомъ пьянства, какъ привычки. Эти соображенія показываютъ, насколько субъективны эти опредѣленія. Въ собираніи вышеприведенныхъ статистическихъ данныхъ принимали участіе 120 директоровъ различныхъ пенитенціарныхъ учреждений. Такимъ образомъ приходится считаться со 120 возможными случаями ошибокъ субъективныхъ сужденій въ вопросѣ о пьянствѣ, и это то обстоятельство исключаетъ возможность какихъ либо обобщеній изъ данныхъ статистики по интересующему насъ вопросу.

Болѣе цѣнны цифры, сообщаемыя *Беромъ* ¹⁾ о заключенныхъ въ тюрьмѣ *Платцензее* близъ Берлина, уже по одному тому, что въ этомъ случаѣ онъ былъ единственнымъ судьей въ выборкѣ данныхъ. Среди его 3227 заключенныхъ, о которыхъ онъ собралъ свѣдѣнія, 1174 или 36,5% были пьяницами, и при нихъ 999 или 84,2% случайныхъ, а остальные 175 привычныхъ пьяницъ.

Какъ видно изъ таблицы XVI участіе привычныхъ пьяницъ въ преступленіяхъ значительно меньше участія людей, *находившихся* въ моментъ преступленія *подъ вліяніемъ винныхъ паровъ*. Въ преступленіяхъ ихъ нужно различать двѣ группы: первая заключаетъ въ себѣ такіе виды преступленій, какъ нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій, сопротивленіе властямъ, нарушеніе домашней тишины, порча вещей и преступленія противъ нравственности, т. е. преступленія, въ которыхъ доминируетъ элементъ грубой силы и звѣрскаго насилія; вторая—кражи и растраты. Выполненіе этихъ послѣднихъ преступленій противъ имущества дѣлается болѣе труднымъ даже при легкой степени опьяненія, тогда какъ, напротивъ, совершенное опьяненіе со всѣми его психиче-

¹⁾ Цит. стр. 352.

скими послѣдствіями облегчаетъ выполнение преступленій, сопряженныхъ съ насиліемъ.

Таблица XVI.

Преступленія	Общес число	Изъ нихъ			
		Случайные пьяницы		Привычные пьяницы	
		Число	%	Число	%
Нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій	351	180	51,3	11	3,1
Сопротивленіе властямъ	429	300	70,1	22	5,1
Нарушеніе домашней тишины	217	120	55,2	3	1,3
Порча вещей	78	43	55,1	4	5,1
Преступленія противъ нравственности	44	29	66,0	4	9,0
Кража	1467	243	16,5	90	6,0
Растрата	260	49	18,8	14	4,2

То же различіе въ степеніи участія острыхъ алкоголиковъ въ преступленіяхъ, смотря по роду послѣднихъ, обнаруживается и въ статистическихъ данныхъ, касающихся очень короткаго промежутка времени съ 1 Октября по 31 Декабря 1895 г. въ великомъ герцогствѣ *Баденскомъ*¹⁾. Въ то время, какъ въ 148 случаяхъ сопротивленія властямъ 64%, а въ дѣлахъ о нанесеніи тѣлесныхъ поврежденій 46%, падаетъ на долю лицъ, находившихся въ состояніи полнаго опьяненія, въ 613 случаяхъ кражъ лишь 7% приходится на долю пьяницъ.

Какъ ни очевидна связь между пьянствомъ и преступленіемъ, опасность заключается въ томъ, что показанія самихъ преступниковъ ненадежны. Смотря по положенію дѣла они стремятся или преувеличить состояніе своего опьяненія, или скрыть его; эту опасность извращенія истиннаго положенія дѣла, даже показанія свидѣтелей и часто совершенно субъективная точка зрѣнія судей не могутъ ослабить.

Поэтому я не останавливаюсь на данныхъ, собранныхъ *Коблинскимъ*²⁾ относительно 390 заключенныхъ въ пенитенціарномъ учрежденіи Дюсельдорфъ-Дерендорфъ, преступленія которыхъ онъ пытался раздѣлить на двѣ группы: 1) совершенныя внѣ вліянія, и 2) совершенныя подъ вліяніемъ алкоголя; достаточно уже одного того, что онъ нашелъ связь между алкогольными эксцессами и преступленіемъ лишь въ 32,8%. По его матеріалъ представляетъ интересъ съ совершенно другой стороны;

¹⁾ *Der Missbrauch geistiger Getränke im Grossherzogtum Baden. Karlsruhe. 1896, стр. 51.*

²⁾ *Kobliński, Alkoholismus und Verbrechen. Bericht über den 5. internationalen Kongress zur Bekämpfung des Missbrauchs geistiger Getränke in Basel 1895, стр. 164.*

а именно, онъ опредѣлилъ дни совершенія преступленій 380 заключенными, которыхъ онъ наблюдалъ.

Таблица XVII.

Преступленія совершены	Преступленія вообще	Нанесеніе тѣлеснаго поврежденія
Понедѣльникъ	165	121
Вторникъ	68	32
Среда	28	9
Четвергъ	20	9
Пятница	20	5
Суббота	17	4
Воскресенье	62	35
Всего	380	205

43% всѣхъ преступленій были совершены въ воскресенье, 18% въ понедѣльникъ, 16,3% въ субботу, тогда какъ на другіе дни недѣли приходится только 4—7%; случаевъ нанесенія тѣлесныхъ поврежденій на воскресенье приходится даже 59%.

Примѣру Кюблинскаго послѣдовалъ слѣдственный судья въ Цюрихѣ Отто Лангъ¹⁾, который въ основаніе своей небольшой работы положилъ судебные матеріалы окружнаго цюрихскаго суда, относящіеся къ 1891 г. Въ этомъ году было осуждено 141 лицо за нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій или за участіе въ дракѣ, сопровождавшейся тѣлесными поврежденіями.

Таблица XVIII.

Преступленія совершены	Осужденны
Въ субботу	18
» воскресенье	60
» понедѣльникъ	22
» другіе дни, но ночью, или въ трактирѣ	25
» остальные дни недѣли, но днемъ (на каждый день по 4)	16
Всего	141

¹⁾ *Otto Lang, Alkoholgenuss und Verbrechen. Basel.*

Такимъ образомъ при 141 осужденныхъ, въ теченіе 208 дней, въ которые, по господствующему обычаю, пьютъ меньше, только 41 лицо совершило преступленія, въ остальные же 157 дней, когда алкоголь потребляется въ усиленномъ количествѣ, преступленія совершили 100 лицъ.

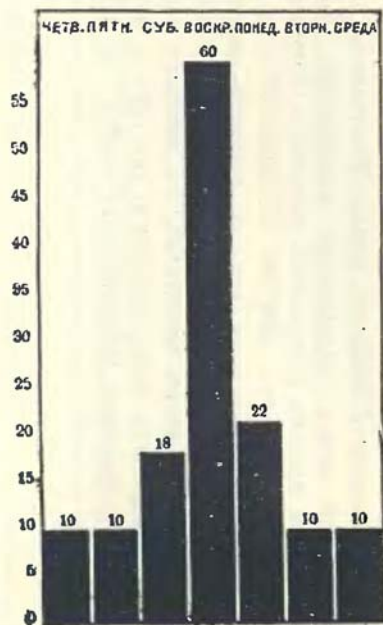
Явленіе это очень легко объяснить. Въ субботу, день полученія недѣльной заработной платы, часть послѣдней постоянно пропивается, въ воскресенье для рабочаго, домашняя обстановка котораго рѣдко имѣетъ какую либо притягательную силу, не остается никакого другого убѣжища, особенно во время дурной погоды и холода, кромѣ кабака; а въ понедѣльникъ подъ вліяніемъ непріятныхъ послѣдствій воскресныхъ эксцессовъ онъ не является на работу—«понедѣльничаетъ».

Одно только возраженіе возможно противъ нашего вывода о совпаденіи по времени случаевъ нанесенія тѣлесныхъ поврежденій съ днями получки заработной платы и различныхъ празднествъ. Это—указаніе на то, что усиленіе опасности столкновеній по воскресеньямъ, само собою понятно, ибо въ эти дни музыка, танцы, разнообразныя народныя развлечения собираютъ на ограниченномъ пространствѣ большія противъ обыкновеннаго народныя массы, въ то время, какъ въ другіе дни недѣли рабочіе остаются на своихъ фабрикахъ и въ мастерскихъ. Это возраженіе однако не ослабляетъ силы нашего вывода, потому что, наряду съ воскресеньемъ, суббота и понедѣльникъ также отличаются большимъ числомъ случаевъ нанесенія тѣлесныхъ поврежденій по тѣмъ же самымъ причинамъ. *Шретеръ*¹⁾ уже показали, какъ велико число этихъ случаевъ по понедѣльникамъ, происшедшихъ при участіи лицъ, не успѣвшихъ приняться за свою обычную работу; а именно, онъ нашелъ, что изъ 2178 случаевъ нанесенія тѣлесныхъ поврежденій 215 приходилось на понедѣльники, а изъ этихъ 215 случаевъ 112, т. е. 53%, произошли по винѣ лицъ, которыя *понедѣльничали*.

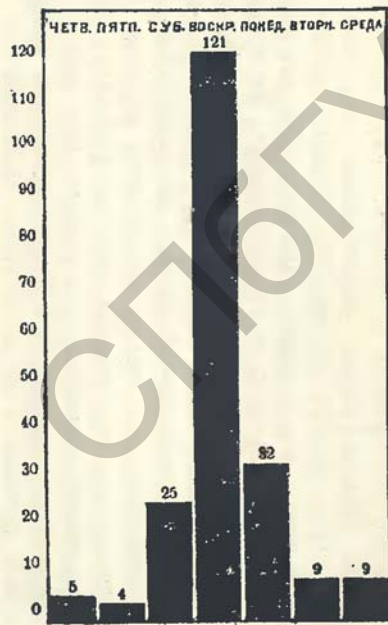
Я имѣю возможность привести новыя доказательства, подтверждающія полное согласіе между результатами изслѣдованій *Ланга* и *Коблинскаго*. По моей просьбѣ, медицинскій совѣтникъ *Фертисъ* въ Вормсѣ собиралъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 8 ноября 1896 по 7-е ноября 1900 г., всѣ повѣстки, которыми онъ въ качествѣ окружнаго врача приглашался окружнымъ санитарнымъ бюро въ Вормсѣ для официальныхъ изслѣдованій. По этимъ повѣсткамъ, въ которыхъ обозначались и дни нанесенія ранъ, легко было опредѣлить дни недѣли, когда совершенно было дѣяніе, требовавшее вмѣшательства власти (ср. табл. III).

¹⁾ Цитировано у *Коблинскаго*.

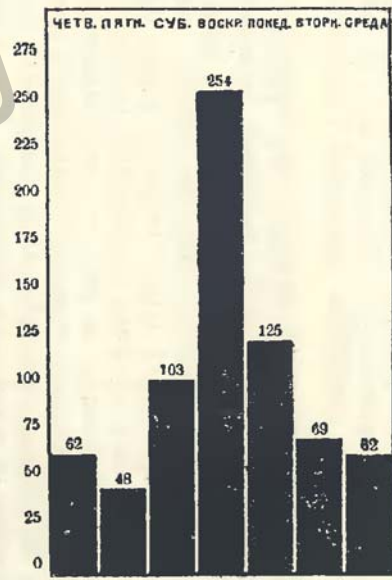
Дни, когда были причинены тѣлесныя поврежденія.

По Лангу (Цюрихъ).

По Кобленскому (Рейнская область).

По собств. даннымъ (Вормъ).

Таблица XIX.

Тѣлесныя поврежденія были нанесены.	
Въ понедѣльникъ	125
вторникъ	69
среду	62
четвергъ	62
пятницу	48
субботу	103
воскресенье	254
Всего	723

Такимъ образомъ 35,1%, т. е. болѣе одной трети случаевъ приходится на воскресные дни, за которыми слѣдуютъ понедѣльники съ 17,3% и субботы съ 14,2%; тогда какъ число случаевъ, выпадающихъ на остальные дни недѣли, колеблется между 6,6 и 9,6%. На три дни съ субботы до понедѣльника приходится ровно вдвое больше случаевъ, чѣмъ на остальные четыре дня недѣли.

Еще ярче обнаруживается опасное вліяніе конца недѣли въ цифрахъ, которыми я обязанъ любезности медицинскаго совѣтника *Кюрца*, окружного врача въ *Гейдельбергъ*. За 10 мѣсяцевъ имъ собраны свѣдѣнія о 261 случаѣ нанесенію тѣлесныхъ поврежденій, изъ которыхъ 124 приходились на воскресенье, 54 на понедѣльникъ, 20 на субботу; всѣ же остальные 63 случая распредѣлились между другими четырьмя днями недѣли. Но кромѣ того изъ этихъ 63 случаевъ надо исключить 16, которые приходились на праздничные дни, 4—на дни освященія церквей, и 9—на дни военныхъ смотровъ; такъ что на *рабочіе дни недѣли* пришлось собственно всего 34 случая. Съ такимъ распредѣленіемъ находится въ полномъ согласіи и тотъ фактъ, что 196 случаевъ нанесенія тѣлесныхъ поврежденій имѣли мѣсто въ вечернее время послѣ 6 час. вечера или ночью, и, случайнымъ образомъ, ровно столько же въ нитейныхъ домахъ или же непосредственно по выходѣ изъ нихъ; только 33 случая имѣли мѣсто во время работы, остальные неизвѣстно гдѣ или же на квартирахъ.

Эти немногія цифры, приведенныя мною, говорятъ однако очень много. Онѣ представляютъ въ очень печальномъ свѣтѣ такъ называемый *воскресный отдыхъ*. До тѣхъ поръ, пока рабочему, приказнику, поденщику не будетъ предоставлена возможность цѣлесообразно пользоваться воскресными днями (въ чемъ должна состоять эта цѣлесообразность подлежитъ выясненію въ *профилактикѣ* преступленія), пока наиболѣе привлекательнымъ мѣстомъ препровожденія ихъ досуговъ будетъ служить

пикная, останется въ силѣ существующее печальное положеніе дѣла, которое тюремнаго священника, пастора Гейма, ¹⁾ привело къ заключенію, что „законъ о воскресномъ отдыхѣ въ его настоящемъ видѣ служить очень сомнительнымъ подаркомъ“.

Не одни только *рабочіе* подвергаются опасности, связанной съ пьянствомъ. Это доказываютъ данныя о преступности среди *студентовъ*, которая дважды была предметомъ особаго статистическаго изслѣдованія (1893²⁾ и 1899³⁾). Едва ли существуетъ другое столь же благоприятное положеніе, какъ положеніе студентовъ въ теченіе академическаго года. Всѣ они, почти безъ исключенія, по происхожденію своему принадлежать къ образованнымъ семьямъ, вырастаютъ среди условій, вполне благоприятствующихъ усвоенію моральныхъ представлений, избавляющихъ ихъ отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ о личномъ существованіи,—гдѣ можно встрѣтить болѣе выгодныя условія, устраняющія, казалось бы, заранѣе всякую возможность конфликта съ уголовнымъ закономъ? Тѣмъ болѣе поразителенъ фактъ, что въ 1893 г. изъ 42.000 студентовъ—350, въ 1899 г. изъ 54.000—435 были подвергнуты наказанію по судебнымъ приговорамъ.

Таблица XX.

	На 10.000 студент. было обвинительн. приговоровъ.		На 10.000 уголовно совершено было обвин. пригов.	На 10.000 взр. людей въ возр. отъ 21-25 л. было обв. пригов.
	1893 г.	1899 г.	1899 г.	1886—1895 г.
Преступленія и проступки вообще	83,3	80,6	123,6	332,7
Оскорбленія (§§ 185, 186)	22,2	17,9	14,3	19,8
Тяжкія тѣлесныя поврежденія	15,0	9,4	24,5	95,8
Насиліе и угроза противъ властей	14,5	13,9	4,4	17,4
Порча вещей (§§ 303, 304)	9,3	10,5	4,9	17,0
Легкія тѣлесныя поврежденія	5,5	4,6	6,9	24,4
Нарушеніе домашней тишины	4,1	5,6	5,8	19,1
Простая кража съ повторнымъ рецидивомъ	0,7	1,5	21,0	51,5
Мошеничество съ повторнымъ рецидивомъ	0,5	3,0	6,3	16,4

¹⁾ Hugo Heim, *Die jüngsten und die ältesten Verbrecher*. 1897, смп. 90.

²⁾ *Statistik des Deutschen Reiches*. N. F. m. 77. II. смп. 7.

³⁾ *Statistik des Deutschen Reiches*. N. F. m. 132. II. смп. 48.

Сравнительно съ общею преступностью, преступность студентовъ получаетъ угрожающій характеръ, тѣмъ болѣе, что участіе ихъ въ преступленіяхъ противъ собственности, составляющихъ 46%о всѣхъ преступленій и проступковъ противъ имперскихъ законовъ, весьма незначительно¹⁾. Надо однако принять во вниманіе то обстоятельство, что студенты принадлежатъ къ тому возрасту, которому, какъ доказано опытомъ, въ сильнѣйшей степени присуща наклонность къ конфликтамъ съ существующими законами. Поэтому я счелъ нужнымъ привести относительныя числа для возраста въ 21—25 лѣтъ. Къ этому возрасту принадлежали 245 осужденныхъ студентовъ,²⁾ а также и большая часть всѣхъ вообще студентовъ.

Разница сравнительно съ общею преступностью населенія особенно въ двухъ послѣднихъ видахъ преступленій заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что во всѣхъ тѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, въ которыхъ, по снисходительному выраженію имперской статистики, „*юношескій задоръ*“ переходитъ уголовно-правовыя границы, они приближаются къ общему уровню преступности. Къ тому же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что взаимныя оскорбленія студентовъ часто не доходятъ до суда; далѣе, нарушенія домашней тишины, личные обиды, легкія тѣлесныя поврежденія тѣла, возникающія по частной жалобѣ, часто улаживаются полюбовнымъ соглашеніемъ. Особенно достойны сожалѣнія частые случаи *сопротивленія исполнительній власти*. Эти нарушенія законности со стороны будущихъ судей, врачей, учителей вдвойнѣ грустны. Необходимость ссылки на возрастъ, представляющій наибольшую опасность въ смыслѣ проявленія преступности, для оправданія многочисленности обвинительныхъ судебныхъ приговоровъ, приходящихся на долю студентовъ, фактъ, что студенты должны устыдиться количественнаго сближенія съ остальнымъ населеніемъ въ сферѣ такихъ преступленій, какъ нанесеніе матеріальнаго ущерба и оскорбленій, *не умаляетъ* сущности самого явленія.³⁾

Оскорбленіе, нарушеніе *домашней тишины*, порча вещей, насиліе и угрозы противъ властей, нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій—всѣ эти преступленія имѣютъ по существу одинъ и тотъ же характеръ—характеръ *грубой силы* и *отрицанія авторите-*

¹⁾ *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. XVI. Таблица V.*

²⁾ Удивительно, что среди осужденныхъ студентовъ насчитывалось 17 человѣкъ выше 30-лѣтняго возраста.

³⁾ Въ общемъ 1899 годъ показываетъ нѣкоторое улучшеніе сравнительно съ 1893, которое, къ сожалѣнію, не распространилось на кражи и мошенничество. Въ степеняхъ наказаній обнаруживается также понижательная тенденція (въ 1893 г. по дѣламъ о нанесеніи опасныхъ тѣлесныхъ поврежденій отправлено въ тюрьму 19 человѣкъ, а въ 1899—только 2).

та власти. Такъ какъ для объясненія ихъ причинъ невозможно ссы- латься ни на недостаточное воспитаніе, ни на некультурность, то оста- ется только приписать ихъ происхожденіе злоупотребленію алкоголемъ. Можно положительно утверждать, что если бы не злоупотребленія алко- големъ, обвинительные судебные приговоры противъ студентовъ, какъ это и подобало бы, сдѣлались бы большой рѣдкостью. Студенческой об- разъ жизни дать *типическую картину искусственно создаваемой преступности*, обязанной своимъ происхожденіемъ современной безнрав- ственной привычкѣ къ пьянству.

При обсужденіи вопроса о географическомъ распредѣленіи преступ- леній, я уже указалъ на то, что степень распространенія случаевъ на- несенія тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій лучше всего опредѣляется ко- личествомъ потребления алкоголя. Въ этуодѣ, посвященномъ преступности въ Вюртембергѣ, *Реттихъ* ¹⁾ пользуется статистикой случаевъ нанесе- нія тѣлесныхъ поврежденій для опредѣленія свойствъ характера мѣстна- го населенія. Не изголодавшійся ремесленникъ, не странствующій рабо- чій, не привычный воръ совершаютъ такія преступленія. «Но осѣдлый молодой фабричный рабочий, когда онъ получаетъ свой недѣльный зара- ботокъ, часто оказывается въ настроеніи, располагающемъ къ буйству; большая часть побойцъ, являющихся результатомъ такого буйнаго на- строенія, какъ показалъ опытъ, приходилось на субботу и воскресенье вечеромъ».

Частые случаи тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій я приписываю не характернымъ свойствамъ населенія, а къ обычаямъ страны и отдѣль- ныхъ мѣстъ. Но я согласенъ съ *Реттихомъ* въ томъ, что опасность ле- житъ не въ испорченности привычнаго преступника, а въ *пьянствѣ*. Только часть, но далеко не большая, наказаній пришлось и на долю привычныхъ пьяницъ; 60% осужденныхъ въ 1899 г. за нанесеніе тяж- кихъ тѣлесныхъ поврежденій, подверглись наказанію впервые! Въ ха- рактерныхъ формахъ преступленій, которыя носятъ на себѣ ярко выра- женную печать импровизаціи, ярко обнаруживается тотъ фактъ, что опасны не столько привычные пьяницы, живущіе паразитами на счетъ общества, сколько случайные пьяные выходки рабочего, ремесленника, студента.

Какъ ни дѣльны субъективныя показанія судей и данныя ста- тистическихъ изслѣдованій, но они оставляютъ открытымъ вопросъ о характерѣ связи между эксцессами пьянства и нанесеніемъ тяжкихъ тѣ- лесныхъ поврежденій. Поэтому мы прежде всего обратимся къ вопросу о *вліяніи алкоголя на психику человека*. Только въ послѣднее

¹⁾ *Rettich, Die württembergische Kriminalität. Württembergische Jahrbücher für Statistik und Landeskunde. 1899. I, cup. 409.*

десятилѣтіе *Крепелиномъ*¹⁾ и его учениками произведены подробныя изслѣдованія о вліяніи большихъ и малыхъ дозъ алкоголя на интеллектуальныя функціи.

Пониженіе энергіи духовныхъ функцій, и довольно замѣтное, начинается уже послѣ потребленія $\frac{1}{2}$ —1 литра пива, т. е. такого количества, котораго еще совершенно недостаточно для того, чтобы вызвать состояніе опьянѣнія. Пониженіе это выражается въ затрудненіи дѣятельности памяти, ослабленіи способности къ самымъ простымъ умственнымъ операціямъ, вродѣ обыкновеннаго сложенія, въ уменьшеніи продуктивности привычной работы. Затѣмъ, нарушается также послѣдовательность въ цѣпи представленій и внутреннее соотношеніе между словами. Всѣ эти признаки ненормальнаго психическаго состоянія свидѣтельствуютъ болѣе объ умственномъ упадкѣ и отупѣніи привычнаго пьяницы, нежели объ эксцессахъ опьянѣнія. Здѣсь для объясненія преступныхъ дѣяній скорѣе можно было бы указать на явное притупленіе способности воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, которое влечетъ за собою опасности ошибочнаго истолкованія жестовъ и словъ. Но и этому факту, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ приписывать слишкомъ большого значенія.

Намъ однако извѣстно болѣе важное дѣйствіе алкоголя, имѣющее громаднѣйшій интересъ. Въ экспериментальной психологіи *реакцію* понимаютъ, какъ отвѣтъ на раздраженіе посредствомъ опредѣленнаго движенія не только рукъ, но и языка и его мускулатуры. Между раздраженіемъ и началомъ отвѣтнаго движенія проходитъ извѣстное, измѣряемое весьма чувствительнымъ аппаратомъ до $\frac{1}{1000}$ секунды, время, необходимое для *психической* переработки полученнаго раздраженія. Въ случаяхъ самыхъ простыхъ реакцій, напр., при отвѣтѣ на звуковое раздраженіе посредствомъ заранѣе условеннаго, легкаго движенія пальцемъ и т. п., этотъ промежутокъ времени очень незначителенъ. Подъ вліяніемъ даже ничтожнаго приѣма алкоголя время реакціи становится еще *короче*. Но какъ показываютъ нѣкоторые спеціальныя опыты, это ускореніе процесса реакціи нельзя разсматривать, какъ признакъ функциональнаго прогресса, ибо что въ данномъ случаѣ выигрывается во времени, теряется въ *солидности* и *прочности*. Психическая переработка раздраженія дѣлается болѣе поверхностной или совершенно исчезаетъ; реакція является не чѣмъ инымъ, какъ отвѣтомъ въ формѣ произвольнаго движенія на ожидаемое только раздраженіе. Моментъ полученія раздра-

¹⁾ Kraepelin, *Beeinflussung einfacher psychischer Vorgänge durch einige Arzneimittel*. 1892; Aschaffenburg, *Psychologische Arbeiten*. n. I. изд. E. Крепелина; Kürz und Kraepelin, *Ibid.* III. сmp. 417; Martin Mayer, *Ibid* III сmp. 535 Oseretzkowsky und Kraepelin, *Ibid.* III, сmp. 587; Ernst Rüdin, *Ibid.* IV, сmp. 1; Smith, *Die koholfrage*. 1895. Fürer, *Bericht über den internationalen Kongress zur Bekämpfung des Alkoholsmissbrauchs* 1894, сmp. 369.

женія, приблизительно предвидимый, заранѣе *воспринимается*; отвѣтное движеніе обнаруживается въ тотъ самый моментъ, когда только ожидается раздраженіе, а не тогда, когда оно дѣйствительно уже наступило. Такъ бывають, когда солдатъ, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ первыхъ выстрѣловъ, не въ силахъ больше владѣть собою и подъ давленіемъ нервного напряженія спѣшитъ спустить курокъ ружья, прежде чѣмъ онъ успеетъ какъ слѣдуетъ прицѣлиться.

Этотъ способъ отвѣчать на раздраженія называютъ *«преждевременной реакціей»*, если же психическая задача состоитъ въ выборѣ между двумя и болѣе отвѣтными движеніями, то преждевременныя превращаются въ *«ошибочныя реакціи»*. При наличности этихъ *«преждевременныхъ реакцій»*, обусловливаемыхъ потребленіемъ алкоголя, мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ *повышенной степенью возбудимости двигательныхъ функций*. Вслѣдствіе повышенной степени двигательной энергіи, психическій процессъ сужденія сводится къ *минимуму*. Было ли данное раздраженіе именно тѣмъ, которое ожидалось, а вызванное имъ отвѣтное движеніе цѣлесообразнымъ и заранѣе для него условленнымъ, открывается лишь изъ послѣдующаго анализа, когда сдѣланная ошибка уже не можетъ быть исправлена.

Это вліяніе алкоголя на формы психическихъ функций цѣликомъ обнаруживается въ фактахъ обыденной жизни. При этомъ связь между состояніемъ опьяненія и преступленіемъ выступаетъ передъ нами въ надлежащемъ свѣтѣ. И въ трактирѣ и въ послѣдующіе затѣмъ моменты, на улицѣ, характеръ дѣйствія алкоголя одинъ и тотъ же. Источникомъ раздраженія является какое-нибудь выраженіе, бранное слово, угрожающій жестъ, случайное столкновеніе, а послѣдующая реакція обнаруживается въ формѣ оскорбленія, удара кулакомъ, палкой, пивной кружкой, ножомъ.

Если бы нормальное *теченіе* реакцій не было нарушено алкоголемъ, то спокойное размышленіе вступило бы въ свои права, и могла бы быть найдена наиболѣе цѣлесообразная форма защиты отъ нападенія, часто мнимаго, отъ оскорбленія, часто совершенно безобиднаго. Но здѣсь, какъ и въ лабораторныхъ опытахъ, нормальная психическая работа оказывается нарушенной опьяненіемъ, и отвѣтъ на раздраженіе получается *преждевременный*. Повышенная возбудимость двигательныхъ центровъ обнаруживаетъ свое дѣйствіе, прежде чѣмъ психическая работа успеетъ завершиться. Разсудокъ запаздываетъ и оказывается далеко позади дѣйствія, проявляющагося съ необыкновенной быстротой¹⁾. «Перевѣсь, при-

¹⁾ Здѣсь нелишне будетъ указать на то громадное значеніе, какое эти опыты имѣють для проблемы о *«свободѣ воли»*. Реакція представляетъ собою простой волевой актъ. Уже 10 граммовъ абсолютнаго алкоголя, соотвѣтствующіе тремъ ма-

обрѣтаемый двигательной реакціей, является источникомъ всѣхъ тѣхъ безмысленныхъ и безцѣльныхъ, импульсивныхъ и насильственныхъ поступковъ, которые, будучи обязаны своимъ происхожденіемъ алкоголю, доставили послѣднему такую громкую славу не только въ исторіи безумныхъ и отважныхъ преступленій, но и въ лѣтописяхъ преступленій, совершенныхъ подъ вліяніемъ аффекта¹⁾.

Преобладаніе двигательныхъ реакцій надъ остальными психическими функціями не приурочено къ *одному только моменту*; оно сохраняется еще въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ дней, слѣдующихъ за попойкой. Поэтому мы не должны удивляться, если наступленіе реакціи, повидимому, запаздываетъ, и если эпилогъ спора, начавшагося въ трактирѣ, разыгрывается въ видѣ драки на улицѣ при возвращеніи домой. Здѣсь продолжается еще дѣйствіе повышеннаго возбужденія, которое, въ связи съ ослабленіемъ интеллектуальныхъ способностей, исключаетъ возможность спокойнаго размышленія.

Изъ изученія алкоголя, какъ фактора, вліяющаго на психику человѣка, мы изучаемъ полное представленіе о преступленіяхъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ алкоголю. Формы, въ которыхъ проявлялось вліяніе алкоголя, были извѣстны и помимо ежедневныхъ наблюденій, и помимо изученія специальныхъ статистическихъ данныхъ. Въ самыхъ легкихъ степеняхъ своихъ двигательная возбудимость выражается многорѣчивостью, громкимъ крикомъ, пѣніемъ—*нарушеніемъ тишины*; затѣмъ—безцѣльными двигательными актами по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ, раздражающимъ своей окраской, формой, однимъ своимъ присутствіемъ—*порчею вещей*; затѣмъ уже слѣдуютъ столкновенія съ лицами, которыя быстро пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе бурный характеръ и, начинаясь словесными *оскорбленіями*, переходятъ уже въ *нарушенія домашней тишины, насилія и уродствъ противъ властей, легкія и тяжкія тѣлесныя поврежденія*.

Это постоянно тѣ же самыя дѣйствія, которыя совершаются по схемѣ преждевременной, необдуманной, ненормальной реакціи на вѣдшее раздраженіе. Для насъ становится также понятнымъ почему не при-

ленькимъ рюмкамъ вина, $\frac{1}{10}$ литра вина, $\frac{1}{4}$ литра пива вызываютъ измѣненія въ реакціи, такимъ образомъ уже пріемъ такихъ незначительныхъ дозъ алкоголя, еще очень далекой отъ пьянства, причиняетъ нарушеніе волевого акта. Этотъ ущербъ „свободной воли“ постепенно, безъ всякихъ рѣзкихъ переходовъ доходитъ до полнаго ея уничтоженія, неключенія въ смыслѣ § 51 имперскаго уложенія. Отсюда слѣдуетъ: 1) отсутствіе промежуточной ступени между свободой воли и полнымъ ея исключеніемъ покоится на недостаточныхъ психологическихъ предпосылкахъ 2) вмѣняемость дѣянія лицу, находящемуся подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, но должна ставиться въ исключительную зависимость отъ степени опьянбнія.

¹⁾ Kraepelin, Цит. соч. стр. 192.

вычное, а *случайное пьянство* служить источником преступления. Конечно, хроническій алкоголик подверженъ острому дѣйствию алкоголя и, быть можетъ, чуждый всякихъ нравственныхъ представлений, лишенный внутренней силы сопротивленія, онъ способенъ еще скорѣе, нежели вообще здоровый рабочій, нанести кому либо тѣлесное поврежденіе; но и въ этомъ случаѣ рѣшающею причиною было злоупотребленіе алкоголемъ. Но насколько это еще болѣе примѣнимо къ безчисленному количеству рабочихъ, молодыхъ торговцевъ, студентовъ, которые въ состояніи опьянѣнія становятся преступниками, искушая затѣмъ тюрьмою, безчестіемъ, разрушеніемъ всей жизненной карьеры *минутиною преступною выходку!*

Значеніе вышеприведенныхъ выводовъ для *профилактики* преступности неосцѣнимо, особенно въ виду громаднаго числа преступленій, совершаемыхъ подъ вліяніемъ алкоголя, и, главнымъ, образомъ такихъ преступленій, какъ нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій. Точное знаніе важныхъ причинъ большой группы преступленій и окрыленная этимъ знаніемъ надежда на цѣлесообразное вмѣшательство въ эту область служитъ единственнымъ утѣшеніемъ въ странномъ бѣдствіи, вызываемомъ въ нашей странѣ (Германіи) алкоголемъ.

Другіе напитки и наркотическія средства.

Другіе напитки и наркотическія средства не играютъ никакой замѣтной роли, какъ факторы преступленія въ Германіи. Утвержденіе *Ломброзо* ¹⁾, что распространеніе потребленія нюхательнаго табаку среди проституттокъ и преступниковъ, курительнаго табаку среди рецидивистовъ указываетъ на „этіологическую связь между табакомъ и преступленіемъ“ — не имѣетъ подъ собою ровно никакого основанія. Во всякомъ случаѣ вліяніе потребленія табака на психическое состояніе организма не дастъ намъ никакихъ указаній на то, какимъ образомъ потребленіе табаку способно вызвать преступленіе. То же самое слѣдуетъ сказать о *кофе* и *чай*. Ихъ вліяніе на психическіе процессы совершенно иное, нежели вліяніе алкоголя; и мы не должны этому удивляться, ибо не знаемъ ни одного преступленія, которое можно было бы приписать злоупотребленію этими напитками.

Зато опаснымъ конкурентомъ алкоголю въ восточной части Германіи въ новѣйшее время явился *эфиръ*. Эфиръ послѣ скоропреходящаго опьянѣнія вызываетъ состояніе оцѣпенѣнія и полнаго упадка силъ, такъ что при немъ опасность преступленія не столь велика, какъ при потребленія алкоголя. Опытовъ, доказывающихъ вредное вліяніе эфира на потомство въ смыслѣ его *вырожденія*, мы еще не имѣемъ; несомнѣн-

¹⁾ *Lombroso*, Цитиров. соч. стр. 90.

но, однако, что привычное потребление эфира, внося разстройство въ семейную обстановку, нарушая ея экономическое равновѣсіе, создаетъ почву, благоприятную для преступленій; поэтому мы хорошо сдѣлаемъ, если будемъ постоянно на стражѣ противъ этого новаго зла соціальной жизни и примемъ мѣры противъ *злоупотребленій эфиромъ* прежде, чѣмъ онъ получитъ распространеніе въ *народной массѣ*.

Злоупотребленіе опиумомъ почти не наблюдается въ Германіи, да и во всей Европѣ, и заслуживаетъ только упоминанія вслѣдствіе широкаго распространенія въ Азіи, особенно въ Китаѣ въ видѣ *гашиша*, въ Сѣверной Африкѣ и Египтѣ.

Дѣйствию опиума подобно и дѣйствіе *морфія*. Но народнымъ ядомъ въ собственномъ смыслѣ онъ никогда не сдѣлается; этому, къ счастью, будетъ препятствовать его дороговизна. Потребленіе его распространено преимущественно среди интеллигентныхъ классовъ и прежде всего въ тѣхъ кругахъ, которымъ морфій легко доступенъ. По даннымъ *Родэ*, среди 650 морфинистовъ насчитывалось 287 врачей и 21 аптекарь.

Морфій отличается отъ алкоголя той вредною особенностью, что человѣкъ, разъ привыкшій къ нему, лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ совершенно отъ него отвыкаетъ, а если отвыкнетъ, то съ гораздо большимъ трудомъ, нежели отъ потребленія алкоголя. Первые признаки *вырожденія* подъ вліяніемъ морфія—пренебреженіе своею внѣшностью, небрежное отношеніе къ семьѣ, къ своимъ обязанностямъ—обнаруживаются очень скоро. Потребность въ морфинѣ становится все болѣе непреодолимой и при невозможности достать его легальнымъ путемъ, порецепту *врача*, морфинистъ прибѣгаетъ къ *поддѣлкѣ* рецептовъ, къ подлогу, къ воровству, а морфинистка нерѣдко и къ проституціи. Особенно же опасно часто встрѣчающееся соединеніе морфинизма съ алкоголизмомъ.

Еще рѣже, нежели злоупотребленіе морфіемъ, является причиною преступленій *злоупотребленіе кокаиномъ*. Но въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ уже дѣло съ острымъ *психозомъ*, сопровождающимся бредомъ и галлюцинаціями, которыя при регулярномъ потребленіи кокаина большей частью проявляются уже черезъ очень короткое время, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Преступленія подъ вліяніемъ кокаина—я самъ зналъ случай убійства врачомъ своей жены—слѣдуетъ разсматривать какъ дѣйствія людей душевно-больныхъ.

Проституція.

Проституція, т. е. торговля женщинъ своимъ собственнымъ тѣломъ, которая вначалѣ введена была священниками, какъ постоянный институтъ, въ честь божества и въ пользу храмовъ, а позднѣе была

включена государственными людьми, какъ Солонъ, въ цѣлесообразныя формы, существовала во все время. О ея существованіи свидѣлствуютъ древнѣйшіе историческіе документы¹⁾; но они же свидѣлствуютъ— что очень важно для законодательства—и о всевозможныхъ попыткахъ, направленныхъ къ ея уничтоженію. Но тщетно! Во имя религіи и любви къ ближнему пытался, напр., *Людовикъ XI*, основывавшій убѣжища для падшихъ женщинъ, искоренить проституцію во Франціи. По возвращеніи изъ Палестины онъ отдалъ приказъ о полномъ ея *искорененіи*. Но широкое развитіе тайной проституціи заставило его въ томъ же году взять свой приказъ обратно и назначить опредѣленныя улицы для мѣстопробыванія публичныхъ женщинъ.

Самыя строгія мѣры противъ проституціи (тѣлесныя наказанія, выставленія къ позорному столбу, казни) должны были быть отмѣнены черезъ нѣкоторое время, такъ какъ зло спокойно развивалось все *шире*, но только въ формѣ *тайной*, а по тому и болѣе опасной проституціи. И во всехъ странахъ законодательства въ борьбѣ съ этимъ зломъ переходили отъ одной крайности къ другой—отъ строгой регламентаціи къ безграничной свободѣ, отъ случайнаго надзора къ самому строгому контролю надъ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ. Но, съ одной стороны, тенденція поставить *права личности*, выше интересовъ общества, съ другой—моральная опасность терпимостью со стороны закона санкціонировать самое зло—постоянно приводили къ уничтоженію мѣръ контроля. Но затѣмъ страшный ростъ наиболѣе опасной формы разврата—*тайной проституціи*—снова вынуждалъ возвращаться къ системѣ регламентаціи.

Законодательными мѣропріятіями—объ этомъ можно жалѣть, но этого нельзя игнорировать—наклонность къ разврату истребить нельзя. Величайшій знатокъ проституціи *Паранъ-дю-Шателе*²⁾ признаетъ ее при массовомъ скопленіи людей столь-же неизбежной, какъ и клоаки, помойныя ямы, отхожія мѣста. Но изъ того только, что зло кажется неистребимымъ вполне, еще не слѣдуетъ предоставлять ему свободно распространяться дальше, но необходимо по возможности ограничить его размѣры. Поэтому прежде всего надобно уразумѣть степень и характеръ опасности зла.

Опасность, угрожающая здоровью, должна для насъ остаться внѣ нашего разсмотрѣнія. Я хочу лишь напомнить, что цифра *ежегодныхъ* венерическихъ заболѣваній въ германской арміи, поставленной въ этомъ отношеніи лучше сравнительно съ арміями французской и ав-

¹⁾ Eug. Miller, *Die Prostitution*. 1898.

²⁾ Parent du Chatelet, *De la prostitution dans la ville de Paris*. 1857.

стрийской, равняется¹⁾ третьей части раненныхъ во время франко-прусской войны; что въ нѣмецкихъ больницахъ²⁾ 1889—1891 гг. находились 4,4% больныхъ венерическими болѣзнями, почти столько-же, сколько (4,8%) больныхъ туберкулезомъ, являющимся величайшимъ народнымъ бичемъ. Какъ ни громадно значеніе венерическихъ болѣзней съ точки зрѣнія врача и социолога, но подробное разсмотрѣніе этой стороны вопроса о проституціи заставило бы насъ уклониться далеко въ сторону. Для насъ же прежде всего важны вопросы объ объемѣ проституціи и ея вліяніи на преступность.

Установить численный составъ проституттокъ очень трудно. Удовольствія полиціей «карточки», «контрольныя записки» («Kartenmädchen», «Kontrolldirnen») касаются, особенно въ большихъ городахъ, лишь небольшой части публичныхъ женщинъ. Въ Берлинѣ, напр., находится подъ полицейскимъ надзоромъ около 3000 проституттокъ; общее же число ихъ опредѣляется въ 40000—50000³⁾; цѣлыя арміи публичныхъ женщинъ живутъ исключительно или въ значительной мѣрѣ на тѣ деньги, которые онѣ добываютъ проституціей.

Какого происхожденія эти женщины и что вынуждаетъ ихъ къ этому ремеслу? По этому вопросу существуютъ два рѣзко противоположныхъ и непримиримыхъ взгляда. Одни видятъ въ проституткахъ жертвы нашихъ социальныхъ отношеній, при которыхъ женщины очень трудно честнымъ путемъ добыть себѣ пропитаніе. Какъ на типичныхъ представителей этого взгляда слѣдуетъ указать на Бебеля,⁴⁾ Гирша⁵⁾; тогда какъ Ломброзо и Ферреро,⁶⁾ Тарновская⁷⁾ матеріальной нужды придаютъ лишь ничтожное значеніе. Они считаютъ публичную женщину дегенеранткой, а проституцію эквивалентомъ мужской преступности, сифилисской для женщины формой преступности.

Нельзя не признать, что проституція рекрутируетъ очень значительное количество своихъ жертвъ среди женщинъ съ опасными преступными наклонностями. Проститутка, не занимаясь никакимъ трудомъ, живетъ на счетъ общества и занимаетъ положеніе, соответствующее положенію въ мірѣ преступниковъ нищихъ и бродягъ. Но такихъ все-

¹⁾ Göpky, Die venerischen Erkrankungen in den Armeen. Arch. f. Dermatologie. 1890.

²⁾ Medic. statistische Mitteilungen aus dem kaiserl. Gesundheitsamt. III. стр. 45.

³⁾ № 173 печатныхъ документовъ Рейхстага. Стр. 931.

⁴⁾ Bebel, Die Frau und der Socialismus. Штутгартъ. 27-е изд. стр. 176.

⁵⁾ Hirsch, Verbrechen und Prostitution als soziale Krankheitserscheinungen. 1897.

⁶⁾ Lombroso und Ferrero, Женщина, какъ преступница и проститутка.

⁷⁾ Tarnowskaja, P. Étude anthropométrique sur les prostituées et les voleuses. Paris 1889.

таки, по даннымъ превосходнаго изслѣдованія *Штрюмберга*,¹⁾ немного. Наряду съ этими пассивными, апатичными личностями существуетъ другая группа, которая кромѣ разврата, занимается еще какой нибудь дѣятельностью, въ очень рѣдкихъ случаяхъ честною, большую же частью воровствомъ. Изъ 462 публичныхъ женщинъ, о которыхъ собралъ свѣдѣнія *Штрюмбергъ*, было 175 воровокъ, причемъ 32 изъ нихъ принадлежали къ извѣстнымъ мѣстнымъ воровскимъ семьямъ. Эти количественно незначительныя, но все же достаточно характерныя цифровыя данныя показываютъ, что проституція и преступленіе не находятся между собою ни въ отношеніяхъ *противоположности*, ни въ отношеніяхъ *эквивалентности*, но большей частью совмѣщаются одна съ другимъ. Во всякомъ же случаѣ очень вѣроятно, что громадная часть публичныхъ женщинъ при всемъ ихъ пассивномъ отношеніи къ побужденіямъ преступнаго характера воздерживалась бы отъ обыкновенныхъ преступленій, если бы имѣли возможность обезпечить себѣ свое существованіе развратомъ.

Съ другой стороны, нельзя отрицать, что нужда, которая мужчину заставила бы, быть можетъ, рѣшиться на кражу, женщину толкаетъ на путь проституціи. Ничтожная заработная плата, установленная для нѣкоторыхъ профессій, особенно для кельнерицъ, кафешантаннскихъ актрисъ, и т. д. вынуждаетъ многихъ дѣвушекъ искать побочнаго заработка. Не слѣдуетъ однако забывать, что уже одни половыя побужденія, страсть къ нарядамъ и мишурному блеску заставляютъ многихъ браться за эти опасныя профессіи, вмѣсто хотя бы профессіи домашней прислуги.

И именно цифры, приводимыя *Бабелемъ*, *Блашко* и другими въ подтвержденіе того положенія, что на путь разврата толкаетъ экономическая нужда, доказываютъ, какъ мнѣ кажется, скорѣе противоположное. Хотя преобладающій контингентъ проститутокъ и состоитъ изъ работницъ, продавщицъ, портныхъ, и главнымъ образомъ, изъ бывшихъ служацокъ, но вѣдь онѣ составляютъ и весьма значительную часть въ общемъ составѣ всего населенія; притомъ по даннымъ *Беренда*, мы къ своему изумленію убѣждаемся, что 5,3% публичныхъ женщинъ живутъ въ домахъ своихъ родителей. Къ этимъ матеріально лучше обезпеченнымъ проституткамъ присоединяется еще не малое число женщинъ, которыя только официально не занимаются проституціей, но отъ зарегистрированныхъ проститутокъ отличаются лишь формою, въ которую облечено ихъ ремесло. *Штрюмбергъ* только *одинъ разъ* нашелъ указаніе на нужду, какъ на причину профессиональнаго разврата, но и въ этомъ

¹⁾ *Ströhmberg, Die Prostitution. Stuttgart 1899.*

случаѣ онъ могъ установить, что это показаніе было безсовѣстнымъ образомъ выдумано.

Тѣмъ не менѣе я не хочу отрицать значеніе экономической нужды, какъ фактора проституціи. Дѣвушки, принадлежащія къ низшимъ слоямъ пролетаріата, особенно дочери алкоголиковъ и публичныхъ женщинъ вообще, конечно, не могутъ выработать себѣ взгляда на проституцію, какъ на дѣло позорное для чести и человѣка. Еще болѣе опасныя послѣдствія ведетъ за собою обычное въ настоящее время отсутствіе локализаци и сосредоточенія проституціи въ опредѣленномъ мѣстѣ. Съ раннихъ уже поръ все, дѣти, юноши, могутъ воочию наблюдать этотъ позорный промыселъ; дѣти, какъ это само собою понятно, видятъ только заманчивую внѣшнюю сторону, но не сущность зла; они видятъ, что на долю ихъ собственной семьи выпадаютъ тяжелый трудъ, голодъ, нищенское одѣяніе; на сторонѣ же публичныхъ женщинъ — праздность, театры, концерты, балы, наряды. Эти впечатлѣнія сильно дѣйствуютъ и облегчаютъ первый шагъ по пути порока. Если затѣмъ бѣдность или соблазнъ, страсть къ приключеніямъ или зависть къ красивымъ нарядамъ подруги овладѣютъ дѣвушкой, то чувство отвращенія къ ремеслу проститутки настолько притупляется, что нужно имѣть достаточную силу характера, чтобы не поддаваться искушенію.

Таковъ мой взглядъ на процессъ, приводящій къ проституціи въ большинствѣ случаевъ; этимъ взглядомъ опредѣляется и моя точка зрѣнія на это явленіе. Хотя наши соціальныя отношенія (экономическая необезпеченность, отсутствіе локализаци съ его вышеуказанными послѣдствіями) и являются причиною проституціи, но они обнаруживаютъ свое дѣйствіе въ этомъ смыслѣ только въ связи съ соотвѣтствующими предрасположеніемъ, наклонностями, воспитаніемъ. Какъ при большихъ эпидеміяхъ первыми жертвами являются *слабые* субъекты, такъ и въ жизненной борьбѣ, смотря по степени устойчивости, то быстрѣе, то медленнѣе гибнутъ въ болотѣ, называемомъ *проституціей*, прежде всего безчисленные психопатическіе индивидуумы.

Статистическихъ данныхъ о степени участія проститутко въ *преступленіяхъ* у насъ почти совсѣмъ нѣтъ. Нарушенія полицейскихъ постановленій не регистрируются нѣмецкой уголовной статистикой. Они являются бичомъ судовъ первой инстанціи. Нерѣдкость найти публичную женщину, наказанную до 50 и болѣе разъ, смотря по степени строгости, съ какою осуществляется полицейскій надзоръ, и смотря по ловкости, съ какою проститутки умѣютъ обойти его. Накопленіе извѣстнаго числа случаевъ нарушеній полицейскихъ постановленій служитъ причиною *передачи* ихъ въ руки полиціи. Затѣмъ заключеніе въ *рабочій домъ*, срокъ котораго съ каждой новой передачей въ руки полиціи большей частью увеличивается на три или шесть мѣсяцевъ, создаетъ не-

рерывъ въ промыслѣ, который однако, послѣ выхода на свободу, тотчасъ-же возобновляется.

Этому способствуютъ прежде всего два явленія, тѣсно связанныя съ проституціей,—*сводничество* и *сутенерство*. § 180 нѣмецкаго уголовного уложенія представляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе.

Каждый случай отдачи квартиры въ наемъ публичнымъ женщинамъ считается сводничествомъ. Но должны же все публичныя женщины жить гдѣ нибудь, или же, если онѣ занимаютъ своимъ промысломъ внѣ жилища, имѣть временную квартиру. Какъ уже было упомянуто берлинской полиціи официально извѣстны около 3000 проститутокъ, а также, конечно, ихъ квартиры и хозяева квартиръ. Съ этимъ фактомъ должно поставить въ связь то обстоятельство, что цифра наказаній за сводничество во всей Германіи за послѣдніе годы ни разу не превышала 2886! Во всѣхъ крупныхъ, а часто и въ небольшихъ городахъ—назову Гамбургъ, Альтону, Киль, Кельнъ, Майнцъ, Страсбургъ, Гейдельбергъ, Мангеймъ, Карлсруэ, Фрейбургъ, Нюренбергъ, Мюнхенъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Галле, Магдебургъ и т. д.—существуютъ официальные и извѣстные полиціи *публичные дома*, а перѣдко и *цѣлыя улицы, занятія этими заведеніями*. Тонкое „полицейско-техническое“ опредѣленіе публичныхъ домовъ какъ такихъ заведеній, которыя соединены съ *распивочной продажей напитковъ* въ одномъ помѣщеніи, и въ которыхъ публичныя женщины эксплуатируются *владѣльцами* заведеній,—не соответствуетъ дѣйствительности. Имѣется ли нѣтъ разрѣшеніе на распивочную продажу, владѣльцы публичныхъ домовъ производятъ ее; и имѣется ли нѣтъ разрѣшеніе, но содержательницы публичныхъ домовъ распоряжаются своими дѣвушками, какъ рабынями.

Понятіе сводничества исчерпывается уже понятіемъ „доставленія возможности“; но развѣ властямъ неизвѣстно, какъ лица, сдающія квартиры публичнымъ женщинамъ, высасываютъ изъ нихъ послѣдніе соки? Живетъ ли проститутка въ общей квартирѣ или одиночкой, но всѣми выгодами ея промысла пользуется только владѣлецъ помѣщенія; она же покидаетъ публичный домъ еще большею нищею, чѣмъ какою вступила въ него. Не слѣдуетъ, однако, думать, что эта безчеловѣчная эксплуатация производится только въ публичныхъ домахъ; эксплуатация проститутко-одиночекъ производится еще систематичнѣе. Въ послѣднемъ случаѣ добыча дѣлится между хозяйками квартиръ и *сутенерами*.

Нужно признать, что нельзя себѣ представить болѣе отвратительной формы преступности нежели сутенерство. Оно неотдѣлимо отъ тайной проституціи и въ то же время почти неуловимо для уголовного закона. Каждый судья можетъ подтвердить, какъ трудно установить вину сутенера. Проститутки, отчасти изъ за своихъ личныхъ симпатій, отчасти

изъ за выгодъ оказываемаго ими покровительства, но главнымъ образомъ изъ за боязни передъ своими сутенерами не выдаютъ ихъ; нерѣдко онѣ даже не останавливаются и предъ нарушеніемъ присяги лишь бы выручить своихъ покровителей изъ бѣды. Нѣкоторыхъ проституттокъ, находящихся только въ самомъ началѣ своего рокового поприща, можно было бы еще спасти, если бы не эта несчастная зависимость отъ своихъ такъ называемыхъ «покровителей». Такие преступные подвиги этихъ послѣднихъ, какъ грабежъ посягателей проституттокъ, нападенія, во время которыхъ пускаются въ ходъ ножи и палки, недоступны для точнаго контроля, такъ какъ мы только въ рѣдкихъ случаяхъ можемъ установить, что въ лицѣ даннаго героя ножа имѣемъ дѣло съ профессиональнымъ сутенеромъ.

Все эти опасности съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ становятся тѣмъ серьезнѣе. чѣмъ энергичнѣе полиція преслѣдуетъ каждое заведеніе, сходное по характеру съ публичными домами, и этимъ самымъ заставляетъ проституттокъ ютиться въ тайныхъ конурахъ, въ грязныхъ кабакахъ, пригородныхъ садахъ, и чѣмъ болѣе боязни. запрещенія промысла вынуждаетъ ихъ вести его подъ покровомъ ночи. Только одно зло, связанное съ учрежденіемъ публичныхъ домовъ, трудно уничтожить,—это *торговлю живыми товаромъ*. И лучшимъ противъ него средствомъ является цѣлесообразное размѣщеніе въ общихъ помѣщеніяхъ. Если у владѣльцевъ публичн. домовъ и квартиръ для проституттокъ была бы, по примѣру Бремена, отнята возможность эксплуатировать послѣднихъ, то торговля дѣвушками перестала бы оплачивать себя и этимъ самымъ былъ бы устраненъ ея главный мотивъ.

Точно также сосредоточеніе публичныхъ женщинъ въ опредѣленномъ мѣстѣ значительно уменьшаетъ число случаевъ ограбленія ими своихъ посягателей, хотя едва-ли и оно можетъ устранить это явленіе. Кражи, совершаемыя проститутками, часто остаются необнаруженными, такъ какъ многіе предпочитаютъ примириться съ потерей, нежели фигурировать въ гласномъ скандальномъ судебномъ процессѣ. То же самое слѣдуетъ сказать о довольно частыхъ случаяхъ вымогательствъ, угрозъ судебными преслѣдованіями и доносами на попыткѣ къ вытравленію плода, а также о ловко подготовленныхъ сценахъ внезапнаго появленія на мѣстѣ преступления мнимаго супруга, молчаніе котораго покупается за извѣстную сумму денегъ. Но при системѣ строгаго надзора за публичными домами опасность подобныхъ преступленій значительно уменьшается. Большему обезпеченію права могло бы содѣйствовать также улучшеніе печальнаго положенія публичныхъ женщинъ, являющихся въ настоящее время объектомъ беспощадной эксплуатаціи.

Какъ извѣстно, существуетъ извѣстное движеніе, которое имѣетъ цѣлью *уничтоженіе* публичныхъ домовъ и даже *устраненіе всякаго*

государственнаго контроля. Основанія этого такъ называемаго «аболиціонистскаго движенія» исключительно въ области *аффекта*. Какъ ни похвальны идеалистическіе тенденціи его, но оно лишено всякаго практически разумнаго значенія.

Какъ показываетъ историческій опытъ проституція неустранима. Между тѣмъ опасность ея для здоровья и нравственности населенія настолько велика, что государство *обязано*, по крайней мѣрѣ, ограничить почти размѣры зла, если оно бессильно совершенно уничтожить его. О санкціи или даже о поддержкѣ со стороны государства въ данномъ случаѣ совѣтъ не можетъ быть и рѣчи; только законное вмѣшательство въ область преступленія равносильно признанію послѣдняго. Насколько правильны взгляды аболиціонистовъ показываютъ попытки ихъ великихъ предшественниковъ — Солона, св. Людовика, папы Павла II, папы Юлія II, св. Августина. Если бы проституцію можно было искоренить, то, безъ сомнѣнія, регламентація и терпимость къ ней со стороны государства служили-бы къ подрыву нравственныхъ возрѣній народа. Въ настоящее же время государство, не давая законодательной санкціи проституціи (§ 180) въ то же время распространяетъ на нее дѣйствіе уголовнаго закона (§ 361,6) и полицейскихъ постановленій. Оно дѣлаетъ объектомъ наказанія преступленіе, которое оно можетъ и будетъ преслѣдовать лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Но такое положеніе въ большей степени нарушаетъ правосознаніе народа, нежели регламентація, отступленіе отъ правилъ которой могло бы быть наказываемо съ надлежащей энергіей.

Учрежденіемъ публичныхъ домовъ, или, еще лучше, *сосредоточеніемъ* публичныхъ женщинъ въ одномъ мѣстѣ по образцу *Бремена* достигается гарантія для народнаго здравія, удаленіе проститутокъ съ улицы и изъ общественной жизни и возможное ограниченіе публичнаго скандала. Но прежде всего съ учрежденіемъ публичныхъ домовъ, подлежащихъ государственному контролю, особенно если, наряду съ этимъ, путемъ усиленія степени наказанія за сводничество, будетъ поставлена преграда чрезмѣрной эксплуатаціи публичныхъ женщинъ, будетъ совершенно устранено *суттенерство* — требованіе вполнѣ оправдываемое съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ.

Игра и суевѣріе.

Игра въ Германіи, какъ факторъ преступности, имѣетъ лишь ничтожное значеніе. Число лицъ, разоряющихся вслѣдствіе игры, сравнительно не велико. Гораздо значительнѣе вредъ, причиняемый игрой, въ такихъ странахъ, какъ Австрія и Італія, гдѣ даже бѣднѣйшіе принимаютъ участіе въ такъ называемой «малой лотереѣ». Какъ ни трудно фак-

тически прослѣдить связь между страстью къ игрѣ и вызываемыми ею кражами и подлогами, она тѣмъ не менѣе не подлежитъ спору. Надежда—путемъ одного крупнаго выигрыша избавиться отъ нужды—поддерживающая страсть къ игрѣ у многихъ образованныхъ людей, у многихъ офицеровъ и ведущая въ концѣ концовъ къ гибели, естественно, тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ игрокомъ, чѣмъ болѣе широкіе круги населенія принимаютъ участіе въ игрѣ. Лихорадочное возбужденіе, которое охватываетъ всѣхъ въ *Италіи* передъ еженедѣльною лотереєю въ ожиданіи ея результатовъ, въ глазахъ социолога является въ высшей степени зловѣщимъ признакомъ, и, наблюдая лицъ, пришедшихъ поставить послѣдній пфеннигъ, чтобы попытаться счастья, онъ въ нихъ уже видитъ признаки, предвѣщающіе вѣроятность уклоненія на путь преступленій. Кромѣ того, ничто такъ сильно не поддерживаетъ суевѣрія, какъ страсть къ игрѣ. Въ *Италіи* не мало народу живетъ тѣмъ, что занимается лотерейными предсказаніями.

Суевѣріе утратило значеніе фактора преступности тамъ, гдѣ уровень народнаго образованія достигъ извѣстной высоты. Чаше всего суевѣріемъ, особенно на религіозной почвѣ, пользуется хитрый плутъ для того, чтобы обойти какого нибудь простеца. Относительно *Германіи* можно сказать, что въ ней преступленія, обусловленныя суевѣріемъ, составляютъ большую рѣдкость. Но въ *Россіи*, по изслѣдованіямъ *Левенштимма*,¹⁾ число преступленій, возникающихъ на почвѣ вѣры въ колдовство, гораздо больше. Онъ приводитъ случаи человѣческихъ жертвоприношеній во время голода и эпидемій, убійства колдуній и вѣдьмъ, избавленія отъ дѣтей съ тѣлесными аномаліями, разрыванія могилъ для добыванія талисмановъ, изнасилованія невинныхъ дѣвушекъ и содомія для излѣченія триппера.

Ужасной иллюстраціей къ изслѣдованіямъ *Левенштимма* могутъ послужить страшныя событія, имѣвшія мѣсто въ западной части *Россіи* въ концѣ 1896 и началѣ 1897 г.г., о которыхъ сообщаетъ *Сикорскій*²⁾. 26 лицъ добровольно уморили себя голодною смертью, позволивъ замуровать себя заживо въ ямахъ. Въ послѣдней группѣ замурованныхъ находилась и душевно-больная зачинщица всей этой страшной трагедіи. Смутныя религіозныя вѣрованія сдѣлали этихъ несчастныхъ жертвами суевѣрія. Отчасти можно было бы сократить размѣры этой катастрофы, если бы руководительница движенія, которая вмѣстѣ съ другими отказалась въ началѣ 1897 г. давать о себѣ свѣдѣнія во время народной

¹⁾ Löwenstimm, *Aberglaube und Strafrecht*, 1897; Löwenstimm, *Der Fanatismus als Quelle der Verbrechen*. 1899.

²⁾ *Epidemischer freiwilliger Tod und Todschatz in den Tarnowskischen Geböften in der Nähe von Tiraspol (Gouvernement Kiew)*. *Allgem. Zeitschr. für Psychiatrie*. Bd. 55. s. 326.

переписи, была арестована, какъ беспаспортная бродяжка и подвергнута медицинскому изслѣдованію; тогда число жертвъ ограничилось бы 15-ью душами. Но такъ какъ арестованные въ тюрьмѣ отказывались, несмотря на настойчивыя просьбы, принимать пищу, то изъ опасенія, чтобы они не уморили себя голодомъ, они были отпущены на свободу, гдѣ могли, довести до конца свое дѣло.

Также и въ Италіи, особенно въ южныхъ провинціяхъ, суевѣріе настолько распространено, что отъ него не свободны даже высшіе слои населенія. Талисманы, амулеты, мистическіе жесты, вродѣ вытягиванія указательнаго пальца или мизинца (*gettatura*), какъ средство противъ дурнаго глаза (*mal'occhio*)¹⁾—все это, правда, невинныя проявленія суевѣрія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они служатъ свидѣтельствомъ глубокаго невіѣжества жителей южной Италіи. Нѣкоторые загадочныя преступленія коренятся именно въ господствующихъ суевѣріяхъ. Постепенно это печальное явленіе будетъ ослабляться подъ вліяніемъ растущаго *просвѣщенія*. Однако мы (нѣмцы) не имѣемъ никакого основанія свысока смотрѣть на Россію и Италію. Тотъ грустный фактъ, что даже образованные люди увлекаются разными ясновидящими и медіумами-спиритами и, несмотря на предупрежденія, поддаются самому жестокому обману, показываетъ, какъ сильна склонность къ суевѣріямъ. Отъ высокоумнаго отношенія насъ должно удерживать и воспоминаніе о *процессахъ противъ вѣдьмъ*, стоившихъ сотенъ и тысячъ человѣческихъ жертвъ; эти процессы имѣли мѣсто въ Германіи еще въ концѣ XVIII столѣтія, а въ Мексикѣ даже въ концѣ XIX-го.

Экономическое и соціальное положеніе.

Когда мы окидываемъ взоромъ мѣстность съ какого-нибудь возвышеннаго пункта, то мы легче схватываемъ крупныя очертанія горъ и долинъ, нежели въ томъ случаѣ, когда мы находимся внизу въ долинѣ, гдѣ кругозоръ нашъ ограниченъ окружающими предметами. Точно также и при *ретроспективномъ взглядѣ*, охватывающемъ длинный рядъ лѣтъ, мы гораздо глубже проникаемъ въ сущность соціальной жизни и яснѣе понимаемъ причины ея явленій, нежели въ томъ случаѣ, когда мы ограничиваемся періодомъ какого нибудь одного года.

Германская преступность за послѣдніе 18 лѣтъ представляетъ особенно благоприятныя условія для такого ретроспективнаго анализа, потому что въ теченіе этихъ лѣтъ, являющихся періодомъ экономиче-

¹⁾ Рассказываютъ же совершенно откровенно, что благочестивые итальянцы, принимая благословеніе отъ папы Пія IX, который по общему признанію обладалъ дурнымъ глазомъ, въ то же время за спиною своею дѣлали условленный мистическій жестъ (*gettatura*).

скаго и культурнаго подъема, не наблюдается никакихъ глубокихъ и рѣзкихъ перемѣнъ въ общемъ положеніи дѣлъ. И тѣмъ не менѣе число осужденныхъ постоянно возрастало. Вновь изданные законы имѣли здѣсь лишь незамѣтное вліяніе; къ тому же крупнѣйшія измѣненія наблюдались въ области тѣхъ преступленій, которыя своею численностью даютъ содержаніе всей картинѣ.

При обзорѣ важнѣйшихъ преступленій, цифры которыхъ отчасти приведены въ таблицѣ XXI, мы замѣтимъ четыре количественныхъ типа. Нѣкоторыя преступленія отличаются *постоянствомъ* своего числа. Таковы: недобросовѣстное обвиненіе, кровосмѣшеніе, противоестественный порокъ, причиненіе смерти по небрежности, грабёжъ и вымогательство, незаконное лишеніе свободы. Другія преступленія, какъ укрывательство, ростовщичество, нарушеніе присяги, нарушеніе устава о воинской повинности, преступленія и проступки по должности, обнаруживаютъ тенденцію къ *уменьшенію*. Третья группа, за исключеніемъ немногихъ преступленій, имѣющихъ цѣлью достиженіе имущественныхъ выгодъ (обманъ и подлогъ), составляетъ преступленія, преобладающей элементъ которыхъ—грубая сила; таковы—освобожденіе заключенныхъ, насиліе и угрозы противъ властей, нарушеніе домашней тишины, преступленія противъ нравственности, нанесеніе легкихъ и тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій, оскорбленія и порча вещей. Всѣ эти преступленія годъ отъ году *увеличиваются* и порою въ очень тревожныхъ размѣрахъ.

Къ четвертой, наконецъ, группѣ я отношу тѣ преступленія, которыя даютъ самыя рѣзкія *колебанія въ цифрахъ*. Причины этому—самыя разнообразныя. Такъ, гнусныя преступленія *сутенеровъ* вызвали такой взрывъ негодованія противъ себя, что суды сразу сочли себя вынужденными выступить противъ нихъ нѣсколько энергичнѣе; къ сожалѣнію, эта энергія судовъ въ настоящее время уже остыла.

Возбужденное политическое положеніе временно увеличиваетъ число наказаній за *оскорбленіе величества*; особенно знаменитъ въ этомъ отношеніи 1878 годъ, который ознаменовался покушеніемъ на Вильгельма I и въ теченіе котораго число обвиненій по дѣламъ объ оскорбленіи величества увеличилось въ 13 разъ; правда, не потому, чтобы склонность къ оскорбленіямъ такъ необычайно и внезапно усилилась, но потому, что «уголовная раздражимость публики», какъ называетъ Зейфертъ эту форму приподнятой чувствительности и, надо добавить, *судовъ*— въ то время всеобщаго политическаго возбужденія чуяло въ каждомъ неосторожномъ замѣчаніи опасность для государства.

Какое вліяніе оказываютъ иногда на преступность чисто внѣшнія обстоятельства,—это показалъ Зейфертъ¹⁾ въ примѣрѣ *пожаровъ, произ-*

¹⁾ Scuffert, Цитиров. соч., стр. 31.

Т а б л и ц а X X I .
Ростъ преступности въ Германіи.

На каждыя 100.000 уголовно-совершеннолѣтнихъ лицъ гражданской части населенія приходилось:

Осужденій за:	1882.	1883.	1884.	1885.	1886.	1887.	1888.	1889.	1890.	1891.	1892.	1893.	1894.	1895.	1896.	1897.	1898.	1899.
Преступл. противъ нравств. по отношенію къ лицамъ, находящимся въ безсознательномъ состояніи, къ малолѣтн, изнасилованія.	9,0	8,6	8,6	8,9	9,8	9,5	9,1	9,3	9,4	9,5	9,8	10	12	12	12	11	12	12
Нанесеніе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій . . .	52	54	59	58	59	58	55	58	62	64	65	69	71	74	74	71	70	69
Нанесеніе тяжелыхъ тѣлесныхъ поврежденій . . .	121	128	150	159	165	170	165	168	177	178	187	205	216	221	231	232	239	245
Сопротивленіе властямъ . . .	41	40	42	42	44	45	40	41	42	42	44	47	50	49	50	49	47	50
Оскорбленіе	123	125	133	126	130	133	128	128	132	129	132	142	147	146	147	145	147	143
Нарушеніе домашней тишины	44	42	48	46	49	48	44	48	50	49	51	51	54	55	56	58	58	58
Порчу вещей	36	35	39	40	39	40	37	38	40	40	42	45	47	45	48	47	48	49
Простую кражу	250	241	232	214	210	198	194	211	206	216	266	202	198	192	184	188	191	179
Простую кражу съ повторнымъ рецидивомъ	38	38	37	35	35	33	30	33	32	33	36	34	33	32	32	32	33	31
Подлогъ и обманъ	39	40	43	43	45	47	48	54	55	50	64	64	67	67	64	67	70	69
Оскорбленіе мѣстныхъ властей и союзныхъ государей	1,4	1,2	1,2	1,2	1,2	1,6	1,7	1,4	1,5	1,5	1,5	1,7	1,7	1,6	1,5	1,1	1,2	1,1
Нарушеніе присяги	3,2	2,7	2,9	2,9	2,5	2,6	2,4	2,2	2,2	2,3	2,2	2,4	2,2	2,5	2,1	2,1	2,1	1,8
Преступленія и проступки вообще	1040	1034	1080	1062	1080	1081	1048	1087	1105	1124	1202	1212	1244	1249	1244	1240	1257	1236

СОСТАВЛЯЕТЪ ПРИЧИНЫ ПРЕСТУПЛЕНІЙ

веденных вследствие неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Въ годы 1892—1899 на каждые 100.000 уголовно-совершеннолѣтнихъ приходилось отъ 1,5 до 2,1 лицъ осужденныхъ за это преступленіе. Исключеніе составляютъ только годы 1892 и 1893 съ 3,3 и 3,2 осужденныхъ. На основаніи данныхъ, опубликованныхъ королевскимъ прусскимъ метеорологическимъ институтомъ, Зейфертъ могъ установить, что въ теченіе этихъ именно двухъ лѣтъ господствовала повсюду чрезвычайная засуха. Это обстоятельство и должно было увеличивать опасность пожаровъ, причиняемыхъ неосторожнымъ обращеніемъ съ огнемъ.

Гораздо интереснѣе, нежели эти сравнительно рѣдкія преступленія, такое преступленіе, какъ кража. Колебанія въ числѣ обвинительныхъ приговоровъ, постановляемыхъ по дѣламъ о кражѣ, тѣмъ болѣе любопытны, что по своему количеству кража соперничаетъ только съ нанесеніемъ тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій. Какъ велико бываетъ различіе въ числѣ кражъ по отдѣльнымъ годамъ видно изъ того, что въ 1892 году, когда число ихъ достигло своего высшаго предѣла, состоялось на 28.409 обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ о кражахъ и растратахъ больше нежели въ 1888 году, наименьшимъ по числу кражъ. Не возможно предположить, чтобы 30.000 человекъ, въ теченіе какихъ нибудь четырехъ лѣтъ такъ сразу бы измѣнили своему честному поведенію и безъ серьезныхъ внѣшнихъ основаній ступили на путь преступленія. Еще поразительнѣе послѣдовавшее за тѣмъ въ ближайшемъ году возвращеніе къ добропорядочной жизни 14.757 лицъ, уменьшившихъ на эту цифру число лицъ, перебивавшихъ на скамьѣ подсудимыхъ по дѣламъ о кражахъ въ предыдущемъ году. Чѣмъ же объясняются эти колебанія?

Кража есть присвоеніе чужой собственности, возбуждающей почему либо нашу *аждность*. Человекъ, который при данномъ своемъ матеріальномъ положеніи можетъ удовлетворить каждому изъ своихъ желаній, едва ли когда нибудь подвергнется искушенію овладѣть чужою собственностью. Но такое искушеніе сильно у бѣдняка, который въ періоды нужды и дороговизны терпитъ всевозможныя лишенія.

Жизненная обстановка, въ которой живутъ наши рабочіе, оставляетъ желать очень многого. Деньги, которыя они тратятъ въ пивной, получили бы болѣе цѣлесообразное назначеніе, если-бы затрачены были на улучшеніе пищи, на болѣе просторное и свѣтлое жилище, или же просто сбережены были про черный день. Но мы должны считаться съ этимъ фактомъ, какъ и съ тѣмъ, что болѣзни и несчастные случаи могутъ и самаго прилежнаго рабочаго довести до бѣдственнаго состоянія. Фактъ общезвѣстный, что заработокъ большинства населенія даже и въ благопріятное время едва достаточенъ, чтобы только не умереть отъ

голода и холода. И потому всякое *вздорожаніе* цѣнъ на жизненные предметы очень тяжело отражается на общихъ условіяхъ жизни и тѣмъ чувствительнѣе поражаетъ рабочаго и его семью, чѣмъ ближе онъ къ *минимуму существованія*. Грозный призракъ голода и нищеты можетъ поколебать даже твердые характеры.

Мы имѣемъ не мало попытокъ доказать этотъ фактъ *статистическими* данными. Такъ, фонъ-Майръ¹⁾, подвергнувшій сравнительному изученію преступленія противъ собственности въ зависимости отъ хлѣбныхъ цѣнъ, пришелъ къ слѣдующему заключенію: «Въ періодъ съ 1835—1861 г. въ баварской области по сую сторону Рейна каждое *вздорожаніе* цѣнъ на хлѣбъ на 6 пфениговъ вызывало лишнюю кражу на каждые 100.000 жителей, и—наоборотъ—каждое пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ на 6 пфениговъ устранило по одной кражѣ на то же число жителей».

Въ основаніе этого сравнительнаго изученія положенъ тотъ взглядъ, что *хлѣбныя цѣны* могутъ служить критеріемъ для оцѣнки экономическаго состоянія даннаго года. Этотъ взглядъ до сихъ поръ былъ общепринятымъ. Только въ послѣднее время Генрихъ Мюллеръ²⁾, подъ руководствомъ Конрада, старался показать, что хлѣбныя цѣны утратили значеніе экономическаго фактора преступности. Въмѣсто этого рѣшающее вліяніе на состояніе преступности приобрѣтаетъ общее экономическое положеніе. Не подлежитъ спору, что въ періоды экономическаго подъема заработная плата возрастаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и средства для приобрѣтенія предметовъ питанія; это увеличеніе доходовъ можетъ даже уравновѣсить послѣдствія *вздорожанія* хлѣба, въ то время какъ—наоборотъ—пониженіе доходовъ или безработица влечетъ за собою тѣмъ болѣе чувствительныя послѣдствія, чѣмъ выше цѣны на жизненные продукты.

Заслуживаетъ, поэтому, самаго пристальнаго вниманія попытка Fornasari-di-Verce³⁾ подвергнуть одновременному анализу явленія обонихъ порядковъ—и состояніе промышленности и колебанія хлѣбныхъ цѣнъ. Онъ вычислилъ сколько необходимо въ теченіе года потратить *рабочихъ часовъ* при средней заработной платѣ, чтобы приобрѣсти опредѣленное количество хлѣба, 100 килогр. Сопоставленіе этихъ чиселъ съ количествомъ простыхъ и квалифицированныхъ кражъ дало въ результатъ для изслѣдованныхъ годовъ 1875—1885 замѣчательный па-

¹⁾ von Mayr, *Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben*. Стр. 346.

²⁾ H. Müller, *Untersuchungen über die Bewegung der Kriminalität in ihrem Zusammenhange mit den wirtschaftlichen Verhältnissen*, 1899.

³⁾ Fornasari-di Verce, *La criminalità e le vivande economiche in Italia*.

раллелизмъ. Къ тѣмъ же результатамъ пришелъ Курелла¹⁾ при изслѣдованіи періода 1880—1888 г.г.

Къ сожалѣнію, не всегда можно идти путемъ такого изслѣдованія; я тщетно старался найти подходящія цифры для Германіи. Помѣщенные на страницахъ *Zentralblatt für das deutsche reich* таблицы *заработной платы* для Германіи касаются лишь незначительныхъ періодовъ времени и обнаруживаютъ рѣзко выраженные мѣстные отличія. Поэтому и мы не можемъ пользоваться ими, развѣ только, если ограничиться незначительными административными единицами; но и въ этомъ случаѣ мы впадемъ въ крупную ошибку, неизбѣжную при пользованіи малыми числами.

Выставленные *Мюллеромъ* соображенія противъ взгляда на цѣны на пищевые продукты, какъ на масштабъ народнаго благостоянія, могли бы пожалуй сдѣлать излишними дальнѣйшее обсужденіе вопроса о связи между этими двумя порядками явленій. Если бы взаимная связь между экономическимъ положеніемъ и преступностью была бы незначительна, то оставалось бы только отказаться отъ дальнѣйшаго обсуждения этого вопроса. Но мы увидимъ, что это не такъ. Напротивъ, необходимо тутъ же подчеркнуть, что *цѣна на хлѣбъ* порою имѣетъ рѣшающее значеніе для бюджета рабочаго.

Потребленіе хлѣба въ рабочемъ населеніи чрезвычайно велико. *Максъ Мэй*²⁾ приходитъ къ выводу, что общій расходъ въ рабочемъ хозяйствѣ на этотъ необходимый предметъ питанія—достигаетъ болѣе $\frac{1}{6}$ части всего дохода. Но цѣна на хлѣбъ зависитъ не отъ количества урожая, но отъ цѣны на зерно, устанавливаемыхъ на биржѣ, какъ это доказалъ *Гиршбергъ*³⁾. Поэтому каждое повышеніе цѣны на зерно должно всю тяжестью обрушиваться на самые обезпеченные слои населенія.

*Лафаргъ*⁴⁾ взялъ масштабомъ для цѣны на жизненные продукты мѣшокъ муки въ 150 килогр., цѣна котораго опредѣлялась общинными властями, въ данномъ случаѣ парижскимъ муниципальнымъ управленіемъ, и заносилась въ ежегодные отчеты о хлѣбопекарной торговлѣ. Сопоставленіе цифръ показало, что каждое повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ сопровождалось увеличеніемъ числа кражъ, растратъ и подлоговъ, тогда какъ съ паденіемъ цѣнъ число этихъ преступленій уменьшалось. (Таблица XXII).

¹⁾ Kurella, *Der neue Zolltarif und die Lebenshaltung des Arbeiters*. Berlin 1902

²⁾ Max May, *Wie der Arbeiter lebt*. 1897.

³⁾ C. Hirschberg. *Conrads Jahrbücher* 1899. III. Folge. Bd. XVII. Стр. 255. Ср. также цифры таблицы XXIII.

⁴⁾ Paul Lafargue, *Die Kriminalität in Frankreich*. *Die neue Zeit*. 1890. Стр.

Таблица XXII.

Экономическое положеніе и преступность во Франціи.

(По Лафаргу: Die Neue Zeit. 1890. стр. 20/21).

Годы	Цѣна мѣшка муки въ 150 кило на парижскихъ рынкахъ. Франки.	Простая кража	Мошенничество.	Растрата	Преступленія противъ личности	Преступленія противъ нравственности и изнасилованіе по отношенію къ	
						Взрослымъ	Дѣтямъ
1840	67,56	19 531	1374	1126	1622	157	284
1841	52,02	17 377	1296	1177	1765	181	381
1842	58,35	18 383	1270	1232	1669	161	308
1843	55,14	19 900	1399	1269	1771	180	339
1844	58,24	21 010	1504	1299	1612	149	392
1845	55,38	20 633	1407	1316	1658	198	274
1846	69,04	24 753	1489	1544	1696	145	379
1847	90,58	31 596	1883	1698	1622	141	374
1848	41,48	20 120	1294	1360	1616	154	356
1849	46,31	22 070	1375	1450	2013	222	467
1850	43,54	23 121	1475	1651	2141	254	524
1851	43,47	24 516	1652	1653	2161	242	615
1852	52,15	28 090	1980	1997	2013	228	611
1853	67,12	33 940	2284	2204	1921	212	573
1854	87,86	39 484	2629	2420	1691	174	581
1855	90,84	37 883	2733	2471	1613	160	582
1856	91,16	36 848	2519	2669	1702	181	650
1857	67,02	35 737	2703	2690	1657	188	617
1858	48,10	29 374	2790	2501	1947	238	784
1859	46,91	27 792	2666	2542	1851	226	718
1860	59,60	30 331	3128	2680	1607	180	650
1861	75,42	32 729	3524	2850	1696	217	695
1862	65,88	32 131	3842	2929	1762	213	728
1863	59,21	29 155	2431	2655	1673	171	750
1864	51,43	28 345	3341	2752	1703	176	764
1865	49,60	28 078	2432	2813	1750	178	820
1866	60,62	29 623	2422	2799	1777	160	883
1867	80,92	33 097	2806	3143	1704	124	805
1868	81,22	35 035	2990	3183	1697	161	726
1869	58,10	31 613	2750	3292	1658	146	710
1870	63,81	20 531	1628	1563	1297	54	558
1871	86,59	27 662	1684	1912	1561	112	526
1872	72,99	34 961	2705	3110	1669	124	682
1873	79,92	35 289	2813	3390	1708	97	783
1874	71,10	34 170	3008	3079	1731	139	825
1875	57,08	30 020	2880	3122	1765	140	813
1876	61,31	31 781	2710	3195	1849	140	875
1877	68,78	33 351	2968	3309	1653	108	804

Годы	Цена мѣшка муки въ 150 кило на парижскихъ рѣликахъ. Франки.	Простая кража	Мошенничество.	Растрата	Преступления противъ личности	Преступления противъ нравственности и позаслование по отношенію къ	
						Взрослымъ	Дѣтямъ
1878	67,82	31 802	2845	3288	1614	84	788
1879	63,75	32 943	2997	3468	1677	130	812
1880	65,09	37 029	3445	3621	1512	80	676
1881	65,94	35 757	3674	3747	1608	90	718
1882	63,87	35 930	3434	3679	1660	95	752
1883	59,96	35 959	3449	3795	1582	108	675
1884	51,11	35 845	3281	3545	1629	83	705
1885	49,45	34 239	3673	3679	1518	65	622
1886	50,94	34 457	3595	3824	1507	78	634

Таблица XXIII.
Хлѣбныя цѣны и преступность въ Германіи

Годы	1.		2.		3.		4.			5.
	Цѣна на рожь за 1000 кило въ Берлинѣ. Марки	Цѣна на рожь за 1 кило въ Берлинѣ. Марки	Цѣна на рожь и пшееницу за тонну до 1000 килогр. Марки	Простую кражу	Квалифицированную кражу	Репидив. кражи	Кражи вообще	Украдательства	На каждые 100.000 малол. преступн. приходил. воробъ.	
1880	187,9	—	—	—	—	—	—	—	—	
1881	196,2	—	—	—	—	—	—	—	—	
1882	152,3	—	185,19	250	28	47,3	325,3	26,83	284	
1883	144,4	—	165,37	241	25	46,4	312,4	24,69	271	
1884	143,3	—	159,73	231	25	45,3	301,3	23,73	275	
1885	140,0	—	154,61	214	22	43,3	279,3	22,75	256	
1886	130,6	20,8	147,26	210	20	42,3	272,3	21,72	258	
1887	120,9	20,65	145,99	198	21	40,1	259,1	20,71	258	
1888	134,5	21,22	155,43	194	21	36,5	251,5	20,70	255	
1889	155,5	24,69	169,64	211	23	40,1	274,1	21,70	281	
1890	170,0	27,18	181,32	206	24	39,0	269,0	21,65	296	
1891	211,2	31,66	216,31	216	25	40,2	281,2	22,78	296	
1892	176,3	29,52	184,00	236	31	44,9	311,3	25,82	323	
1893	133,7	21,89	146,94	202	26	41,3	269,5	22,77	276	
1894	117,8	20,43	127,10	198	27	41,5	266,3	22,74	289	
1895	119,8	20,63	132,17	192	24	39,4	255,4	22,74	278	
1896	118,8	20,93	139,29	184	24	39,5	247,5	19,60	271	
1897	130,0	22,30	152,08	188	23	38,9	249,9	18,55	—	
1898	146,3	25,15	170,55	181	25	40,4	256,4	19,64	—	

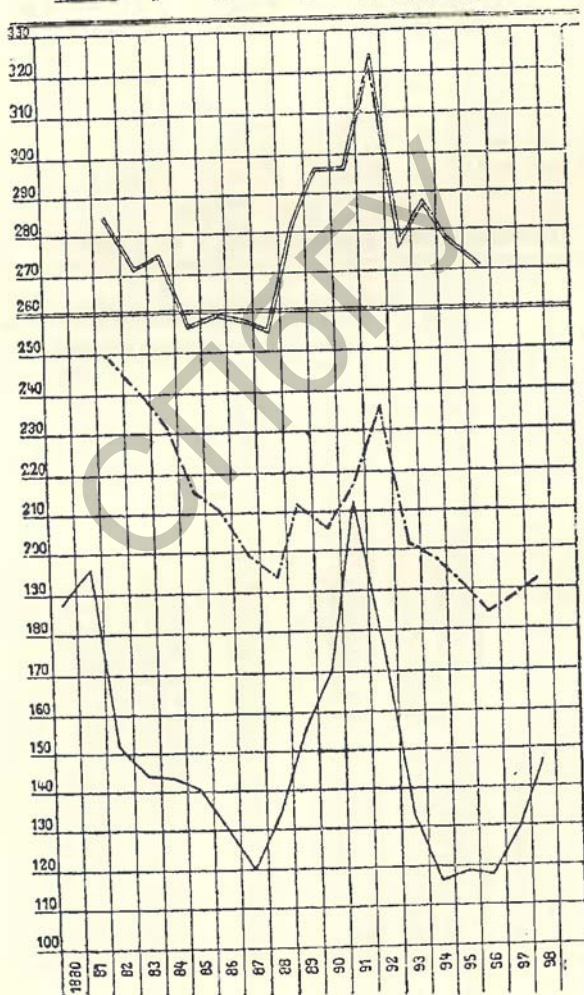
1 и 2 по Гиршбергу; 3 и 4 по Бери; 5 по германской уголовной статистикѣ.

Германская статистика также указывает на тѣсную связь между колебаніями хлѣбныхъ цѣнъ и числомъ кражъ (Таблица XXIII). Но ни въ Германіи, какъ и во Франціи рѣшающее значеніе имѣетъ не абсолютная высота цѣнъ, но ихъ относительное повышеніе и пониже-

Чертежъ IV.

Кражи и хлѣбныя цѣны съ 1882 г.

— Цѣна за 1000 килогр. ржи въ Берлинѣ.
 - - - Простыя кражи на каждыя 100000 уголовно-совершеннолѣтн.
 ————— » » » » » малолѣтн.

ніе. Такъ 1882 годъ является наивысшимъ по числу кражъ за послѣдніе 17 лѣтъ, хотя цѣны на рожь были среднія. Это потому, что послѣдствія повышенія цѣнъ въ теченіе 1880 и 1881 г. сказывались еще—или лучше сказать—*впервые* сказались въ 1882 г. Такое же явленіе наблюдалось и въ слѣдующіе годы. Моментъ сильнѣйшаго паденія цѣнъ не совпалъ съ моментомъ уменьшенія числа кражъ; вліянія перваго момента обнаружилось лишь годъ *спустя* (Чертежь IV).

На это имѣется еще и внѣшняя причина, на которую уже обратилъ вниманіе *Альбертъ Мейер*¹⁾. Дѣло въ томъ, что большая часть кражъ, совершенныхъ въ теченіе первыхъ зимнихъ мѣсяцевъ, дѣлаются предметомъ судебного разбирательства только въ слѣдующемъ году; такъ какъ германская статистика при регистраціи уголовныхъ дѣяній приурочиваетъ послѣднія не къ моменту ихъ совершенія, а къ моменту постановленія по нимъ судебныхъ приговоровъ, то вслѣдствіе этого и получается, что наиболѣе обильнымъ по числу преступленій оказывается годъ, слѣдующій за тѣмъ, когда они дѣйствительно имѣли мѣсто. Еще серьезнѣе, по моему мнѣнію, пояснительное указаніе, приводимое также *Германомъ Бергомъ*²⁾, на то, что розничныя цѣны отстаютъ отъ оптовыхъ, такъ что удешевленіе хлѣба и не ведетъ къ немедленному устраненію матеріальной нужды, какъ и повышеніе цѣнъ не сразу вызываетъ общее социальное бѣдствіе.

Мюллеръ совершенно упускаетъ изъ виду это заназдывающее проявленіе дѣйствія повышенныхъ хлѣбныхъ цѣнъ. Этимъ и объясняется то, что въ увеличеніи числа обвинительныхъ приговоровъ въ 1892 году, несмотря на паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, онъ увидѣлъ «яркое доказательство отсутствія всякой связи между преступностью и хлѣбными цѣнами». Конечно, эта взаимная связь не имѣетъ характера механическаго, автоматически саморегулирующагося явленія, какъ это можно было бы думать по приведенному отрывку *Мейера*. Уровень цѣнъ—не единственный масштабъ. Мы можемъ даже, не умаляя нисколько значенія всего сказаннаго, прибавить, что въ будущемъ, наряду съ другими экономическими факторами, хлѣбныя цѣны утратятъ значительную долю своего вліянія. Лучшимъ опроверженіемъ точки зрѣнія *Мюллера*, сомнѣвающагося въ возможности пользоваться хлѣбными цѣнами, какъ масштабомъ экономическаго положенія, служить тотъ фактъ, что данныя о кражахъ и хлѣбныхъ цѣнахъ за 18 лѣтъ лишь въ одномъ случаѣ обнаружили ничтожное отклоненіе отъ строгаго параллелизма повышенія и пониженія.³⁾

¹⁾ *Albert Meyer, Die Verbrechen in ihrem Zusammenhange mit den wirtschaftlichen und sozialen Verhältnissen im Kanton Zürich, 1895, стр. 31.*

²⁾ *Hermann Berg, Getreidepreise und Kriminalität in Deutschland seit 1882. Abhandlungen des kriminalistischen Seminars Berlin, 1902.*

³⁾ Во избѣжанія недоразумѣнія считаю нужнымъ подчеркнуть, что и *Мюллеръ* раздѣляетъ общее мнѣніе: положеніе населенія, въ особенности рабочаго класса, регулируетъ его отношенія къ этическимъ законамъ.

Но все это еще не даетъ отвѣта на вопросъ о главной сущности этого соціального явленія. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе вывода, что всякая кража есть *дьяніе, вызванное отчаяніемъ* голода или холода. Объектами кражъ (и такихъ кражъ $\frac{4}{5}$ всего ихъ числа), совершенныхъ мужчинами, рѣдко являлись такіе предметы, которые могли бы утолить голодъ или защитить отъ холода. Больше, нежели обнаженная нищета, имѣетъ значеніе *неумѣніе приспособиться* къ измѣняющимся обстоятельствамъ. Кто привыкъ къ тратѣ денегъ на удовольствія, не легко мирится съ положеніемъ, заставляющимъ его отказаться отъ этой привычки. При хорошемъ заработкѣ растутъ *потребности* въ жилищѣ, платьѣ, пищѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и денежныя траты на разнаго рода развлеченія, на фереины, на алкогольныя напитки. Къ сожалѣнію, опытъ показываетъ, что экономическій подъемъ выражается менѣе въ увеличеніи траты на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, чѣмъ на удовлетвореніе непужныхъ удовольствій. При внезапномъ пониженіи заработной платы или вздорожаніи жизненныхъ продуктовъ, рабочій, на которомъ эти явленія отражается больше всего и прежде всего, не прекращаетъ своихъ тратъ, связанныхъ съ участіемъ въ атлетическихъ, гимнастическихъ, пѣвческихъ, артистическихъ и политическихъ ферейнахъ, и не ограничиваетъ свои воскресные расходы на пиво и другіе напитки.

Не лишенія въ самомъ необходимомъ, но *неспособность отказаться* отъ жизненныхъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ лучшія времена, таитъ въ себѣ опасность уклоненія съ честнаго пути. И эта опасность еще болѣе увеличивается, когда нужда поражаетъ лицъ, не обладающихъ достаточной *силой* сопротивленія соблазнамъ жизни. Это мы видимъ по громадному числу осужденій *молодыхъ* людей за кражу. Увеличеніе числа кражъ соотвѣтственно повышенію цѣнъ на хлѣбъ у нихъ наблюдается еще въ болѣе рѣдкой формѣ, нежели у остальной части населенія, тогда какъ уменьшеніе числа кражъ совершается у нихъ медленно, нежели у взрослыхъ. Доходы молодого человѣка относительно выше доходовъ взрослого рабочаго, такъ какъ ему рѣдко приходится нести на себѣ расходы для поддержанія семьи. Паденіе заработной платы, повышеніе цѣнъ на жизненные продукты налагаетъ на молодые и неустойчивые характеры необходимость отказаться отъ развлеченій и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ у нихъ искушеніе поживиться чужимъ добромъ.

Преступленія служатъ необыкновенно чуткимъ *барометромъ* экономическаго положенія. Это подтверждаетъ географическое распределеніе кражъ, на это указываетъ увеличеніе числа кражъ подъ влияніемъ обостряющихся лишеній въ зимнее время, это же доказываетъ прежде всего необыкновенныя колебанія числа кражъ по отдѣльнымъ

годамъ и ихъ зависимость отъ уровня цѣнъ на предметы потребления. Экономическія затрудненія, конечно, только въ малой степени затрагиваютъ интересы имущихъ классовъ; иначе обстоитъ дѣло съ рабочими, живущими со дня на день. Что неимущій не обладаетъ такимъ героизмомъ, побуждающимъ въ минуту нищеты сразу отказаться отъ всякихъ развлеченій—это, конечно, очень жаль, но совершенно понятно въ виду отсутствія здоровыхъ бесплатныхъ развлеченій.

Съ кражею большей частью тѣсно связано *укрываетельство*, которое, по количеству случаевъ, также оказывается въ зависимости отъ уровня цѣнъ на жизненные продукты. Но эта зависимость только косвенная. Къ укрываетельству воръ прибѣгаетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда объектъ кражи—не деньги и не предметы, служащія для непосредственнаго потребления.

Гораздо большій интересъ представляютъ осужденія за *мошенничество* и *растрату*. Прежніе статистики указывали на зависимость также и этихъ преступленій отъ хлѣбныхъ цѣнъ. Однако цифры, касающіяся Германіи, показываютъ, что съ 1882 г. число случаевъ этихъ преступленій при незначительныхъ колебаніяхъ обнаруживаютъ постоянную тенденцію къ повышенію. Какъ уже было выше указано, наказанія за мошенничество съ наступленіемъ зимы значительно учащаются, а весной становятся рѣже; это служитъ доказательствомъ того, что уменьшеніе доходовъ является одной изъ серьезнѣйшихъ причинъ этого рода преступленій. Противорѣчіе между ярко выраженнымъ дѣйствіемъ обще-экономической нужды и неуловимымъ дѣйствіемъ хлѣбныхъ цѣнъ, допускаетъ извѣстное объясненіе; и я думаю, что *Бергъ* ¹⁾ разрѣшаетъ его вполне удачно, когда говоритъ: «Мошенничество процвѣтаетъ особенно на шумныхъ и крикливыхъ мѣстахъ торгова, гдѣ сходятся толпа конкурентовъ, охотящихся за барышомъ. Въ сложныхъ торговыхъ сношеніяхъ легче всего возникаютъ поводы къ мошенничествамъ и въ тоже время легче всего можно избѣгнуть ихъ обнаруженія».

Это заявленіе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ результатами сравнительно-статистическихъ изслѣдованій въ области профессиональныхъ занятій. Лица, занимающіяся торговлей, составляютъ 10,9% въ общемъ количествѣ населенія; осужденныхъ же среди нихъ за мошенничество въ годы 1890—1894 было 19% и за растрату 26,2%. За тотъ же періодъ времени на служащихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ приходится 31,8% растратъ и 31,6% мошенничествъ, хотя они составляютъ только 17% общаго числа населенія. Отсюда видно, на какой почвѣ чаще всего происходятъ этого рода преступленія. Тамъ, гдѣ процвѣтаютъ торговля и промышленность, чаще всего возникаютъ поводы къ мо-

¹⁾ *Berg*, Цитиров. соч. стр. 116.

шеничеству и растратамъ. Поэтому періоды экономическаго подъема только еще болѣе усиливаютъ соблазнъ, и даже тогда, когда одинъ изъ источниковъ преступленій, нужда, не имѣетъ мѣста, число виновниковъ мошенничества увеличивается.

Если такимъ образомъ воровство обнаруживаетъ прямую зависимость отъ общаго благосостоянія, а мошенничество и присвоеніе вълѣдствіе отмѣченной связи двухъ главныхъ другъ друга уравнивающихъ причинъ, ихъ вызывающихъ,—относительную независимость, то наконецъ, есть еще другія преступленія, которыя являются какъ бы отраженіемъ цифръ, опредѣляющихъ число кражъ. *Лафаръ*,¹⁾ работа котораго, при всѣхъ ея несомнѣнныхъ достоинствахъ, носитъ нѣкоторую тенденціозную окраску, позагасть, что «матеріальный расцвѣтъ капиталистическаго общества выражается, съ одной стороны, въ относительномъ уменьшеніи числа банкротствъ, и въ пониженіи уровня преступности вообще, а съ другой—въ увеличеніи числа случаевъ растлѣнія дѣтей, которое—наоборотъ—падаетъ при плохомъ состояніи дѣлъ». «Изнасилованіе дѣтей—вѣрный признакъ процвѣтанія капиталистическаго производства.» Самый фактъ и значеніе его подмѣчены вѣрно, насколько дѣло касается банкротствъ. Но нельзя того же сказать объ изнасилованіяхъ, которыя приписываются имъ въ несовсѣмъ ясной формѣ, а *Бebelъ*²⁾ совершенно открыто имущимъ и образованнымъ классамъ. Не знаю, откуда *Бebelъ* заимствовалъ свои цифры, которыя даютъ ему основаніе для подобаго утвержденія: «Такъ называемыя «либеральныя профессіи», къ которымъ принадлежатъ преимущественно представители высшихъ классовъ, даютъ въ общемъ числѣ уголовныхъ преступленій 5,6%, въ случаяхъ же изнасилованія дѣтей 13%». Въ дѣйствительности участіе «либеральныхъ профессій» въ области преступленій противъ нравственности въ періодъ 1890—1899 гг. выразилось только 3,3%, тогда какъ относительный составъ ихъ вмѣстѣ съ членами семей въ общемъ числѣ населенія выразился въ 4%. Напротивъ, участіе въ этихъ преступленіяхъ лицъ, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, составляющихъ 15,6% общаго числа населенія, выразилось въ 22,6%, служащихъ и рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ составляющихъ 17%,—даже въ 43,3%, не говоря уже о «рабочихъ, не указавшихъ никакой спеціальности», участіе которыхъ въ преступленіяхъ противъ нравственности выражается цифрою, въ 9 разъ превышающей ихъ процентный составъ въ общемъ количествѣ населенія. Такимъ образомъ, увеличеніе числа преступленій противъ нравственности въ періодъ матеріальной обезпеченности всею тяжестью падаетъ на рабочихъ (къ которымъ я не считаю возможнымъ причислить вышеназванную группу: «рабочихъ, не указавшихъ никакой спеціальности»). Мы, конечно, не

¹⁾ Цитирован. соч. стр. 295.

²⁾ *August Bebel, Die Frau und der Socialismus*, 28-е изд. 1897. Стр. 201.

ошибемся, если поставим въ связь съ этимъ явленіемъ *алкогольные эксцессы*, обнаруживающіеся въ періоды экономического подъема.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже оцѣнили значеніе привычнаго *пьянства* и при этомъ специально отмѣтили возникновеніе случаевъ нанесенія тѣлесныхъ поврежденій въ состояніи опьянѣнія. Съ давнихъ поръ поддерживается взглядъ, что годы экономического благосостоянія вмѣстѣ съ увеличеніемъ расходовъ на алкогольные напитки влечетъ за собою увеличеніе числа случаевъ нанесенія тѣлесныхъ поврежденій; что хороший сборъ винограда въ странахъ его производства, какъ, напр., во Франціи, служить также къ пониженію общаго уровня нравственности. Этотъ взглядъ оказывается въ полномъ согласіи съ дѣйствительностью болѣе раннихъ періодовъ, тѣхъ, напр., о которыхъ говоритъ *Лафаргъ* (Таблица ХХІ), но не согласуется съ картиною преступности въ Германіи съ 1882 года. Всѣ тѣ преступления, какъ на причину которыхъ мы указали на алкоголь,—освобожденіе арестованныхъ, насиліе и угрозы противъ властей, нарушеніе домашней тишины, нанесеніе легкихъ и тяжелыхъ тѣлесныхъ поврежденій, оскорбленія и порча вещей—годъ отъ году становятся чаще.

Этому и соответствуетъ безостановочный *ростъ потребления алкоголя*. Потребленіе главнаго напитка нѣмецкаго населенія—пива, выразилось въ 1882 г. только въ 84,8 литра въ годъ на человѣка; въ 1899 же году, считая при этомъ женщинъ и дѣтей—уже въ 124,9 литра.

Ростъ потребления алкоголя не останавливается передъ такимъ слабымъ препятствіемъ, какъ дороговизна. Правда траты, производимыя на алкоголь, не такъ чувствительны для бюджета рабочаго, когда заработная плата высока, а предметы потребленія дешевы. Но данныя о потребленіи напитковъ показываютъ, что и въ плохія времена рабочій не отказывается отъ пьянства, и потому дурныя послѣдствія алкогольныхъ эксцессовъ одинаково имѣютъ мѣсто, какъ въ періоды экономического подъема, такъ и въ періоды экономического упадка.

Въ сложномъ механизмѣ промышленнаго государства нѣтъ недостатка *въ жертвахъ*, гибнущихъ вслѣдствіе врожденныхъ дефектовъ, низкаго нравственного и умственного развитія или вслѣдствіе невозможности приспособиться къ быстро смѣняющимся фазисамъ развитія и совершающимся въ обществѣ перемѣнамъ. Такая же печальная судьба постигаетъ и въ земледѣльческомъ государствѣ того, кто, какъ собственникъ, не въ силахъ перенести кризисы, вызываемые неурожаями, эпизоотіями, или, какъ рабочій, не можетъ выдержать значительнаго пониженія заработной платы въ періоды экономического упадка. Экономически и нравственно ослабленные элементы захватываются жизненными волнами и тѣмъ легче, чѣмъ сильнѣе нарушена кризисами прочность ихъ положенія.

Всѣ эти *нарушенія* социальнаго равновѣсія при настоящихъ усло-

віяхъ до извѣстной степени неизбѣжны, но мы можемъ, къ сожалѣнію, больше въ теоріи, чѣмъ на практикѣ, устранить его дурныя послѣдствія. На иной совершенно почвѣ возникаютъ *искусственные кризисы, стачки*. Это средство улучшенія соціального положенія въ послѣдніе годы получаетъ все болѣе широе примѣненіе.

Для правильной оцѣнки эксцессовъ, имѣющихъ мѣсто во время стачекъ, безусловно необходимо болѣе подробное ознакомленіе съ фактами совершенно особаго порядка, и прежде всего съ извѣстнымъ фактомъ массовой психологіи, устанавливающимъ рѣзкую разницу между поведеніемъ *толпы* и поведеніемъ *отдѣльныхъ лицъ*, изъ которыхъ она состоитъ. Психологія массъ составила предметъ превосходнаго изслѣдованія Сигеле¹⁾. Онъ разматриваетъ не только реакцію невѣжественной массы на внѣшнее раздраженіе, но и поражающія своею странностью постановленія законодательныхъ собраній, всякаго рода союзовъ, научныхъ и политическихъ обществъ. Разумная критика въ собраніи, состоящемъ изъ многихъ лицъ, не только не выше критики отдѣльнаго лица, но часто совершенно ничтожна.

Фраза, мѣткое слово, сказанное въ удобный моментъ, энергическая рѣчь выдающагося оратора; какойнибудь жестъ, употребленный во время, могутъ *мирно настроенную* толпу превратить въ *армію преступниковъ*. Чѣмъ больше находитея среди толпы женщинъ, вообще отличающихся болѣе сильной восприимчивостью, тѣмъ опасность становится сильнѣе; опасность эта достигаетъ высшей степени когда люди, раздраженные, обремененные заботами, измученные лишениями, возбужденные значительными рѣчами, находятся подъ вліяніемъ паровъ алкоголя. Если въ эту легко воспламеняющуюся массу будетъ извнѣ брошена искра, то она вызоветъ тѣ дикія сцены, которыя художественно воспроизведены въ «Ткачахъ» Гаутмана, въ «Углекопахъ» Золя и подвергнуты научному анализу въ трудѣ Сигеле.

Отдѣльный участникъ въ подобнаго рода эксцессахъ самъ по себѣ можетъ быть совершенно тихимъ, скромнымъ и безобиднымъ человѣкомъ, но *индивидуальность* его *въ массѣ* исчезла; способность къ спокойному размышленію утрачена, и подъ непреодолимымъ нивелирующимъ вліяніемъ толпы, даже разсудительный человѣкъ можетъ превратиться въ звѣря. Можно, конечно, сожалѣть объ этихъ печальныхъ послѣдствіяхъ «психологіи массъ», но нельзя не признать факта, что *субъективная* виновность отдѣльнаго лица въ эксцессахъ, сопровождающихъ стачки, часто весьма ничтожна.

¹⁾ Sighele, *Psychologie des Auflaufs und der Massenverbrechen*.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Индивидуальныя причины преступленія.

Нѣкоторые авторы до такой степени склонны видѣть въ социаль-ныхъ условіяхъ среды основную причину всѣхъ преступленій, что полагаютъ: „лишь съ устраниемъ бѣдности возможно устраниеніе преступленія и проституціи“¹⁾. Противоположную точку зрѣнія защищаетъ *Гарофало*²⁾. Онъ сравниваетъ область преступности съ моремъ, которое, не смотря на приливы и отливы, содержитъ всегда одинаковое количество воды. *Склонность къ преступленію* остается постоянно одинаковой, мѣняется лишь форма ея проявленія въ зависимости отъ времени года и экономическихъ условій.

Истина лежитъ посрединѣ. Нужда и нищета являются одною изъ причинъ преступленія, дѣйствующей тѣмъ сильнѣе, чѣмъ шире кругъ населенія, пораженнаго экономическимъ бѣдствіемъ. Если же уровень общаго благосостоянія повышается, начинаетъ дѣйствовать *новая* причина—алкоголизмъ со всѣми его послѣдствіями. Но лица, появляющіяся на сценѣ подсудимыхъ въ эти различные періоды, не одни и тѣ же; мошенникъ не всегда, по крайней мѣрѣ не какъ правило, превращается въ подкальвателя или нарушителя общественной тишины, когда заработокъ увеличивается, а герой улицы не всегда превращается въ вора, когда онъ очутится въ нуждѣ.

Каждое нарушеніе социальнаго равновѣсія выбиваетъ извѣстное число индивидуумовъ изъ ихъ колеи и толкаетъ въ пучину преступности. Общее свойство, объединяющее этихъ индивидуумовъ въ однородную группу—это *недостаточность силы сопротивленія* преступнымъ искушеніямъ. Соціальныя причины даютъ толчокъ къ преступленію, и въ то время, какъ большая часть людей способна сохранить равновѣсіе, другіе—болѣе или менѣе легко—утрачиваютъ его. Поэтому необходимо подробнѣе рассмотретьъ, каковы тѣ свойства, которыя до того ослабляютъ силу сопротивляемости *индивидуума* порочнымъ побужденіямъ, что онъ становится преступникомъ.

Индивидуальныя причины преступленія нерѣдко совмѣщаются съ выше разсмотрѣнными социальными. Поэтому я настаиваю на томъ, что

¹⁾ *Paul Hirsch, Verbrechen und Prostitution als soziale Krankheitserscheinungen.* 1897. Стр. 66.

²⁾ *Garofalo, La Criminalogie, Paris 1895.* стр. 189.

Ашаффенбургъ. Преступленіе и борьба съ нимъ.

часто нѣтъ возможности провести строгую границу между внѣшними и внутренними причинами; нѣкоторые индивидуальные свойства обуславливаются экономическимъ положеніемъ; кое что, о чемъ мы говорили раньше, напр., колебанія въ цифрахъ преступленій противъ нравственности, могло бы быть съ такимъ же удобствомъ включено и въ послѣдующее изложеніе.

Происхожденіе и воспитаніе.

На каменистой почвѣ нельзя ожидать никакихъ всходовъ и для объясненія въ такомъ случаѣ неурожая, нѣтъ надобности ссылаться на плохое качество зерна. То же самое слѣдуетъ сказать и о развитіи преступнаго чловѣка. Конечно, подобная аналогія не оправдываетъ исключенія *личныхъ способностей*, какъ самостоятельнаго фактора, но наряду съ нимъ дѣйствуетъ воспитаніе, или вѣрнѣе — *недостатокъ воспитанія*, которое обуславливается *дурнымъ примѣромъ* и *нищетой*. Вырожденіе потомства, какъ результатъ наслѣдственнаго вліянія родителей, страдающихъ *душевыми болѣзнями*, пьянствомъ и эпилепсіей, не можетъ подлежать спору. Поскольку вопросъ касается пьянства, мы его уже разсмотрѣли. *Формы вырожденія* проявляются въ различныхъ видахъ физическаго и умственнаго упадка, хотя, какъ показываетъ опытъ, не все дѣти пьяницъ и душевно-больныхъ обнаруживаютъ тенденцію къ вырожденію.

Всякая попытка выразить въ цифрахъ эти формы наслѣдственности разбивается о растяжимость самаго понятія *наслѣдственной передачи*. Въ то время какъ одинъ изслѣдователь признаетъ ее лишь при наличности признаковъ душевнаго расстройства у самихъ родителей, для другого достаточно проявленія такихъ признаковъ у родственниковъ. Одинъ считаетъ опаснымъ даже легкое нервное расстройство, для другого — необходимъ рѣзко выраженный психозъ. Поэтому было даже предложено опредѣлить наклонность къ заболѣваніямъ на психической почвѣ только какъ *семейное предрасположеніе*.

Если не легко установить явленія наслѣдственности у душевно-больныхъ, то еще труднѣе это сдѣлать у *преступниковъ*, которые къ тому же часго не имѣютъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о своихъ предкахъ. Цифры таблицы XXIV могутъ поэтому служить доказательствомъ того, насколько ненадежны результаты изслѣдованій по вопросу о наслѣдственности.

Родъ и число случаевъ наслѣдственной передачи психическихъ аномалій со стороны родителей, по упомянутымъ причинамъ, у различныхъ авторовъ такъ сильно различаются между собою, что мы можемъ лишь отмѣтить фактъ, не дѣлая изъ него никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ.

Таблица XXIV.

составлена по Курелла.

На 100 родителей преступниковъ, подвергнутыхъ изслѣдованію по разнымъ преступленіямъ, приходилось:

	Преступность			Психическая болѣзнь			Эпилепсія			Пьянство		
	Зихартъ ¹⁾	Марро ²⁾	Пента ³⁾	Зихартъ	Марро	Пента	Зихартъ	Марро	Пента	Зихартъ	Марро	Пента
У преступниковъ вообще	43,7	4	17,6	6,7	12,6	18	1,7	2,7	8	16,2	46	30
„ „ противъ нравств.	57,3	3	—	8,5	10,3	—	1,2	—	—	14,2	43,6	—
„ нарушителей присяги	23	—	—	—	—	—	—	1,3	—	11,1	—	—
„ совершившихъ подлогъ	34,8	6,5	—	5,5	16,4	—	2,1	3,2	—	13,3	28	—
„ воровъ	20,9	3,7	—	5,4	14	—	—	7,5	—	14	27,1	—
„ убійць	—	7,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

1) 1714 преступниковъ, исключая преступниковъ противъ жизни.

2) 507 преступниковъ.

3) 560 преступниковъ.

Какъ показали Зихартъ, и притомъ въ болѣе рѣзко выраженной формѣ, нежели итальянцы, 43,7% преступниковъ происходятъ отъ преступныхъ родителей. Идетъ ли однако въ данномъ случаѣ рѣчь о прямой наследственной передачѣ наклонности къ противозаконнымъ дѣяніямъ? Курелла отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Я не могу съ этимъ согласиться. Я полагаю, нѣтъ основанія придавать слишкомъ большое значеніе этой формѣ наследственной передачѣ, какъ и тому нерѣдко наблюдаемому факту, что цѣлыя семьи, цѣлыя мѣстности отличаются интенсивною преступною дѣятельностью. И то и другое объясняется условіями данной дѣятельности. Ребенокъ, который съ ранней юности живетъ въ преступной средѣ, развивается въ ней, воспринимаетъ также и господствующія въ ней воззрѣнія; преступленіе теряетъ въ его глазахъ характеръ дѣянія недостойнаго, наказаніе не представляется явленіемъ позорливымъ; напротивъ, оно очень часто признается неизбѣжнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ извѣстной профессіи. Поэтому я могу отказаться отъ изложенія исторіи знаменитой семьи *Jukes*,¹⁾ съ ея обширною арміею преступниковъ, проституттокъ, слабоумныхъ и отъ изображенія какихъ нибудь другихъ преступныхъ родословныхъ.

1) Dugdale, *The Jukes. A Study in crime, pauperism, disease and heredity.* 1874.

*Курелла*¹⁾ находитъ въ интересномъ изслѣдованіи *Сигеле*²⁾ объ *Артенѣ*, бывшемъ церковномъ государствѣ, доказательство наследственной передачи преступныхъ наклонностей. Уже въ 1557 г. Павелъ IV объявилъ всѣхъ жителей Артены внѣ закона и каждому давалъ право на уничтоженіе этого гнѣзда преступнаго сброда. И дѣйствительно, еще въ годы 1875—1887 въ Артенѣ число случаевъ уличнаго грабежа было въ 30 разъ, убійствъ и тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій въ 6—7 разъ больше, чѣмъ въ остальной Италіи. Семейство Монтефортино въ теченіе трехъ столѣтій сохранило за собою славу преступнаго рода. И, однако даже эта устойчивость довольно высокой преступности, обнаруживавшейся въ названной семьѣ въ теченіе вѣковъ, не можетъ служить доказательствомъ ея *наследственнаго* характера. Она можетъ быть объяснена, какъ примѣръ подражанія печальнымъ образцамъ, которые, разумѣется, не могли внушить никакихъ альтруистическихъ побужденій.

Убѣдительное доказательство могъ бы доставить только такой *экспериментъ*, какъ воспитаніе дѣтей преступныхъ семействъ въ честной средѣ, при непремѣнномъ условіи полнаго ихъ невѣдѣнія о своемъ происхожденіи; оставалось бы только наблюдать, проявятся ли у нихъ въ этой обстановкѣ преступныя наклонности. Добыть такое доказательство не легко. Разказы же объ оживаніи цыганской крови послѣ цѣлаго ряда лѣтъ не заслуживаютъ серьезнаго вниманія и должны быть отнесены къ области поэтическаго вымысла.

Главная причина вѣроятной неудачи подобнаго рода попытокъ, заключается въ томъ, что дѣти вырождающихся семействъ, хотя и не одарены преступными наклонностями, но физически и умственно часто стоятъ ниже нормальнаго уровня. Въ этомъ отношеніи весьма поучительными являются печальные результаты психіатрическаго изслѣдованія *Мэнисемллера*³⁾. Онъ подвергнулъ изслѣдованію 200 питомцевъ воспитательнаго дома для безпріютныхъ дѣтей въ Берлинѣ, изъ нихъ 134 несовершеннолѣтнихъ, за которыми числились уголовно-наказуемыя дѣянія. Изъ 200 дѣтей не менѣе 68 страдали рѣзко выраженнымъ *слабоуміемъ*; у остальныхъ умственные способности были такъ ограничены, что пришлось отказаться отъ учрежденія для нихъ класса, соответствующаго вышему классу народной школы. Рядомъ съ слабоуміемъ наблюдались также эпилепсія, истерія, душевное заболѣваніе; словомъ, по исключеніи дѣтей, страдающихъ различными психическими дефектами,

¹⁾ *Kurella, Naturgeschichte des Verbrechens. 1893 стр. 144.*

²⁾ *Sighele, Un paese di delinquenza. Arch. di psich. e d'antropol. XI. 1890. стр. 441.*

³⁾ *Mönkenöller, Psychiatrisches aus der Zwangserziehungsanstalt. Allg. Zeitschrift für Psychiatrie. Bd. 56. стр. 14.*

оставалось только 73, а вмѣстѣ съ 10 эпилептиками, умственные способности которыхъ не носили явныхъ признаковъ разстройства, 83 нормальныхъ питомца. Къ этому *Мэнкэмэллеръ* добавляетъ слѣдующее: „И однако, всякій разъ какъ я разсматривалъ свои данныя объ этихъ нормальныхъ субъектахъ, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что даже это число ихъ слишкомъ преувеличено и что при болѣе детальномъ и внимательномъ наблюденіи, если бы поставленъ былъ вопросъ о вѣрности въ смыслѣ § 51 уголовного нѣмец. уложенія, нѣкоторыхъ пришлось бы исключить изъ этой рубрики».

Причины столь ужасающаго количества психически ненормальныхъ субъектовъ меньше всего можно отнести насчетъ воспитанія или недостатковъ образованія, такъ какъ мѣрломъ слабоумія можетъ служить не уровень знанія, а самая *способность къ образованію*. Поэтому происхожденіе этихъ врожденныхъ дефектовъ и болѣзненныхъ предрасположеній мы должны приписать *наслѣдственной передачѣ со стороны родителей*. Справедливость такого предположенія подтверждается цифрами *Мэнкэмэллера*, который нашелъ, что въ 85 случаяхъ отецъ или мать или оба вмѣстѣ были пьяницами, въ 24 случаяхъ—душевно-больными, въ 26 случаяхъ—эпилептиками и въ столькихъ же случаяхъ—подверженными разнымъ другимъ нервнымъ заболѣваніямъ.

За немногими исключеніями, дѣти этихъ родителей, влѣдствіе обнаруженія ими преступныхъ наклонностей, были подвергнуты режиму принудительнаго воспитанія въ исправительномъ пріютѣ. Относительно успѣха, который вообще достижимъ при оперированіи съ такимъ низкопробнымъ матеріаломъ, нельзя было считать никакихъ иллюзій. Но именно изъ этого матеріала и создается главный контингентъ будущихъ преступниковъ, и вотъ почему слабоуміе и психическія аномаліи играютъ среди нихъ замѣтную роль.

Влѣдствіе этого гипотеза о наслѣдственной передачѣ преступныхъ наклонностей отъ родителей къ дѣтямъ должна быть признана *излишней*; *излишней* говорю я потому, что она не можетъ быть ни *опровергнута*, ни *доказана*. Что можно принять какъ достовѣрный фактъ—такъ это то, что наслѣдственная доля получаемая дѣтьми отъ родителей душевно-больныхъ, эпилептиковъ, выражается въ *пониженіи ихъ физическаю и психическаю уровня*.

Къ этимъ врожденнымъ дефектамъ присоединяется для дѣтей выходящихъ и преступныхъ семействъ еще опасность, подстерегающая ихъ на пути *дальнѣйшаго ихъ развитія*. Они прежде всего лишены правильнаго *воспитанія*. Не малая ихъ часть принадлежитъ къ разряду *незаконнорожденныхъ*; цифровыя данныя о нихъ отличаются крайне рѣзкими колебаніями. Въ числѣ обитателей каторжной тюрьмы по Зи-

харту,¹⁾ въ Вюртембергѣ было незаконнорожденныхъ 27%; по Гильому²⁾ въ бернской тюрьмѣ 14% незаконнорожденныхъ. Я нашелъ среди 413 мужчинъ въ тюрьмѣ въ Галле, заключенныхъ на время отъ 6 мѣсяцевъ и выше, 8,9% родившихся внѣ брака. Эта цифра соотвѣтствуетъ общеизвѣстнымъ даннымъ.

По даннымъ прусской уголовной статистики³⁾ находилось:

Т а б л и ц а XXV.

Рожденныхъ внѣ брака среди обитателей въ %.

Каторжной тюрьмы 1891—1900		Исправительныхъ заведе- ній 1896—1900		Воспитательныхъ учреж- деній 1895—1900	
муж.	женщ.	муж.	женщ.	муж.	женщ.
8,5	10,2	8,3	12,5	11,6	15,1

Внѣбрачныя рожденія въ 1899 г. въ Германіи доходили до 9% всѣхъ рожденій. Для выясненія вопроса, почему обитатели каторжныхъ тюремъ по числу незаконнорожденныхъ оказались ниже этой цифры, нужно вспомнить о чрезвычайно высокой смертности дѣтей, которыя вслѣдствіе своего внѣбрачнаго происхожденія лишены необходимыхъ заботъ и надлежащаго ухода. Въ годы 1875—1899 въ Пруссіи изъ 100 незаконнорожденныхъ дѣтей умерло на 1-мъ году жизни 35,34%, законнорожденныхъ же только 19,24%. Поэтому процентный составъ незаконнорожденныхъ остающихся въ живыхъ очень сильно понижается. Къ сожалѣнію, я не располагаю никакими данными для дальнѣйшихъ возрастныхъ стадій. Несомнѣнно, однако, что смертность среди внѣбрачныхъ дѣтей, достигшихъ и болѣе высокаго возраста, значительно выше обыкновенной. Съ этой точки зрѣнія и должны разсматриваться цифры приведенной таблицы.

Неблагопріятная матеріальная обстановка незамужнихъ матерей, ихъ тяжелое социальное положеніе, отсутствіе правильной семейной жизни

¹⁾ *Sichart, Über individuelle Faktoren des Verbrechen. Zeitschrift f. d. gesamte Strafrechtsw. vissenschaft Bd. X, comp. 36.*

²⁾ *Guillaume, Die Insassen der Berner Strafanstalten und ihre Jugenderziehung.*

³⁾ *Statistik der zum Ressort des kgl. preuss. Ministeriums des Innern gehörenden Strafanstalten und Gefängnisse. Berlin.*

ни и служатъ причинами, обусловливающими тѣ тяжкія и осязательныя лишенія, съ которыми связано *воспитаніе* незаконныхъ дѣтей.

Таблица XXVI.

Воспитаніе	мужчинъ		женщинъ	
	законнорожд.	незаконнорожд.	законнорожд.	незаконнорожд.
Хорошее	35	9	26	5
Недостаточное . . .	54	60	52	74
Дурное	8	27	21	21
Неизвѣстно	3	4	1	—

Эти цифры *Гильома* достаточно ясно показываютъ, какъ *ненормаленъ ходъ развитія* внѣбрачныхъ дѣтей и какъ велики сравнительно съ законнорожденными тѣ опасности, которыя лежатъ на ихъ пути. Въ то же время онѣ позволяютъ намъ глубже проникнуть въ процессъ образованія преступниковъ и показываютъ, какую роль играетъ дурное или недостаточное воспитаніе въ происхожденіи преступленія. Относительно женщинъ-преступницъ можно сказать, что именно у нихъ рѣдкость хорошаго воспитанія часто является обстоятельствомъ, толкающимъ ихъ на путь преступленія.

Въ такомъ же освѣщеніи выступаютъ предъ нами данныя, соответствующія различнымъ степенямъ образованія обитателей прусскихъ пенитенціарныхъ учреждений.

Таблица XXVII.

	Школьное образованіе среди обитателей			
	Каторжныхъ тюремъ 1891—1900		Исправительныхъ заведеній 1896—1900	
	муж.	женщ.	муж.	женщ.
Безъ образованія . . .	6,9	16,5	2,8	7,2
Недостаточное	52,2	51,8	8,8	11,2
Первоначальное	39,4	31,2	86,9	81,3
Высшее	1,5	0,5	1,5	0,3

Точность, съ которою опредѣляется *объемъ знаній*, весьма различенъ въ разныхъ учрежденияхъ, иначе трудно было бы понять относительно незначительный и противорѣчающій прежнимъ даннымъ % со-

вершено необразованныхъ или недостаточно образованныхъ среди бродягъ, нищихъ и проституткокъ. Поэтому болѣе цѣнны, хотя бы вѣдѣствіе примѣненія болѣе удачнаго метода, даннымъ о способностяхъ *питомцевъ* при вступленіи ихъ въ исправительно-воспитательныя учрежденія.

Таблица XXVIII.

	Питомцы	
	муж. 1895—1900	женщ. 1896—1900
Безъ образованія	6,8	5,5
Плохо читающіе, пишущіе и считающіе въ предѣлахъ первой сотни	41,8	33,9
Бѣгло читающіе, пишущіе и считающіе въ предѣлахъ первой сотни	47,6	42,3
Образованіе въ объемѣ программы народной школы	3,8	17,7
Высшее образованіе	—	0,6

Мы не ошибемся, если допустимъ предположеніе, что часть этихъ молодыхъ преступниковъ, даже при самомъ заботливомъ воспитаніи, никогда не были бы въ состояніи усвоить полнаго курса народной школы, по недостатку способностей, и, быть можетъ,—такъ по крайней мѣрѣ заставляють думать данныя *Мэнкемэллера*—большая часть ихъ. Съ другой стороны, даже при ничтожныхъ способностяхъ тщательно *индивидуализированное* воспитаніе и обученіе часто дѣлають чудеса, какъ это видно изъ наблюденій, произведенныхъ въ пріютахъ для идіотовъ и въ школахъ для слабоумныхъ. Для осуществленія всѣхъ этихъ возможностей относительно дѣтей, громадная часть которыхъ становится очень рано преступниками, почти ничего не дѣлается. Печальныя результаты изслѣдованія умственнаго развитія питомцевъ исправительныхъ заведеній показываютъ достаточно ясно, какъ низокъ средній уровень знаній у нихъ, и какъ, поэтому, тяжела для такихъ дѣтей борьба за существованіе.

Къ дурнымъ задаткамъ и недостаточному воспитанію присоединяется, какъ опаснѣйшій источникъ преступныхъ наклонностей, *примѣръ* окружающихъ. По даннымъ *Ферриани* ¹⁾, изъ 2000 малолѣтнихъ преступниковъ 701 принадлежали къ семьямъ съ дурною, 169—съ сомнительною репутациею и 53 къ такимъ, которыя должны быть признаны „бе-

¹⁾ *Ferriani, Minderjährige Verbrecher. 1896, стр. 76.*

зусловно порочными¹. Среди моихъ тюремныхъ обитателей 14,4% имѣли родственниковъ, подвергавшихся наказаніямъ. Я увѣренъ, что этотъ процентный составъ далеко ниже дѣйствительности, такъ какъ осужденные, со словъ которыхъ собраны данныя, могли дать невѣрные свѣдѣнія частью намѣренно, частью же по незнанію.

Впрочемъ, едва ли и ощущается здѣсь такая необходимость въ статистической точности. Самое простое соображеніе повелительно приводитъ насъ къ тому заключенію, что уберечь себя отъ вліянія порочной среды à la longue могутъ лишь люди, обладающіе очень сильнымъ характеромъ и выдающимся интеллектомъ.

Прямо ужасающую картину бѣдствія раскрываютъ предъ нами изслѣдованія *жилищныхъ условій*, какъ въ городѣ, ¹⁾ такъ и въ деревнѣ²⁾. Это постоянное совмѣстное пребываніе, особенно совмѣстное спанье взрослыхъ и дѣтей способствуетъ пробужденію половыхъ инстинктовъ уже въ раннемъ возрастѣ. Эта скученность становится тѣмъ болѣе опасной, чѣмъ менѣе взрослые привыкли къ обуздыванію своихъ страстей, какъ это бываетъ въ жилищахъ преступниковъ и проститутокъ.

Кто съ ранней юности живетъ среди воровъ и бродягъ, проститутокъ и пьяницъ, тотъ воспитывается въ духѣ окружающей его среды и едва ли еще нуждается въ специальномъ обученіи, чтобы выступить въ роли сначала помощника, а потомъ и прямого участника въ рискованныхъ эскуреіяхъ семьи.

Наконецъ послѣдней опоры лишаетъ нищета. 1758 изъ 2000 малолѣтнихъ преступниковъ, изслѣдованныхъ Ферриани, жили въ крайней бѣдности. Это явное несоотвѣтствіе между бѣдностью и потребностью въ самыхъ необходимыхъ средствахъ питанія, особенно рѣзко должно обнаружиться, когда дають о себѣ знать ничѣмъ несдерживаемыя стремленія къ жизненнымъ удовольствіямъ. Ранняя привычка къ пьянству, сношенія съ проститутками при первомъ же проявленіи половой зрѣлости, отсутствіе благотворнаго вліянія школы, постоянная вѣроятность свернуть на путь преступленія вслѣдствіе отсутствія страха наказанія и неспособность, по умышленной ограниченности, трезво взвѣсить выгоды и невыгоды этого пути—вотъ картина внутренней жизни отпрысковъ порочной среды.

Попытка вырвать изъ этого болота цѣнные элементы человѣческаго общества только въ томъ случаѣ можетъ рассчитывать на *успѣхъ*, если она предпринята возможно раньше, прежде чѣмъ губительный примѣръ успѣлъ произвести свое дѣйствіе. Но если мы примѣнимъ цѣлесо-

¹⁾ Elisabeth Gnauck-Kühne, *Schmollers Jahrbuch. N. F. Bd. XX. 2. Heft.*

²⁾ H. Wittenberg, *Die geschlechtlich-sittlichen Verhältnisse der evangelischen Landbewohner im Deutschen Reiche.*

образную систему воспитанія и обученія и сумѣемъ помѣшать возвращенію къ прежней печальной обстановкѣ, то мы можемъ надѣяться на хорошій исходъ, конечно, — въ границахъ, полагаемыхъ умственнымъ и физическими способностями питомцевъ. Ничтожное умственное развитіе и различные дефекты, которыми, въ формѣ уродствъ, эпилепсіи и истеріи и т. п., страдаютъ вырождающіяся дѣти, особенно дѣти пьяницъ, оставляютъ ихъ на низшей ступени соціальной лѣтницы, среди поденщиковъ, чернорабочихъ, т. е. въ средѣ, въ которой имъ грозитъ новая опасность — опасность алкоголизма.

Несмотря на эту грустную перспективу, не должна быть упущена ни одна попытка, направленная къ спасенію хотя бы части этихъ несчастныхъ. Конечно, борьба съ природными особенностями ихъ была бы напрасной тратой силъ, но зато мы многого можемъ ждать отъ борьбы съ гораздо болѣе многочисленными, чисто *внѣшними, послѣдствіями* ихъ положенія. Но для того, чтобы опыты наши не оказались висящими въ воздухѣ, необходимо по возможности строго различать прямыя и косвенныя вліянія *происхожденія*.

Образованіе.

Ничтожное умственное развитіе, обнаруживаемое въ общемъ преступникомъ, омрачаетъ оптимистическія надежды, которыя постоянно связывали съ повышеніемъ уровня *народнаго образованія*. Отъ него ждали, что и въ низшіе слои населенія проникнутъ здравыя понятія насчетъ необходимости и требованій правоваго государства. «Распространеніе образованія равносильно распространенію нравственности!» Это положеніе *Эмеля*¹⁾ старался доказать тѣмъ, что, напр., въ департаментѣ Кальвадосъ, во Франціи, расходы по народному образованію равняются 20,3 сант. на душу, а юстиціи — 17,4; въ Бушъ-дю-Ронъ, напротивъ, только 16,4 сант. приходится на образованіе и 30 на юстицію. Такимъ образомъ всякій лишній расходъ въ бюджетѣ народнаго образованія сторницей окупается экономіей на уголовной юстиціи. Эта точка зрѣнія находитъ себѣ подтвержденіе въ данныхъ *Левассера*²⁾; съ 1827 по 1877 число совершенно безграмотныхъ среди рекрутовъ понизилось съ 56 до 16, среди преступниковъ съ 62 до 31⁰/₀. Отсюда слѣдуетъ, что необразованные обнаруживаютъ болѣшую наклонность къ преступленію, нежели образованные.

И это совершенно понятно, потому что въ своихъ *знаніяхъ* образованный человѣкъ имѣетъ передъ необразованнымъ крупное преимущество. Его знанія открываютъ ему болѣе широкое поприще для прило-

¹⁾ Цит. у Эттингена, стр. 598.

²⁾ Тамъ же, стр. 600.

женія своихъ силъ и создаютъ ему сносное существованіе въ такихъ сферахъ, которыя для умственно неразвитаго человѣка остаются недоступными. Землевладелецъ, который созналъ необходимость усвоенія успѣховъ техники, будетъ получать доходы даже въ такое время, когда технически отсталый будетъ находиться на краю гибели. Точно такъ же, какъ здѣсь, положеніе необразованнаго человѣка всюду оказывается неблагоприятнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается опасность впасть въ преступленіе.

Опасность заключается въ томъ, что чѣмъ ниже образованіе, тѣмъ чувствительнѣе трудности социальнаго положенія, экономическая нужда, зависимость. Въ виду этого понятно также, почему одно только *повышеніе уровня образованія* еще никонмъ образомъ не можетъ уменьшить число преступленій. При повышеніи общаго уровня образованія относительныя *различія* остаются неизмѣнными; по прежнему менѣе образованный будетъ преуспѣвать въ жизни менѣе, нежели образованный. Въ Германіи число совершенно безграмотныхъ, т. е. такихъ, которые не умѣютъ ни писать, ни читать, очень замѣтно уменьшается. Въ 1875 г. среди рекрутовъ насчитывалось 2,37% безграмотныхъ, въ 1890 г. уже только 0,5, а въ 1890 число неумѣющихъ ни читать, ни писать упало до 0,07%. Цифра осужденныхъ однако возрастала быстрѣе, нежели цифра населенія, и даже по такимъ преступленіямъ, къ которымъ уголовный законъ въ теченіи всѣхъ этихъ лѣтъ не измѣнилъ своего отношенія. Такимъ образомъ, несмотря на повышенія образованія, никакого улучшенія въ смыслѣ большей устоячивости правоваго состоянія не наблюдалось.

Никогда нельзя будетъ привести никакихъ статистическихъ данныхъ относительно вліянія образованія на уменьшеніе преступности. Простѣйшія элементарныя знанія — еще не признакъ образованія, интеллигентныя занятія еще не могутъ служить масштабомъ развитія альтруистическихъ представленій. Но — и объ этомъ надо, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще напоминать настойчиво — нельзя доказать и противоположнаго вліянія образованія на преступность. Дѣтски наивны воззрѣніе, по которому *школьное обученіе* можетъ извратить непосредственное моральное сознаніе народа — есть не болѣе какъ сентиментальная *идеализація первобытнаго состоянія народа*, покоящаяся на смутныхъ и странныхъ предразсудкахъ. Не распространеніе образованія обусловливаетъ ростъ преступности, но тѣ измѣненія, которыя произошли въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій во всѣхъ виѣшнихъ условіяхъ жизни.

Если образованіе вообще и оказываетъ вліяніе на преступность, то развѣ только на формы ея проявленія. Безграмотный, разумѣется, не можетъ совершить поддѣлку документа или преступленіе по должности. Только при совершенномъ игнорированіи основныхъ причинъ и побоч-

ныхъ обстоятельствъ, обуславливающихъ явленія преступности, возможно было сдѣлать такое заключеніе, къ которому пришелъ *Ломброзо*:¹⁾ «Хотя школьное обученіе въ общемъ полезно, тѣмъ не менѣе оно не должно быть распространяемо на тюремныхъ обитателей, ибо элементарное умственное развитіе вліяетъ на нихъ безусловно вредно, если оно не сопровождается специальнымъ воспитаніемъ (которое больше имѣетъ въ виду обузданіе страстей и инстинктовъ, нежели развитіе интеллекта): мы дадимъ лишь въ руки преступнику средство усовершенствоваться въ области преступленія и сдѣлаться рецидивистомъ. Наличие большого числа рецидивистовъ со школьнымъ образованіемъ, я не могу ничѣмъ другимъ себѣ объяснить, какъ учрежденіемъ тюремныхъ школъ». И въ другомъ мѣстѣ:²⁾ «Дать преступнику образованіе значить усовершенствовать его въ преступной дѣятельности!» Но рецидивъ происходитъ не *вслѣдствіе* образованія, а *несмотря* на него. Конечно, иной преступникъ при помощи достигнутыхъ въ тюрьмѣ техническихъ знаній, можетъ быть, совершить взломъ, подлогъ; но онъ и безъ этихъ новыхъ знаній, навѣрное, впалъ бы въ рецидивъ. Но зато другимъ полученныя знанія и изученіе ремесла дали возможность послѣ освобожденія изъ тюрьмы устроиться лучше, чѣмъ раньше, и такимъ образомъ уберечься отъ грозившаго имъ рецидива.

Знанія и спеціальныя способности служатъ могучей защитой и сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе, но только для отдѣльныхъ лицъ. Общее поднятіе уровня образованія, особенно въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ, которые намѣчены программой обыкновенной народной школы, никакого замѣтнаго вліянія на преступность не можетъ оказать.

Возрастъ.

Дѣйствія, свойственныя юношескому возрасту, носятъ на себѣ печать неутомимой жажды дѣла, исполненной смѣлой рѣшимости не оставаясь даже предъ трудными задачами. *Съ годами* растутъ осмотрительность и осторожность, которыя къ *старости* переходятъ въ спокойное взвѣшиваніе обстоятельствъ и благоразумное смиреніе. На сколько ясно отражаются эти психологическія ступени развитія на преступности? И прежде всего, какимъ образомъ ребенокъ развивается до степени личности, отвѣтственной передъ правовымъ государствомъ?

Подобно всѣмъ европейскимъ законодательствамъ, за исключеніемъ французскаго и бельгійскаго, германское уголовное уложеніе исходитъ изъ предположенія, что *у юловная отвѣтственность развивается*

¹⁾ Цитиров. сочиненіе, стр. 101.

²⁾ Цитиров. соч., стр. 267.

лишь постепенно.¹⁾ Поведеніе ребенка съ того момента, какъ онъ начинаетъ сознательно реагировать на раздраженія со стороны внѣшняго міра, носить исключительно *эгоистическій* характеръ. Оно диктуется потребностями собственнаго тѣла, удовлетвореніе которыхъ съ самою навивною безпечностью приносятся въ жертву всякія другія потребности. Но вотъ начинаютъ сказываться вліянія домашняго и школьнаго *воспитанія*. Диксъ²⁾ называетъ семью «важѣйшимъ основаніемъ всей соціальной среды». Миѣ думается, что въ выработкѣ альтруистическихъ навыковъ—школѣ слѣдуетъ приписать роль большую, нежели семьѣ. Школа, конечно, не должна и не можетъ замѣнить родительскаго дома. Но въ замкнутой сферѣ семейной обстановки воспитаніе возможно лишь въ ограниченныхъ рамкахъ, ибо соприкосновеніе съ сферою чужихъ интересовъ при такихъ условіяхъ — очень незначительно. Въ школѣ же, въ кругу сверстниковъ, возникаетъ масса поводовъ для взаимныхъ столкновеній, которыя будятъ въ ребенкѣ сначала смутную потребность защищать свои интересы противъ другихъ и—съ другой стороны—вызываютъ сознаніе необходимости сообразоваться съ чужими интересами, съ окружающей его обстановкой, представляющей, можно сказать, государство въ миниатюрѣ.

Вначалѣ ребенокъ *повинуется* не осмысленно, а изъ страха передъ наказаніемъ, изъ подражанія. Становясь съ годами разумнѣе, ребенокъ постепенно пріобрѣтаетъ способность подавлять собственныя эгоистическія стремленія и уважать интересы другихъ. *Право и несправедливость* становятся опредѣленными понятіями, *мотивами*. Ясность и значеніе этихъ мотивовъ, наконецъ, достигаютъ въ сознаніи той степени, которая создаетъ уже отвѣтственность передъ закономъ.

Процессъ этого развитія совершается, разумѣется, медленно, шагъ за шагомъ и, конечно, съ неодинаковою быстротою у разныхъ дѣтей. Отсюда—необходимость извѣстной *традаціи*, которая въ германскомъ законодательствѣ выразилась въ дѣленіи на *уголовно-несовершеннолѣтнихъ* и *уголовно-совершеннолѣтнихъ*.

До 12 лѣтняго возраста включительно уголовное преслѣдованіе не имѣетъ мѣста. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ твердыхъ данныхъ для сужденія о количествѣ совершаемыхъ дѣтьми анти-соціальныхъ, съ точки зрѣнія уголовного закона, поступковъ. Такъ какъ дѣти до 12 лѣтняго возраста составляютъ почти $\frac{1}{3}$ гражданскаго населенія, то, надо полагать, что эти преступленія, даже если вычесть число дѣтей совсѣмъ ма-

¹⁾ Ср. мои выводы въ *Strafmündigkeit und relative Strafmündigkeit in Höhe, Handbuch der gerichtlichen Psychiatrie*. Berlin 1901.

²⁾ Dix, *Sozialmoral*. 1898, стр. 17.

ленькихъ, перѣдки. Оуществимо ли желаніе создать уголовную статистику *уголовно-несовершеннолѣтнихъ*, высказанное также *Appeliusom*¹⁾ — это вопросъ еще нерѣшенный. Воплиѣ возможнымъ я считаю совмѣстное дѣйствіе всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ вѣдомствъ (школы, полиціи и суда), которое дастъ приблизительно вѣрную и практически небезполезную картину дѣтской преступности.

Изъ «юношей», какъ называется уголовная статистика дѣтей въ возрастѣ отъ 12 до 18 лѣтъ, наказанію подвергаются лишь тѣ, которые при совершеніи уголовного дѣянія *обладали сознательностью, необходимою для пониманія его наказуемости*. При составленіи этой редакціи, едва ли принято было во вниманіе, какой широкой просторъ оставляетъ она *субъективному усмотрѣнію* судьи. Это лучше всего подтверждается цифрами оправдательныхъ приговоровъ, постановляемыхъ на основаніи § 56 уголовного уложенія. Въ 1897—1899 г. изъ 46328 юношей, уличенныхъ въ преступленіи или проступкѣ, оправдано 1591 т. е. 3,4⁰/₀.

Этого процента достигаютъ и превышаютъ его двѣнадцать *высшихъ судебныхъ округовъ*, среди которыхъ Кельнъ далъ 10⁰/₀, а Кольмаръ—9,8⁰/₀, другіе мѣстности, напротивъ, даютъ цифры значительно отклоняющіяся отъ средней нормы; таковы — особенно Дрезденъ (1,4), Ольденбургъ (1,3), Цвейбрюкенъ (1,1⁰/₀). Оба бедирка Кельнъ и Дрезденъ даютъ приблизительно одинаковыя цифры осужденій и преступленій противъ нравственности. Численное превосходство Кельна въ такихъ преступленіяхъ, какъ нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій, уравнивается большимъ числомъ кражъ въ Дрезденѣ. Поэтому для объясненія столь рѣзкаго различія въ цифрахъ оправдательныхъ приговоровъ остается только допустить, что кельнскіе судьи предъявляютъ значительно болѣе строгія *требованія къ сознательности* юныхъ преступниковъ, нежели дрезденскіе.

Тѣ же результаты получаются при сравненіи цифръ оправдательныхъ приговоровъ, вынесенныхъ вслѣдствіе ихъ недостаточной сознательности юнымъ преступникамъ, перешедшимъ уже за 12 лѣтній возрастъ, но не достигшимъ еще 14 лѣтняго. На каждые 100 осужденныхъ въ этомъ возрастѣ приходилось въ 1894—1896 гг. во всей Германіи 10,8⁰/₀ оправдательныхъ приговоровъ. Въ числѣ шести высшихъ судовъ, давшихъ эту же или болѣе высокую цифру, находятся въ первомъ ряду Кольмаръ съ 57,1⁰/₀, а вслѣдъ за нимъ Кельнъ съ 32,2⁰/₀; наименѣе оправдательныхъ приговоровъ въ Брауншвейгѣ (0,5), затѣмъ въ Ольденбургѣ — 3,1 и въ Дрезденѣ — 3,3⁰/₀!

¹⁾ *Appelius, Die Behandlung jugendlicher Verbrecher und verwahrloster Kinder. 1892, стр. 11.*

Чтобы объяснить эти разногласія, слѣдуетъ указать на различія въ уголовныхъ дѣяніяхъ и на большую или меньшую степень духовнаго развитія населенія въ той или иной области Германіи; къ тому же многое заставляетъ насъ признать тотъ фактъ, что мы очень далеки отъ единства и единодушія по вопросу о степени сознательности, необходимой для пониманія наказуемости дѣянія.

Обремененность отдѣльныхъ судебныхъ учрежденій дѣлами служитъ причиною того печальнаго явленія, что они вынуждены слишкомъ мало времени посвящать разсмотрѣнію отдѣльныхъ случаевъ; вслѣдствіе этого судьи при оцѣнкѣ этихъ случаевъ основываютъ свои рѣшенія на чисто *внѣшнихъ признакахъ*, какъ возрастъ и физическое развитіе. Но что является уже прямымъ нарушеніемъ всякаго смысла и буквы закона, такъ это факты изъ судебной практики Англій и Ирландіи, которые приводитъ *Эрнстъ Шустеръ*¹⁾: Уголовная вмѣняемость начинается по окончаніи семилѣтняго возраста; относительно дѣтей отъ 7 до 14, согласно теоріи, должно быть доказано, что они обладаютъ тою умственною зрѣlostью, при которой они могутъ уже отличать право отъ правонарушенія. Между тѣмъ установившаяся практика такова, что такая зрѣlostь обыкновенно предполагается уже у дѣтей, перешедшихъ за 10 лѣтній возрастъ!⁴

Если бы различія въ опредѣленіи сознательности (*discernement*—у французовъ), необходимой для пониманія наказуемости дѣянія, обуславливались недостатками, вытекающими изъ *различія точекъ зрѣнія*, то съ этимъ можно было бы еще примириться. Но въ томъ то и дѣло, что понятіе сознательности ведетъ къ очень опасной *односторонности*. Сознательность предполагаетъ только опредѣленную степень интеллектуальнаго развитія. Въ общемъ *правственное* развитіе идетъ параллельно съ *интеллектуальнымъ*; однако способность къ самообладанію не развивается въ уровень съ умственнымъ ростомъ. Это всего яснѣе обнаруживается на примѣрѣ тѣхъ преступленій, которыя болѣе свойственны молодымъ преступникамъ.

Число осужденныхъ подростковъ поражаетъ своею величиною тѣмъ болѣе, что большая ихъ часть живетъ еще подъ защитою родительскаго крова; еще поразительнѣе фактъ, что за нѣкоторыя отдѣльныя преступленія число осужденныхъ дѣтей, находящихся еще въ *возрастѣ обязательнаго школьнаго обученія*, выше числа осужденныхъ взрослыхъ.

¹⁾ Ernst Schuster, *Die Strafgesetzgebung der Gegenwart in rechtsvergleichender Darstellung*. Berlin 1894. стр. 626.

Т а б л и ц а X X I X .

Въ 1896 г. осуждено за	На 100,000 уголовно-совершеннолѣтнихъ лицъ гражданскаго населенія въ возрастѣ		
	Отъ 12 до 14 л.	Отъ 14 до 18 л.	Отъ 18 и выше
Преступленія и проступки вообще	358,5	878,1	1356,5
Простыя кражи	204,0	325,3	202,1
Квалифицированныя кражи	45,1	62,3	26,9
Укрывательство	14,7	19,1	20,7
Мошенничество	6,6	37,6	66,0
Нанесеніе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій	4,1	28,8	85,3
Нанесеніе тяжелыхъ тѣлесныхъ поврежденій	20,0	144,6	258,3
Порча вещей	25,6	56,7	47,9
Оскорбленіе	2,2	27,3	173,5
Изнасилованіе дѣтей и т. д.	4,0	21,4	11,5
Поджогъ	1,8	3,1	1,9

Въ раннемъ возрастѣ ребенокъ лишь очень рѣдко можетъ противостоятъ искушенію полакомиться на чужой счетъ, даже тогда, когда ему была привита способность различать между «моимъ» и «твоимъ», между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Уголовная статистика говоритъ, однако, что усвоеніе и проявленіе этой способности гораздо болѣе доступуно взрослому, нежели малолѣтнему. Искушеніе поживиться на чужой счетъ дѣйствуетъ у ребенка сильнѣе, чѣмъ у самостоятельнаго человѣка еще и потому, что онъ лишень той возможности законнымъ путемъ добывать себѣ деньги на удовлетвореніе возникающихъ у него потребностей, каковую имѣютъ взрослые люди.

Развивающаяся страсть къ развлеченіямъ, не довольствующаяся уже невинными играми, ищетъ удовлетворенія; если необходимыя для этого средства отсутствують, то создается мотивъ для воровства, дѣйствующій съ такою силою, съ которою борьба разумной воли оказывается бесполезной; характеру не достаетъ необходимой зрѣлости, чтобы противостоятъ искушенію, часто олицетворяющемуся въ образѣ добрыхъ друзей; юношескій оптимизмъ, склоненъ къ умаленію риска — и все это вмѣстѣ взятое создаетъ *вора*. Вмѣстѣ съ воромъ появляется и *укрыватель*—не профессиональный, а сначала, быть можетъ, тотъ же добрый товарищъ, который далъ первый толчекъ къ воровству и потому принялъ участіе въ дѣлѣ добычи. Рѣже совершаются въ этой средѣ *мошенничества*; для нихъ необходимъ болѣе высокій уровень умственного разви-

тія, чѣмъ для кражи, для выполненія которой въ ходъ пускается скорѣе дерзость, нежели хитрость.

Вторую группу преступленій составляютъ такія преступленія, какъ *нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій и порча вещей*. Хотя число осужденій за нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій значительно ниже числа тѣхъ же преступленій, совершаемыхъ взрослыми, не слѣдуетъ однако забывать, что въ этиологии этого преступленія значительную роль играетъ *трактиръ*. Къ счастью, двери его обыкновенно закрыты для повседневныхъ посѣщеній подростковъ. Впрочемъ, и здѣсь, къ сожалѣнію наблюдается нѣкоторый прогрессъ. Въ то время какъ число осужденій уголовно-совершеннолѣтнихъ за нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій вообще съ 1882—1899 увеличилось на 51%, число осужденій за то же преступленіе подростковъ увеличилось на 74%.

Несовершеннолѣтній относительно легко реагируетъ на нападеніе грубой силой; это лучше всего видно изъ сравненія числа случаевъ нанесенія тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій съ числомъ осужденій за оскорбленія, которыя у взрослыхъ очень близко стоятъ другъ къ другу. Напротивъ, подростокъ вымѣщаетъ скорѣе свой гнѣвъ на предметахъ; онъ бьетъ все, что ему попадаетъ подъ руки; онъ не останавливается даже предъ нападеніемъ съ палкой и ножомъ въ рукахъ. Грубое *проявленіе физическихъ силъ*, пробужденіе которыхъ съ особенною радостью замѣчаютъ въ себѣ юноши, и которыя они развиваютъ въ различныхъ спортивныхъ клубахъ и атлетическихъ обществахъ, должно быть признано, такимъ образомъ, однимъ изъ главныхъ мотивовъ гораздо болѣе высокой преступности среди нихъ. Точно также первые *случаи отъянія*, совпадающіе съ этимъ возрастомъ, естественно, тѣмъ опаснѣе должны дѣйствовать на человека, непривыкшаго къ употребленію алкоголя, что опытъ не научилъ его еще во время сдерживать себя.

Начало періода половой зрѣлости въ нашихъ странахъ въ общемъ наступаетъ въ 14—15 лѣтнемъ возрастѣ, а часто и позднѣе. Поэтому должно быть выдѣлено громадное число подростковъ, побуждаемыхъ къ преступленіямъ противъ нравственности мотивами физиологическими. Но несмотря на это, число осужденныхъ дѣтей моложе 15 лѣтъ составляетъ $\frac{1}{3}$ часть осужденныхъ взрослыхъ за эти преступленія. Еще печальнѣе становится картина, если обратить вниманіе на то, что вообще (а въ періодъ отъ 1894—1898 даже безусловно точно), почти половина этой возрастной группы *оправдывается судомъ* по дѣламъ о преступленіяхъ противъ нравственности, влѣдствіе ея недостаточно сознательнаго отношенія къ своимъ поступкамъ. На каждые три случая изнасилованія, совершенныхъ взрослыми, приходится по два случая изнасилованій, совершенныхъ подростками, изъ которыхъ только самая незначительная доля достигла достаточной степени полового развитія, необходи-

мой для преступления. Это даетъ намъ представленіе о силѣ, съ которою преждевременно проявляется половая чувственность. Среди юношей въ возрастѣ 15—18 лѣтъ она создаетъ вдвое большее число преступниковъ, нежели среди лицъ вполнѣ уже созрѣвшихъ физически и умственно.

Половой инстинктъ при первомъ своемъ проявленіи встрѣчаетъ слишкомъ еще мало противодѣйствующихъ ему представленій. Въ то время какъ въ области половыхъ отношеній ребенку стараются привить сдержанность, его интеллектуальное развитіе въ этомъ вопросѣ совершенно оставлено на произволъ судьбы. Чувственность, въ своемъ смутномъ и неясномъ, однако, часто въ чрезвычайно бурномъ стремленіи къ удовлетворенію, не встрѣчаетъ запрещеній и предостереженій. Но когда даже она встрѣчаетъ, то стремленіе ея къ удовлетворенію оказывается сильнѣе разсудка. Это мы наблюдаемъ ежедневно и у *взрослыхъ* людей, которымъ сознаніе опасности сношеній съ проститутками не мѣшаетъ, однако, подвергать все болѣе и болѣе очевидному и серьезному риску интересы своего здоровья. Насколько же менѣе властенъ въ этомъ отношеніи разсудокъ юношей!

Для взрослыхъ, не говоря уже о женатыхъ, открыто гораздо больше путей къ удовлетворенію половыхъ потребностей, нежели для подростковъ. Уже одно это увеличиваетъ опасность и дѣлаетъ понятнымъ, почему въ такомъ странномъ громадномъ количествѣ случаевъ юноши становятся виновниками преступленій противъ нравственности. Половой инстинктъ, заявляющій себя съ непреодолимою силою, стираетъ границы уголовно дозволеннаго и разрушаетъ ихъ.

Особое совершенно мѣсто въ ряду разныхъ видовъ преступленій занимаетъ *поджогъ*. Значительное число случаевъ этихъ преступленій въ деревнѣ вызывается чувствомъ мести и именно со стороны слуги. Происхожденія ихъ обыкновенно таково: юноша приходитъ въ состояніе раздраженія отъ какого нибудь обиднаго замѣчанія, браннаго слова, или даже удара. Досада вызываетъ желаніе избавиться отъ службы или же сыграть шутку съ хозяиномъ усадьбы (дѣло обыкновенно происходитъ въ деревнѣ). Ближайшимъ средствомъ для задуманной мести является поджогъ амбара; къ этому присоединяется своеобразное и свойственное многимъ удовольствіе созерцать зданіе, охваченное пламенемъ пылающаго пожара. Можетъ ли подобный планъ создаться въ вполнѣ *нормальномъ* мозгу—это вопросъ, который заслуживалъ бы болѣе подробнаго изслѣдованія, но я, къ сожалѣнію, не обладаю для этого достаточнымъ матеріаломъ. Однако едва ли можно признать одной только случайностью тотъ фактъ, что изъ шести молодыхъ дѣвушекъ-поджигательницъ, которыхъ я втеченіе года подвергалъ внимательному наблюденію въ тюрьмѣ, пять оказались очень слабоумными и только одну

можно было признать умственно нормально развитою. Судъ же всегда признаетъ полную вмѣняемость поджигателей и назначаетъ порою строгія наказанія.

Не могу не указать еще на слѣдующій фактъ. Между эпилепсией, поджогомъ, мистицизмомъ и половымъ возбужденіемъ существуетъ взаимная зависимость. Хотя ея психологическіе корни отъ насъ совершенно скрыты, тѣмъ не менѣе многочисленность случаевъ этой комбинаціи указываетъ на патологическое средство названныхъ явленій. Этимъ я не хочу сказать, чтобы каждое изъ нихъ приводило въ каждый случай поджога, однако же полезно имѣть въ виду возможность патологическаго происхожденія этого преступленія; мнѣ кажется безусловно необходимымъ, путемъ тщательнаго анализа большого количества случаевъ, подробно пересмотрѣть вопросъ во всемъ его объемѣ.

Оставляя въ сторонѣ поджогъ, мы имѣемъ три главныхъ преступленія, присущихъ юношескому возрасту: *противъ собственности, личной неприкосновенности и нравственности*. Это сопоставленіе достаточно ясно показываетъ, что законодательство впадаетъ въ сильную *односторонность*, придавая исключительное значеніе моменту развитія разсудка. Вышесказаннымъ мы не исчерпали еще всѣхъ мотивовъ, дѣйствующихъ въ юношескомъ возрастѣ съ большею стремительностью и силою, чѣмъ у взрослыхъ; мы должны, по крайней мѣрѣ, еще упомянуть о болѣе легкой *возбудимости эффектовъ и инстинкты подражанія*.

Опасности, которыми сопровождается періодъ роста юноши, тѣмъ серьезнѣе для общественнаго порядка, чѣмъ значительнѣе участіе подросткающаго поколѣнія въ борьбѣ за существованіе. Если справедливо, что очень многія преступленія обусловливаются внѣшней обстановкой, то относительно подростковъ можно сказать, что они становятся жертвами этой внѣшней обстановки тѣмъ скорѣе, чѣмъ раньше и въ большемъ числѣ они становятся фабричными рабочими и такимъ образомъ лишаются защиты, которою они пользовались въ своей семьѣ.

О вліяніи различныхъ видовъ промышленной дѣятельности на возрастной составъ преступниковъ даетъ свѣдѣнія наша статистика. Оно не такъ велико, какъ это обыкновенно полагаютъ. Во всякомъ случаѣ на каждыя 100 занимающихся тѣмъ или инымъ промысломъ, по даннымъ профессиональной статистики, въ 1895 г. было 21,18% ниже 20 лѣтъ, въ 1882 только 19,99%. Такой прогрессивный ростъ обнаруживаютъ только отдѣльныя профессіи — большей частью занятіе трактирнымъ промысломъ (22,03:14,63%), строительный промыселъ (21,16:16,47%), обработка металла (28,90:24,51%) и торговая дѣятельность (16,87:13,64%), — въ то время какъ въ земледѣліи, лѣсномъ хозяйствѣ и въ горной промышленности участіе подростковъ до 20 лѣтъ оставалось постояннымъ.

Тогда какъ въ числѣ подростковъ - рабочихъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, не произошло никакого измѣненія, на фабрикахъ и въ заведеніяхъ съ распивочной продажей, напротивъ, наблюдается значительный притокъ ихъ. Для опредѣленія числа подростковъ, занятыхъ въ промышленности, я укажу, что въ 1895 г. насчитывалось 4006317 лицъ ниже 20 л., 1097358 — ниже 16 и 146290 ниже 14 лѣтъ; при этомъ лица, случайно лишь работающіе на фабрикахъ, не приняты въ этотъ расчетъ.

Прямыхъ указаній на вредное вліяніе широкаго участія подростковъ въ промышленной жизни мы не имѣемъ. Несомнѣнно только одно, что число осужденныхъ лицъ, недостигшихъ 18 лѣтняго возраста, растетъ быстрее числа взрослыхъ осужденныхъ.

Таблица XXX.

На каждые 100.000 осужденныхъ.		
	Взрослыхъ	Юношей
За пятилѣтіе 1882—1886	1161	564
» » 1887—1891	1190	618
» » 1892—1896	1343	707

Этотъ ростъ, выражающійся для взрослыхъ людей въ 15,7%, стоитъ значительно ниже роста преступности среди подростковъ, выражающагося въ 25,3%. Но съ 1892 года, когда этотъ ростъ достигъ высшаго предѣла, число осужденныхъ подростковъ начинаетъ нѣсколько понижаться. Съ этого именно года наблюдается подъемъ въ промышленной жизни, вызвавшій увеличеніе числа занятыхъ рабочихъ вообще и юныхъ работниковъ въ частности, такъ что какъ будто участіе подростковъ въ промышленной жизни скорѣе *мѣшаетъ* нежели благоприятствуетъ совершенію ими преступныхъ дѣяній.

Это положеніе въ позднѣйшее время зацциаль, вопреки своимъ прежнимъ взглядамъ, (*фонъ-Листъ*¹⁾), выставившій слѣдующую гипотезу: «При благоприятныхъ экономическихъ отношеніяхъ и повышеніи спроса на рабочихъ на фабрики поступаетъ извѣстное число юныхъ работниковъ для возмѣщенія недостающаго числа взрослыхъ. Положеніе ихъ до

¹⁾ von Liss, *Die Kriminalität der Jugendlichen*. Рѣчь, произнесенная въ рейнско-вестфальскомъ тюремномъ обществѣ, 1900.

извѣстной степени обезпечивается фабричнымъ законодательствомъ и, во всякомъ случаѣ, является предметомъ большей заботливости, нежели въ томъ случаѣ, когда они заняты въ домашнемъ производствѣ. При неблагопріятныхъ же экономическихъ условіяхъ прежде всего получаютъ отказъ рабочіе-подростки и выбрасываются на улицу. Работу, которой они занимались прежде, они потеряли; но вмѣстѣ съ тѣмъ они усвоили потребности, которыхъ раньше не знали — и вотъ почва для социаль-ной катастрофы».

Къ сожалѣнію, тотъ оптимизмъ, въ силу котораго уменьшеніе преступности съ 1892 г. приписывалось благотворному влиянію на юношей промышленной дѣятельности, кажется мнѣ не совсемъ основательнымъ. И здѣсь въ интересахъ болѣе точнаго и яснаго пониманія слѣдовало бы разложить всю совокупность преступленій на отдѣльные ихъ виды. Тогда то обнаружится (таблица XXXI), что все видимое улучшеніе выразилось только въ уменьшеніи числа кражъ. Такія же преступления, какъ нанесеніе тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій, увеличились на каждые 100.000 юношей на 112,5%, нарушеніе домашней тишины—на 100, оскорбленія—на 90, порча вещей—на 48, подлогъ и нарушеніе довѣрія—на 40, преступления и проступки противъ нравственности—на 31%.

Въ большинствѣ изъ перечисленныхъ преступленій наблюдается совершенно правильное и непрерывное возрастаніе. И цифры показываютъ, насколько опасно участіе юношей въ промышленной дѣятельности, которые вмѣстѣ съ вступленіемъ въ жизнь очень рано получаютъ средства, дѣлающія для нихъ доступными ея удовольствія, которыя они оплачиваютъ цѣною своей непорочности.

Только одинъ фактъ можно противоставить правильности сдѣланнаго нами вывода—это относительное *постоянство* числа обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ о кражахъ. 1882 годъ, съ котораго начинается статистическое изслѣдованіе, былъ годомъ неблагопріятнымъ въ экономическомъ отношеніи; соответственно этому было высоко и число кражъ, которое до такой же высоты доходило и въ 1890—92 гг. Съ этого же времени началось улучшеніе, вызванное пониженіемъ хлѣбныхъ цѣнъ и повышеніемъ заработной платы, наступившимъ вслѣдъ за сильнымъ экономическимъ подъемомъ. Но улучшеніе это отразилось на подросткахъ, какъ обладающихъ болѣе чуткой психической воспримчивостью, далеко не столь замѣтно, какъ на взрослыхъ. Съ увеличеніемъ доходовъ въ періоды экономическаго расцвѣта увеличиваются и потребности, къ сожалѣнію, не имѣющія ничего общаго съ потребностями въ образованіи и благородныхъ удовольствіяхъ. *Танцъ-классы* и *пивныя* слишкомъ рано становятся любимыми мѣстами посѣщеній; а слѣдствіемъ этого является увеличеніе числа преступленій, соединенныхъ съ грубой силой.

Таблица XXXI.

Преступность среди юношества.

(Statistik des Deutschen Reiches. N. F. Bd. 95. I. 22/23.)

На каждые 100,000 юношей гражданского населенія приходится осужденныхъ:

	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896
Сопротивленіе властямъ	4	5	5	5	4	6	4	5	5	5	5	6	7	7	8
Нарушеніе домашней тишины	7	6	9	7	9	8	8	8	11	11	12	12	14	14	14
Преступленія и проступки противъ нравственности	16	13	15	15	15	16	15	16	17	18	19	19	22	21	21
Оскорбленія	10	10	12	13	13	13	13	13	16	15	17	19	20	19	19
Нанесеніе легкихъ тѣлесн. поврежденій	12	12	14	14	14	14	12	14	17	17	18	19	19	21	20
» тяжкихъ » »	48	49	60	63	67	68	66	70	77	78	84	92	95	98	102
Простая кража	284	271	275	256	259	258	255	281	296	296	323	276	289	278	271
» » при повторномъ рецидивѣ	13	13	13	11	11	11	11	11	11	12	13	13	14	13	13
Квалифицированная кража	43	39	40	39	36	39	40	46	50	50	56	50	52	50	52
» » при повторномъ рецидивѣ	4	4	4	4	4	3	3	3	4	4	5	4	5	5	4
Растрата	26	26	26	25	27	26	25	28	30	30	33	33	33	34	33
Мошенничество и нарушеніе довѣрія . . .	20	21	22	21	22	23	24	28	28	30	32	28	30	31	28
Порча вещей	31	27	31	33	30	34	32	34	40	38	40	41	45	41	46
Преступленіе и проступки противъ имперскихъ законовъ вообще . . .	568	549	578	560	565	576	563	614	663	672	729	686	716	702	702

Что же можетъ произойти, когда послѣ періода экономическаго подъема снова наступитъ эпоха упадка? Всегда очень опасно выступать въ роли пророка, но я считаю позволительнымъ нѣкоторый *прогнозъ* относительно ближайшихъ лѣтъ. Они послужатъ пробнымъ камнемъ для проверки справедливости излагаемой точки зрѣнія. Кризисъ въ индустріи вызоветъ пониженіе заработной платы и большое число увольненій съ фабрикъ. Увольненію подвергаются особенно много юныхъ рабочихъ и малоспособныхъ, не удовлетворяющихъ среднимъ требованіямъ умственнаго и физическаго развитія. Часть изъ нихъ попытается добыть противозаконнымъ путемъ то, чего они лишились вслѣдствіе безработицы, т. е. необходимыхъ средствъ къ жизни, а затѣмъ не откажется также и отъ удовлетворенія своихъ потребностей въ удовольствіяхъ. Если же при этомъ одновременно наступитъ и повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, то мы, какъ я полагаю вмѣстѣ съ *Зейфертомъ* и *фонъ-Листомъ*, должны ожидать значительнаго увеличенія числа кражъ.

Благопріятное вліяніе экономической кризисъ окажетъ на численность *преступленій, соединенныхъ съ проявленіемъ грубой силы*; результатъ этого вліянія можетъ выразиться въ остановкѣ непрерывнаго роста, этихъ преступленій, но едва-ли въ обратномъ движеніи въ смыслѣ ихъ пониженія. Впрочемъ повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ 1889—1892 гг. увеличившее число кражъ, не остановило однако роста этихъ преступленій.

Взглядъ на будущее открываетъ печальныя перспективы; одно только поддерживаетъ искру надежды—*законы о попечительномъ воспитаніи* (*Fürsorgeerziehungsgesetze*) отдѣльныхъ государствъ, которые, быть можетъ, скоро уступятъ мѣсто одному общемуперекому закону. Законы эти даютъ государству и должностнымъ лицамъ превосходное средство для изъятія изъ общества юношей, представляющихъ опасность. Если всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ должностныя лица будутъ добросовѣстно исполнять свою обязанность и возьмутъ подъ свою надлежащую опеку каждаго ребенка, который окажется въ конфликтѣ съ требованіями уголовного закона, и на исправленіе котораго семейная обстановка не даетъ никакой надежды, то этимъ самымъ достигнуто будетъ значительное улучшеніе внѣшнихъ условій, толкающихъ нашихъ юношей на путь преступленія; если при этомъ еще попечительное воспитаніе будетъ распространено и на тѣхъ юношей, которые стоятъ уже на пути къ моральному паденію, то благотворные результаты не заставятъ себя долго ждать.

Насколько широко будутъ эти результаты покажетъ только будущее. Конечно, дѣйствительное исправленіе порочныхъ юношей, которое превратило бы изъ субъектовъ нравственно распущенныхъ, въ полезныхъ членовъ общества—часто будетъ оставаться лишь въ области

благихъ пожеланій. Но выгода — и притомъ значительная — состоитъ уже въ томъ, что опасные элементы, изъятые изъ общества на нѣсколько лѣтъ дѣлаются *безвредными* и въ теченіе тѣхъ именно лѣтъ, которыя съ уголовной точки зрѣнія оказываются особенно рискованными.

Юность подобна очень чувствительному инструменту, функции котораго приходятъ въ расстройство отъ малѣйшаго виѣшняго точка. Это справедливо не только по отношенію къ подросткамъ принимаемымъ за таковыхъ уголовнымъ уложеніемъ, но и по отношенію къ смежной группѣ молодыхъ людей въ возрастѣ отъ 18—21 года, обладающей столь же малой устойчивостью въ борьбѣ съ жизненными искушеніями. Въ таблицѣ XXXII участіе *каждой* возрастной группы въ различныхъ преступленіяхъ опредѣлено по отношенію къ общему числу уголовно совершеннѣйшихъ того же возраста.

Небезынтересно при этомъ разсмотрѣть данныя, взятые отдѣльно для cadaго пола. Наичаще встрѣчающіяся преступленія у мужчинъ 18—21 года—преступленія противъ нравственности, простая и квалифицированная кража, укрывательство и подлогъ, грабежъ и вымогательство, порча вещей, т. е. въ общемъ тѣ же преступленія, что и у подростковъ. Возрастъ отъ 21 — 25 лѣтъ вообще даетъ самое большое число преступленій—убійствъ, нарушеній домашней тишины, нанесеній легкихъ тѣлесныхъ поврежденій, мошенничествъ и растратъ. Такимъ образомъ къ числу преступленій, свойственныхъ этой возрастной группѣ, кромѣ тѣхъ, которыя обусловлены аффектомъ и безчестными мотивами, надо отвести также преступленія, требующія для своего удачнаго выполненія главнымъ образомъ ума и сообразительности; при этомъ преступленія, соединенныя съ насиліемъ, принимаютъ болѣе, если такъ можно выразиться, безобидный характеръ—вмѣсто порчи вещей мы здѣсь видимъ нарушеніе домашней тишины, вмѣсто нанесенія тяжкихъ—нанесеніе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій. Группа въ возрастѣ отъ 25—30 лѣтъ обнаруживаетъ сильнѣйшую склонность къ убійству, насилію, угрозамъ, далѣе—къ сводничеству. Въ этой возрастной группѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ, сутенеровъ. Съ дальнѣйшимъ повышеніемъ возраста насильственные дѣянія все болѣе отступаютъ на задній планъ, и въ возрастѣ между 30 и 40 годами преобладающими видами преступленій являются *нарушеніе ареста* и оскорбленіе; въ возрастѣ же между 40 и 50—нарушеніе присяги.

По мѣрѣ физическаго одряхлѣніе человѣку невозможно уже принимать участіе въ преступленіяхъ, требующихъ тѣлесной силы и ловкости; вмѣстѣ съ одряхлѣніемъ наступаетъ и общій упадокъ энергіи, и потому въ болѣе высокомъ возрастѣ совершается преступленій очень мало. Такъ, напр., число квалифицированныхъ кражъ, при равныхъ ко-

Таблица XXXII.

(Statistik des Deutschen Reiches. N. F. 83. II. S. 26/27.)

На 100.000 уголовно совершеннѣтнихъ лицъ одного и того же возраста и пола приходилось въ 1886—1895 гг. осужденныхъ за:

	Преступл. и проступк. противъ импер. законовъ, исключая на-рушен. воин. повин.	Насиліе и угрозы противъ властей.	Нарушеніе домашней тишины.	Нарушеніе прилагл.	Прелюбодѣланіе и изнасилованіе.	Сводничество.	Оскорбленіе.	Нанесеніе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій.	Нанесеніе тяжелыхъ тѣлесныхъ поврежденій.	Простая кража и съ повторными рецидивомъ.	Квалифицированная кража и съ повторными рецидивомъ.	Г'асраты.	Укрывательство и съ повторными рецидивомъ.	Мошен. и съ повторными рецидивомъ.	Порча вещей.
Мужчинъ	1847,03	77,45	90,38	6,83	20,63	5,21	204,32	118,30	356,86	352,49	57,95	80,97	28,21	88,06	80,37
Отъ 12 до 18 л.	1032,72	8,12	19,32	0,95	24,93	0,25	23,35	29,72	148,69	418,46	89,40	46,66	28,52	33,79	70,55
» 18 » 21 »	3291,04	120,90	159,58	7,24	36,54	3,79	127,32	198,18	1012,65	626,82	149,71	133,49	39,59	134,98	207,90
» 21 » 25 »	3327,28	173,59	191,04	8,00	27,43	8,76	197,59	243,54	958,09	514,82	107,83	142,80	35,51	168,82	170,39
» 25 » 30 »	2928,12	161,84	171,42	9,24	22,64	11,29	265,40	230,03	645,87	455,08	72,45	134,83	34,09	156,03	118,89
» 30 » 40 »	2259,13	111,02	121,49	9,26	19,66	8,58	324,19	165,08	339,35	365,27	44,31	105,77	32,54	119,43	76,92
» 40 » 50 »	1651,22	68,33	81,93	4,54	15,99	5,72	316,35	102,10	194,29	272,08	25,04	71,82	28,24	83,27	48,04
» 50 » 60 »	1068,39	35,57	45,77	3,28	13,26	3,51	234,76	53,61	116,80	184,06	12,99	41,82	20,61	49,71	26,80
» 60 » 70 »	571,75	15,64	21,25	5,35	11,90	1,87	132,08	25,24	56,86	109,73	5,01	20,57	11,56	24,05	13,51
» 70 и болѣе	227,25	5,33	8,08	2,26	8,72	0,65	51,68	9,21	21,97	45,71	0,97	7,27	3,88	9,04	7,27
Женщинъ	380,42	5,90	12,25	2,31	0,15	7,23	69,52	12,71	25,99	132,25	7,19	18,25	16,33	19,50	4,85
Отъ 12 до 18 л.	229,56	0,76	1,46	0,48	0,38	0,13	7,34	2,19	6,16	151,58	9,53	11,47	4,10	17,69	2,67
» 18 » 21 »	443,59	4,75	6,68	2,52	0,30	1,19	30,80	7,13	19,97	233,00	15,14	28,06	8,98	39,93	5,34
» 21 » 25 »	443,58	7,56	9,16	2,78	0,24	4,49	52,98	12,40	28,35	184,70	12,46	25,93	12,40	33,02	5,73
» 25 » 30 »	482,41	9,04	13,51	2,68	0,11	10,40	83,50	19,50	37,78	160,59	9,46	24,75	16,50	26,33	6,20
» 30 » 40 »	522,6	9,39	20,30	2,95	0,09	14,58	114,37	23,04	42,65	140,83	6,93	24,00	25,74	20,64	6,75
» 40 » 50 »	489,40	8,76	23,20	3,50	0,08	13,16	119,08	18,99	38,31	118,29	4,70	20,79	31,06	16,54	6,17
» 50 » 60 »	314,74	5,39	14,79	2,89	0,05	7,25	81,66	10,73	23,81	76,08	2,35	12,10	19,69	9,85	4,46
» 60 » 70 »	153,03	2,08	5,97	1,44	—	3,31	40,97	4,74	10,71	39,96	0,86	5,53	7,98	4,67	2,23
» 70 и болѣе	58,25	0,92	2,25	0,66	—	0,79	15,98	1,59	3,70	14,66	0,13	1,85	2,77	1,85	0,79

личествахъ соответствующихъ возрастныхъ группъ, достигая своей высшей цифры между 18 и 21 годами, послѣ 70 лѣтъ сильно падаетъ, составляя лишь 150-ю часть всего числа. Тѣмъ болѣе удивительно значительное число осужденій за безправственность и изнасилованіе, составляющее въ этомъ преклонномъ возрастѣ еще четвертую часть всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ по этимъ преступленіямъ, падающихъ на долю молодыхъ людей въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ (18—21 гг.) Впрочемъ, здѣсь необходимо подчеркнуть, что въ этихъ случаяхъ, за рѣдкими исключениями, мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ безусловно *патофизиологическимъ*. Съ наступленіемъ 60 лѣтъ, въ нашемъ климатѣ половое возбужденіе обыкновенно прекращается; проявленіе его за предѣлами этого возраста чрезвычайно рѣдко. Поэтому каждый 70 лѣтній старикъ, совершившій преступленіе противъ нравственности, долженъ быть подвергнутъ *психіатрическому* наблюденію; тогда большинство такихъ стариковъ попали-бы не въ тюрьмы, а въ заведенія для душевно-больныхъ или богадѣльни, гдѣ имъ и надлежитъ быть. Среди такихъ стариковъ, виновныхъ въ преступленіяхъ противъ нравственности, я до сихъ поръ еще не встрѣтилъ ни одного здороваго; они всегда страдали рѣзко выраженнымъ *старческимъ слабоуміемъ*. Это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что большинство этихъ стариковъ-преступниковъ до совершенія преступленія вели безупречную жизнь. Изъ 303 осужденныхъ стариковъ 70 и болѣе лѣтъ въ 1897—1899 гг. 216 ни разу до того не были наказаны.

Для женщинъ отношенія между возрастными періодами и преступленіемъ нѣсколько видоизмѣняются. Очень опаснымъ является возрастъ въ 18—21 годъ, отличающійся наибольшимъ числомъ такихъ преступленій, которыя вызываются корыстными мотивами—простая и квалифицированная кража, растрата, обманъ и подлогъ. Между 30 и 40 годами особенно часты преступленія, соединенныя съ насиліемъ, каковы: нанесеніе легкихъ и тяжелыхъ тѣлесныхъ поврежденій, насиліе и угрозы противъ властей, порча вещей и сводничество. Въмѣсто сутенеровъ выступаютъ на сцену содержательницы публичныхъ домовъ и хозяйки, отдающія въ наемъ комнаты для тайной проституціи; по прошествіи 10 лѣтъ тѣ же женщины являются уже въ роли сводницъ, такъ что цифра наказаній за сводничество держится почти на одномъ и томъ же уровнѣ. Къ перечисленнымъ здѣсь преступленіямъ еще нужно прибавить случаи оскорбленій и нарушеній домашней тишины, часто являющіеся слѣдствіями столкновеній въ насмѣхъ общихъ помѣщеніяхъ; далѣе нарушеніе присяги, вымогательство и, наконецъ, укрывательство. Въ то время какъ у мужчинъ для юнаго вора укрывателемъ служить юный же его товарищъ, профессиональной укрывательницей является большей частью женщина старшаго возраста, и, къ сожалѣнію, эту роль часто

выполняетъ мать, помогая своимъ дѣтямъ въ кражахъ и растратахъ.

По *Кетлэ*¹⁾, «склонность къ кражѣ развивается очень рано и овладѣваетъ человѣкомъ до известной степени на всю его жизнь. Прежде всего онъ начинаетъ дѣйствовать въ семьѣ, совершая рядъ домашнихъ кражъ; затѣмъ обращается къ предметамъ, находящимся внѣ дома, прибѣгаетъ къ силѣ и не отступаетъ даже предъ убійствомъ. Последней стадіи предшествуетъ однако могучая въ юношескомъ возрастѣ склонность къ плотскимъ преступленіямъ, развивающаяся вмѣстѣ съ развитіемъ чувственности и сопровождающая послѣднюю распущенностью. Прежде всего юный преступникъ ищетъ себѣ жертвы тамъ, гдѣ менѣе всего можетъ ожидать отпора; затѣмъ онъ доходитъ до преступленій, требующихъ холоднаго и спокойнаго расчета. Дѣлаясь взрослымъ, полнымъ самообладанія человѣкомъ, онъ устраняетъ свою жертву путемъ убійства или отравленія. Последняя фаза развитія сказывается въ замѣнѣ силы хитростью и обманомъ. Все болѣе разгорающаяся аячность ведетъ преступника къ подлогу; онъ старается постигнуть своего врага, дѣйствуя подъ покровомъ ночи. Поскольку страсти его еще не угасли, онъ избираютъ жертвою своего удовлетворенія преимущественно безпомощныхъ дѣтей. И въ этомъ отношеніи замѣчается известное сходство между первымъ и послѣднимъ шагомъ на поприщѣ преступленія».

Эта картина не вполне согласуется съ данными германской статистики и можетъ даже дать тѣмъ болѣе *ошибочное* представленіе, что очень рѣдко одинъ и тотъ же индивидуумъ проходитъ весь или даже часть начертаннаго преступнаго поприща. Распределеніе по возрастнымъ группамъ болѣе соотвѣтствуетъ отдѣльнымъ фазисамъ физическаго и умственнаго развитія въ связи съ тѣми вліяніями, которыя послѣднее испытываетъ со стороны вышней среды. Подростокъ при совершеніи кражи понадеется на свою физическую ловкость скорѣе, нежели взрослый, который поэтому предпочитаетъ случайную кражу, прибѣгаетъ къ обману и растратѣ; взрослый также предпочтетъ обругать своего врага, но не рѣшится помѣряться съ нимъ силой; кромѣ того, надо замѣтить, что съ годами, если только дѣло идетъ не о привычномъ пьяницѣ, ослабляются также алкогольные эксцессы.

Итакъ общій анализъ возрастныхъ группъ не даетъ намъ никакого особенно глубокаго взгляда на этиологію преступленій, за исключеніемъ преступленій, свойственныхъ юношескому возрасту. Последнія же тѣмъ болѣе важны и поучительны, что даютъ намъ ясное представленіе объ опасностяхъ, связанныхъ съ ростомъ и развитіемъ молодого орга-

¹⁾ *Quetelet, Physique sociale ou essai sur le développement des facultés de l'homme. 1869. II. стр. 306.*

низма, и указываютъ намъ, въ какую сторону должны быть направлены главные наши усилія для того, чтобы уберечь тысячи юношей отъ перваго скользяго шага на пути преступленія.

П о л ъ.

Преступность *мужчинъ* и преступность *женщинъ* значительно отличаются одна отъ другой (Таблица XXXIII).

Т а б л и ц а XXXIII.

На 100 осужденныхъ мужчинъ приходилось женщинъ въ 1899 г.:

(Statistik des Deutschen Reiches. Bd. 132. II. 50—65)

За преступленія и проступки вообще	19,3
» нарушеніе домашней тишины	12,0
» нарушеніе присяги	14,6
» ложное обвиненіе	35,8
» сводничество	164,6
» оскорбленіе	36,0
» вытравленіе плода	375,9
» подкидываніе дѣтей	400,0
» нанесеніе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій	11,7
» тяжелыхъ » »	7,9
» простая кража	37,9
» квалифицированная кража	13,3
» растрата	20,6
» простое укрывательство	50,2
» профессиональное укрывательство	47,4
» мошенничество	20,0
» порча вещей	6,0

Нѣкоторые преступленія, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ соучастія, по самому характеру своему, свойственны лицамъ исключительно одного только пола; таковы: *дѣтубійство* (§ 217) — у женщинъ. *дуэль*, *незаконное вѣнчаніе*, *изнасилованіе*, *нарушеніе воинскаго устава* — у мужчинъ. Понятно, поэтому, что значительный перевѣсъ числа случаевъ *подкидыванія дѣтей* и *вытравленія плода* находится на сторонѣ женщинъ. Не говоря уже о томъ, что забота объ имѣющемъ появиться или уже появившемся на свѣтъ, чаще всего вѣббрачномъ ребенкѣ, всею тяжестью ложится на женщину, но и доказательство участія въ операціи изгнанія плода легче всего привести противъ женщинъ. При этомъ не слѣдуетъ обманываться на счетъ степени рас-

пространности этого вида преступлений, потому что число зарегистрированных по нимъ, обвинительныхъ приговоровъ (въ 1899—312 женщинъ) гораздо ниже дѣйствительности; данныя статистики, по словамъ *Левина*¹⁾, указываютъ лишь на большую или меньшую ловкость, съ которою удастся сохранить въ тайнѣ случаи изгнанія плода.

Сводничество—видъ преступленія, весьма распространенный среди женщинъ. Это объясняется въ значительной степени тѣмъ, что проститутки гораздо охотнѣе помогаютъ выцутаться изъ затрудненій на судѣ своимъ сутенерамъ, нежели *содержательницамъ публичныхъ домовъ* и женщинамъ, которыя даютъ имъ временныя пристанища. Едва ли нужно говорить что ничтожная цифра обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ о сводничествѣ, совершенно не опредѣляютъ дѣйствительныхъ размѣровъ этого рода преступленій.

Во всѣхъ другихъ видахъ преступленій женщины значительно отстаютъ отъ мужчинъ. Сравнительно часто женщины фигурируютъ въ дѣлахъ о *кражахъ* и *укрывательствѣ*. Очевидно, это именно такія формы преступныхъ дѣяній, которыя болѣе соответствуютъ ихъ характеру и образу ихъ жизни; для агрессивныхъ же дѣйствій у нихъ недостаетъ ни физической ловкости, ни мужества; что же касается растраты и мошенничества, то они практикуются главнымъ образомъ въ сферѣ торговли, которою женщины занимаются сравнительно мало.

Рѣдкость среди женщинъ такихъ преступленій, какъ *нанесеніе телесныхъ поврежденій* и *порча вещей*, обуславливается не только ихъ физическою слабостью, но еще болѣе незначительнымъ распространеніемъ пьянства среди нихъ. Къ тому же эксцессы пьяной женщины разрѣшаются чаще бранью, нежели грубымъ нападеніемъ. Я не рѣшалась однако приписать случаи *нанесенія оскорбленій*, очень распространенные среди женщинъ, этого рода эксцессамъ, довольно рѣдкимъ среди нихъ. Причину ихъ слѣдуетъ искать прежде всего въ большей *впечатлительности* женщины, которая въ каждомъ рѣзкомъ выраженіи готова видѣть грубое посягательство на ея честь и очень легко реагируетъ на него бранью; отчасти же—въ постоянныхъ ссорахъ между *сосѣдками*, живущими въ большихъ общихъ наемныхъ помѣщеніяхъ.

Специфически женскимъ преступленіемъ является, наконецъ, *недобросовѣстное обвиненіе*. Если и здѣсь женщины далеко отстаютъ отъ мужчинъ, то не слѣдуетъ забывать, что благодаря ихъ образу жизни и домашней замкнутости, у нихъ возникаетъ гораздо меньше поводовъ къ конфликтамъ. Предметомъ такихъ обвиненій очень часто служитъ *покушеніе на женское цѣломудріе*, а ихъ жертвою чаще другихъ являются духовное лицо или врачъ. Не всегда, впрочемъ, подобныя обви-

¹⁾ *Levin*. Цит. сочиненіе, стр 20.

ненія являются результатомъ простаго вымысла; иногда въ основаніи ихъ лежатъ галлюцинаціи, образующіяся на истерической почвѣ, и извращенная оцѣнка болѣзненныхъ опущеній. Такія же обвиненія возводятся женщинами на врачей, которые подвергали ихъ дѣйствию наркоза или гипноза и которымъ защитой служатъ лишь присутствіе третьяго лица.

Въ общемъ, въ характерѣ женской преступности преобладаетъ элементъ *коварства*, въ характерѣ мужской—элементъ *зубости*. Къ счастью, число осужденныхъ женщинъ, взятое по отношенію ко всему числу уголовно-совершеннолѣтнихъ женщинъ, возрасло очень незамѣтно; по отношенію же къ числу осужденныхъ мужчинъ съ 1882 г. даже уменьшилось на 20%.

Таблица XXXIV.

На каждые 100.000 уголовно-совершеннолѣтнихъ одного и того же пола было осужденныхъ (исключая нарушеній воинскаго устава):

	мужчинъ	женщинъ
Въ 1886	1742	361
1891	1826	382
1896	2079	389

Не слѣдуетъ упускать изъ виду важность стаціонарнаго положенія женской преступности и прежде всего съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ, которые съ постояннымъ увеличеніемъ обвинительныхъ приговоровъ противъ женщинъ понесли бы не малый ущербъ. Но еще болѣе знаменательнымъ представляется мнѣ этотъ фактъ, какъ показатель того, что усиливающееся численно участіе женщинъ въ процессѣ экономической борьбы не ведетъ за собою никакого повышенія преступности. Число растраты, мошенничества, укрывательства постоянно уменьшается, хотя участіе женщинъ въ торгово-промышленной жизни въ качествѣ самостоятельныхъ предпринимательницъ или работницъ становится все замѣтнѣе. Не самая работа на фабрикахъ или въ торговыхъ заведеніяхъ вызываетъ преступленія, но обусловливаемый ею образъ жизни и, главнымъ образомъ, участіе въ разныхъ празднествахъ и попойкамъ. Только благодаря этому различію въ жизненныхъ привычкахъ число преступленій у мужчинъ, взрослыхъ и подростковъ, возрастаетъ, а у женщинъ остается на неподвижномъ уровнѣ.

Вопросъ можно поставить еще и такимъ образомъ: нельзя ли объяснить фактъ меньшей преступности у женщинъ тѣмъ обстоятельствамъ, что громадная часть женщинъ-преступницъ поглощается *проституціей*? Домброзо рѣшительно заявляетъ: „Если случаи проституціи

будутъ регистрироваться уголовной статистикой, то окажется, что преступность обоихъ половъ не только одинакова, но на сторонѣ женщинъ получится даже нѣкоторый перевѣсъ“. Но онъ самъ противорѣчитъ этому положенію, объясняя большое число осужденныхъ малолѣтнихъ дѣвочекъ (въ Германіи впрочемъ только 20/100) «малолѣтней проституціей», а затѣмъ подчеркивая фактъ сильной преступности среди проститутокъ.

Впрочемъ, я также думаю, что въ проституткѣ мы иногда можемъ видѣть эквивалентъ преступника. Иная молодая дѣвушка для удовлетворенія своей страсти къ удовольствіямъ и нарядамъ не остановилась бы предъ кражей или растратой, если бы въ проституціи она не имѣла средства осуществить свои желанія и легче и полнѣе, нежели путемъ преступленія.

Однако, я полагаю, что проститутку слѣдуетъ сопоставлять не съ воромъ, уличнымъ грабителемъ или поддѣльвателемъ, какъ съ *родственными ей по характеру* преступными типами, а съ *нищими и бродягою*. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ проститутки обладаютъ такими свойствами, которыя необходимы для совершенія сложныхъ преступленій, преднамѣренныхъ и сознательныхъ дѣяній. Онѣ, большей частью, существа апатичныя, мало дѣятельныя, неуравновѣшенныя, часто даже слабоумныя, хотя и не останавливаются передъ преступленіемъ, когда къ этому представляется очень благопріятный случай; въ послѣднемъ отношеніи онѣ дѣйствуютъ такъ же, какъ и бродяги, которые никогда не упустятъ удобнаго повода овладѣть чужой собственностью. Вообще же нищие и бродяги, такъ же, какъ и проститутки, съ робостью отступаютъ передъ рѣшительными дѣйствіями.

Но пока я не вижу никакого основанія разсматривать проституцію какъ своего рода *уголовную отдушину*, которая обезпечиваетъ отъ преступленій и черезъ которую получаютъ выходъ активныя и опасныя наклонности женщинъ; на проституцію я смотрю, какъ на замѣну отнюдь не безобиднаго нищенства и бродяжества.

Семейное положеніе.

По даннымъ, собраннымъ *Энтиненомъ*,¹⁾ число осужденныхъ среди холостыхъ почти всюду больше, нежели среди женатыхъ; въ этомъ фактѣ онъ видитъ облагораживающее вліяніе семейной жизни, хотя она и ведетъ обыкновенно къ увеличенію заботъ о пропитаніи и трудового бремени. Но такъ какъ эти заботы проявляются въ сферѣ правильной домашней жизни, то онѣ оказываютъ спасительное вліяніе, ограждая

¹⁾ Цитированное соч., стр. 524.

Таблица
(По Прин-

Въ возра- стѣ отъ	За преступления и проступки вообще.			Нарушение до- машней тишины.			Оскорбленія.			Нанесеніе тѣл- сныхъ поврежденій		
	Холостые.	Женатые.	Вдовцы и разведенные.	Холостые.	Женатые.	Вдовцы и разведенные.	Холостые.	Женатые.	Вдовцы и разведенные.	Холостые.	Женатые.	Вдовцы и разведенные.
На 100.000 мужчинъ каждой категоріи въ Германіи												
12—15 л.	661,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15—18 »	1319,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18—21 »	2994,5	6413,0	—	141,7	296,4	—	111,1	444,5	—	960,6	1309,3	—
21—25 »	3107,0	3566,3	—	179,4	192,4	—	173,3	279,0	448,0	949,1	808,2	1102,1
25—30 »	2950,9	2504,7	4273,7	175,6	144,8	235,6	222,9	270,6	381,4	729,6	518,9	735,5
30—40 »	2880,9	1961,2	3797,3	150,6	105,8	197,7	277,3	316,2	377,3	424,8	298,1	411,8
40—50 »	2205,7	1487,8	2626,3	93,0	75,1	132,9	240,7	311,3	317,3	202,8	180,8	225,5
50—60 »	1241,9	1009,8	1267,8	39,0	45,7	51,9	158,1	237,7	187,5	91,7	115,1	107,6
выше 60»	494,6	490,1	342,7	11,0	19,3	11,2	66,4	122,9	66,6	31,5	48,9	29,8
На 100.000 женщинъ каждой категоріи въ Германіи												
12—15 л.	149,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
15—18 »	320,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18—21 »	415,2	602,5	—	5,4	16,9	—	24,3	88,5	—	20,4	67,5	—
21—25 »	417,5	469,9	1339,3	6,9	13,3	28,6	34,9	85,7	157,1	24,9	61,1	96,4
25—30 »	440,7	454,5	1149,2	8,6	15,2	28,2	44,2	94,8	137,1	29,8	58,7	88,9
30—40 »	446,2	500,0	1029,9	11,1	21,2	32,7	57,3	116,7	138,4	29,9	61,0	70,2
40—60 »	334,7	468,2	709,9	10,6	23,9	27,2	58,4	121,4	121,7	21,3	55,3	46,8
50—60 »	221,5	299,5	369,2	6,2	15,3	15,9	43,6	84,8	77,1	13,9	33,9	25,7
выше 60»	102,2	133,4	111,2	3,0	6,0	4,2	22,4	38,3	26,7	7,0	14,2	8,6

отъ разныхъ эксцессовъ. Въ противоположность этому, германская уголовная статистика предупреждаетъ, что «данными, касающимися вліянія семейнаго положенія на преступность, должно пользоваться съ большою осторожностью».¹⁾

¹⁾ Statistik des Deutschen Reiches. N. F. 58. II. стр. 18.

XXXV.

цингу)

За простую кражу.			За квалифицир. кражу.			За сообщничеств. п укрывательств.			За мошенство и растрату			За порчу вещей.		
Холостые.	Женатые.	Вдовцы и разведенные.	Холостые.	Женатые.	Вдовцы и разведенные.	Холостые.	Женатые.	Вдовцы и разведенные.	Холостые.	Женатые.	Вдовцы и разведенные.	Холостые.	Женатые.	Вдовцы и разведенные.
приходилось обвинительныхъ приговоровъ въ 1882—1893 гг.														
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
551,7	1418,3	—	117,4	—	—	42,0	—	—	117,4	254,0	—	188,4	296,4	—
427,7	685,9	627,2	80,0	77,7	—	36,2	70,1	—	144,9	156,0	—	168,6	136,1	241,9
382,6	412,6	572,1	60,8	41,0	78,5	35,5	43,8	49,4	170,2	109,0	336,5	144,6	83,5	200,7
411,9	296,9	550,0	48,0	24,9	68,2	39,8	37,2	63,6	206,4	91,9	340,9	139,4	58,9	136,4
365,0	216,2	420,0	28,8	13,7	38,3	28,3	33,1	56,2	172,0	68,0	212,0	97,8	39,5	86,2
233,1	151,6	231,1	14,0	6,7	13,8	15,4	26,0	27,6	92,7	43,1	88,6	43,4	23,7	34,6
109,2	84,0	67,2	3,4	2,3	2,1	5,8	13,4	7,8	33,6	18,2	17,5	12,2	11,9	9,0
приходилось обвинительныхъ приговоровъ въ 1882—1893 гг.														
110,3	—	—	6,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
194,9	—	—	12,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
210,6	209,3	—	13,0	14,1	—	9,2	33,7	—	37,8	36,6	—	4,7	7,1	—
177,1	147,8	385,7	11,3	8,0	28,6	10,6	26,3	48,2	35,6	23,4	94,6	5,4	6,1	21,4
158,5	132,0	318,5	9,3	6,5	12,1	12,6	23,9	52,4	35,0	18,7	80,7	5,8	5,7	14,5
136,6	127,1	265,9	6,2	5,4	12,5	17,2	32,6	61,3	31,1	17,7	58,5	7,4	6,3	11,2
92,2	104,0	175,9	3,7	3,5	5,9	16,1	36,4	56,4	20,9	15,5	33,8	5,1	6,1	8,9
61,2	64,4	88,6	1,9	1,7	2,5	11,4	22,6	29,6	11,9	9,5	15,7	3,8	4,2	4,7
32,0	31,1	28,0	0,4	0,6	0,4	4,5	8,8	7,4	6,1	4,7	3,7	1,8	1,9	1,5

Германская статистика устанавливаетъ три отдѣльныя возрастныхъ группы, соответственно различіямъ въ семейномъ положеніи: отъ 21 до 40 лѣтъ, отъ 40 до 60 и отъ 60 и болѣе. Въ 1899 г. въ первой группѣ холостые, а также вдовцы и разведенные преобладали надъ женатыми въ большей части преступленій; исключенія составляли побѣтъ

Ашафенбург. Преступленіе и борьба съ нимъ.

изъ-подъ ареста, лжеприсяга, оскорбленіе, нанесеніе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій, насильственное принужденіе и вымогательство. Между 40 и 60 годами только грабежъ и вымогательство съ насиліемъ составляютъ невыгодное для холостыхъ исключеніе. Въ другихъ случаяхъ преступность женатыхъ всегда значительно выше. Среди стариковъ, наконецъ, женатые также преобладаютъ во всѣхъ видахъ преступленій, кромѣ убійства и поджога.

Совершенно другую картину даетъ явленіе этихъ группъ по *полу*: важнѣйшія цифры я привелъ въ табл. XXXV, составленной по Принципу.¹⁾ Единица въ 100.000, взятая въ основаніе нашего расчета и при томъ пользованіи данными за періодъ времени въ 12 лѣтъ, гарантируетъ намъ солидность выводовъ. Изъ этой таблицы мы дѣлаемъ ясный выводъ о *благопріятномъ вліяніи брака на мужчинъ*. Этотъ выводъ, впрочемъ, не распространяется на *рано женившихся* до—25 лѣтъ; ихъ участіе въ преступленіяхъ всякаго рода очень сильно; ви́ншей причиной этого является нужда, которая у людей этого возраста всегда соединяется съ легкомысленнымъ вступленіемъ въ бракъ. Едва только прокармливая самого себя, молодой, еще не установившійся юноша спѣшитъ уже основать семью; дѣти, которыхъ большей частью въ такихъ семьяхъ бываетъ много, увеличиваютъ матеріальныя заботы, а непосредственнымъ послѣдствіемъ этого является посягательство на чужую собственность. Къ тому же, молодые люди этого возраста не отказываются даже ради жены и дѣтей отъ посѣщенія трактировъ, что видно уже по очень замѣтному числу обвинительныхъ противъ нихъ приговоровъ по дѣламъ о нанесеніи легкихъ и тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій.

Но съ повышеніемъ возраста преступность женатыхъ измѣняется все въ болѣе и болѣе *благопріятномъ* смыслѣ; отчасти прежде всего потому, что въ болѣе солидномъ возрастѣ уменьшается число легкомысленно заключаемыхъ браковъ, а среди лицъ этого возраста уже женатыхъ большинство владѣетъ извѣстнымъ достаткомъ и образованіемъ; отчасти же потому, что зрѣлые люди своимъ хозяйствомъ удерживаются отъ посѣщеній трактировъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ средствъ на излишніе траты, а радость домашняго очага, привязанность къ собственной семьѣ вполне замѣняютъ имъ развлеченія, которыя они находятъ въ пивныхъ. Не маловажное значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что многіе холостые люди, влѣдствіе своего преступнаго прошлаго, влѣдствіе вкоренившихся въ нихъ привычекъ къ воровству, бродяжеству, пьянству не могутъ обзавестись собственной семьей; это также неблагопріятно вліяетъ на

¹⁾ Prinzing. *Die Erhöhung der Kriminalität des Weibes durch die Ehe* Zeitschrift für Sozialwissenschaft. 1900. III. стр. 431, а также: *Der Einfluss der Ehe auf die Kriminalität des Mannes*. Тамъ же 1899. II. стр. 37.

численность преступниковъ среди холостыхъ. Оказываетъ ли на мужчину, какъ это думаетъ *Принципиз*, простое сожителство съ представительницей женскаго пола, отличающагося меньшей преступностью, благоприятное вліяніе въ смыслѣ пониженія преступности вообще, на это я не могу съ полною увѣренностью отвѣчать утвердительно. Это мнѣніе можно было бы принять, если бы изъ факта болѣе замѣтнаго участія *замужнихъ женщинъ* въ преступленіяхъ можно было заключить, что причиною его служитъ постоянное общеніе замужнихъ женщинъ съ мужчинами и неблагоприятное вліяніе на нихъ болѣе рѣзко выраженныхъ преступныхъ наклонностей ихъ мужей. Казалось бы, что замужняя женщина, въ силу ея привязанности къ семьѣ, ея «обезпеченнаго» существованія въ высокой степени должна была бы быть гарантирована отъ совершения преступленій. Но это не такъ, по крайней мѣрѣ среди молодыхъ женщинъ, которыя до 21 года въ кражахъ стоятъ на первомъ планѣ. Только позднѣе уже замужнія женщины принимаютъ въ *кражахъ* менѣе замѣтное участіе, нежели незамужнія,—отчасти потому, что большая часть женщинъ въ болѣе зрѣлые годы освобождаются мужьями отъ заботы о добываніи ежедневнаго куска хлѣба, а также потому, что женщина бѣднѣйшихъ слоевъ обладаетъ удивительной способностью ограничивать свои потребности въ ѣдѣ. Если замужняя женщина овладѣваетъ чужой собственностью, то это происходитъ чаще въ косвенной формѣ сообщничества или укрывательства, а не въ формѣ прямого конфликта съ закономъ.

Наказанія за нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій, за нарушеніе домашней тишины, оскорбленіе—при брачной жизни увеличиваются въ числѣ. *Принципиз* этотъ фактъ ставитъ въ зависимость отъ пьянства; здѣсь надо принять во вниманіе то обстоятельство, „что во многихъ мѣстностяхъ существуетъ обычай, по которому по воскресеньямъ жена сопровождаетъ мужа въ пивную, и если ея присутствіе часто является лучшимъ средствомъ для предупрежденія грубыхъ эксцессовъ, то съ другой стороны она иногда и сама поддается дѣйствію нездоровой атмосферы пивной».

Соглашаясь съ этимъ, я однако приписываю гораздо большее значеніе другому источнику этихъ преступленій. Во всѣхъ почти безъ исключенія случаяхъ наказаній за оскорбленіе и нарушеніе домашней тишины я могъ констатировать, что эти преступленія являлись слѣдствіями *совмѣстнаго жительства*. Пользованіе общими корридорами, садами, дворами, погребами, амбарами даетъ поводъ къ безконечнымъ спорамъ и раздорамъ. Взаимное раздраженіе нарастаетъ мало-по-малу, пока какой нибудь ничтожный случай, большей частью вызванный дѣтьми, не послужитъ поводомъ къ бурнымъ сценамъ, нерѣдко заканчивающимся взаимною бранью и потасовкой.

Утѣшительный фактъ, что среди женатыхъ имѣютъ мѣсто преступленія не *самыя опасныя*, ослабляется тѣмъ печальнымъ обстоятельствомъ, что вообще преступленія количественно увеличиваются среди нихъ, тогда какъ, напротивъ, среди холостыхъ такого увеличенія не наблюдается. Это объясняется комплексомъ особыхъ причинъ, обуславливающихъ собою преступленія преимущественно распространенныя среди женатыхъ. Чѣмъ чаще жены посѣщаютъ *пивныя* съ мужьями, чѣмъ сильнѣе скученность многодѣтныхъ семей на небольшомъ пространствѣ, тѣмъ чаще и поводъ къ конфликтамъ. Если бы могли помѣщать женщинамъ посѣщать пивныя, что все болѣе и болѣе входитъ въ обычай; если бы мы могли на мѣсто казарменныхъ построекъ для общихъ жилищъ ввести дома особняки для *отдѣльныхъ семей*, то преступность среди женатыхъ скоро уменьшилась бы и оказалась бы ниже преступности среди холостыхъ; тогда-то и могли бы только обнаружиться *благотворныя* вліянія семейной жизни. Однако я особенно настаиваю на томъ, что эти благотворныя вліянія на представителей обоихъ половъ, даже при сознательномъ стремленіи къ перемѣнѣ жизненной обстановки, окажутся дѣйствительными при томъ лишь условіи, когда все усилія свои мы направимъ къ предупрежденію *слишкомъ раннихъ* браковъ, которые таятъ въ себѣ серьезную опасность. Къ сожалѣнію, законъ не даетъ намъ никакихъ средствъ для противодѣйствія вступленію въ бракъ лицамъ, физически и духовно несозрѣвшимъ и экономически необезпеченнымъ. Поэтому съ точки зрѣнія уголовной политики слѣдуетъ признать грубой ошибкой пониженіе возраста, для котораго требуется согласіе родителей на вступленіе въ бракъ ихъ дѣтей, съ 25 на 21 годъ.

Замѣчательнъ фактъ значительной преступности среди *вдовцовъ* и *разведенныхъ*, понижающейся въ своей численности для лицъ, перешагнувшихъ уже за 60 лѣтній возрастъ. Сознаю, что я не могу предложить исчерпывающаго объясненія этого страннаго явленія. *Принципъ* ¹⁾ полагаетъ, что оно является отчасти слѣдствіемъ смерти одного изъ членовъ супружеской четы, которая вызываетъ душевное расстройство въ оставшемся въ живыхъ; необходимо также допустить, что многимъ вдовцамъ трудно бываетъ сохранить свою моральную устойчивость». Последнее предположеніе тѣмъ менѣе правдоподобно, что вѣд. и у овдовѣвшихъ и разведенныхъ женщинъ преступныя наклонности проявляются стольже часто, какъ и у овдовѣвшихъ и разведенныхъ мужчинъ. Можно было бы скорѣе поставить вопросъ, не вызвано ли расторженіе брака именно дѣйствіями преступнаго характера, такъ что дальнѣйшее преступленіе было лишь продолженіемъ прежняго преступ-

¹⁾ Цыпиров. соч., стр. 125.

наго образа жизни. Что же касается мнѣнія, что оставшіяся въ живыхъ супругъ (а почему не супруга?) «часто» въ своей печали, вызванной смертью жены, доходить до психическаго разстройства, то я считаю его ошибочнымъ. Если бы это было и такъ—мнѣ лично этого не приходилось наблюдать—то развѣ въ видѣ рѣдкихъ исключеній, которые для уголовной статистики во всякомъ случаѣ не имѣютъ никакого значенія.

Поэтому до поры до времени приходится отказаться отъ удовлетворительнаго объясненія этого явленія. Быть можетъ, нѣкоторый свѣтъ былъ бы пролить на этотъ темный вопросъ въ томъ случаѣ, если бы преступленія среди овдовѣвшихъ и разведенныхъ были подвергнуты спеціальному статистическому обследованію.

Физическія свойства преступника.

Вопросъ о видимыхъ внѣшнихъ проявленіяхъ психическихъ свойствъ съ давнихъ поръ привлекалъ къ себѣ особенное вниманіе мыслителей. Попытка найти такіе внѣшніе признаки пріобрѣтаетъ болѣе серьезное значеніе по мѣрѣ того, какъ мы убѣждаемся въ трудности опредѣленія характера какого нибудь челоука. Повседневный опытъ, указывающій намъ, какъ легко мы обманываемся при опредѣленіи мыслей и чувствъ другихъ людей, лишь подтверждаетъ безусловную необходимость дополненія *субъективныхъ* сужденій *объективными* данными.

Эта проблема еще до сихъ поръ остается неразрѣшенной. Лафатеръ, Галль,¹⁾ Ломброзо и другіе представили много столь же разнообразныхъ, сколько и неравноцѣнныхъ попытокъ отыскать такіа объективныя данныя. Тѣмъ не менѣе мы и теперь далеки отъ возможности указать надежныя внѣшніе признаки, соответствующіе тѣмъ или инымъ свойствамъ челоуческаго характера. Всѣ попытки въ этомъ направленіи оказались тщетными. Переоцѣнка найденныхъ единичныхъ признаковъ была той скалою, о которую онѣ всѣ разбивались.

Ученіе Ломброзо уже давно подвергнуто было болѣе пристрастной, нежели объективной критикѣ; о многихъ изъ его противниковъ приходится сказать, что въ пылу своихъ горячихъ нападокъ, они не сумѣли составить себѣ яснаго представленія объ его ученіи. Оказалось же сдѣлать это тѣмъ труднѣе, что съ теченіемъ времени самъ Ломброзо измѣ-

¹⁾ Галль виконимъ образомъ нельзя считать ни фантазеромъ, ни крупнымъ шарлатаномъ, какимъ многіе хотѣли его представить. За нимъ числятся выдающіяся заслуги въ области анатоміи мозга, заслуги, преданныя забвенію вслѣдствіе справедливыхъ нападокъ, которымъ онъ подвергся за свою френологію. Ср. Möbius, *Über die Anlage zur Mathematik*. 1900, стр. 197.

нили нѣкоторыя изъ своихъ положеній. Но упрекать его именно за это, по моему, нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ нѣкоторыя прежнія шаткія взгляды его уступили мѣсто болѣе солиднымъ. Въ чемъ однако нельзя оправдать *Ломброзо*, такъ это въ поразительномъ *отсутствіи критики*. Онъ пользуется точными и тщательно произведенными антропометрическими измѣреніями, анекдотами и пословицами, статистическими данными и субъективными впечатлѣніями, надписями, которыя заключенные отъ скуки дѣлали на стѣнахъ тюремныхъ камеръ, единичными наблюденіями и массовыми явленіями—и пользуется всеѣмъ этимъ разнороднымъ матеріаломъ безъ всякаго разбора, безъ критической оцѣнки его относительной важности. Въ его позднѣйшемъ трудѣ находится масса статистическихъ данныхъ совершенно ошибочныхъ. Отсутствіе научной солидности въ его работахъ отчасти объясняется неимовѣрнымъ разнообразіемъ издаваемыхъ имъ трудовъ, исключаяющимъ возможность глубокаго изученія трактуемыхъ предметовъ, но обуславливается также и поверхностностью его мысли.

Все же было бы несправедливо судить о *Ломброзо* только по его *ошибкамъ*. Послѣднія давали его противникамъ легкій поводъ къ тому, чтобы объявить его самого и его труды лишенными всякаго научнаго значенія. *Курелла*¹⁾, горячій сторонникъ *Ломброзо* въ Германіи такъ объясняетъ его ученіе о «прирожденномъ преступникѣ»: «Эта гипотеза говоритъ, что все настоящіе преступники обладаютъ рѣзко выраженными, опредѣленными, причинно-связанными между собою физическими, антропологическими, душевными и психо-физиологическими признаками; эти признаки характеризуютъ ихъ какъ особую разновидность, особый антропологическій типъ человѣческаго рода и съ неизбѣжной необходимостью дѣлаютъ ихъ обладателя преступникомъ—хотя бы и не обнаружившимся явно,—совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было соціальныхъ и индивидуальныхъ условій жизни».

Ломброзо не отрицаетъ у индивидуума ни *благопріобрѣтенныхъ* свойствъ, ни *вліяній соціальной среды*; онъ не оспариваетъ наличности преступленій, возникающихъ подъ вліяніемъ эффекта, случайнаго стеченія обстоятельствъ, привычки. Въ своемъ послѣднемъ трудѣ²⁾ онъ отводитъ даже очень значительное мѣсто выясненію внѣшнихъ причинъ преступности, объ анатомическихъ же признакахъ «*delinquente nato*» онъ почти ничего не говоритъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко держится того положенія, по которому около 35% всехъ преступниковъ³⁾ являются

¹⁾ *Kurella. Naturgeschichte des Verbrechers*, стр. 2.

²⁾ *Lombroso. Причины преступления и борьба съ нимъ*.

³⁾ Тамъ же. Стр. 326.

прирожденными преступниками, представляющими многочисленныя отклоненія отъ нормальнаго типа.

Прежде чѣмъ приступить къ критической провѣркѣ этой теоріи, особенно въ дальнѣйшихъ ея заключеніяхъ, которыя характеризуютъ преступнаго человѣка, *como delinquente*, какъ *атавистическій типъ*, слѣдуетъ поговорить о томъ, что намъ вообще извѣстно о *физическомъ и духовномъ состояніи преступника*.

Сдѣлать это труднѣе, чѣмъ кажется. Правда научная производительность въ этой области знанія чрезвычайна; рядомъ съ тщательными критическими изслѣдованіями имѣется значительное число диллетантскихъ работъ, и тѣмъ труднѣе составить себѣ въ этомъ случаѣ ясное представленіе, что дѣло идетъ о самыхъ сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ. Мы не имѣемъ никакого *шаблона нормальной чело-вѣка*, которымъ можно было бы пользоваться какъ масштабомъ для опредѣленія разнаго рода отклоненій. Мы не можемъ прямо сравнивать нѣмца съ итальянцемъ или жителя сѣверной Италіи съ жителемъ южной. Достаточно одного взгляда, чтобы убѣдиться въ томъ, что средній типъ уроженца Ломбардіи или сильныхъ и рослыхъ жителей Романьи значительно отличаются отъ типа, господствующаго среди малорослаго населенія южной Италіи. Къ тому же и *скрещиваніе расъ* устраниваетъ почти всякую возможность существованія чистаго народнаго типа. Все это значительно затрудняетъ установленіе такого средняго нормальнаго типа, съ которымъ можно было бы сравнивать преступника.

Далѣе, не поддаются также точному опредѣленію и тѣ данныя, которыя должны считаться *признаками вырожденія*. Согласно опредѣленію Крeпелина,¹⁾ «физическими признаками наследственнаго вырожденія (*stigmata hereditalis*) считаются извѣстныя уродливости въ развитіи, которыя довольно часто встрѣчаются у лицъ, пораженныхъ наследственностью». Но трудно опредѣлить границу для той совокупности отклоненій въ процессѣ развитія, которую слѣдуетъ отнести къ области нормальныхъ явленій. Совершенно правъ поэтому Неке²⁾, обращая вниманіе на то обстоятельство, что все этнически обусловливаемое для даннаго народа не можетъ считаться признаками вырожденія. Понятіе о «признакахъ дегенераціи» можетъ быть опредѣлено только въ зависимости отъ времени, мѣста, возраста и пола и должно обладать извѣстной степенью отклоненія отъ средней нормы.

Въ 1899 г. Ломброзо увѣрялъ, что уголовно-антропологическая школа въ продолженіе немногихъ лѣтъ изслѣдовала 54131 сумасшед-

¹⁾ Kraepelin, *Psychiatrie*. 6-е изд. 1899. Т. I, стр. 97.

²⁾ Naecke, *Degeneration, Degenerationszeichen und Atavismus. Archiv für Kriminalanthropologie*. Т. I, стр. 102.

шихъ, преступниковъ и нормальныхъ людей. Но весьма сомнительно, чтобы изъ всей совокупности этого матеріала можно было извлечь что либо практически полезное, ибо результаты изслѣдованій часто находятся между собою въ непримиримомъ противорѣчій. Я не располагаю никакимъ систематическимъ изслѣдованіемъ даже по вопросу о физическихъ признакахъ. Однако я думаю, что и не располагая многими детальными данными и числами, можно составить себѣ общій взглядъ на современное состояніе этой области научнаго изслѣдованія.

Наибольшій интересъ прежде всего возбуждаютъ *мозгъ* и *черепъ*⁴ — первый, какъ центральный органъ психическихъ функцій, второй, какъ условіе, опредѣляющее величину и наружный видъ мозга. Мозгъ есть органъ на столько сложнаго строенія, что было бы трудно установить здѣсь границы нормальнаго. Наиболѣе объективный признакъ его, *вѣсъ*, и тотъ подверженъ сильнѣйшимъ колебаніямъ. Какъ предѣльную норму для вѣса мозга *Велькеръ* принимаетъ въ 1388 гр. Если знаменитые люди обладали гораздо болѣе тяжелымъ мозгомъ (Тургеневъ, Байронъ, Шиллеръ, Вольтъ и др.), то другіе не менѣе значительные люди обладали мозгомъ меньшаго вѣса (напр., Данте, анатомъ Даллингеръ, Гамбетта). Самые тяжелые мозги *Бишофъ*¹⁾ обыкновенно наблюдали у совершенно неизвѣстныхъ рабочихъ, а недавно былъ найденъ мозгъ въ 2000 гр., принадлежавшій даже идиоту. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что не величина и вѣсъ мозга, а его *строеніе* имѣетъ значеніе.

Строеніе мозга, въ предѣлахъ его здороваго состоянія, допускаетъ въ высшей степени разнообразныя варіаціи, которыя сильно затрудняютъ оцѣнку значенія наблюдаемыхъ отклоненій отъ нормы. Къ тому же и самое безупречное расположеніе мозговыхъ извилинъ не доказываетъ еще здороваго состоянія мозга. Даже при *видимомъ* вполне нормальномъ строеніи мы иногда находимъ серьезныя измѣненія въ *мозговой корѣ*, несоединимыя съ психическимъ здоровьемъ. Часто же при вскрытіи мы не находимъ въ мозгу ни макроскопическихъ, ни микроскопическихъ нарушеній, когда при жизни имѣлъ мѣсто случай тяжелой душевной болѣзни. Я говорю объ этомъ потому, что относительно результатовъ анатомическихъ изслѣдованій существуютъ совершенно ошибочныя представленія. Путемъ вскрытія и особенно микроскопическаго изслѣдованія мы можемъ констатировать—и то не всегда—болѣзненное состояніе мозга, но никогда съ полною опредѣленностью не можемъ быть увѣрены въ его здоровомъ состояніи.

Значеніе отклоненій отъ обычной конфигураціи мозга, по мнѣнію *Бенедикта*, *Миназини* и др., заключается въ томъ, что, въ предѣ-

¹⁾ *Bischoff, Das Hirngewicht des Menschen. Bonn 1830, стр. 136.*

лахъ существующихъ варіацій, атипическія и атавистическія уклоненія мозговыхъ извилинъ у преступниковъ обнаруживаются несравненно чаще, чѣмъ у нормальныхъ индивидуумовъ. Исслѣдованіемъ этихъ уклоненій спеціально занимался русскій анатомъ *Зерновъ*¹⁾; его выводы заслуживаютъ величайшаго вниманія, такъ какъ онъ уже давно занятъ изученіемъ мозга. Онъ отвергаетъ большую часть описанныхъ аномалій и доказываетъ, что хотя онѣ и встрѣчаются нѣсколько чаще у преступниковъ, нежели у людей непорочныхъ, но они все еще должны разсматриваться какъ *варіація нормальныхъ типическихъ извилинъ*, за однимъ лишь исключеніемъ: отдѣленіе передней отъ затылочной борозды въ нормальныхъ мозгахъ встрѣчалось въ 1%, у преступниковъ въ 8%. *Зерновъ* прибавляетъ, что эта комбинація извилинъ напоминаетъ о соответствующихъ комбинаціяхъ у микроцефаловъ и у нѣкоторыхъ представителей животнаго царства и съ давнихъ уже поръ опредѣляется какъ явленіе атавистическаго характера.

Что касается другихъ отклоненій наблюдаемыхъ въ мозгу и въ строеніи черепа, то *Зерновъ* либо совершенно ихъ отрицаетъ, либо не придаетъ имъ никакого значенія. Это относится прежде всего къ вопросу о сравнительно *малыхъ размѣрахъ лобной кости* или, точнѣе говоря, части лобной кости, покрывающей лобныя доли большого мозга. Тотъ фактъ, что средніе размѣры этой части черепа у преступника ниже чѣмъ у не-преступника, *Зерновъ* также подтверждаетъ; но въ тоже время онъ доказываетъ, что между величиною лобной кости и величиною лобныхъ долей нѣтъ никакой опредѣленной связи, и даже болѣе того: чаще при очень малой величинѣ лба величина лобнаго мозга превосходитъ среднія размѣры и наоборотъ.

Зерновъ поддерживаетъ также еще дальнѣйшее положеніе *ломбозовской школы*: *Относительно сильное развитіе лицевыхъ костей* и обусловливаемый этимъ *прогнатизмъ* (сильное выступленіе впередъ лицевыхъ частей черепа, т. е. малой лицевой уголъ) и наклонъ лба къзади (убѣгающій лобъ). Эти отклоненія легко узнать по двумъ рисункамъ, заимствованнымъ изъ книги *Курелла*.

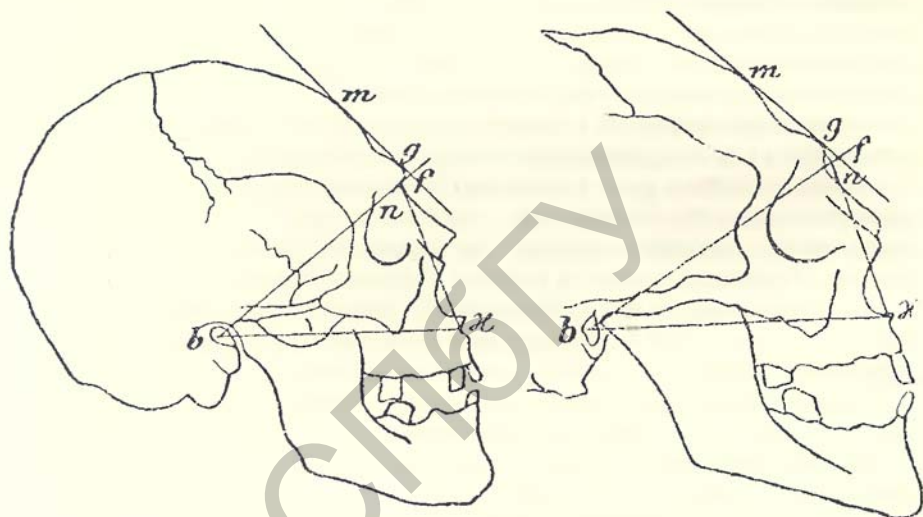
Степень распространенія этихъ отклоненій по даннымъ *Курелла*, съ которыми я сопоставляю данныя *Вэра*, слѣдующая:

Т а б л и ц а XXXVI.

	Прогнатизмъ	Сильно развитыя лобныя впадины.	Убѣгающій лобъ.
Курелла (3641 случай)	12,6 %	11,8 %	7,9 %
Беръ (968 ")	20,4 »	3,2 »	4,7 »

¹⁾ *Sernoff, Die Lehre Lombrosos und ihre anatomischen Grundlagen im Lichte moderner Forschung. Biologisches Zentralblatt. Bd. XVI, стр. 305.*

Я намѣренно поставилъ рядомъ этихъ двухъ авторовъ, — *Курелла*, который давно извѣстенъ какъ усердный и даровитый послѣдователь *Ломброзо* и защитникъ его ученія въ Германіи, обладающій необыкновенно богатой эрудиціей, и *Бера*,¹⁾ который въ качествѣ противника теоріи о вражденномъ преступникѣ особенно тщательно старается обосновать свою точку зрѣнія путемъ собственныхъ изслѣдованій. И Беръ также подтверждаетъ, что указанныя отклоненія въ черепномъ скелетѣ встрѣчаются часто.

По Курелла.

Уголъ bfg обозначаетъ мѣру наклона лба, уголъ $bхп$ — мѣра прогнатизма, которая внѣшнимъ образомъ выражена въ сильномъ выступленіи впередъ верхней челюсти и въ наклонномъ къ наружи положеніи зубовъ. Въ связи съ этими аномаліями находится сильная выпуклость надбровныхъ дугъ.

Объемъ черепа часто являлся предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Цифры *Кнехта*²⁾, добытыя путемъ измѣренія 108 заключенныхъ въ смирительномъ домѣ, хотя и отличаются отъ цифры *Бера*, показываютъ однако, что у преступниковъ нерѣдко встрѣчаются поразительно малыя и необыкновенно большія головы. Среди 1214 заключенныхъ *Кнехта* нашелъ даже 2% съ рѣзко выраженной наклонностью къ 10-

¹⁾ *Baer, Der Verbrecher in anthropologischer Beziehung. 1893.*

²⁾ *Knecht, Über die Verbreitung physischer Degeneration bei Verbrechern und die Beziehungen zwischen Degenerationszeichen und Neuropathien. Allg. Zeitschrift für Psychiatrie. T. 40, стр. 589.*

ловной водянкѣ, въ формѣ, указывающей на болѣзненный процессъ въ первой стадіи его развитія.

Всякій разъ, какъ уголовная антропология открываетъ новую область для своихъ изслѣдованій, повторяется одна и та же исторія. Сначала утверждается, что данная форма отклоненія отъ нормальнаго типа развитія характерна именно для преступника; затѣмъ начинаютъ приводить данныя въ пользу того, что тѣ же явленія встрѣчаются и у не преступниковъ, и въ конечномъ результатѣ соглашаются на томъ, что аномалии во всякомъ случаѣ чаще встрѣчаются среди преступниковъ. Но этому приводитъ противорѣчивыя положенія относительно другихъ многочисленныхъ признаковъ физической дегенерации—значило бы бесполезно повторяться. Важнѣйшія физическія признаки вырожденія, какъ, напр., ненормальное строеніе ушей, лишніе пальцы на рукахъ или ногахъ, ненормальное положеніе и развитіе зубовъ, ненормальное развитіе половыхъ органовъ и грудныхъ железъ, ассиметрія въ строеніи тѣла и т. д.—все эти признаки наблюдаются и у здороваго челоука. Но они становятся многочисленнѣе по мѣрѣ приближенія въ душевно больному дегенеранту. *Среднее мѣсто между здоровымъ и больнымъ занимаетъ преступникъ.* Даже самые страстные и рѣшительные противники Ломброзо не отрицаютъ того, что у преступниковъ признаки вырожденія наблюдаются особенно часто. Такъ Неке¹⁾ говоритъ: «Мы можемъ ссылаться только на вѣроятно-возможную меньшую цѣнность носителя признаковъ вырожденія, не болѣе; но и это во всякомъ случаѣ можетъ служить на судъ основаніемъ для постановки цѣннаго діагноза».

Такъ далеко, какъ Неке, я, въ случаѣ судебной оцѣнки дѣйствій преступника не пошелъ бы; никоимъ образомъ я не могу допустить, чтобы наличность признаковъ вырожденія, хотя бы въ рѣзко выраженной формѣ, позволяла въ случаѣ сомнительной виновности наклонить чашку вѣсовъ въ сторону обвиненія. Но что не допустимо по отношенію къ единичнымъ преступникамъ, то можетъ быть все-таки вѣрно какъ общее положеніе.

Эту точку зрѣнія я раздѣляю вмѣстѣ съ Беромъ, который, не смотря на свою осторожную критику, долженъ добавить: «отклоненія отъ нормальнаго типа, обычныя и болѣе сложныя, часто встрѣчаются у преступниковъ въ видѣ единичнаго признака или цѣлой ихъ совокупности; и если она и не имѣютъ въ себѣ ничего специфическаго, то все-таки являются *свидѣтельствомъ низшаго типа развитія организаци* 2).

Нечего удивляться тому, что мы встрѣчаемъ среди преступниковъ

¹⁾ Naecke, *Degeneration. Degenerationszeichen und Atavismus. Archiv f. Kriminalanthropologie.* T. I, стр. 216.

²⁾ Baer, Цитиров. соч. стр. 117.

много субъектов съ низкимъ уровнемъ физическаго развитія; удивительно было бы, напротивъ, если бы этого не было. Однако большая часть преступниковъ выходитъ изъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, въ которыхъ нищета и нужда свили себѣ прочное гнѣздо, въ которыхъ женщины во время беременности лишены необходимаго ухода и питанія и часто должны истощать свои силы за тяжелой работой; а *имѣющее появиться на свѣтъ существо* нерѣдко уже въ утробѣ матери поражено ядомъ алкоголизма и болѣзненнаго недуга родителей. Указаніе на тотъ фактъ, что немущая масса народная все же въ состояніи была дать столько сильныхъ для арміи людей не можетъ въ данномъ случаѣ служить возраженіемъ, ибо не *всѣ* носящіе въ себѣ признаки вырожденія, *дѣйствительно вырождаются*; не *всѣ*, но многіе. О происхожденіи преступниковъ (см. стр. 98) можно судить по тому факту, что контингентъ ихъ рекрутируется чаще всего среди дѣтей пьяницъ и душевно больныхъ, среди бѣднѣйшихъ изъ *бѣдныхъ*, поэтому въ наличности признаковъ вырожденія нѣтъ ничего удивительнаго; во всякомъ случаѣ вырожденіе не представляетъ собою явленія специфическаго характера, свойственнаго исключительно преступникамъ.

Психическія свойства преступника.

До тѣхъ поръ, пока мы въ анализѣ психическихъ свойствъ остаемся въ области *интеллектуальныхъ* способностей, мы стоимъ на твердой почвѣ. Способности мышленія и сужденія легко опредѣлить. Но твердая почва начинаетъ ускользать у насъ изъ-подъ ногъ, какъ только мы приступаемъ къ изслѣдованію психическихъ состояній, аффектовъ, нравственныхъ чувствъ, ибо здѣсь мѣсто объективныхъ фактовъ занимаетъ *субъективное* впечатлѣніе.

Что умственные способности преступниковъ стоятъ далеко ниже средняго уровня—объ этомъ говорилось уже достаточно подробно. Одни учителя и завѣдующіе мастерскими въ пенитенціарныхъ заведеніяхъ многое могутъ поразеказать на этотъ счетъ. Знанія, которыя учителю приходится сообщать заключеннымъ, крайне элементарны, и, несмотря на это, результаты его педагогическихъ усилій безконечно ничтожны. Несомнѣнно извѣстную роль здѣсь играетъ и неохота къ ученію, но во всякомъ случаѣ она не имѣетъ рѣшающаго значенія. Поверхностное изслѣдованіе 405 заключенныхъ на сроки свыше шести мѣсяцевъ показало, что, за исключеніемъ 31, умственное состояніе которыхъ еще не было опредѣлено, 67 отличались большей или меньшей степенью *слабоумія* и во всякомъ случаѣ стояли значительно ниже средняго уровня умственнаго развитія; 8 изъ нихъ были до такой степени *слабоумны*, что ихъ можно было бы почти назвать *идиотами*.

Я намѣренно подчеркиваю этотъ фактъ *сильной степени умствен-*

ной ограниченности. Оиъ одинъ, безъ помощи шаткихъ теорій, объясняетъ намъ, почему этическія чувства у многихъ преступниковъ столь значительно отличаются отъ такихъ же чувствъ средняго человѣка. Слабоумный—большой частью дитя, находящееся во власти данной минуты. На одинъ моментъ всякое явленіе способно возбудить въ немъ глубокое впечатлѣніе, психическая реакція, вызываемая въ немъ, иногда обладаетъ чрезвычайной напряженностью; но затѣмъ искра душевнаго возбужденія быстро гаснетъ. Предшествующій опытъ, который у нормально развитаго человѣка служитъ руководящей нитью въ послѣдующей жизни, у слабоумнаго безслѣдно исчезаетъ, такъ какъ онъ не могъ быть ассоціированъ со всей совокупностью представленій. *Неспособность къ воспріятію* или даже *къ образованію общихъ представленій* является непосредственнымъ слѣдствіемъ слабоумія...

Такова картинка, представляемая многими преступниками. Я долженъ сознаться, что часто послѣ полученія актовъ и документовъ ожидалъ столкнуться съ грубымъ, жестокимъ человѣкомъ тамъ, гдѣ я въ дѣйствительности встрѣчалъ слабоумнаго субъекта—тихаго, покорнаго и даже задушевнаго. И это имѣло мѣсто не только по отношенію къ лицамъ, впервые подвергшимся наказанію; но и среди людей, неоднократно наказанныхъ, я встрѣчалъ такихъ спокойныхъ слабоумныхъ субъектовъ; при этомъ я имѣю въ виду еще не ту степень слабоумія, которая законодательствомъ принимается за основаніе невмѣняемости.

Эти люди—и это относится также къ большинству людей съ средними способностями—очень часто обнаруживаютъ поразительную *неустойчивость*,—не въ пенитенціарныхъ заведеніяхъ, гдѣ они безъ особенныхъ усилій прииспосабливаются къ порядку и подъ принудительнымъ надзоромъ усердно работаютъ,— а на свободѣ, гдѣ они вопреки своимъ лучшимъ намѣреніямъ, оказываются безсильными передъ первымъ искушеніемъ.

Написать *психологію преступника* мы пока не въ состояніи. Главнымъ образомъ потому, что матеріалъ, изъ котораго мы замѣтуемъ отдѣльныя черты для воспроизведенія цѣлаго портрета, отличается чрезвычайной нестротой. Всякая попытка извлечь изъ этого матеріала основныя свойства разбивается о трудности, съ которыми мы сталкиваемся при желаніи найти точныя опредѣленія этихъ свойствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ опасностью поспѣшнаго обобщенія слишкомъ исключительныхъ фактовъ. Поэтому неумѣстнымъ, кажется мнѣ, говорить о черствости души преступниковъ, какъ объ общемъ ихъ свойствѣ. Черты *грубѣйшей жестокости уравновѣшиваются сантиментальными наклонностями*; *поразительная лживость* одного находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ *откровенною наивностью* другого; и что еще удивительнѣе, часто въ одномъ и томъ же индивидуумѣ мы встрѣчаемъ соединеніе *самыхъ противорѣчивыхъ свойствъ*. Это и служитъ признакомъ той не-

устойчивости, о которой мы упоминали; смотря по настроенію минуты на первый планъ выступаетъ то *готовность къ самопожертвованію*, то *самый черствый эгоизмъ*.

Одно свойство заслуживаетъ спеціальнаго разсмотрѣнія—это собственное *сужденіе* преступника о своемъ преступленіи. Я хотѣлъ бы избѣжать употребленія слово *раскаяніе*, потому что показное сожалѣніе о случившемся часто совершенно не соответствуетъ дѣйствительному внутреннему настроенію; потому что лицемѣріе, ради того только, чтобы быть на хорошемъ счету, очень легко поддѣлывается подъ тонъ, господствующій въ пенитенціарномъ заведеніи. Въ частыхъ бесѣдахъ моихъ съ преступниками различнаго рода общественнаго положенія меня постоянно чрезвычайно поражало поверхностное у нихъ *пониманіе предосудительнаго характера* преступленій. Никогда почти это пониманіе не было настолько глубоко, чтобы пробудить въ преступникѣ желаніе *исправить содѣянное зло*. Мысль его обыкновенно болѣе устремлена въ *будущее*, чѣмъ обращена къ *прошлому*. Въ немъ существуетъ развѣ твердое и серьезно намѣреніе въ будущемъ не впасть въ *рецидивъ*, но неприятное чувство, которое возбуждаетъ въ немъ прошлое, едва-ли сильнѣе простаго сожалѣнія о понесенномъ наказаніи.

Убѣжденіе, что данное наказаніе является уже послѣднимъ, часто присуще даже такимъ преступникамъ, которые по отбытіи наказанія лишь очень не надолго оставались на свободѣ; съ другой стороны, заключенные также довольно часто выражали мнѣ опасеніе, что они скоро могутъ впасть въ рецидивъ. Только двое изъ нихъ откровенно мнѣ заявили, что по освобожденіи изъ тюрьмы, тотчасъ же повторятъ свое преступленіе. Одинъ изъ нихъ, осужденный къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія за нападеніе на полицейскаго, клялся расплатиться съ первымъ же полицейскимъ. Хотя, при свойственной ему склонности къ пьянству, такой поступокъ съ его стороны дѣлается весьма вѣроятнымъ, тѣмъ не менѣе угроза оказалась все-таки хвастовствомъ. По крайней мѣрѣ, въ первые мѣсяцы послѣ освобожденія онъ не впасть въ рецидивъ. Другой отбывалъ наказаніе за вымогательство въ формѣ шантажа. Онъ рассказывалъ, что хотѣлъ бы вызвать какого нибудь богача на оскорбленіе дѣйствиємъ. И я считаю очень вѣроятнымъ, что онъ постарается таки открыть для себя этотъ денежный источникъ.

Само собою разумѣется, я далекъ отъ мысли, что только эти два заключенныхъ серьезно думали о рецидивѣ; очень часто внутри тюремныхъ стѣнъ раскрывались планы новыхъ кражъ. Какъ бы то нибыло, я считаю себя вправѣ прійти къ тому выводу, что преступникъ не такъ часто, какъ это думаютъ, питаетъ намѣреніе при первой же возможности начать прежній образъ жизни. Но сказанное сохраняетъ силу—и этого не слѣдуетъ забывать—относительно *заключенныхъ въ тюрьмы*,

которыхъ я могъ наблюдать особенно внимательно. Несомнѣнно однако, что *профессиональные мошенники* и *воры* находятся большею частью въ *кааторжной тюрьмѣ*. Возможно также, что въ *культурныхъ центрахъ* составъ заключенныхъ носить нѣсколько иной характеръ.

Къ *психологическимъ* свойствамъ преступника *Ломброзо* причисляетъ также *воровской жаргонъ* и склонность къ *татуированію*. Татуированіе служитъ мостомъ между преступникомъ и дикарями, которые для украшенія покрываютъ тѣло также красками. Татуированіе у преступника отличается самымъ пестрымъ резнообразіемъ, отъ самыхъ простыхъ знаковъ до большихъ и нерѣдко очень удачныхъ картинъ изъ міра животныхъ и растений; изображаются также и человѣческія фигуры всякаго рода, особенно изъ міра артистовъ; имена, поговорки. Но это украшеніе—отнюдь не признакъ преступности или *физическаго вырожденія*; это только, по крайней мѣрѣ въ Германіи, временно распространенная *дурная привычка*. Въ ней замѣтно обнаруживаются мѣстные отличія. Чаще всего къ татуировкѣ прибѣгаютъ моряки; нерѣдко фабричныя рабочіе и солдаты, внося въ нее мѣстные отличія. Если находится искусникъ, умѣющій уколами на тѣлѣ выводить удачныя рисунки, то въ такихъ случаяхъ иногда цѣлый полкъ подвергаетъ себя операціи татуированія. Поэтому фактъ татуировки *психологической важности вообще не имѣетъ*.

Но, быть можетъ, *содержаніе рисунковъ* даетъ основаніе для опредѣленія характера татуированныхъ? На это можно отвѣчать вполне утвердительно, когда дѣло идетъ о непристойныхъ рисункахъ. Вырисовываніе дѣтородныхъ органовъ свидѣтельствуетъ о развратныхъ наклонностяхъ; изображеніе особенно пошлыхъ фигуръ во всякомъ случаѣ не мирится съ чистотою воображенія ихъ носителя; масса женскихъ именъ, выгравированныхъ на тѣлѣ, больше говорятъ о человѣкѣ, нежели его «ношенная наружность». Въ Германіи, къ счастью, изображенія скабрёзнаго характера встрѣчаются рѣдко и выводить изъ нихъ заключенія о преступности характера слѣдуетъ съ большою осторожностью.

Никакого значенія не придаю я изреченіямъ, которые иногда, по видимому, скрываютъ подъ собою цѣлую трагедію. *Лакассанъ* ¹⁾ собралъ, напр., слѣдующіе девизы: *filis du malheur; le passé me trompe, l'avenir m'éprouvante, le présent me tourmente*; первое изреченіе изъ 700 индивидуумовъ оказалось только у 8, послѣднее—у 3. Уже вѣлѣдствіе многократнаго повторенія однихъ и тѣхъ же изреченій я скорѣе готовъ допустить, что въ выборѣ ихъ менѣе участвуетъ ихъ носитель, нежели производящій татуировку, и что сквозь эти красиво звучащія фразы ярко обнаруживается склонность къ рисовкѣ. Но и это, мнѣ кажется,

¹⁾ *Lacassagne, Les tatouage. Lyon 1887.*

не имѣть большой психологической цѣнности; по крайней мѣрѣ, на просьбу мою объяснить мотивы, заставившія отдать предпочтеніе такимъ изреченіямъ, какъ—«учись страдать, не жалуясь» или „родиться на несчастье“, мнѣ часто отвѣчали, что татуировщикъ, являющійся въ такихъ случаяхъ человѣкомъ наиболее компетентнымъ, рекомендовалъ изреченіе, какъ «особенно красивое».

Такимъ образомъ значеніе татуировки, какъ признака преступныхъ наклонностей, очень сильно ограничено. Въ практическихъ интересахъ я не могу однако не указать, что—какъ это неоднократно подтверждали и разные другіе наблюдатели ¹⁾—нѣкоторые татуированные приобрѣли свои украшения въ послѣдственныхъ тюрьмахъ.

Воровской жаргонъ раньше служилъ весьма характернымъ признакомъ преступника. Какъ всякое сословіе, всякая профессія обнаруживаетъ наклонность къ предпочтительному употребленію извѣстныхъ выраженій въ специальномъ для нихъ смыслѣ, къ образованію опредѣленныхъ своеобразныхъ терминовъ—напомню о языкѣ студентовъ—такъ и преступники обнаруживаютъ ту же особенность. Но прошло уже то время, когда придавали большую цѣну тщательному изученію различныхъ воровскихъ жаргоновъ, какъ напримѣръ это сдѣлано въ трудѣ Аве-Лальмана²⁾. Хотя въ нѣмецкихъ воровскихъ шайкахъ еще въ очень большомъ ходу разныя специфическія выраженія, но иноязычныя слова все болѣе и болѣе вытѣсняются нѣмецкими съ юмористическимъ отбѣнкомъ, особенно у бродягъ. Во всякомъ случаѣ пользованіе воровскимъ жаргономъ показываетъ только, что лицо, говорящее на немъ, имѣлъ *случай изучить* его. Я думаю что *Эллис* совершенно правъ, утверждая, что „современный профессиональный преступникъ избѣгаетъ этого жаргона также, какъ и татуировки“ ³⁾.

Въ цѣломъ психологія преступника не открываетъ намъ какихъ либо особыхъ чертъ, исключительно ему свойственныхъ. При той общей постановкѣ, въ которой мы разсматривали вопросъ, ничего иного нельзя было и ожидать. Съ этой стороны можно достигнуть успѣшныхъ результатовъ только тогда, когда мы сосредоточимъ вниманіе на опредѣленныхъ *видахъ преступленій*. Хотя въ опытахъ такого рода изслѣдованій и нѣтъ недостатка, тѣмъ не менѣе ихъ результаты кажутся мнѣ не столь цѣнными, чтобы сдѣлать изъ нихъ полезное употребленіе. Но я твердо увѣренъ, что отдѣльныя категоріи профессиональныхъ преступниковъ, какъ, напр., червонные валеты, карманные воры, нѣкоторыя категоріи преступниковъ противъ нравственности, отличаются особыми

¹⁾ Berger, *Tätowierung bei Verbrechern. Vierteljahrsschrift für gerichtliche Medizin.* Bd. XXXII, стр. 56.

²⁾ Ave-Lallemant, *Das deutsche Gaunertum.* 1862. Bd. IV.

³⁾ Havelock Ellis, *Verbecher und Verbrechen.* 1895 стр. 183.

свойствами. Однако я не думаю, чтобы изъ однихъ этихъ свойствъ можно было, помимо знакомства съ прошлымъ преступника, дѣлать какіе либо рѣшительные выводы; по моему мнѣнію, эти свойства указываютъ лишь на вѣроятную опасность въ извѣстномъ направленіи.

Психическія растройства у преступниковъ.

Случаи нарушенія законности, если только виновники ихъ въ моменты совершенія противозаконнаго поступка находились подъ вліяніемъ душевной болѣзни или въ безсознательномъ состояніи, не считаются преступленіями по германскому уголовному уложенію (§ 51). Поэтому официальная статистика оставляетъ насъ въ полномъ невѣдѣніи, когда мы обращаемся къ ней съ запросомъ о численности преступленій, которыя не были предметомъ судебного разбирательства вслѣдствіе душевной болѣзни ихъ виновниковъ. О рядѣ отдѣльныхъ случаевъ мы узнаемъ только отъ психіатровъ. *Sander*¹⁾ нашелъ среди 1706 душевно больныхъ въ Дальдорфѣ 112 (6,6%), оказавшихся въ конфликтѣ съ уголовнымъ закономъ. Я нашелъ гораздо болѣе высокую цифру при одномъ подсчетѣ больныхъ въ гейдельбергской психіатрической клиникѣ. Въ теченіе трехъ дней въ различные годы нашелъ я²⁾ въ первый разъ 37, во второй—43 и въ третій—57% больныхъ мужчинъ, которые или незадолго до ихъ интернированія или гораздо раньше совершали уголовно-наказуемое дѣяніе. Впрочемъ, среди нихъ было значительное число подслѣдственныхъ зрестантовъ, подвергнутыхъ психіатрическому наблюденію, и бродягъ; поэтому я думаю, что мои данныя значительно превышаютъ среднюю цифру.

Характеристика наказуемыхъ дѣяній, совершенныхъ душевно-больными, не входитъ въ рамки нашей работы; это—задача судебной психіатріи³⁾. Чтобы убѣдиться какъ велика опасность, которою душевно-больные грозятъ законному порядку, стоитъ только разсмотрѣть данныя, которыя мы встрѣчаемъ въ ежедневныхъ газетахъ. Только путемъ своевременнаго интернированія больныхъ въ лечебницы и въ пріюты возможно предупредить страшное бѣдствіе, которое они могутъ причинить. Поэтому всякая попытка подвергнуть больного передъ интернированіемъ его въ специально приспособленную больницу особому процессу для уста-

¹⁾ *Sander und Richter, Die Beziehungen zwischen Geistesstörung und Verbrechen, Berlin 1886.*

²⁾ *Über gefährliche Geistesranke, Allg. Zeitschrift für Psychiatrie, Bd. 57, Str. 138.*

³⁾ *Hoche, Handbuch der gerichtlichen Psychiatrie, 1901; Cramer, Gerichtliche Psychiatrie, 1900; Delbrück, Gerichtliche Psychopathologie, 1897.*

новления факта психического расстройства и угрожающей съ его стороны опасности является *излишнимъ*, если не прямо вреднымъ, для самого больного и *тубымъ нарушеніемъ общественно-правовыхъ гарантій*.

Очень трудно также опредѣлить число душевно-больныхъ, находящихся въ пенитенціарныхъ учрежденіяхъ, хотя бы потому, что нѣтъ рѣзкой границы между душевнымъ здоровьемъ и душевною болѣзною: это приходится сказать особенно о лицахъ съ прирожденнымъ или благопріобрѣтеннымъ слабоуміемъ, количество которыхъ довольно велико. Психіатръ, который, благодаря своимъ ежедневнымъ сношеніямъ съ больными, имѣетъ возможность точнѣе наблюдать явленія идиотизма и слабоумія, признаетъ душевно-больнымъ такого *слабоумнаго субъекта*, котораго не специалисты—тюремный чиновникъ и судья—считаютъ еще нормальнымъ субъектомъ. Обоихъ этихъ чиновниковъ тѣмъ болѣе трудно убѣдить въ противномъ, что многіе слабоумные субъекты внутри тюремныхъ стѣнъ, гдѣ точность и опредѣленность рабочаго режима всецѣло овладѣваетъ ихъ мыслью и гдѣ совершенно отсутствуютъ всякіе соблазны внѣшняго міра, ведутъ себя безупречно.

Однако не все слабоумные субъекты принадлежатъ къ числу покорныхъ тихихъ обитателей тюремъ. Иногда они оказываютъ явное сопротивление требованіямъ, съ которыми обращаются къ ихъ доброй волѣ; въ такихъ случаяхъ въ нихъ пробуждается безумное упорство; аффективная возбудимость пріобрѣтаетъ высшую степень напряженія, и все ихъ поведеніе получаетъ крайне агрессивный характеръ, выражаясь въ безразсудномъ шумѣ, крикѣ, брани и нападеніе на должностныхъ лицъ.

Еще чаще такія сцены, которыя являются продуктомъ раздраженія долго сдерживаемой и съ трудомъ подавляемой ярости происходятъ съ *эпилептиками*. Особенность этого болѣзненного состоянія заключается въ *периодичности*, въ смѣнѣ вполне нормальныхъ состояній съ патологическими помраченіями сознанія. Въ этихъ именно случаяхъ достаточно совершенно ничтожнаго повода, чтобы воспламенить сильное раздраженіе, разрѣшающееся припадкомъ дикаго неистовства. Болѣзненный характеръ подобнаго рода припадковъ, являющихся исключеніями въ ряду обычныхъ нормальныхъ состояній, ускользаетъ отъ лицъ незнакомыхъ съ психіатріей, и печальныя послѣдствія этого недоразумѣнія отражаются не только на *больномъ*, который, конечно, подвергается самымъ строгимъ дисциплинарнымъ мѣрамъ, но также и на тюремной *дисциплинѣ*.

Въ интересахъ правильного *примѣненія наказанія* и въ интересахъ *врачебнаго надзора* надъ болѣзною, безусловно необходимо, чтобы то или иное болѣзненное состояніе могло быть быстро и точно опредѣ-

лено и не становилось въ будущемъ причиною серьезныхъ осложненій. Къ сожалѣнію, этому мѣшаетъ недостатокъ психіатрическихъ знаній у многихъ врачей. Время, которымъ врачи располагаютъ для личныхъ наблюденій, слишкомъ недостаточно; отчеты же тюремныхъ чиновниковъ пенитенціарныхъ заведеній страдаютъ *пробѣлами* и, основываясь на *симуляціяхъ* заключенныхъ, часто представляютъ дѣло въ неправильномъ свѣтѣ. Все это затемняетъ взглядъ на истинное положеніе дѣла, и нерѣдко бываетъ, что только спустя нѣсколько лѣтъ констатируется наличность психического недуга тамъ, гдѣ раньше видѣли лишь проявленіе злой воли и преступнаго характера.

Насколько трудно опредѣлить число *душевно-больныхъ, отбывающихъ наказаніе* въ тюрьмахъ показываетъ уже разница въ цифрахъ, которыя приводятся относительно отдѣльныхъ пенитенціарныхъ учрежденій въ тюремной статистикѣ прусскаго министерства внутреннихъ дѣлъ. Среднее число душевно-больныхъ, которое я вывелъ за послѣдніе три года изъ цифръ, относящихся къ каторжнымъ тюрьмамъ, составило 1%, къ обыкновеннымъ тюрьмамъ—0,24%.

Сами по себѣ цифры эти не поражаютъ своею величиною, хотя, въ тюрьмахъ по крайней мѣрѣ, онѣ не достигаютъ высоты процентнаго состава (4:1000) душевно-больныхъ, живущихъ, по общему мнѣнію, среди населенія. По закону двери тюрьмы должны закрываться предъ душевно-больными; слѣдовательно, въ тюрьмѣ могли бы оказаться только заболѣвшіе *во время отбыванія наказанія*. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ дѣйствительности.

Больныхъ, которые совершили свои преступленія во время или вслѣдствіе умственнаго расстройтва, называютъ «преступниками—помѣшанными» («*verbrecherische Irre*»). Кронс¹⁾ отвергаетъ это выраженіе, потому что «оно разрушаетъ краеугольный камень уголовного права, нашедшій свое выраженіе, какъ въ основномъ положеніи саксонскаго зеркала, гласящемъ: «слабоумный и совершенно безумный не должны быть судимы», такъ и въ *code pénal*: *Il n'y a ni crime, ni délit en cas de démence*». Это положеніе защищаетъ, конечно, каждый психіатръ, но, къ сожалѣнію, не каждый судья. Фактически мы во всѣхъ тюрьмахъ находимъ достаточно и слабоумныхъ и помѣшанныхъ, частью осужденныхъ, *вопреки экспертизъ психіатровъ*.

Поэтому, подъ «преступниками—помѣшанными» слѣдуетъ понимать душевно-больныхъ, совершившихъ *противозаконное* наказуемое дѣяніе. Не легко опредѣлить, каково ихъ число среди осужденныхъ; попытка выдѣлить ихъ изъ массы тюремныхъ обитателей позднѣе становится уже не столь надежной, какъ въ томъ случаѣ, если бы это дѣлалось

¹⁾ Кронс, Цитиров. соч., стр. 273.

немедленно при взятіи ихъ подъ стражу. Я хочу однако напомнить, что *Неке*¹⁾ среди обитательницъ учрежденія Hubertusburg', нашель, что число подвергнутыхъ наказанію въ состояніи психической болѣзни доходило до 20—25% всѣхъ случаевъ осужденій. *Шевенъ*²⁾ нашель, что изъ 114 преступниковъ - помѣшанныхъ Мекленбурга, которые частью изъ тюремъ, частью изъ-подъ надслѣдственного ареста или изъ свободнаго состоянія были переведены въ дома для умалшенныхъ, 49 были осуждены неправильно. Что касается преступниковъ, переводъ которыхъ въ заведенія для умалшенныхъ сдѣлаея необходимымъ вслѣдствіе обнаружившагося у нихъ психоза во время отбытія наказанія, т. е. такъ называемыхъ «преступниковъ - помѣшанныхъ», то у многихъ изъ нихъ психическія болѣзни возникли не въ тюрьмѣ, но были тамъ только обнаружены. Соотвѣтственно этому *Шевенъ* опредѣляетъ процентный составъ осужденныхъ въ состояніи психической болѣзни, въ общемъ числѣ всѣхъ душевно-больныхъ, оказавшихся въ конфликтѣ съ требованіями уголовного закона, въ 34%.

Эти ошибочные судебные приговоры распределяются на протяженіи многихъ лѣтъ; но все-таки число ихъ не незначительно. Я это могу подтвердить и собственными изслѣдованіями. Полтора года тому назадъ составилъ я таблицу о всѣхъ безъ исключенія преступленіяхъ противъ нравственности; и вотъ пока къ какимъ результатамъ пришелъ я на основаніи официальныхъ актовъ и собственныхъ наблюденій. Среди 69 наказанныхъ тюремнымъ заключеніемъ за преступленія противъ нравственности (за исключеніемъ сутенеровъ), вполне здоровыхъ было только 15, но и эти совершили свои преступныя дѣянія, которыя большей частью состояли въ безстыдныхъ манипуляціяхъ съ дѣтьми, подъ вліяніемъ алкогольнаго опьянѣнія. Психозомъ страдали 8, изъ коихъ старческимъ слабоуміемъ — 6.³⁾ Кромѣ того были осуждены 12 крайне слабоумныхъ субъектовъ, которыхъ слѣдовало признать невмѣняемыми либо вслѣдствіе ихъ идиотизма, либо вслѣдствіе врожденной умственной слабости, соединенной съ эпилепсіей. Такимъ образомъ почти четвертая часть, несомнѣнно, принадлежитъ заведеніямъ для душевно-больныхъ, идиотовъ или разслабленныхъ. У другихъ, за исключеніемъ упомянутыхъ 15, наблюдалась истерія, эпилепсія, нервное разстройство различнаго рода и слабоуміе во всѣхъ степеняхъ.

¹⁾ Naecke, *Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe*. Allg. Zeitschrift für Psychiatrie. Bd. 49.

²⁾ Scheven, *Geistesstörung und Verbrechen in Mecklenburg-Schwerin*. Archiv für Kriminal-Anthropologie. Bd. IV, стр. 266.

³⁾ Въ одною случаѣ послѣ пересмотра процесса на основаніи § 51 была постановлена оправдательный приговоръ.

Бонифферз¹⁾ нашелъ среди наблюдавшихся имъ *лицихъ и бродягъ* 12%, пораженныхъ душевною болѣзнию въ той степени, при которой запрещается примѣненіе § 51 Уголовнаго уложенія. «Гораздо большее число такихъ субъектовъ, которые съ психіатрической точки зрѣнія являются съ *уменьшенною вмѣняемостью*. Если сюда прибавить все случаи болѣе легкихъ врожденныхъ или благопріобрѣтенныхъ психическихъ дефектовъ, а также случаи идиотизма, эпилепсін, патологической раздражительности, алкоголизма, старчества и т. д., то число субъектовъ этой категоріи составитъ болѣе 75% общаго числа.

Правда, никакая другая категорія преступниковъ не отличается такимъ плохимъ состояніемъ психическаго здоровья, какъ бродяги и преступники противъ нравственности. Но изъ этого мы должны сдѣлать только выводъ, что вмѣшательство психіатра и особенно въ случаяхъ преступленій противъ нравственности, должно имѣть мѣсто гораздо чаще и на мнѣніе его должно быть обращено болѣе серьезное вниманіе. Тогда цѣлый рядъ больныхъ заключенныхъ исчезъ бы изъ пенитенціарныхъ заведеній.

Обнаруживающіеся изрѣдка въ тюрьмѣ психозы развиваются на почвѣ столь распространеннаго среди преступниковъ *алкоголизма* и отчасти на почвѣ *эпилепсін*. Однако нѣкоторые изъ заключенныхъ заболѣваютъ психозомъ въ самой тюрьмѣ, причемъ даже самыя тщательныя изслѣдованія не давали ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы первые признаки его могли обнаружиться еще до совершенія преступнаго дѣянія. Своеобразныя симптомы тюремнаго психоза, характеризующагося преобладаніемъ *слуховыхъ галлюцинацій* при полной ясности сознанія, привели къ установленію особой болѣзненной формы «*тюремнаго помѣшательства*» (*Gefängniswahn*).

Констатированіе этого специфическаго недуга обратило на себя тѣмъ большое вниманіе, что распространеніе его всецѣло отнесено было насчетъ одиночной системы заключенія, основанной на полной изоляціи преступника; такимъ образомъ въ самомъ прославленномъ учрежденіи нашей карательной системы выросъ опасный для него врагъ. Дальнѣйшіе однако наблюденія обнаружили если и не совершенную неосновательность, то во всякомъ случаѣ ничтожное значеніе этихъ опасеній. Рюдинз²⁾ могъ констатировать, что среди 94 больныхъ-заключенныхъ *симптомы специфически тюремной болѣзни* («*Haftsymptome*») оказались только въ 28 случаяхъ; изъ нихъ было 22 случая *психоза*, на которые тюрьма положила только своеобразный *отпеча-*

¹⁾ Цитиров. соч., стр. 56.

²⁾ Rüdín, *Die klinischen Formen der Gefängnispsychosen*. *Allgem. Zeitschrift für Psychiatrie*. Т. 58, стр. 497.

шокъ; другіе же 6 случаевъ тождественны съ такими заболѣваніями, которыя, весьма вѣроятно, могли бы имѣть мѣсто и внѣ тюрьмы. Въ 18 случаяхъ симптомы болѣзни обнаружилась въ одиночномъ, а 10 въ общемъ заключеніи. Словомъ, рѣшительно можно сказать, что, въ общемъ, болѣзни, возникающія въ тюрьмѣ, по существу схожи съ болѣзнями, возникающими на свободѣ: въ тюрьмѣ мы наблюдаемъ преобладающее проявленіе только извѣстныхъ болѣзненныхъ симптомовъ. Во всякомъ случаѣ, тюремное помѣшательство—если за нимъ даже признать значеніе самостоятельнаго и своеобразнаго испхоза—болѣзнь крайне рѣдкая.

Я, основываясь на собственныхъ опытахъ, могу только присоединиться къ мнѣнію Рюдина. Представленіе о томъ, что одиночество пробуждаетъ въ преступникѣ чувство раскаянія, что его окружаютъ грозныя тѣни убитыхъ и поруганныхъ имъ людей, что имъ постепенно овладѣваетъ сильное отчаяніе, омрачающее ясность его мысли, что, охваченный мученіями совѣсти, онъ впадаетъ въ полное душевное разстройство—такое представленіе не выдерживаетъ трезвой критики. Тюрьма или смирительный домъ могутъ ускорить процессъ душевной болѣзни, въ рѣдкихъ случаяхъ даже вызвать ее; но обыкновенно пенитенціарное учрежденіе имѣетъ значеніе лишь кратковременнаго мѣстопребыванія пораженнаго болѣзнию человѣка. При тяжелой наследственности, при крайне нездоровыхъ условіяхъ предшествующей жизни преступниковъ, вполне естественно, если они такъ часто становятся жертвами психическихъ заболѣваній.

Кнехтз¹⁾ нашелъ въ каторжной тюрьмѣ въ Вальдгеймѣ 7% такихъ субъектовъ, которые были поражены психическими дефектами или настолько были предрасположены къ психозу, что до или во время заключенія впади въ душевное разстройство. Нѣсколько меньшій % нашелъ Бауэрз, который на каждые 100 заключенныхъ насчитывалъ, по крайней мѣрѣ 5 съ психическими дефектами и изъ нихъ 2 съ рѣзко выраженнымъ умственнымъ разстройствомъ.

Какъ уже была упомянуто, въ теченіе однодневнаго наблюденія надъ 405 подвергнутому тюремному заключенію на время свыше 6 мѣсяцевъ я насчиталъ 67 человѣкъ, обнаруживавшихъ явные признаки ослабленія умственныхъ способностей. У 8 изъ нихъ умственная слабость достигала той степени, которая неизбежно подводитъ ихъ подъ дѣйствіе § 51 уголовного уложенія. Затѣмъ 11 человѣкъ страдали различными формами психическихъ заболѣваній, частью въ формѣ старческаго слабоумія. Наконецъ, кромѣ этихъ 19 случаевъ, я могъ констатировать случай истеріи, 10 случаевъ эпилепсіи, а въ 9 случаяхъ наблюдались довольно серьезныя нервныя разстройства.

¹⁾ Цитирован. соч., стр. 595.

На основаніи собственныхъ наблюденій я долженъ добавить, что тяжелыя формы психоза могутъ оставаться долгое время незамѣченнымъ даже для опытныхъ наблюдателей, если только онѣ не оказываютъ вліянія на внѣшнее поведеніе. Чѣмъ продолжительнѣе и многочисленнѣе наблюденія надъ такими болѣзнями, тѣмъ, конечно, вѣрнѣе становится ихъ діагнозъ. Поэтому отбывающіе наказаніе въ каторжныхъ тюрьмахъ съ ихъ долгосрочными заключеніями особенно удобныя для подобнаго рода наблюденій. Большого вниманія заслуживаетъ заявленіе Кроне¹⁾, котораго нельзя, какъ это часто дѣлаютъ по отношенію къ врачамъ-психіатрамъ, упрекнуть въ *профессіональномъ* пристрастіи въ пользу больныхъ. Кроне²⁾ говоритъ: „По собраннымъ мною, вмѣстѣ съ тюремнымъ врачомъ Вернеромъ и опытными въ этомъ дѣлѣ врачами-психіатрами Рихтеромъ и Лангрейтсромъ, точнымъ свѣдѣніемъ, число лицъ съ психическими дефектами въ тюрьмѣ Моабитъ въ среднемъ составляетъ 10%; населеніе же этого пенитенціарнаго учрежденія состоитъ только изъ обитателей смирительнаго дома, подвергнутыхъ заключенію на срокъ до 4 лѣтъ, въ возрастѣ до 25 лѣтъ, независимо отъ предшествующихъ наказаній, и въ возрастѣ отъ 25 до 40 лѣтъ, которые не были ранѣе подвергнуты многократному заключенію въ тюрьмѣ или смирительномъ домѣ. Такимъ образомъ въ этомъ учрежденіи нѣтъ привычныхъ преступниковъ, совершенно погрузившихся въ тину преступленій и преступниковъ-стариковъ, страдающихъ старческимъ слабоуміемъ“.

У профана всегда возникаетъ подозрѣніе, не представляетъ ли собою извѣстное число этихъ предполагаемыхъ больныхъ въ дѣйствительности наглыхъ *симулянтовъ*. Противъ этого можно рѣшительно возразить: симулированіе психозовъ *столь же трудно, сколько и рѣдко*. Попытка притвориться сумасшедшимъ иногда, правда, удается, особенно въ большихъ городахъ, какъ Берлинъ, гдѣ гораздо легче фактически изучить способы симуляціи. Но всѣ такія попытки гибнутъ въ самомъ зародышѣ, если заключенному извѣстно, что ему придется имѣть дѣло съ *сандующимъ человекомъ*; достаточно спокойнаго и серьезнаго отношенія къ этимъ явленіямъ, чтобы совершенно устранить ихъ.

Только послѣ этого для психіатра и начинаются настоящія затрудненія; приходится опредѣлить, дѣйствительно ли не боленъ данный симулянтъ, такъ какъ опытъ учитъ, что попытки къ симулированію большей частью свойственны *больнымъ*. По этому поводу я хочу сослаться только на собственные наблюденія. Среди чрезвычайно большого числа подвергнутыхъ предварительному заключенію, если оставить

¹⁾ Цитирован. соч., стр. 260.

²⁾ *Lehrbuch der Gefängniskunde.*

въ сторонѣ комедіи, разыгрывавшіяся въ теченіе 1—2 дней, только два случая, которыя мы считали симулированіемъ, продолжались болѣе двухъ дней. Въ обоихъ этихъ случаяхъ предполагаемые симулянты оказались неизлѣчимо-болными, и я готовъ признать, по крайней мѣрѣ по отношенію къ одному изъ нихъ, ошибку нашего діагноза, хотя быть можетъ и неизбѣжную.

Это конечно случайность, но и осторожные и опытные психіатры случайно открывали симулянтовъ; все же *случаи чистой симуляціи, не имѣющей подъ собою болѣзненной подкладки*, очень рѣдки.

Попытки разыграть умалишеннаго и особенно слабоумнаго дѣлаются передъ слѣдователемъ такъ же, какъ и въ тюрьмѣ. Но рѣдко бываетъ, чтобы они проводились вполне сознательно и болѣе или менѣе продолжительное время. Это должно служить предостереженіемъ для тюремной администраціи, которая могла бы воздержаться отъ наложенія на заключенныхъ бесполезныхъ наказаній, если бы своевременно опредѣляла ихъ состоянія. Порядокъ и дисциплина въ тюрьмѣ только выиграютъ, если больные *будутъ своевременно удалены* изъ неподходящей для нихъ тюремной обстановки.

Чрезвычайная распространенность психическихъ расстройствъ и ненормальныхъ состояній въ самомъ широкомъ смыслѣ выдвигаетъ вопросъ объ *отношеніяхъ между психически-болными человекомъ и преступникомъ* со стороны ихъ ненормальныхъ умственныхъ отравленій. Опытъ прошлаго предостерегаетъ насъ отъ проведенія между ними рѣзкой демаркаціонной линіи. Я хочу указать только на такой образецъ психоза, какъ размягченіе мозга, симптомы котораго ясно показываютъ даже профану, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тяжелой и неизлѣчимою формою болѣзни. Съ клиническою картиною этой болѣзни мы точно познакомились только съ 1826 г. Сколько больныхъ должны были остаться нераспознанными и при склонности ихъ къ преступнымъ дѣяніямъ попадать въ руки уголовного судьи! То, что происходило при этомъ въ случаяхъ съ размягченіемъ мозга и съ другими болѣзнями, можетъ произойти и во многихъ другихъ случаяхъ. Извѣстные симптомы могутъ соединяться въ одну общую картину болѣзни, которая намъ пока еще неизвѣстна, и потому границы области душевнаго здоровья могутъ снова сдвинуться.

Строгому разграниченію между *психически-нормальнымъ и психически-болѣзненнымъ* мѣшаетъ также понятіе о такъ называемыхъ *«смежныхъ состояніяхъ» («Grenz Zustände»)* ¹⁾. Вся армія слабоумныхъ, страдающихъ истеріей, эпилепсіей, длительными навязчивыми идеями.

¹⁾ Hoche, Цитирован. соч., стр. 533.

нейврастеніей, хроническимъ алкоголизмомъ или морфинизмомъ одною стороною находятся за порогомъ уголовной вмѣняемости; но самыя легкія степени этихъ страданій, несомнѣнно, не должны освобождать отъ вмѣняемости. Я еще возвращусь къ вопросу о значеніи «смертныхъ состояній» для уголовного преслѣдованія; здѣсь же я хочу указать на то важное ихъ значеніе, что они перебрасываютъ мостъ между опасными для общественнаго порядка душевно-больными и преступниками.

И то и другое явленіе, душевное разстройство и преступленіе, два растенія, получающія питательные соки изъ одной и той же почвы *физическаго и психическаго вырожденія*. И эта почва и выращиваемые ею плоды обязаны своимъ происхожденіемъ пьянству, нищетѣ, бракамъ, заключаемымъ между душевно больными субъектами, словомъ—крайне ненормальнымъ социальнымъ условіямъ жизни. Почему изъ дѣтей пьяницы одинъ дѣлается эпилептикомъ, идиотомъ или душевно-больнымъ, а другой хотя и не обнаруживаетъ явныхъ психическихъ отклоненій отъ нормальнаго типа, но отличаясь чрезмѣрной вепильчивостью и раздражительностью становится преступникомъ; почему изъ одинаково дурно воспитанныхъ дѣтей вырождающейся семьи одинъ благодаря пьянству попадаетъ въ домъ для умалишенныхъ, а другой въ тюрьму—этого мы не знаемъ и не будемъ знать.

Дѣленіе преступниковъ на группы.

Несмотря на нѣкоторыя оговорки, Ломброзо въ своемъ дѣленіи преступниковъ на различныя виды считаетъ возможнымъ заявить, что чуть ли ни треть преступниковъ представляетъ совершенно особый типъ, отличающійся свойственными ему особенностями физическаго и психическаго строя. Наличности тѣлесныхъ и душевныхъ аномалій онъ потому придаетъ большую важность, что они свидѣтельствуютъ о *delinquento nato* (врожденномъ преступникѣ), какъ о *явленіи атавизма* въ развитіи человѣческаго рода. Однако это утвержденіе пока совершенно необоснованно. Провести пограничную черту между дѣйствительно атавистическими явленіями и аномаліями, возникающими на патологической почвѣ во время утробнаго развитія или ранняго дѣтства, также трудно, какъ и между аномаліями въ собственномъ смыслѣ и тѣми различными отклоненіями, которыя не выходятъ изъ предѣловъ здороваго развитія. Самые компетентные судьи, анатомы, и среди нихъ главнымъ образомъ Зерновъ, отрицаютъ за большинствомъ ненормальныхъ фактовъ, отмѣченныхъ Ломброзо и его учениками, значеніе явленій *атавистическаго* характера.

Физическое и психическое сходство съ дикарями первобытными народами, также приводится какъ свидѣтельство въ пользу того, что

преступникъ представляет явленіе атавизма, которое „можетъ отбросить его не только къ эпохѣ первобытной дикости, но и къ предшествующей ей эпохѣ зоологическаго развитія“. Эта гипотеза покоится на очень шаткомъ фундаментѣ; образъ жизни первобытныхъ народовъ часто сильно различается отъ грубаго и необузданнаго насилія и прочихъ свойствъ, которыя должны были бы служить основаніемъ для сходства между дикарями и преступниками.

Совершенно ошибочно сравненіе между преступленіемъ и *эпилепсией*. «Эпилептический фонъ, на которомъ вырисовывается клиническая и анатомическая фигура нравственно-душевно-помѣшаннаго и преступника, объясняетъ намъ непосредственность, періодичность и неожиданный контрастъ, являющіеся, безъ сомнѣнія, самымъ выдающимися свойствами ихъ индивидуальности». Этотъ взглядъ покоится на полномъ непониманіи явленія эпилепсіи. Преступникъ тогда только обнаруживаетъ черты эпилептика, когда онъ дѣйствительно страдаетъ этой болѣзнью. Это бываетъ довольно часто и легко понять, почему среди пьяницъ и дѣтей пьяницъ нерѣдко встрѣчаются эпилептики. Объединяетъ же преступленіе и эпилепсію лишь то, что они одинаково вырастаютъ на почвѣ вырожденія.

Всѣ попытки *Ломброзо* отграничить преступника отъ нормальнаго человѣка путемъ установленія органической связи между первымъ и состояніями отчасти атавистическими, отчасти болѣзненными, потерпѣли неудачу. Не удалась также попытка представить «клиническую и анатомическую» характеристику преступника. Мы не имѣемъ никакого права при констатированіи *какихъ-бы то ни было признаковъ вырожденія* заключать о преступномъ характерѣ ихъ носителей, точно такъ же, какъ происхожденіе отъ душевно-больныхъ родителей и наличность многихъ признаковъ такого происхожденія не даетъ еще основанія думать, что мы имѣемъ дѣло съ психически больнымъ субъектомъ.

Безусловное отрицаніе *патогностическаго* значенія за аномаліями, наблюдающимися у преступниковъ, на которомъ сходятся почти всѣ безъ исключенія нѣмецкіе изслѣдователи, привело къ тому, что *заодно* считались опровергнутыми двѣ проблемы, которыя должны быть строго раздѣлены, а именно:

1. Существуютъ ли врожденные преступники?
2. Проявляются ли врожденные нравственныя аномаліи въ осязательныхъ морфологическихъ признакахъ?

*Зоммеръ*¹⁾ отвѣчаетъ на первый вопросъ «безусловно» утвердительно. *Кирнъ*²⁾ и *Беръ*³⁾, признавая теорію врожденной пре-

¹⁾ *Sommer, Die Kriminalpsychologie. Allg. Zeitschr. f. Psych., Bd. 51, стр. 782.*

²⁾ *Kirn. Ueber den gegenwärtigen Stand der Kriminal-anthropologie. Allg. Zeitschr. f. Psychiatrie, Bd. 50, стр. 711.*

³⁾ *Baer. Der Verbrecher, стр. 245.*

ступности оцеровгнутой, должны вслѣдъ за этимъ допустить, что въ лицѣ преступника мы имѣемъ дѣло съ *малоцѣннымъ чело-вѣческимъ матеріаломъ*. «Во всякомъ случаѣ, установлено вполне прочно, что средній уровень развитія привычныхъ преступниковъ стоитъ ниже общаго уровня духовнаго развитія»¹⁾).

Къ такимъ же заключеніямъ привелъ насъ анализъ, которому мы подвергли преступниковъ со стороны ихъ физическихъ и психическихъ свойствъ. Духовно и физически они стоятъ ниже средняго уровня развитія. Это положеніе примѣнимо не къ каждому преступнику въ *отдѣльности*, но къ преступникамъ вообще; точно такъ же, какъ, говоря о низшемъ развитіи какого либо народа, мы не хотимъ этимъ самымъ отрицать возможность появленія среди него лица вполне развитыхъ физически и обладающихъ выдающимся умственнымъ развитіемъ.

Низкая степень развитія, какъ мы уже видѣли выше, является результатомъ *происхожденія* и *воспитанія*. Корень зла такимъ образомъ переносится въ область *соціальныхъ отношеній*. Это имѣетъ то громадное преимущество, что мы получаемъ возможность съ большимъ мужествомъ выступить противъ этого явленія, зная въ какую сторону должна быть направлена борьба съ нимъ. Но *Блеулеръ*²⁾ не совсемъ неправъ, когда говоритъ: «Подобныя вліянія среды ничего не говорятъ противъ *Ломброзо*; они наоборотъ, оправдываютъ его и идутъ еще гораздо дальше его, вскрывая причины *гео паю*». Насколько въ данномъ случаѣ идетъ дѣло о распознаніи *источниковъ* происхожденія средняго пониженнаго развитія преступника,—съ этимъ можно согласиться. Но это еще не можетъ заставить насъ признать существованіе «врожденныхъ преступниковъ», свойства которыхъ *фатальнымъ образомъ* толкаютъ ихъ на путь преступленія.

Соціальныя бѣдствія—бѣдность и нищета, пьянство и болѣзнь—воспитываютъ поколѣніе людей, которыя безсильны противостоять жизненнымъ бурямъ. Съ *соціальной точки зрѣнія* это негодные элементы, въ такомъ же смыслѣ, какъ признаются негодными молодые люди, не удовлетворяющіе извѣстными требованіями при рекрутскомъ наборѣ. Государство требуетъ извѣстнаго *мінімумъ* а роста и ширины въ груди. Многіе изъ тѣхъ, которые не приняты въ строевую службу по «негодности», могли бы хорошо справиться съ трудностями строевой службы въ войскахъ и—наоборотъ—иные изъ людей рослыхъ и обладающихъ достаточной шириной въ груди падаютъ подъ тяжестью солдатской лямки. Исключеніе малорослыхъ и узкогрудыхъ является лишь требованіемъ

¹⁾ *Kirn, Geistesstörung und Verbrechen. Illenauer Festschrift*, стр. 98.

²⁾ *Bleuler, Der geborene Verbrecher*, 1896, стр. 32.

опыта, доказывающаго, что ниже известных предѣловъ физическаго развитія *опасность для здоровья* бываетъ особенно велика.

Точно также и для насъ наличность малоспособности, физической и психической малоцѣнности, служить лишь *указаніемъ* на недостатокъ силы соціальной сопротивляемости, предупредительнымъ сигналомъ, предостерегающимъ насъ отъ предъявленія слишкомъ большихъ требованій къ *соціально-неоднымъ* элементамъ. Если бы мы въ состояніи были всѣхъ этихъ людей вырвать изъ этой дурной почвы, съ которой они органически связаны, закалить воспитаніемъ ихъ духъ и тѣло, и главнымъ образомъ оградить отъ грозящихъ имъ въ жизни опасностей, то и они могли бы быть спасены отъ *соціальной гибели*.

Но это утопія; жизнь идетъ своимъ путемъ и крошитъ тѣхъ, кто не поспѣваетъ за ней. Пока идетъ такая борьба за существованіе какъ теперь, пока народныя обычаи впрягаютъ въ ярмо совмѣстнаго труда, мы должны обсудить тѣ опасности, которымъ мы всѣ подвержены. Они сильнѣе сопротивленія всѣхъ этихъ слабо развитыхъ людей; тамъ гдѣ могучій пловецъ побѣдоносно справляется съ ударами прибоа, слабый гибнетъ. И этихъ погибающихъ такъ *много*: прусская тюремная статистика даетъ въ этомъ отношеніи въ высшей степени заслуживающія вниманія таблицы.

Произведенъ былъ учетъ всѣхъ подвергнутыхъ лишенію свободы, понесшихъ не менѣе трехъ наказаній (въ каторжной тюрьмѣ, тюрьмѣ или исправительномъ заведеніи), срокъ которыхъ въ иныхъ случаяхъ опредѣлялся шестью мѣсяцами и болѣе; въ основаніе расчета былъ принятъ наличный составъ заключенныхъ къ 1-му октября 1894 г. и вновь поступившіе до 31 марта 1897 г. Собраніе чиновниковъ высказало свои мнѣнія на счетъ того, чего можно ожидать въ будущемъ отъ тѣхъ 15539 мужчинъ и 2510 женщинъ, о которыхъ они говорили.

Т а б л и ц а XXXVI.

	Впадутъ ли осужденные послѣ освобожденія въ рецидивъ?					
	вѣроятно	Впадутъ въ рецидивъ вслѣдствіе:			сомнительно	невѣроятно
		неисправимости	физич. или психическ. дефект.	другихъ основаній		
Мужчины	14726	14441	163	122	440	373
Женщины	2319	2217	38	64	123	68
Итого	17045	16658	201	186	563	441

Результатъ получился по истинѣ ужасающій. *Соціальную негодность* весьма явно обнаруживали 93% женщинъ и 95% мужчинъ, а въ числѣ причинъ этого явленія преобладающею была «*неисправимость*». Но, оставляя въ сторонѣ физическіе и умственные недостатки, тождественные въ данномъ случаѣ съ инвалидностью и душевною болѣзью, въ чемъ иномъ можетъ выразиться эта неисправимость, какъ не въ *индивидуальныхъ предрасположеніяхъ*? Онѣ являются тѣмъ музыкальнымъ инструментомъ, изъ котораго буря жизни исторгаетъ уродливыя звуки, поражающіе нашъ слухъ непріятной дисгармоніей.

Противъ этого подавляющаго значенія чиселъ, которыя намъ даютъ опытъ ежедневныхъ наблюденій надъ преступниками, всякія теоретическія соображенія безсильны. Мы должны считаться съ цѣлою арміей преступниковъ, которые при данныхъ отношеніяхъ не могутъ быть уже введены въ рамки существующихъ нормъ жизни. Если мы ближе приглядимся къ этимъ людямъ, то мы скоро убѣдимся, что сила вліянія на нихъ внѣшнихъ обстоятельствъ крайне разнообразна, и въ то время какъ одинъ падаетъ подъ дѣйствіемъ самого легкаго толчка, другой уступаетъ лишь такому искушенію, которое дѣйствуетъ на него въ теченіе длительнаго и непрерывнаго промежутка времени; но, въ концѣ концовъ, насколько человѣческой разумъ способенъ къ предвидѣнію, оба они неизбежно окажутся безсильными передъ внѣшними воздѣйствіями.

Являются ли эти «соціально неисправимые» субъекты *правственно-помпшанскими*, а слѣдовательно и неисправимыми, потому, что они неспособны понять сущность морали и слѣдовать ея предписаніямъ? «*Moral insanity*» — понятіе весьма неточное, и споръ о томъ, можетъ ли *болѣзнь* выражаться въ совокупности дефектовъ исключительно этического характера, ведется безконечно. Поэтому я могу только представить свою личную точку зрѣнія по этому вопросу: я не вѣрю въ существованіе такой болѣзни. Всѣ случаи съ подобнаго рода діагнозомъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, сопровождались либо рѣзко выраженными интеллектуальными дефектами или же были только симптомами тяжелыхъ психозовъ, оставшихся незамѣченными.

При такомъ пониманіи вопроса, которое впрочемъ почти всѣми раздѣляется, оказывается совершенно неосновательнымъ часто высказываемое опасеніе, что психіатры всегда склонны видѣть въ каждомъ преступникѣ *душевно-больною*, который поэтому подлежитъ ихъ вѣдѣнію, а не вѣдѣнію *уголовнаго судьи*. Я уже говорилъ въ предыдущей главѣ, что въ лицѣ преступниковъ мы чаще, нежели это думаютъ судьи, имѣемъ дѣло съ душевно-больными, но, *de lege data*, мы скромны въ требованіяхъ примѣненія § 51. Мы не заходимъ такъ далеко, какъ *Кроне*, котораго наблюденія надъ практикой наказаній приводятъ къ слѣдующе-

му заключенію: «Чѣмъ шире будетъ у законодателей и судей понятіе о болѣзненномъ разстройствѣ душевной дѣятельности, исключаящемъ свободное самоопредѣленіе индивидуума, тѣмъ вѣрнѣе удастся избавить общество, навсегда или на время существованія опасности, отъ значительнаго количества психически ненормальныхъ лицъ, которые не въ силахъ бороться съ побужденіемъ къ нарушенію законнаго порядка и потому представляютъ истинный бичъ для общества и уголовного суда». Такъ далеко идти не позволяеть намъ въ настоящее время тѣсно ограниченный смыслъ закона и *упорство суды*, котораго часто съ большимъ трудомъ удастся убѣдить въ наличности тяжкаго психоза. Я опасаясь также, что эти изытія опасныхъ элементовъ изъ общества получили бы слишкомъ чрезмѣрное распространеніе, если бы мы захотѣли слѣдовать вышеизложенному предложенію.

Опредѣленіе *внѣшнихъ обстоятельствъ*, подъ дѣйствіемъ которыхъ возникаетъ преступленіе, даетъ возможность ясно указать на рядъ причинъ преступленія, среди которыхъ я опять хотѣлъ-бы подчеркнуть вліянія времени года, экономическаго положенія, народныхъ обычаевъ, происхожденія, возраста и пола. Отсюда слѣдуетъ, что преступленіе прежде всего *соціальный феноменъ*; каждой эпохѣ соотвѣтствуютъ извѣстныя преступленія, которыя она порождаетъ. Но не каждый однако дѣлается преступникомъ. Для этого, безспорно, необходимо извѣстное *индивидуальное предрасположеніе*. Въ этомъ и заключается дѣйствительная сущность ломброзовскаго ученія, хотя указанные или внѣшніе признаки преступника ошибочны и недостаточно обоснованы. *Всякое преступленіе есть продуктъ организаціи и воспитанія, — индивидуальнаго фактора съ одной стороны и соціальныхъ отношеній — съ другой.*

Эта точка зрѣнія можетъ служить для насъ руководящимъ началомъ при группировкѣ преступниковъ по различнымъ категоріямъ, безъ котораго нельзя вполнѣ обойтись, въ виду практическихъ соображеній. Всякая группировка всегда до извѣстной степени искусственна; богатство и разнообразіе природы не укладывается въ рамки схематическихъ опредѣленій. Это слѣдуетъ имѣть въ виду во избѣжаніе недоразумѣній, которыя могутъ быть вызваны классификаціей различныхъ формъ; она должна быть и не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ только *руководящей нитью*, позволяющей намъ ориентироваться среди нестраго разнообразія явленій.

Лучшей группировкой преступниковъ по различнымъ категоріямъ была бы группировка *съ психологической точки зрѣнія*, еслибы только она вообще была возможна. Пока, однако, задача эта абсолютно неразрѣшима, и всякая попытка въ этомъ направленіи ведетъ лишь къ совершенно произвольнымъ конструкціямъ, не имѣющимъ никакой цѣны.

Болѣе ради курьеза можно упомянуть о попыткѣ Крауса,¹⁾ который дѣлитъ преступниковъ на: а) людей сильныхъ: 1. извергъ, 2. желчный, 3. бѣшеный; б) злыхъ: 1. демоническій субъектъ, 2. интриганъ, 3. плутъ; и с) хилыхъ: 1. подлець, 2. пролаза, 3. голякъ, 4. калибанъ. Все это, конечно, не что иное, какъ самая плоская психологическая романтика.

*Ферри*²⁾ различаетъ пять группъ: преступники - помѣшанные, врожденные преступники, преступники по привычѣ, случайные преступники и преступники, сдѣлавшіеся таковыми подъ давленіемъ аффекта. Такъ какъ *Ферри* рассматриваетъ преступника только съ *соціологической* точки зрѣнія, то онъ не задумывается ввести въ свой анализъ и душевно-больныхъ. Вслѣдствіе этого—у *Ломброзо* и еще болѣе, чѣмъ у него—сглаживаются границы между психическою болѣзнью и преступленіемъ. Примѣры *маттоидовъ* (полупомѣшанныхъ), приведенныя у *Ломброзо*, показываютъ, что всѣ эти субъекты, о которыхъ онъ говоритъ, дѣйствительно раньше страдали психическою болѣзнью. *Врожденный* преступникъ отличается отъ *привычнаго* преступника тѣмъ, что у него преступный инстинктъ врожденъ будто съ дѣтства, тогда какъ у другого онъ рано развивается, какъ слѣдствіе физическихъ и социальныхъ бѣдствій и заброшенности.

*Орликъ*³⁾ исходной точкой для своей группировки беретъ *преступную волю*, которою опредѣляется цѣль наказанія (гарантія безопасности общества путемъ устрашенія преступника, дисциплинированіе его и обезвреживаніе). Онъ различаетъ три главные группы, смотря по тому обладаетъ ли преступникъ слабой, средней (нормальной) по силѣ или чрезвычайно сильной волей и упорствомъ. Въ виду трудности, съ которою сопряжено установленіе постепенности въ оцѣнкѣ силы воли, я нахожу приведенный принципъ безцѣльнымъ и слишкомъ субъективнымъ.

Международный союз уголовнаго права на собраніи своемъ въ Гейдельбергѣ въ 1897 г. установилъ три группы: 1. Преступники подъ вліяніемъ минуты (случайные); 2. Преступники, самое преступленіе и прошлая жизнь которыхъ показываютъ, что въ силу недостаточной индивидуальной организаціи, воспитанія или позднѣйшихъ вліяній способность виновнаго подчиняться существующимъ нормамъ значительно ослаблена; преступники, по отношенію къ которымъ можно быть увѣреннымъ, что денежный штрафъ или кратковременное заключеніе не окажетъ на

¹⁾ Krauss, *Die Psychologie des Verbrechen*. Tübingen 1884. Стр. 227.

²⁾ Цитиров. соч., стр. 85.

³⁾ Orlik, *Über die Einteilung der Verbrecher mit besonderer Rücksicht auf die Unterscheidung zwischen Gelegenheits- und Gewohnheitsverbrechern*. Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswissensch. T. XIV, стр. 76.

нихъ надлежащаго дѣйствія; 3. Преступники, относительно которыхъ нѣтъ надежды на возвращеніе къ нормальной общественной жизни.

Это дѣленіе имѣло своимъ единственнымъ руководящимъ мотивомъ *опасность грозящая правопорядку* со стороны преступника, какъ это явствуетъ изъ непосредственной зависимости каждаго изъ устанавливаемыхъ видовъ преступности съ соответствующей мѣрой наказанія. Я могъ бы присоединиться къ этому дѣленію, но по моему желательна болѣе дробная группировка. Я предлагаю установить семь слѣдующихъ группъ:

1. Преступники по небрежности.
2. Преступники подъ вліяніемъ аффекта.
3. Случайные преступники.
4. Умышленные преступники.
5. Преступники - рецидивисты.
6. Привычные преступники.
7. Профессиональные преступники.

Преступники по небрежности—это тѣ, которые вступаютъ въ конфликтъ съ уголовнымъ закономъ вслѣдствіе свойственной инымъ людямъ безпечности и неосторожности. Оставленная открытой дверь въ погребъ, неосторожно брошенная спичка, ошибка при написаніи рецепта, неосторожность во время ѣзды могутъ довести человѣка, при всей добросовѣстности и гуманности его характера, до скандала подсудимыхъ. Вредъ, причиняемый небрежностью и неосторожностью, бываетъ иногда чрезвычайно громаденъ, какъ напр., при столкновеніи поѣздовъ, когда стрѣлочникъ къ тому же не избавленъ отъ крайняго переутомленія. О намѣреніи сознательно причинить ущербъ интересамъ общества и права здѣсь не можетъ быть, конечно, рѣчи.

То же слѣдуетъ сказать и о многихъ *преступникахъ по аффекту*. Страстное возбужденіе въ минуту аффекта лишаетъ ихъ способности логически мыслить и непроизвольно и слѣпо увлекаетъ за собою. Преступленіе, какъ говоритъ *Орликъ*, вызвано только аффектомъ, какъ его естественной причиной, аффектъ же самъ по себѣ психологически понятенъ и извинителенъ. Типическимъ образчикомъ такого рода преступленій является убійство мужемъ жены, уличенной въ измѣнѣ на мѣстѣ преступленія. Распространительное толкованіе мотивъ аффекта нашель въ нѣмецкомъ уголовномъ уложеніи въ случаѣ *необходимой обороны*. Особенно серьезное значеніе пріобрѣтаетъ аффектъ при *массовыхъ преступленіяхъ*, условія возникновенія котораго подробнѣе разъяснены были на стр. 96-ой.

Къ аффективнымъ преступленіямъ приближаются *преступленія случайныя*, отличааясь, впрочемъ, отъ первыхъ меньшею силою возбужденія чувствъ. Необыкновенно благоприятный *случай*, какъ говорится, дѣлаетъ *вора*. Искушеніе присвоить найденную сумму денегъ для бѣдня-

ка, искушеніе захватить хлѣбъ, проходя мимо булочной, для голоднаго человѣка неодолимо. Совершенію преступленія въ одномъ благопріятствуйтѣ вѣнѣшее обстоятельство, въ другомъ—органическое предрасположеніе. Это случаи, когда преступленіе каждый готовъ истолковать въ самомъ гуманномъ духѣ. Сомнительнѣе уже тѣ дѣянія, когда случайное стеченіе извѣстныхъ обстоятельствъ даетъ лишь толчекъ къ нимъ, самое же ихъ выполненіе обусловлено чрезмѣрной слабостью характера; сюда относятся преступленія противъ нравственности, воровство, выражающаеся, напр., въ опустошеніи оказавшейся случайно раскрытой кассы; сюда же слѣдуетъ отнести также преступленія, совершаемыя подъ вліяніемъ алкогольнаго эксцесса, въ которыхъ *аффектъ* долженъ быть разсматриваемъ, какъ моментъ *второстепеннаго значенія*.

Всѣмъ упомянутымъ до сихъ поръ столкновеніямъ съ правовыми нормами обще то свойство, что они обизаны своимъ возникновеніемъ болѣе случаю, несчастному стеченію обстоятельствъ; они только различныя формы того преступленія, которое международный союзъ уголовного права называетъ «преступленіемъ подъ вліяніемъ минуты». Но при болѣе детальномъ подраздѣленіи ясно одно,—что среди виновниковъ этой категоріи преступленій встрѣчаются люди вполнѣ достойные уваженія, отдѣленные глубокой пропастью отъ воровъ-грабителей.

Совершенно иначе слѣдуетъ смотрѣть на преступленія, *предумышленныя*, предполагающія наличность спокойнаго обдуманнаго плана; здѣсь заранѣе принятое намѣреніе выполняется безъ всякой торопливости. Различіе между психологическими процессами, сопровождающими утайку найденнаго и кражу подъ давленіемъ голода, съ одной стороны, и кражу со взломомъ, совершаемую съ холоднымъ расчетомъ и при помощи современныхъ техническихъ усовершенствованій, съ другой — огромно.

Впрочемъ въ единичныхъ случаяхъ границы эти сглаживаются. Когда представляется особенно заманчивый случай, когда кражу можно совершить съ необычайной легкостью, то въ глазахъ собирающагося совершить ее она, вопреки его собственному намѣренію, утрачиваетъ характеръ сомнительнаго дѣянія, но часто пріобрѣтаетъ характеръ *случая*, *которымъ глупо было бы не воспользоваться*. Точно также преступленіе, совершенное подъ длительнымъ вліяніемъ аффекта, приближается иногда къ предумышленному преступленію, когда, по чисто вѣнѣшнимъ обстоятельствамъ, немедленная реакція на нанесенное оскорбленіе оказалась невозможной. *Возбужденіе*, сила котораго хотя, быть можетъ, и ослабѣла, *остается въ потенциальномъ состояніи*, и потому способно еще довести до предумышленнаго преступленія. Психологическое значеніе преступленія, совершеннаго непосредственно подъ дѣйствіемъ аффекта, и

преступленія, выполненнаго послѣ происшедшаго замедленія, несмотря на внутреннее родство между ними, конечно, различно.

Гораздо опаснѣе для безопасности законнаго порядка преступленія, выполняемая съ планомѣрнымъ расчетомъ на все тѣ выгоды, которыя обеспечиваются успѣхомъ дѣла. Опасность возрастаетъ, когда преступникъ умѣетъ приспособить внѣшнія обстоятельства къ своимъ цѣлямъ и для совершенія преступленія *вступаетъ въ союзъ съ сообщниками*.

Уголовное законодательство понимаетъ подъ *рецидивомъ* повтореніе *того же самаго* преступленія по окончаніи *ранне* понесеннаго наказанія. Съ психологической точки зрѣнія понятія это должно быть опредѣлено гораздо шире. Рецидивомъ должны мы также назвать повторное преступленіе, слѣдовавшее за преступнымъ актомъ, хотя бы оставшимся безнаказаннымъ. Кроме того, недостаточно еще, чтобы индивидуумъ противъ одинаковыхъ искушеній обнаружилъ одинаково ничтожную способность сопротивленія; рецидивомъ слѣдуетъ признавать и такіе случаи, когда преступленія, различныя по формѣ проявленія преступныхъ замысловъ, какъ напр., кража, растрата и подлогъ, или нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій и оскорбленій, вытекаютъ изъ одинаковыхъ психологическихъ мотивовъ.¹⁾ По дѣйствующему же германскому уголовному закону только лица совершившія кражу, по отбытіи двухъ предварительныхъ наказаній за укрывательство, грабежъ или насильственное вымогательство, признаются *ворами-рецидивистами*.

Нельзя не упомянуть, что *женщины* обнаруживаютъ большую склонность къ рецидиву, нежели мужчины. *Я. Л. Сакеръ*¹⁾ причины этого явленія находитъ отчасти въ природѣ женщины, которая скорѣе подчиняется привычкѣ и дольше остается въ ея власти; отчасти въ трудности выбиться изъ своего приниженаго положенія. Первая причина кажется мнѣ менѣе важной, нежели вторая. *L'homme peut braver l'opinion publique, la femme s'y doit soumettre*, цитируетъ *Сакеръ*, и цитируетъ съ полнымъ правомъ. Женщина, разъ понесшая уже наказаніе, съ гораздо большимъ трудомъ завоевываетъ себѣ новое положеніе и потому легче гибнетъ.

Въ то время какъ уголовное законодательство игнорируетъ въ вопросѣ о рецидивѣ все предыдущія наказанія, разъ они вызваны были неодинаковыми преступленіями, уголовная статистика регистрируетъ въ качествѣ рецидивистовъ всехъ преступниковъ, *имѣющихъ уже въ прошломъ наказанія* за какія бы то ни было преступленія. Но именно только этимъ послѣднимъ путемъ мы дойдемъ до правильнаго взгляда на опасность, грозящую обществу со стороны *привычныхъ преступни-*

¹⁾ *Sacker, Der Rückfall. Abhandlungen des kriminalistischen Seminars. Bd. III. Berlin. Guttentag.*

ковъ. Ошибочно было бы думать, что у привычнаго преступника постоянно дѣйствуетъ преступныя наклонности только положительнаго характера. Большое число безобидныхъ привычныхъ преступниковъ, ежедневная пища для полицейскихъ органовъ и судовъ низшей инстанціи—*бродяги*, представляютъ характерные образчики привычной преступности преимущественно *отрицательнаго* свойства. Неспособные къ серьезной работѣ, несмущаемые страхомъ наказанія, равнодушные ко всему на свѣтѣ, странствуя съ мѣста на мѣсто, страдая отъ голода и жажды, мороза и палящаго зноя, ночуя то въ трактирѣ, то въ какой нибудь имѣ подъ открытымъ небомъ, они только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ способны возвратиться къ рабочей жизни.

Среди остальныхъ категорій привычныхъ преступниковъ также преобладаютъ *отрицательныя* свойства, особенно у тѣхъ изъ нихъ, которые выросли въ преступной средѣ, чужды всякаго страха передъ позорящимъ наказаніемъ и, утопая въ грязи, приволятъ въ бездѣльи и бездѣльно свои дни. Ихъ преступная дѣятельность мѣняется, въ зависимости отъ *случая* и *потребностей*. Ихъ попытки подняться на поверхность засосавшей ихъ тины разбиваются о безепіе противостоятъ тѣмъ искушеніямъ, которыхъ такъ много въ окружающей ихъ обстановкѣ.

Гораздо меньше число преступниковъ съ *положительными* преступными наклонностями; послѣднія вырабатываются въ нихъ лишь постепенно; но сдѣлавшись *специалистами* извѣстнаго рода, они оказываются затѣмъ безвозвратно потерянными для общества. Они вообще болѣе *интеллигентны*, чѣмъ тѣ непорочные элементы, которые на все готовы; «работа» ихъ—высшаго стилиа. Къ нимъ принадлежатъ международные карманные воры, которые «работаютъ» только при торжественныхъ праздникахъ, на скачкахъ и т. п. случаяхъ; воры-взламыватели, дѣйствующіе при помощи электричества, трубокъ, наполненныхъ кислородомъ, червонные валеты. Для всѣхъ этихъ лицъ преступленіе служить *профессіей*; они въ истинномъ смыслѣ слова *неисправимые* субъекты. Они принадлежатъ, вмѣстѣ съ небольшою частью привычныхъ преступниковъ, той, установленной международнымъ союзомъ уголовного права группы преступниковъ, со стороны которыхъ «нельзя уже ожидать возвращенія къ правильной общественной жизни».

Германская статистика во всякомъ случаѣ показала, что число «неисправимыхъ» гораздо больше, чѣмъ это принято было думать; въ *соціальному* смыслѣ безнадежно потерянными слѣдовало бы считать почти половину всѣхъ заключенныхъ въ каторжной тюрьмѣ; въ самой значительной своей долѣ они состоятъ изъ привычныхъ преступниковъ и только въ небольшомъ числѣ изъ профессиональныхъ преступниковъ. Это различеніе имѣетъ *не одинъ только теоретическій интересъ*. Опасность для общественно-правового порядка со стороны тѣхъ и дру-

гихъ вытекаетъ изъ ихъ индивидуальной организаціи; только дѣло въ томъ, что одни обнаруживаютъ большую *неспособность* вести честную жизнь, неспособность, обусловленную часто низкимъ уровнемъ физическаго и психическаго развитія, почти всегда недостаточнымъ и дурнымъ воспитаніемъ; профессиональный же преступникъ въ силу именно совершенной сознательности своихъ дѣйствій, въ силу свойственной ему энергіи, восторженной преданности своей жизненной задачѣ окажется гораздо болѣе упорное сопротивление всякой попыткѣ къ исправленію и не оставляетъ съ этой стороны почти никакой надежды.

Дѣленіе преступниковъ по различнымъ категоріямъ практически не всегда достижимо. Не всегда возможно, даже при продолжительномъ изученіи каждаго индивидуума, правильная группировка; часто одна форма преступленія есть лишь видоизмѣненное развитіе другой. Но при тщательномъ взвѣшиваніи всѣхъ причинъ преступленія и при достаточно глубокомъ анализѣ характера преступника всегда можно съ достаточною опредѣленностью указать къ какой изъ группъ онъ болѣе всего приближается.

Старательное отдѣленіе безобидныхъ субъектовъ отъ социальна-опасныхъ важно не только въ смыслѣ удовлетворенія стремленія къ схематизированію; оно важно какъ указаніе на то, чего можно ожидать въ *будущемъ*, которое выступить передъ нами въ различномъ свѣтѣ, смотря потому, —имѣемъ ли мы дѣло съ случайнымъ или профессиональнымъ преступникомъ. И отъ этого зависитъ самое важное—*методъ борьбы съ преступленіемъ*.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Борьба съ преступленіемъ.

Уголовный обликъ современнаго общества.

Нарушенія законности приняла такіе размѣры, которые начинаютъ внушать опасенія даже самымъ несправимымъ оптимистамъ. Вахъ¹⁾ прямо утверждаетъ: «Никто не станетъ отрицать, что мы живемъ въ благоустроенномъ, здоровомъ, умиротворенномъ правовомъ состояніи»; и далѣе: «Тревога, вызываемая данными нашей уголовной статистики, смягчается при ближайшемъ знакомствѣ съ ними». Основаніемъ для смягченія этой тревоги выставляется то обстоятельство, что число лицъ, подвергающихся наказанію впервые, будто уменьшается, и весь приростъ преступниковъ совершается насчетъ рецидивистовъ.

Для того, чтобы получить истинное представленіе о степени устойчивости современнаго законнаго порядка, намъ предстоитъ раньше всего разрѣшить три вопроса: во 1-хъ, дѣйствительно ли число впервые наказываемыхъ преступниковъ уменьшилось; въ 2-хъ, какое, теоретическое и практическое, значеніе имѣетъ возрастаніе «рецидивистовъ», и въ 3-хъ, наконецъ, заслуживаетъ ли тотъ законный порядокъ, среди котораго мы живемъ, эпитета «здоровый»?

Правда, число впервые наказанныхъ уменьшилось. Въ ряду послѣдовательныхъ 18 лѣтъ 1899-й годъ далъ низшую цифру впервые наказанныхъ преступниковъ. Но, къ сожалѣнію, пониженіе цифръ за отмѣченный періодъ крайне ничтожно, а далѣе оно становится не абсолютнымъ, а лишь относительнымъ по сравненію съ общою цифрою населенія. Пробѣлы, образуемые въ арміи преступниковъ болѣзнію и смертію, переселеніями и тюрьмою почти цѣликомъ вновь заполняются приливомъ новыхъ пришельцевъ. Поэтому о болѣе или менѣе замѣтномъ паденіи преступныхъ наклонностей не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ ликованія по поводу того факта, что число преступниковъ - новичковъ остановилось на точкѣ замерзанія, слишкомъ преждевременны.

¹⁾ Wach, Цитиров. соч., стр. 6.

Но и послѣднее утѣшеніе наше исчезнетъ, какъ только мы воспроизведемъ *общую картину* преступности. Тогда намъ прежде всего бросится въ глаза, что съ 1892 года, давшего самую большую цифру впервые осужденныхъ, уменьшились такіа преступленія, какъ кражи, достигшія въ этомъ году своей высшей цифры. Если бы преступленія, обнаруживающія тенденцію къ постоянному возрастанію, указывали на преобладающее въ нихъ участіе рецидивистовъ, тогда мы имѣли бы право заключить о дѣйствительно наступившемъ улучшеніи. Но за отсутствіемъ фактической основы—въ статистикѣ пока нѣтъ соответствующихъ данныхъ—я хочу обратить вниманіе только на слѣдующіе факты: Въ 1882 году за нанесеніе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій впервые осуждено 16527, а за тяжкія тѣлесныя поврежденія 38291 лицъ; въ 1899 году мы имѣемъ соответствующія цифры за тѣ же преступленія 15699 и 57131. Послѣдняя цифра показываетъ, что тяжкія тѣлесныя поврежденія за отмѣченный періодъ времени гораздо чаще совершались неопороченными судомъ лицами, чѣмъ 18 лѣтъ раньше, даже безотносительно къ росту населенія. *Возможно* и даже вполне *правдоподобно*, что уменьшеніе цифры впервые осужденныхъ мы должны приписать уменьшающемуся количеству кражъ; но съ ухудшеніемъ экономическаго положенія слѣдуетъ снова ожидать *значительнаго возрастанія числа лицъ впервые осужденныхъ*.

То, что по отношенію къ взрослымъ является еще фактомъ спорнымъ, по отношенію къ юношамъ оказывается печальною истиною. Среди послѣднихъ число преступниковъ-новичковъ не уменьшилось, но увеличилось, хотя это увеличеніе выразилось въ послѣдніе 8 лѣтъ цифрою 49 на 100.000. Опасность здѣсь, еще въ большей степени нежели у взрослыхъ состоитъ въ томъ, что ежегодно изъ 1000 молодыхъ людей 5—6 впервые попадаютъ въ вѣдѣніе уголовного судьи, что такимъ образомъ наши воспитательныя средства безсильны помѣшать ежегодному приросту въ рядахъ арміи преступниковъ.

Самыя важныя преступленія лицъ отроческаго возраста приведены въ таблицѣ XXXI (стр. 118); ряды цифръ показываютъ съ 1882 г. безостановочное ихъ увеличеніе, за исключеніемъ только простыхъ кражъ. Преступленія, совершенныя въ отчетные годы, не подвергались перемѣнамъ въ области уголовного законодательства. Эти ряды цифръ заставляютъ насъ сдѣлать тотъ выводъ, что *грубость* и *распущенность* все больше и больше распространяется среди несовершеннолѣтнихъ. Причины этого явленія мы уже разсматривали выше; здѣсь нужно только лишній разъ подчеркнуть какъ опасна преступность несовершеннолѣтнихъ.

Число несовершеннолѣтнихъ, которые въ общемъ были осуждены въ 1900-мъ г., по показаніямъ имперской статистики, достигало 48657. Почти $\frac{4}{5}$ изъ нихъ впервые ступили на путь преступленія; но спустя корот-

кое время по грубости и опасности формъ борьбы съ законнымъ порядкомъ—они уже не уступаютъ преступникамъ-ветеранамъ. Что первый шагъ въ данномъ случаѣ не есть случайная погрѣбность, что первое же наказаніе большей частью означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательный *разрывъ* съ прежнимъ нормальнымъ образомъ жизни, доказываютъ намъ цифры, касающіяся рецидива.

Т а б л и ц а XXXVIII.

На каждыя 100000 малолѣтнихъ приходилось обвинит. приговоровъ

	Впервые наказанные	Однажды ранѣе наказанные	Дважды ранѣе наказанные	отъ 3 до 5 разъ ранѣе наказанные	6 или болѣе разъ ранѣе наказанные
1889 . .	521	58	20	14	1
1890 . .	556	67	24	15	1
1891 . .	559	70	26	16	1
1892 . .	604	76	29	19	1
1893 . .	567	72	26	19	2
1894 . .	583	79	29	22	3
1895 . .	571	78	29	22	2
1896 . .	570	77	28	24	3

Цифры показываютъ, что *рецидивисты* съ каждымъ годомъ выступаютъ все болѣе на первый планъ. Чѣмъ больше число предшествующихъ наказаній, тѣмъ сильнѣе становится опасность новаго рецидива. Все яснѣе становится тотъ фактъ, что *спасеніе* преступника отъ гибели тѣмъ труднѣе, чѣмъ чаще одно преступленіе слѣдуетъ за другимъ. Часть преступниковъ съ предшествующими наказаніями съ каждымъ годомъ достигаетъ предѣловъ полнаго уголовного совершеннолѣтія, и, какъ это видно изъ послѣдней колонны таблицы XXXVIII, довольно значительная часть тѣхъ преступниковъ, которые имѣютъ шесть и болѣе предшествующихъ наказаній. На мѣсто этихъ исчезающихъ изъ рубрики малолѣтнихъ прибываетъ толпа повичковъ, между тѣмъ какъ остальные исчезаютъ въ картинѣ рисующей *общее* движеніе преступности съ предшествующими наказаніями.

Это довольно печально.

Таблица XXXIX.

На каждые 100000 уголовно совершеннолѣтнихъ въ Германіи было осуждено:

За преступленія и проступки вообще:

	Впервые наказанные	Ранѣ наказанные	1 разъ ранѣ наказанные	2 раза ранѣ наказанные	Отъ 3—5 разъ ранѣ наказанные	6 и болѣе разъ ранѣ наказанные	За мошенничество съ повторнымъ реци- дивомъ	За укрывательство съ повторнымъ ре- цидивомъ	За кражу съ пов- торнымъ рециди- вомъ
1882	781	268	115	56	64	23	35	44	47
1883	766	267	119	59	69	20	36	42	47
1884	745	264	127	63	72	22	37	39	45
1885	771	291	127	63	75	26	35	32	43
1886	777	303	129	65	79	30	37	52	42
1887	769	312	131	66	81	34	39	44	40
1888	746	307	127	65	80	35	40	52	37
1889	747	340	142	71	87	40	45	38	40
1890	743	362	150	76	93	43	46	36	39
1891	741	383	158	79	99	47	49	35	40
1892	785	417	169	87	107	54	53	38	45
1893	785	427	171	88	111	67	52	53	41
1894	785	459	181	93	120	65	54	44	42
1895	776	473	184	96	124	69	54	36	40
1896	761	483	183	96	129	75	51	31	40
1897	748	492	186	99	129	78	54	35	38
1898	752	505	189	100	133	83	55	42	40
1899	731	504	187	100	133	85	54	29	38

И здѣсь мы видимъ, что число осужденныхъ съ предшествовавшими наказаніями годъ отъ году увеличивается; число трижды и болѣе разъ наказанныхъ удвоилось или утроилось. Послѣднія три колонны таблицы представляютъ данныя о движеніи трехъ категорій преступленія, въ которыхъ рецидивъ разсматривается какъ отягчающее вину обстоятельство, потому что неоднократное повтореніе каждаго изъ этихъ трехъ преступленій считается признакомъ профессиональной преступности. Привычное мошенничество за отмѣченный 18 лѣтній періодъ значительно участилось, тогда какъ число воровъ и укрывателей и воровъ-рецидивистовъ уменьшилось. Это однако еще не доказываетъ, чтобы уменьшилось число профессиональных воровъ. Среди воровъ рецидивистовъ такъ же, какъ и среди лицъ, впервые осужденныхъ за воровство, навѣрное не мало такихъ, которые тѣмъ скорѣе рискуютъ поддаться многочисленнымъ искушеніямъ кражи, чѣмъ

менѣе благопріятны ихъ внѣшнія обстоятельства. Въ пользу этого говорить тотъ фактъ, что число воровъ-рецидивистовъ достигло высшаго своего предѣла въ худшіе въ экономическомъ отношеніи годы 1882 и 1892, и низшаго — въ 1888 и 1897. По моему мнѣнію, слѣдуетъ допустить, что для тѣхъ, которые находятъ въ воровствѣ свое *жизненное призваніе*, плохія и хорошія времена имѣютъ значеніе фактора, вліяющаго лишь на продуктивность ихъ дѣятельности, но не на самый родъ дѣятельности; уменьшенія числа воровъ-рецидивистовъ слѣдуетъ отнести на счетъ болѣе безобидныхъ *случайныхъ воровъ*.

Нѣсколько лѣтъ уже статистическое вѣдомство пытается обработать данныя о дальнѣйшей *судьбѣ* лицъ, осужденныхъ въ 1894 году. Значеніе этой трудной работы обнаружится только нѣсколько лѣтъ спустя. Но и собранныя уже данныя бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на сущность рецидива.

Таблица XL.

Statistik des Deutschen Reiches. Bd. 132. I. S. 39.

Среди осужденныхъ въ 1894 году наказаны были ранѣ:

Ни разу	Одинъ разъ	Отъ 2 до 4 разъ	5 разъ и болѣе
260063	62282	64099	30507

Въ каждой изъ этихъ категорій были впервые наказаны:

Въ году					
1895	12043 (4,6%)	8114 (13,0%)	11939 (18,6%)	7403 (24,3%)	
1896	9513 (3,7 »)	6104 (9,8 »)	9430 (14,7 »)	6077 (19,9 »)	
1897	7301 (2,8 »)	4401 (7,1 »)	6169 (9,6 »)	3929 (12,9 »)	
1898	6181 (2,4 »)	3397 (5,5 »)	4657 (7,3 »)	2686 (8,8 »)	
1899	4998 (1,9 »)	2598 (4,2 »)	3212 (5,0 »)	178 (5,9 »)	
1895—1899	40036 (15,4%)	24614 (39,5%)	35407 (55,2%)	21881 (71,7%)	

Судь удивительно скоро снова настигнетъ уже разъ осужденнаго и тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше наказаній понесъ онъ ранѣе. Число предшествующихъ наказаній само собою разумѣется является прямымъ показателемъ преступныхъ наклонностей; но нельзя не удивляться, когда мы узнаемъ, что *рецидивъ* часто возникаетъ на *протяженіи одного того же года*; у однажды подвергнутыхъ наказанію такихъ случаевъ бываетъ

до 40%, у лицъ же, подвергнувшихъ уже пяти и болѣе предшествующимъ наказаніямъ—60%. При этомъ надо принять во вниманіе, что при шестомъ и дальнѣйшихъ наказаніяхъ, преступникъ попадаетъ въ тюрьму или смиренный домъ на нѣсколько лѣтъ, и такимъ образомъ лишается возможности совершать въ ближайшее время новыя преступленія.

Изъ 30507 лицъ, которые до 1894 г. были уже 5 разъ осуждены ранѣе, 71,7% были до 1899 г., т. е. въ теченіе 5 лѣтъ, снова осуждены. Трудно себѣ представить, чтобы эта цифра въ будущемъ могла значительно повыситься. Переселенія, болѣзни, смерть и долготѣнее заключеніе понижаютъ число преступниковъ, признанныхъ уже привычными въ 1894 г., такъ что, если бы мы могли учесть отливъ, вызываемый перечисленными здѣсь явленіями, то оказалось бы, что до полныхъ 100% рецидивистовъ недоставало бы очень немного. Это было бы согласно съ упомянутыми ранѣе показаніями тюремныхъ чиновниковъ.

Далѣе, при наблюденіи надъ видами рецидива мы замѣчаемъ, что большинство привычныхъ преступниковъ не особенно разборчиво и обыкновенно не ограничивается какимъ либо однимъ преступленіемъ опредѣленнаго рода или группою психологически родственныхъ преступленій. *Специалистовъ* мы чаще всего находимъ среди осужденныхъ за преступленія противъ собственности; 66% изъ нихъ совершаютъ однородныя преступленія; во II группѣ—въ преступленіяхъ противъ личности—специалистовъ насчитывается 57%, а въ преступленіяхъ противъ государства и общественнаго порядка—34%.

Бто разъ основательно погрузился въ тину преступной жизни, тому уже трудно снова выкарабкаться на твердую почву. *Наказаніе*, поскольку оно стремится создать мотивъ, противодѣйствующій рецидиву, оказывается *бесильнымъ*. Ибо чѣмъ чаще индивидуумъ испытываетъ на себѣ дѣйствіе наказанія, тѣмъ меньшаго успѣха слѣдуетъ ожидать отъ его примѣненія. Это практическое *сльдствие*, которое мы извели изъ *статистики рецидива*.

Долженъ сознаться, что я не испыталъ ни малѣйшаго «смягченія удручающаго впечатлѣнія, при ближайшемъ знакомствѣ съ данными уголовной статистики». Статистика констатируетъ *приливъ социальнаго опасныхъ элементовъ*, нѣсколько ослабѣвающей со стороны взрослыхъ, но усиливающейся со стороны несовершеннолѣтнихъ; она показываетъ также, что послѣ перваго, а навѣрное уже послѣ третьяго или четвертаго осужденія *исчезаетъ всякая надежда* на спасеніе преступника отъ его печальной участи; она доказываетъ, наконецъ, что человекъ погибаетъ въ смутѣ преступленія въ теченіе очень короткаго періода времени и что *наша карательная система не въ силахъ противостоять этому всливающимся истребительному процессу*.

Громадная армія нарушителей закона живетъ болѣе или менѣе *на счетъ мирнаго граждаина*, который изъ годъ въ года долженъ покрывать издержки на постройку новыхъ *тюремъ, работныхъ и смириТЕЛЬНЫХЪ домовъ* и на *содержаніе* ихъ обитателей.

Исчислить *убытки*, причиняемые каждому лицу кражей и обманомъ, поджогомъ, тѣлеснымъ поврежденіемъ, преступленіемъ противъ нравственности, едва-ли возможно, и во всякомъ случаѣ только съ большимъ трудомъ могутъ быть выражены въ цифрахъ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сдѣлать попытку воспроизвести хотя бы приблизительно вѣрную картину:

Таблица ХLI.

Въ 1899 году въ Германіи было постановлено обвинительныхъ приговоровъ за:

преступленія и проступки.	Число дѣлъ.
Насиліе и угрозы противъ властей	20 398
Нарушеніе домашней тишины	87 305
Прелюбодѣянiе съ насиліемъ и т. п.	9 307
Безнравственныя дѣянiя по отношенію къ лицамъ ниже 14 л.	7 875
Оскорбленія	101 920
Нанесеніе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій	38 591
» тяжкихъ » »	91 714
Простая кража	104 894
» » съ повторнымъ рецидивомъ	18 024
Квалифицированная кража	11 684
» » съ повторнымъ рецидивомъ	3 901
Растрата	39 114
Мошеничество	47 446
» съ повторнымъ рецидивомъ	9 185
Поддѣлка документовъ	10 556
Порча вещей	28 988
Преступленія и проступки вообще	710 564.

Въ 1899 въ общемъ было постановлено судебныхъ приговоровъ по 710564 уголовнымъ дѣламъ, выразившимся въ формѣ преступленій, или проступковъ противъ законныхъ нормъ. Поэтому *судебныя дѣла*, безразлично, закончились ли они оправданіемъ или обвиненіемъ, даютъ лучший масштабъ для оцѣнки ущерба, причиняемаго законному порядку,

нежели число осужденныхъ, такъ какъ каждое дѣло, даже въ томъ случаѣ, если обвиняемый и не былъ признанъ виновнымъ, *причиняетъ ущербъ* обществу.

Эти 700000 случаевъ значительно ниже дѣйствительнаго числа уголовныхъ дѣяній. Только тѣ преступленія становятся предметомъ судебного разбирательства, виновники которыхъ—правильно или нѣтъ—предполагаются въ опредѣленномъ лицѣ; безчисленные кража, убійства, правда, рѣдкія, но настолько сомнительныя по своему исходу, что не даютъ никакого основанія для возникновенія судебного процесса, ускользаютъ отъ судебного контроля. Извѣстно, что понятіе «продолжаемаго преступленія», т. е. предположеніе, что нѣсколько дѣяній обязаны своимъ происхожденіемъ одному единственному рѣшенію, подлежатъ крайне субъективному толкованію. Повсюду, гдѣ суды предполагаютъ «продолжаемое преступленіе», статистикамъ вместо массы отдѣльныхъ преступленій дастъ цѣлый рядъ; поэтому приведенныя въ таблицѣ ХLI цифры представляютъ лишь *минимумъ ущерба*, причиненнаго въ 1899 году, чести, здорью и собственности.

Для охарактеризованія прочности *законнаго порядка*, я приведу лишь нѣсколько примѣровъ. Кражи, мошенничество и растраты выражаются въ количествѣ 234248 отдѣльныхъ случаевъ; къ сожалѣнію, намъ совершенно неизвѣстна хотя бы приблизительная средняя величина ущерба причиненнаго каждымъ изъ этихъ случаевъ. Во всякомъ случаѣ не можетъ быть сомнѣній, что вредъ, причиненный народному благосостоянію этими преступленіями противъ собственности громадеиъ.

Болѣе доступно оцѣнкѣ значеніе того вреда, который обуславливается преступленіями *противъ нравственности*. Въ теченіе одного года по меньшей мѣрѣ 7875 дѣтей ниже четырнадцатилѣтняго возраста стали жертвою изнасилованія. Хотя нельзя доказать, что это калѣченіе съ физической и нравственной стороны остается навсегда,—воспомнаніе о случившемся можетъ изгладиться,—но все же есть не мало дѣтей, которыя сохраняютъ воспомнаніе пережитой ими печальной исторіи, какъ о неизгладимомъ *позорѣ*, отравляющемъ сознаніе ихъ на всю жизнь.

Относительно третьяго вида преступленій я могъ произвести довольно точный учетъ ихъ соціального вреда. Въ моей упомянутой уже на 58 стр. работѣ, я могъ доказать, что лишеніе трудоспособности вслѣдствіе нанесенія *тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій* для каждаго изъ пострадавшихъ выразилось въ теченіе двухъ лѣтъ въ Вормсѣ среднею цифрою 7,3 дней. Если приложить этотъ, отнюдь не преувеличенный, масштабъ къ оцѣнкѣ матеріальнаго вреда, причиненнаго тяжкими тѣлесными поврежденіями во время 1899 года, то мы получимъ громаднѣй-

шія цифры. Число этих дѣяній, ставшихъ предметомъ судебного разбирательства, доходило до 91714; считая по 7,3 дней лишенія трудоспособности на каждый изъ этихъ случаевъ, мы получимъ 669512,2 дней, или, считая 365 дней за годъ, 1834,3 года! Эта цифра опредѣляетъ *потерю непосредственной трудоспособности*, причиняемой ежегодно *рыцарями ножа*.

Въ этомъ исчисленіи я опустилъ случаи незначительныхъ тѣлесныхъ поврежденій, но также два *смертныхъ случая* и пять *опасныхъ для жизни раненій*. Если мы допустимъ, что эти тяжкіе несчастные случаи происходятъ повсюду приблизительно одинаково часто, то въ теченіе года это должно составить 500 *убитыхъ* и 1250 *опасно раненыхъ*. Сколько среди нихъ кормильцевъ семействъ? Будетъ ли жена, которой принесутъ домой ея мужа, заколотога уличнымъ героемъ, шутиливо спрашивать вмѣстѣ съ *Вахомъ*,—«полезно ли неисправимаго уличнаго героя въ теченіе всей его жизни кормить въ качествѣ государственнаго пансіонера въ тюрьмѣ, лишь потому, что если онъ будетъ внѣ тюрьмы, то тотъ или иной получитъ отъ него *рубецъ*?» Такія фразы очень эффектны когда на какомъ нибудь торжественномъ собраніи хотять пробудить сознаніе, что все въ современномъ правовомъ государствѣ обстоитъ благополучно. Но родители, ребенокъ которыхъ обезцѣненъ, сынъ которыхъ, вся ихъ надежда,—искалѣченъ, говорятъ иначе. Они совѣтъ не чувствуютъ, что мы живемъ «въ нормальномъ, удовлетворительномъ, здоровомъ правовомъ состояніи».

Я набросалъ здѣсь только важнѣйшія штрихи картины *нестойчивости существующаго порядка*. Неизмѣримъ вредъ, изъ году въ годъ причиняемый соціальной жизни. Последнія некра надежды на будущее гаснегъ, если вспомнить, что уже въ теченіе столькихъ лѣтъ важнѣйшія и опаснѣйшія преступленія растутъ безостановочно и что преимущественно наша молодежь—такъ рано и неудержимо бросается въ омутъ преступленія! Ясно, куда можетъ привести насъ такое положеніе дѣлъ, если мы не примемъ рѣшительныхъ мѣръ для борьбы съ этимъ зломъ. И мы должны обратнться къ нимъ возможно *скорѣе* и дѣйствовать *сознательно и планомерно*.

Предупрежденіе преступленія.

Разсмотрѣніе *опасностей, грозящихъ устойчивости современнаю законнаго порядка* привело насъ къ мрачному взгляду, который слѣдуетъ теперь разсѣять. Но необходимо ли было этого рисовать столь мрачными красками современное положеніе? Не развивается ли такимъ путемъ чувство собственнаго безсилія, взирающаго съ отча-

ліемъ на приближеніе готового разразиться бѣдствія, противъ котораго нѣтъ никакой защиты? Я этого не думаю. Только тотъ, кто открыто смотреть въ лицо *будущему*, съумѣетъ правильно воздѣйствовать и на *настоящее*.

Когда въ Гамбургѣ разразилась холера, наши санитарныя власти не *скрыли* болѣзни и не преуменьшили ея опасности, какъ это часто дѣлается въ иныхъ государствахъ; они *безбоязненно указали* размѣры опасности, которою грозила Германія страшная эпидемія и приняли строжайшія мѣры, чтобы помѣшать ея распространенію. И, какъ извѣстно, выполнили свою задачу съ блестящимъ успѣхомъ. Точно также, по моему мнѣнію, слѣдуетъ отнестись къ анализу вопроса о степени опасности, грозящей современному положенію общества, со стороны преступности; если мы вообще желаемъ серьезнаго улучшенія современнаго ненормальнаго порядка вещей, то мы должны посмотрѣть истинѣ прямо въ глаза.

Съ уничтоженіемъ эпидеміи задача санитарныхъ властей не закончилась. Они старались найти *причину* эпидеміи и, обезпечивъ городъ здоровой питьевой водою, надолго обезопасили его жителей отъ повторенія подобныхъ печальныхъ событій. Такого рода «предупрежденіе» всегда считалась серьезнѣйшей и важнѣйшей задачей *врача*, но и для *соціологовъ* и *криминалистовъ* и не знаю иной болѣе высокой задачи, какъ *предупрежденіе преступленій*.

Путь къ улучшенію длиненъ и тяжелъ; но цѣль, къ которой онъ ведетъ, теперь уже не такъ туманна и не такъ безнадежно далека отъ насъ. Намъ извѣстны уже *препятствія*, которыя насъ отдѣляютъ отъ нея. Соединенными силами удастся уравнять этотъ путь, и каждый шагъ впередъ будетъ служить исходнымъ пунктомъ новаго поступательнаго движенія. Каждое *мѣропріятіе*, которое ведетъ къ физическому, духовному и экономическому *оздоровленію* народа, является *оружіемъ въ борьбѣ съ преступностью*.

Ферри¹⁾ называетъ мѣры *предупрежденія* преступленія «мѣрами замѣняющими наказаніе». Это не вѣрно, ибо онѣ должны *не замѣнять* наказанія, но *предупреждать* необходимость ихъ примѣненія. Эти *средства предупрежденія* совпадаютъ съ задачами *соціальной гігіены*. Поэтому вопросы уголовной профилактики лучше всего разрѣшаются въ связи съ основными задачами соціальной гігіены—борьбой съ *алкоголемъ* и *экономическими бѣдствіями*, ибо въ нихъ слѣдуетъ признать главный источникъ важнѣйшихъ преступленій.

Если бы удалось *устранить обычаи*, сопровождающіеся *пьянствомъ*, то этимъ самымъ многія преступленія, связанные съ алкоголемъ и

¹⁾ Ferri, *Das Verbrechen als soziale Erscheinung*. стр. 179.

его послѣдствіями, были бы уничтожены въ самомъ зародышѣ. Конечно—*не все и не повсюду*. Не все—потому что грубость и наклонность къ насильственнымъ дѣйствіямъ мы не въ силахъ искоренить, устранивъ лишь обстоятельство, играющее роль искры, брошенной въ пороховую бочку. Не повсюду—это лучше всего показываетъ южная Италия, гдѣ ножъ очень легко пускается въ дѣло, даже когда его обладатель и не находится подъ дѣйствіемъ алкоголя. Однако для Германіи ограниченіе обычныхъ размѣровъ потребленія спиртныхъ напитковъ было бы настоящимъ благословеніемъ для многихъ несчастныхъ, которыхъ пьянство губитъ на долгіе годы.

Если допустить, что можно было бы однимъ ударомъ *устранить злоупотребленіе алкоголемъ*, то въ силу уже одного этого *пятая* часть случаевъ нанесенія тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій исчезла бы; если же устранить только половину случаевъ пьянства, то все же исчезла бы *десятая* часть обвинительныхъ приговоровъ. Число лицъ, ежегодно являющихся передъ уголовнымъ судьей, уменьшилось бы на 50000 человекъ, не считая безчисленныхъ преступленій, происходящихъ изъ того же источника, какъ нанесеніе легкихъ тѣлесныхъ поврежденій, оскорбленія и т. п. Это не фантастическая *мечта*; это—почти экспериментально доказанный *фактъ*. Въ Ирландіи знаменитому патеру Матью ¹⁾ удалось силою своего личнаго авторитета и увлекательными рѣчами въ нѣсколько лѣтъ приучить къ полному воздержанію 1.800.000 человекъ. Успѣхъ получился до того поразительный, что въ то время какъ еще въ 1838 г. насчитывалось 12096 тяжкихъ преступленій въ Ирландіи, въ 1841 г. число ихъ упало до 773, т. е. до 16-й доли прежняго числа!

Но *слишкомъ незначительный промежутокъ времени*, въ теченіе котораго сохранялась эта благоприятная перемѣна, показываетъ только, что избранный путь не былъ *истиннымъ* путемъ; особенно въ Германіи трудно было бы возлагать какія либо серьезныя надежды на воспитаніе народа въ смыслѣ *воздержанія*. Менѣе безнадежной была бы ужъ попытка распространить среди широкихъ массъ научныя свѣдѣнія, доказывающія полную неосновательность приписываемыхъ алкоголю полезныхъ свойствъ, и, напротивъ, указывающихъ на страшный вредъ, причиняемый народному здоровью и народному благосостоянію спиртными напитками. *Борьба съ злоупотребленіемъ* алкоголемъ и главнымъ образомъ борьба съ тѣми его формами, на которыя обыкновенно смотрятъ, какъ на *случайное, безобидное* пьянство, многимъ кажется чѣмъ то вродѣ спорта, каприза непрощенныхъ благодѣтелей народа. Не такую однако она представляется тому, кто знаетъ, въ какой тѣсной связи находится даже *случайное пьянство* съ преступленіемъ, кто знаетъ, что и за ми-

нужное удовольствіе, связанное съ попойкой, люди платятся *годами страданія*; кто знаетъ размѣры вреда, причиняемаго *народному благосостоянію* пьянствомъ.

На ряду съ *просвѣщеніемъ* народа, которому образованные люди должны также подавать добрый примѣръ, не сѣдуетъ, конечно, игнорировать и другихъ средствъ, которыми можно пользоваться въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Возможно *высокаю обложенія* спиртныхъ напитковъ, *повышенія налоговъ* на вино и пиво въ Германіи не легко будетъ добиться. «Чарочка» и «жидкій хлѣбъ» бѣдняка не должны быть повышаемы въ цѣнѣ. Съ другой стороны, сельскіе хозяева съ большимъ трудомъ могли бы рѣшиться ограничить размѣры *винокуренія*. Но партія, которая отважилась бы выступить въ германскомъ рейхстагѣ съ предложеніемъ о введеніи болѣе высокаго обложенія алкогольныхъ напитковъ, должна была бы устоять противъ всякихъ враждебныхъ вылазокъ, сильная сознаниемъ, что такая мѣра создастъ *моуцесивенную плотину* противъ усиливающагося потока преступленія. «Обложеніе и особенно всякія косвенныя ограниченія производства и продажи алкоголя являются, въ борьбѣ съ преступностью, средствами болѣе дѣйствительными, нежели монументальныя тюремныя зданія»¹⁾.

Въ этомъ отношеніи много хорошаго можно ожидать отъ *запрещенія домашняго винокуренія* и затрудненія *концессій на производство распивочной продажи*, такъ же, какъ и отъ *запрещенія продажи водки съ полудня субботы до понедѣльника*, какъ это дѣлается въ Норвегіи; отъ *запрещенія распиванія ея на площадяхъ для найма рабочихъ* и отъ *уплаты недѣльную заработка среди недѣли*.

Всѣ эти мѣры, къ которымъ можно прибавить еще много другихъ, навѣрное будутъ несприятно встрѣчены рабочими, какъ *посягательство на ихъ жизненныя привычки*. Вмѣстѣ съ стѣснительной регламентаціей производства и продажи спиртныхъ напитковъ затруднятся и посященіе кабачковъ, единственнаго мѣста развлеченія для рабочихъ, особенно холостыхъ. Для успѣха борьбы съ пьянствомъ на это именно обстоятельство и сѣдуетъ обратить вниманіе. Необходимо предоставить рабочимъ возможность посѣщать такія мѣста, гдѣ бы они, и совѣмъ не потребляя спиртныхъ напитковъ, или же потребляя ихъ только между прочимъ, могли найти вкусную, здоровую и дешевую пищу, достаточно простора, свѣта и тепла для пріятнаго время препровожденія и бесѣды,—мѣста, которыя они могли бы посѣщать вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, не рискуя натолкнуться на грубыя сцены пьянаго разгула. Устройство народныхъ читаленъ, народныхъ концертовъ, открытіе музеевъ по вечерамъ и воскреснымъ днямъ, гимнастическія и подвижныя игры—всѣ

¹⁾ *Ferri*, Цитировъ соч., стр. 185.

эти мѣры въ связи съ уже ранѣе разсмотрѣнными въ состояніи были бы большую и лучшую часть рабочихъ отвратить отъ пропитанныхъ табачнымъ дымомъ шумныхъ кабацковъ и сдѣлать для нихъ излишнимъ *обычное посѣщеніе трактировъ.*

Это однако не устранить бѣдности, господствующей среди низшихъ классовъ. Тотъ комфортъ, который онъ найдетъ внѣ дома, приобщить его къ нѣкоторымъ радостямъ жизни, но не въ состояніи будетъ—по крайней мѣрѣ къ этому не слѣдуетъ стремиться—замѣнить ему его собственный очагъ. Въ этомъ отношеніи косвенная система мѣръ борьбы съ алкоголемъ примыкаетъ къ задачамъ *жилищной шіены*, которая въ интересахъ здоровья и половой нравственности старается устранить скученность и совмѣстное жительство различныхъ семействъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ. Постройка небольшихъ *домиковъ* вмѣсто большихъ общихъ помѣщеній, устройство скромныхъ, но здоровыхъ жилищъ, съ *садами*, гдѣ это окажется возможнымъ,—всего сильнѣе привяжутъ рабочихъ къ дому и семьѣ и его собственный очагъ сдѣлаютъ для него милѣе кабака.

Широкія массы народа должны воспитываться въ такомъ духѣ, чтобы они научились *цѣнить прелесть семейной жизни*; нужно пробудить въ нихъ потребность въ *образованіи* и *высшихъ духовныхъ удовольствіяхъ* и нужно *удовлетворять* эту потребность. Тогда результатъ всѣхъ этихъ мѣръ, косвеннымъ образомъ направленныхъ противъ злоупотребленій алкоголемъ, окажется, быть можетъ, даже болѣе значительнымъ и болѣе длительнымъ, нежели результатъ непосредственной борьбы съ алкоголизмомъ.

Зависимость *кражъ* отъ *экономическаго положенія* заставляетъ насъ обратить вниманіе также и на эту сторону вопроса. Здѣсь мы также должны дѣйствовать такимъ рычагомъ; при помощи котораго можно было бы устранить крайнюю бѣдность. Роль такого рычага не подь силу частной благотворительности, хотя среди лицъ совершенно впадшихъ въ нищету она находитъ самое широкое поле дѣятельности. Прежде всего предстоитъ *государству* и *общинамъ* выполнить свою задачу. *Обезпеченіе больныхъ и инвалидовъ, организація общественной благотворительности, рабочихъ бюро, страхование отъ болѣзни, несчастныхъ случаевъ, безработицы, а въ деревнѣ—и отъ эпизоотій, градобитій и пожаровъ, устройство обязательныхъ сберегательныхъ кассъ*—таковъ рядъ отдѣльныхъ мѣръ, способныхъ поднять народное благосостояніе и обезпечить отъ наихудшихъ бѣдствій. Во время экономическихъ кризисовъ, когда и самые усердные рабочіе лишаются мѣста, въ эпохи сильнаго повышенія цѣнъ на жизненные предметы, при наступленіи особенно сильныхъ холодовъ, упомянутыя мѣры не дѣйствительны. Въ этихъ случаяхъ общими силами должны прийти со

своею щедрою помощію имущіе классы, содѣйствуя организаціи *работъ для бѣдныхъ, раздачи хлѣба и угля, устройству комнатъ для обогреваія, убѣжищъ для безпріютныхъ.*

Мы этимъ не искоренимъ воровства; но мы все-таки спасемъ лучшія натуры среди преступниковъ, тѣхъ, которые на границѣ крайняго отчаянія готовы поколебаться.

Несчастное положеніе *дѣтей*, родившихся *внѣ брака*, или от *родителей-пьяницъ въ преступной обстановкѣ*, и съ раннихъ лѣтъ обреченныхъ на умственную и моральную деморализацію, уже давно привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе и дѣятельное участіе. Хорошо было бы, если бы мы могли помѣшать *рожденію* такихъ большею частью физически и духовно недоразвитыхъ дѣтей. Такой смыслъ имѣетъ *запрещеніе браковъ между эпилептиками, пьяницами, тяжкими преступниками и душевно-больными*, запрещеніе, котораго многіе добиваются. Большихъ надеждъ возлагать на эту мѣру нельзя; мы можемъ помѣшать *заключенію браковъ*, но не можемъ помѣшать *произведенію на свѣтъ дѣтей*; среди низшихъ же слоевъ народа эта запретительная мѣра привела бы къ усиленію *незаконнаго брака* на счетъ законнаго. Поэтому наши заботы должны пока ограничиться тою помощію, которую мы можемъ оказать дѣтямъ, развивающимся въ *опасной* для нихъ *преступной средѣ*.

Опасность угрожаетъ и дѣтямъ, происходящимъ отъ такихъ браковъ, при которыхъ, благодаря крайней матеріальной нуждѣ, отношенія между родителями носятъ характеръ исключительно *внѣшняго сожительства для произведенія на свѣтъ многочисленную большей частью потомства*. При такихъ брачныхъ союзахъ мужъ съ утра до поздняго вечера работаетъ на фабрикѣ, а жена занята въ качествѣ прачки, разносчицы или также на фабрикѣ; никто не заботится ни о приглядѣ, ни о воспитаніи дѣтей. Въ лучшемъ случаѣ они находятся подъ надзоромъ какой нибудь сосѣдки или совершенно предоставлены самимъ себѣ; часто они также привлекаются къ какой нибудь побочной работѣ въ качествѣ разносчиковъ хлѣба, газетъ, продавцевъ цвѣтовъ или свичекъ. Улица восполняетъ впечатлѣнія, которыя ребенокъ получаетъ въ тѣсномъ кругу семьи. До времени созрѣвшихъ, не получившихъ никакого воспитанія, эти несчастныя созданія легко становятся жертвою обступавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ искушеній.

Германское гражданское уложеніе заботу о безпрізорныхъ дѣтяхъ поручаетъ мѣстному законодательству. Къ счастью, отдѣльныя союзныя государства скоро сознали *серьезность* положенія и издали рядъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ отдѣльныхъ законоположеній, допускающихъ вмѣшательство государства, *прежде чѣмъ* ребенокъ или подростокъ посредствомъ *преступленія* обнаружитъ *отсутствіе воспитательнаго надзора*.

Прусскій законъ о «попечительномъ воспитаніи малолѣтнихъ» (= *Fürsorgeerziehung Minderjähriger*) отъ 2-го іюля 1900 г.¹⁾ избѣжалъ выраженіе «принудительное воспитаніе», принятое большинствомъ государствъ, чтобы тѣмъ самымъ предупредить опасность истолкованія этого государственнаго воспитанія, какъ замѣны карательной мѣры, которая могла бы оставить *клеймо позора* на такомъ ребенкѣ. Это было бы тѣмъ болѣе несправедливо, что мы не должны допускать распространія *вины родителей* на ихъ дѣтей; кромѣ того, безпризорностью дѣти обязаны гораздо меньше злой волѣ своихъ родителей, чѣмъ фактической невозможности для послѣднихъ надлежащимъ образомъ воспитать своего ребенка, такъ какъ этому мѣшаютъ ихъ болѣзни, постоянное пребываніе внѣ дома, страшная нищета.

Само собою разумѣется, что помѣщеніе безпризорныхъ дѣтой въ воспитательныя учрежденія—только *одно изъ средствъ* для предупрежденія ихъ окончательной гибели. Если въ одномъ учрежденіи скопляется очень большое число дѣтей, родившихся въ преступныхъ семьяхъ и уже достаточно испорченныхъ, то этимъ самымъ создается опасность *психическаго зараженія* дѣтей еще здоровыхъ; поэтому справедливо обращеніе на такой способъ ихъ изолированія, какъ размѣщеніе ихъ въ подходящихъ *семьяхъ*. Но мы не должны забывать, что семья не всегда рѣшается приютить у себя чужого ребенка по *безкорыстнымъ побужденіямъ* и что къ такому рѣшенію побуждаетъ ее часто интересъ, заключающійся въ *приобрѣтеніи лишней рабочей силы*.

Итакъ, на это дѣло должны быть направлены объединенныя силы всѣхъ существующихъ воспитательныхъ учреждений, принадлежащихъ церквамъ, общественнымъ союзамъ и частнымъ лицамъ. Я лично больше всего рассчитываю на «попечителей» (*Fürsorger*), которые должны наблюдать «за правильнымъ воспитаніемъ въ духѣ требованій социальнаго общежитія». Только съ расширеніемъ области примѣненія попечительнаго воспитанія съ соответственнымъ увеличеніемъ числа активныхъ дѣятелей, мы будемъ обладать цѣлымъ штабомъ помощниковъ, которые съ интересомъ къ отдѣльнымъ питомцамъ соединятъ интересъ и къ самому дѣлу и, быть можетъ, къ профилактикѣ преступленій во всемъ ея объемѣ. Недостатка въ работѣ они никогда не будутъ ощущать.

Въ связи съ этимъ слѣдуетъ упомянуть и о *попечительствѣ* (патронатѣ) надъ заключенными, отбывшими наказанія и освобожденными изъ тюрьмы, задача котораго состоитъ въ *предупрежденіи рецидива*. Это учрежденіе подвергается рѣзкой критикѣ со стороны

¹⁾ *Ludwig Schmitz, Wegweiser zum preussischen Fürsorgeerziehungsgesetz.*

Ферри,¹⁾ который говоритъ: «Не слѣдуетъ забывать, какое впечатлѣніе должна произвести поддержка, оказываемая преступникамъ, на рабочихъ, которые часто оказываются въ болѣе несчастномъ положеніи, нежели лица, выпущенныя изъ тюрьмы». Этотъ взглядъ покоится на полномъ игнорированіи той цѣли, какую имѣютъ въ виду, снабжая лицъ, вышедшихъ изъ тюрьмы работой и предоставляя имъ пріютъ. Если мы предоставимъ этихъ лицъ улицѣ, то этимъ самымъ мы оставимъ на произволъ судьбы общество. Предоставленный только самому себѣ, часто въ чужомъ городѣ, освобожденный изъ тюрьмы лишь съ большимъ трудомъ можетъ отыскать себѣ работу; заработанная сумма денегъ быстро истрачивается, наступаетъ голодъ и тогда всѣ благія намѣренія исчезаютъ; или же, если заработанные деньги пропиваются, то отбывшій наказаніе еще скорѣе впадетъ въ рецидивъ. «Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ тѣ нѣсколько праздныхъ дней, которые вслѣдъ за отбытіемъ наказанія проходятъ въ поискахъ пріюта и работы, ведутъ къ бездѣлю, къ посѣщенію пивныхъ, завязыванію подозрительныхъ знакомствъ и доводятъ освобожденныхъ изъ тюрьмы до такого ожесточеннаго состоянія, при которомъ они становятся недоступными для добрыхъ вліяній.»²⁾

Это слѣдуетъ *предупреждать*. Освобожденному изъ тюрьмы заработанные имъ деньги не слѣдуетъ выдавать на руки; съ этой цѣлью даже понятіе и выраженіе «премія за работу» измѣнено въ *даръ за работу*. Деньги, заработанные заключеннымъ, по освобожденіи его, должны присылаться въ *попечительныя общества*, которыя безъ труда смогутъ предупредить легкомысленныя траты, снабжая рабочимъ инструментомъ, скромной одеждой, деньгами для своевременной уплаты за наемъ квартиры для семьи и т. д.; попечительное общество сумѣетъ поставить дѣло такимъ образомъ, чтобы вновь основываемый домашній очагъ не начиналъ свое существованіе обремененный долгами.

Но главнѣйшая задача патроната состоитъ въ доставленіи *работы*, и еще до момента освобожденія заключеннаго изъ тюрьмы должно озаботиться, чтобы честный, серьезный трудъ могъ бы поддержать его съ самаго начала и облегчить возвращеніе къ нормальной общественной жизни. Стремленія попечительныхъ обществъ не всегда увѣнчиваются успѣхомъ. Отчасти они встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія со стороны тѣхъ лицъ, ради которыхъ они учреждены, отчасти же мѣшаетъ имъ и равнодушіе попечительныхъ органовъ, которые не всѣ свои социальныя функціи исполняютъ съ полнымъ пониманіемъ дѣла. Иной заключенный, выпущенный на свободу, могъ бы быть снова возвращенъ къ нормальной общественной жизни, если бы на пути къ этой цѣли,

¹⁾ Ferri, *Das Verbrechen als soziale Erscheinung*. Стр. 414.

²⁾ Krohne, *Lehrbuch der Gefängniskunde*. Стр. 281.

уебянномъ для него въ настоящее время столькими препятствіями, онъ встрѣтилъ своевременную и энергичную поддержку. *Кроне* ¹⁾ чрезвычайно ярко изображаетъ борьбу преступника за свою гражданскую реабилитацию: „По истинѣ грустно наблюдать такую смертельную борьбу; и когда общество закрываетъ на нее глаза, то она вскорѣ и самымъ неприятнымъ образомъ напоминаетъ ему о себѣ, какъ это бываетъ при вѣбхъ конвульсивныхъ судорожныхъ движеніяхъ: они даютъ о себѣ знатъ внѣшними проявленіями. Преступникъ не умираетъ, онъ продолжаетъ жить въ своихъ дѣтяхъ, въ молодыхъ людяхъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ тюрьмѣ, въ трактирахъ. Это настоящее распространеніе бациллы преступности. Обществу слѣдовало бы подумать, какой вредъ оно причиняетъ своимъ же интересамъ, не дѣлая всего возможнаго для возвращенія тюремнаго обитателя въ свою среду; если же это не удастся, то оно должно отвести ему мѣсто, гдѣ ему было бы позволено спокойно умереть, исчезнуть съ горизонта, не заражая другихъ“. Всѣ эти мѣры, предпринимаемыя, повидимому, главнымъ образомъ, въ интересахъ тюремныхъ обитателей, въ дѣйствительности имѣютъ еще большее значеніе для интересовъ общества.

Къ профилактикѣ преступленія должно быть отнесено также *усовершенствованіе полиціи*, энергія въ преслѣдованіи нарушителей закона. Человѣкъ колеблющійся, но знающій, что за его проступкомъ неизбежно послѣдуетъ кара, скорѣе воздержится отъ него, чѣмъ въ томъ случаѣ, если онъ, судя по опыту другихъ, надѣется избѣжать наказанія. Хотя это обстоятельство и не имѣетъ характера высокаго этического мотива, тѣмъ не менѣе въ борьбѣ съ преступленіемъ мы этой помощью не должны пренебрегать. Опаснѣе всего—это *угрозы наказаніями*, которыя остаются *только на бумагѣ* и которыя сравнительно рѣдко приводятъ къ возбужденію судебныхъ процессовъ; таковы, напр., угрозы наказаніемъ за изгнаніе плода, педерастію, сводничество. Такія пустыя угрозы медленно, но вѣрно подкапываютъ, вмѣсто того, чтобы укрѣплять, правовое сознаніе въ обществѣ.

А укрѣплять его крайне необходимо. При сенсационныхъ процессахъ, необыкновенно звѣрскихъ убійствахъ, колоссальныхъ мошенничествахъ негодованіе всего общества проявляется такъ единодушно, что не трудно создать себѣ иллюзію о высокой степени развитія правового сознанія народа. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго не оказывается при повседневныхъ случаяхъ менѣе серьезныхъ правонарушеній. „Базарныя

¹⁾ *Krone, Mittheilungen der internationalen kriminalistischen Vereinigung. T. VI. стр. 568.*

деньги“, которыя кухарки удерживаютъ въ свою пользу; добавленіе воды къ молоку, обвѣшиваніе—словомъ вся область „недобросовѣстной конкуренціи“ указываетъ на такой же низкій уровеньъ развитія правового сознанія, какъ и неправильныя показанія при уплатѣ налоговъ или таможенныхъ сборовъ.

Но именно послѣдніе примѣры показываютъ, какъ медленно совершается прогрессъ въ общественномъ правосознаніи. Еще немного лѣтъ назадъ послѣ каждаго переѣзда черезъ австрійскую, французскую и итальянскую границу не безъ гордости доставали изъ потайного мѣста сигары, которыя имъ удалось провезти безъ оплаты пошлиной, и затѣмъ съ милой откровенностью и въ пріятной компаніи рассказывали о тѣхъ хитростяхъ, къ которымъ имъ нужно было прибѣгнуть, чтобы обмануть бдительность пограничной стражи. Теперь это вообще считается неприличнымъ, и хотя я увѣренъ, что этотъ видъ контрабанды практикуется еще довольно часто, но уже далеко не такъ открыто, какъ раньше и не подъ видомъ справедливой обороны отъ несправедливыхъ требованій государства. Какъ ни незначителенъ указываемый нами фактъ, я считаю его однако симптомомъ, свидѣтельствующимъ о способности къ чуткому различенію права отъ правонарушенія.

Цѣмъ рѣзче наше правосознаніе протестуетъ противъ отклоненій отъ прямого пути закона даже въ тѣхъ случаяхъ, которые не требуютъ вмѣшательства уголовного судьи, тѣмъ сильнѣе это способствуетъ повышенію правового чувства во всемъ обществѣ. Достигенію такого положенія должны содѣйствовать, сообразно съ условіями индивидуальности, происхожденія и воспитанія, *семья и школа, церковь и печать*. Если я наряду со школою и церковью ставлю печать, то должно объяснить, почему я придаю ей такое серьезное значеніе. Прежде всего потому, что она приноситъ вредъ и именно въ двухъ направленіяхъ: во первыхъ путемъ обнародованія отчетовъ о судебныхъ процессахъ съ обозначеніемъ, какъ это всегда дѣлается, именъ лицъ, подвергнутыхъ осужденію, что не только неудобно для самихъ этихъ лицъ, встрѣчающихъ позднѣе въ этомъ серьезное затрудненіе, когда они пытаются возвратиться къ нормальной жизни, но и для родственниковъ преступника, которымъ приходится пережить крайне непріятныя чувства; а затѣмъ описаніе преступленій совѣтъ не способствуетъ подъему нравственности. Стоитъ только вспомнить о процессѣ Штеренберга, подробности котораго составляютъ въ высшей степени неудобную тему для разговоровъ.

Бросающееся въ глаза явленіе, что нѣкоторыя необыкновенно звѣрскія преступленія совершаются часто за короткій періодъ времени и сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ,—слѣдуетъ также приписать влиянію, хотя и совершенно непредназначенному, газетъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ болѣзненнаго характера. Цѣлый рядъ отвратительнѣйшихъ пре-

ступленій противъ нравственности совершаются эпилептиками въ ненормальномъ состояніи. Но въ подготовленіи этихъ состояній значительную роль играютъ представленія, слагавшіяся при нормальныхъ условіяхъ; такъ, основанныя на газетныхъ извѣстіяхъ воспоминанія о трупахъ, разрѣзанныхъ на куски, о пожарахъ, убійствахъ, могутъ направить разстроенное воображеніе эпилептика по опасному пути. Также и неуравновѣшенные люди, хотя и не больные, особенно среди молодежи, легко могутъ стать жертвою маніи величія, увлекаясь заманчивою надеждою встрѣтить въ газетахъ разсказъ о своихъ геройскихъ подвигахъ, а въ какойнибудь изъ «судебныхъ газетъ», быть можетъ, и свой портретъ.

Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ пресса можетъ принести громадный вредъ; даже простые отчеты о ежедневныхъ кровавыхъ дракахъ, подлогахъ, преступленіяхъ противъ нравственности дѣйствуютъ такъ, что мало по малу притупляютъ чувствительность, и необходимо какоенибудь изъ ряду вонъ выходящее сенсаціонное побочное обстоятельство, чтобы факты эти возбудили чувство негодованія.

Задача прессы должна была бы заключаться въ томъ, чтобы указывать обществу на ту долю вины, которую она несетъ за всякое преступленіе; чтобы пробуждать совѣсть каждого и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе своихъ обязанностей передъ обществомъ. Когда при банковскихъ крахахъ всеобщее возмущеніе клеймитъ виновниковъ, то публикѣ необходимо разъяснить, что каждое отдѣльное лицо, столь жадно стремящееся къ увеличенію доходности различныхъ промышленныхъ бумагъ, которыми оно владѣеть, несетъ на себѣ долю вины за необузданную спекуляцію банковскихъ дѣльцовъ. Когда несчастный исходъ одной веселой попойки стоилъ жизни офицеру, то газеты должны были бы клеймить не столько этотъ конкретный случай, сколько вообще привычки къ пьянству, которыя сопровождаются, если и не столь трагическими, то все же ежедневными и значительными жертвами.

Пресса потому является такимъ серьезнымъ орудіемъ для подъема правосознанія, что она постояннымъ повтореніемъ можетъ оказывать длительное вліяніе, не утомляющее однако своимъ однообразіемъ. Школа, къ сожалѣнію, должно рано прекращать свое вліяніе; а что касается религій, то ея избѣгаютъ прежде всего тѣ, кто въ ней больше всего нуждается. Однако, несмотря на все это необходимо дѣйствовать соединенными силами для общаго дѣла.

Отвѣтственность.

Германское уголовное уложеніе построено на основахъ ученія о *свободѣ воли*. «Право государства — говорится въ мотивахъ про-

екта уголовного кодекса для Сѣверогерманскаго союза,—примѣнять къ преступнику не только *предупредительныя мѣры*, но и *каратъ ею* покоится на обыденномъ требованіи здраваго человѣческаго смысла, въ силу котораго умственно-зрѣлый и здоровый человѣкъ обладаетъ достаточною силою воли, чтобы сдержатъ свои наклонности къ наказуемымъ дѣяніямъ и дѣйствовать сообразуясь съ требованіями общественнаго правосознанія. Въ мою задачу не входитъ подробный анализъ слишкомъ сложнаго вопроса о *свободѣ воли*; тѣмъ не менѣе я не могу обойти его совершенно, въ виду того, что до сихъ поръ многіе почтенные криминалисты кладутъ въ основаніе ученія о „правѣ наказанія“¹⁾ свободу воли, понимаемую иногда въ самомъ широкомъ смыслѣ.

Споръ о свободѣ воли, какъ и всѣ вопросы, относящіеся къ области вѣры и чувства, ведется въ рѣзко приподнятомъ тонѣ. Въ то время какъ *Шопенауеръ* третируетъ сторонниковъ свободы воли, какъ „поверхностно мыслящіе умы“, детерминисты заподозрѣваются со стороны ихъ моральныхъ качествъ. Такъ, баварскій министръ народнаго просвѣщенія *фонъ Ландманнъ*, въ своей привѣтственной рѣчи, обращенной къ членамъ 3-го международнаго психологическаго конгресса, состоявшагося въ 1896 г. въ Мюнхенѣ, явно намекая на докладъ *фонъ Листа* объ „уголовной вмѣняемости“, между прочимъ сказалъ: „Я надѣюсь, что психологическіе конгрессы будутъ содѣйствовать устраненію великой опасности, которою грозятъ общественной жизни культурныхъ націй извѣстныя психологическія теоріи, и убѣжденъ, что эти съѣзды не только не поколеблютъ, но еще болѣе укрѣпятъ прежнюю вѣру въ отвѣтственность человѣка за свои поступки“.

Приемами, подсказанными тѣмъ или инымъ аффектамъ, научные вопросы не разрѣшаются. Принимая во вниманіе, что извѣстная часть нашихъ выдающихся мыслителей, опирается на идею свободы воли, я думаю, что взгляды *Шопенауера* столь-же несправедливъ, какъ и противоположный взглядъ тѣхъ мыслителей, которые полагаютъ, что отрицаніе свободы воли ведетъ къ уничтоженію нравственности и морали, правового и общественнаго состоянія, государства и церкви. Они забываютъ, что *Лютеръ* и *Августинъ* также отрицали свободу воли.

Мы увидимъ ниже, что, *съ совершенно другой точки зрѣнія, отвѣтственность* человѣка за свои дѣйствія вполне согласима съ детерминистическимъ воззрѣніемъ.

Точка зрѣнія *естествознанія*,—а эту точку зрѣнія я здѣсь и могу только защищать,—значительно отклоняется отъ точки зрѣнія „обыденнаго здраваго человѣческаго смысла“. Мы твердо должны держаться того положенія, что *дѣйствіе* наступаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда ему пред-

¹⁾ Birkmeyer, *Gedanken zur bevorstehenden Reform der deutschen Strafgesetzgebung*. Archiv für Strafrecht. T. 48. Сmp. 67.

шествуетъ какая либо *причина*. Поэтому и явленіямъ, которыя мы называемъ волевыми дѣйствіями, долженъ предшествовать извѣстный процессъ, который играетъ роль причины по отношенію къ этимъ явленіямъ; процессъ этотъ совершается въ нашемъ мозгу и такимъ образомъ находится въ зависимости отъ его *состоянія*.

Безпричинной и, слѣдовательно, не обусловленной мотивами «свободной воли» не существуетъ. Нельзя однако отрицать, что извѣщиваніе мотивовъ за и противъ какого либо поступка и выборъ окончательнаго рѣшенія сопровождается ощущеніемъ, которое для наблюдателя легко можетъ создать иллюзію «свободной воли»; и это тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ поверхностнѣе анализъ наблюдателя своихъ собственныхъ сознательныхъ дѣйствій. И однако признаніе закона *причинности* заставляетъ насъ отказаться отъ этой иллюзіи, лестной для нашего самолюбія и нашей гордыни. Положеніе, что наши дѣйствія вытекаютъ изъ воли, стоящей внѣ зависимости отъ какихъ либо мотивовъ, привело бы къ самымъ опаснымъ послѣдствіямъ. «Что стало бы съ нашимъ міромъ, если бы все сущее не было подчинено и объединено въ одно цѣлое закономъ необходимости? Онъ представлялъ бы собою нѣчто чудовищное, какой то хаосъ, безсмысленную и нелѣзную карикатуру, гдѣ господствовалъ бы исключительный, ничѣмъ не ограниченный случай». ¹⁾

Каждый поступокъ есть конечный результатъ, обусловленный воздействием ряда *мотивовъ* на опредѣленный *характеръ*. Мы очень далеки еще отъ возможности генетически ясно прослѣдить весь этотъ процессъ въ его цѣломъ. Но такъ какъ на насъ дѣйствуетъ большое количество мотивовъ, которыхъ мы не знаемъ, которые мы при тщательномъ самонаблюденіи можемъ только предчувствовать, то мы должны съ осторожностью судить о другихъ привычнымъ для нашего мышленія и потому совершенно *субъективнымъ масштабомъ* и остерегаться отъ преувеличенія значенія нашихъ собственныхъ рѣшеній.

Реакціи на внѣшнія или внутреннія *раздраженія* въ высшей степени различны; онѣ находятся въ зависимости отъ *индивидуальнаго характера*. Но справедливо ли утвержденіе, что «характеръ каждого отдѣльнаго лица не есть нѣчто извнѣ обусловленное, данное или даже навязанное, но является благопріобрѣтеннымъ свойствомъ самой личности — познающей, разсуждающей и дѣлающей выборъ, — продуктомъ самовоспитывающейся свободной воли»? ²⁾ Въ этихъ словахъ чрезвычайно умаляется значеніе предрасположеній, прирожденныхъ *наклонностей*, имѣ-

¹⁾ Schopenhauer, *Über die Freiheit des menschlichen Willens*. Pbilipp Reclam. T. III. Стр. 441.

²⁾ Ortloff, *Die Verminderung der Willensfreiheit im Determinismus*. Zeitschr. f. d. ges. Strafrechtswissensch. T. XII Стр. 327.

ющихся у каждаго уже при рожденіи. Съ внѣшней стороны изъ врожденныхъ свойствъ бросается прежде всего въ глаза *интеллектъ* и потому онъ часто не заслуженно выдвигается на первый планъ. Способность воспринимать впечатлѣнія и перерабатывать ихъ поддается довольно точной оцѣнкѣ. Не столь ясна роль *аффектовъ*¹⁾. Если мы даже не будемъ вмѣстѣ съ *Вундтомъ* всегда принимать за исходный пунктъ каждаго волевого акта аффектъ, тѣмъ не менѣе мы не можемъ игнорировать его вліянія на отдѣльныя дѣйствія и образованіе характера. Сила *эмоциональныхъ движеній* есть несомнѣнно *свойство*, которое подъ вліяніемъ *воспитанія* и *жизненнаго опыта* можетъ подвергнуться крупнымъ видоизмѣненіямъ, но столь же несомнѣнно, что оно не всегда дѣйствительно подвергается имъ. Вліянію жизненнаго опыта гораздо легче поддается *разсудокъ*, подвергаясь воздѣйствію со стороны школы, окружающихъ примѣровъ, наставленій. Однако въ данный опредѣленный моментъ, напр., во время преступленія, характеръ человѣка является предъ нами, какъ нѣчто уже готовое, законченное, измѣнившійся только послѣ принятаго рѣшенія или подъ непосредственнымъ его вліяніемъ. Въ этотъ моментъ, слѣдовательно, новая «свободная» черта въ характерѣ болѣе невозможна, поступокъ вытекаетъ съ неизбѣжной необходимостью, какъ слѣдствіе внѣшнихъ и внутреннихъ мотивовъ, дѣйствующихъ на данный характеръ.

Но мы на этомъ не должны остановиться и, иди далѣе, должны спросить себя, какъ образуется *характеръ*? Не будемъ говорить о томъ, что окружающая среда, семья, воспитаніе, религіозныя, социальныя, этическія вліянія не могутъ видоизмѣняться по произволу, по желанію отдѣльнаго индивидуума. Напрасно, однако, спрашиваемъ мы, почему мысль и чувство одного человѣка преимущественно и тѣсно соприкасается съ этически положительными *альтруистическими представленіями*, тогда какъ на другого они не оказываютъ ни малѣйшаго дѣйствія? Стоитъ только прослѣдить въ *обратномъ порядкѣ*, съ соблюденіемъ всевозможной объективности, развитіе характера индивидуума до того пункта, при которомъ возможно «*хотѣніе*» *характера*, и мы неизбѣжно прійдемъ къ нашей исходной точкѣ, «къ извѣстнымъ *наклонностямъ*—интеллектуальнымъ, аффективнымъ, и убѣдимся тогда, что и развитіе характера не есть продуктъ «свободной воли». Припишемъ ли мы главную долю участія въ созданіи конечнаго результата *несовершенной организаціи* или *неправильному развитію*—для самого факта это безразлично: *образованіе характера независимо отъ доброй воли человѣка*.

Если преступленія являются *результатомъ* не свободной воли человѣка, а *сложнаго процесса*, обусловливаемого, съ одной стороны, орга-

¹⁾ Hoche, *Die Freiheit des Willens vom Standpunkte der Psychopathologie*. Wiesbaden 1902 Стр. 14.

лизацией и развитіемъ мозга, интеллектомъ и накопленнымъ опытомъ, эмоциональной возбудимостью, и съ другой—внѣшними обстоятельствами,—то по какому праву можемъ мы дѣлать *ответственнымъ* преступника за его дѣйствія?

Наблюденія надъ животнымъ міромъ показываютъ, что каждый организмъ *реагируетъ* на раздраженіе съ достаточной силой. Особенно рѣзко проявляется эта реакція при *безмокоинныхъ* раздраженіяхъ, угрожающихъ *существованію индивидуума*. Мотивомъ *защиты отъ нападенія* является *личное благополучіе и самохраненіе*. Таковы мотивы защиты отъ нападенія у каждой клѣточки, у каждого животного, у каждого человека. Поэтому самой первоначальной стадіей въ развитіи наказанія была простая *защита*. Это мы наблюдаемъ въ настоящее время у племенъ, стоящихъ на низшей ступени развитія.

Дальнѣйшей стадіей этого развитія является реакція, не *непосредственно* совпадающая съ моментомъ нападенія, а наступающая уже нѣсколько поздиѣе и представляющаяся въ видѣ мести. Обѣ стадіи, и непосредственно проявляющаяся и запаздывающая, *функция обороны* и *функция возмездія*, являются для насъ двумя ступенями, изъ которыхъ низшая, *индивидуальная*, предшествуетъ *соціальной*. Индивидуумъ, подвергающійся нападенію, въ своей самооборонѣ и мести легко переступаетъ мѣру необходимаго и этимъ даетъ поводъ къ новымъ *ответнымъ реакціямъ*. Типическимъ примѣромъ служитъ обычай кровавой мести, часто приводящей къ истребленію цѣлыхъ семей.

Присвоеніе функции обороны болѣе сложнымъ организмомъ, т. е. цѣлой *племенной общиной* и *государствомъ* ведетъ къ болѣе цѣлесообразному *опредѣленію* мѣры *необходимой* реакціи на совершившееся нападеніе. Тѣ лица, которые стали во главѣ такихъ соціальныхъ организмовъ, приняли на себя функцию разрѣшенія серьезныхъ случаевъ и, уполномоченные племенемъ или государствомъ, заботились объ *исполненіи* реакціи.

Новый элементъ былъ введенъ духовенствомъ: «Въ ихъ рукахъ», пишетъ Ферри ¹⁾, «первоначальная или государственная месть получила характеръ *божественной мести* и изъ чисто оборонительной функции превратилась въ *моральную и религіозную*. Слѣдствіемъ этого было то, что, какъ и во всѣхъ явленіяхъ духовно-религіознаго характера, и здѣсь приобрѣли значеніе строгій формализмъ и мистическое *понятіе объ искупленіи*».

Съ развитіемъ государственнаго строя *судебная власть* снова перешла изъ рукъ духовныхъ въ руки свѣтскихъ людей, но понятіе объ искупленіи сохранилось: наказаніе понималось, какъ мѣра *возмездія*. Какъ это будетъ потомъ доказано, этотъ первоначально чуждый наказанію мотивъ

¹⁾ Цитиров. соч., стр. 156.

не могъ быть проведенъ послѣдовательно, и законодательные кодексы, построенные на этомъ принципѣ, на каждомъ шагѣ допускали отступленія, компромиссы съ другими воззрѣніями и прямыя противорѣчія.

Реакція обороны на нападеніе является для насъ неизбѣжной. Отдѣльный индивидуумъ такъ-же, какъ и совокупность индивидуумовъ, въ формѣ государства и общества, для поддержанія своего существованія нуждается въ *защитѣ*. Такимъ образомъ, устраняя всѣ чуждые первоначальной реакціи самообороны элементы, мы съ совершенно другой точки зрѣнія приходимъ къ *положительному выводу* объ *ответственности* виновниковъ нападенія. И я вмѣстѣ съ Ферри говорю: «*Естественное начало и основной принципъ репрессіи преступленія заключаются единственно въ необходимости самосохраненія, сохраняющей свое значеніе какъ для индивидуума, такъ и для социальнаго организма.*»

Съ этой точки зрѣнія, съ которой въ *преступленіи* видятъ только вредъ, наносимый обществу, а въ *наказаніи*—только *необходимую со стороны общества реакцію* на этотъ вредъ, и должна вестись борьба съ преступленіемъ. Этимъ самымъ мы устраняемъ *моральную* ответственность и замѣняемъ ее *социальной*. То-же положеніе не такъ чуждо нашему, германскому, законодательству, какъ это кажется. Относительно несовершеннолѣтнихъ и подростковъ, оправдываемыхъ судомъ за преступленія, совершаемыя по недостатку благоразумія, нашъ уголовный законъ *устанавливаетъ принудительное воспитаніе*, хотя-бы преступникъ и не былъ признанъ вмѣняемымъ. Еще яснѣе социальный характеръ мѣръ борьбы съ нищими и проститутками. Проститутка, которая часто нарушаетъ полицейскія предписанія, напримѣръ: прохаживается по улицамъ, для нея закрытымъ, появляется слишкомъ рано послѣ заката солнца, запирается административными властями на 1—2 года въ *рабочій домъ*; точно такому-же наказанію подвергають нищаго и бродягу, неоднократно уличенныхъ въ праздности и нежеланіи работать. Значеніе этихъ мѣропріятій становится яснымъ, если, напримѣръ, вспомнить, что средняя мѣра наказанія за безнравственныя преступленія относительно малолѣтнихъ не превышаетъ 1—1½ лѣтъ заключенія. Поэтому, если уклоняющіеся отъ работы бродяга и проститутка подвергаются заключенію на 1—2 года, то примѣненіе такой мѣры можетъ быть объяснено не моральнымъ возмущеніемъ противъ проступка, но потребностью защиты государства отъ паразитовъ.

Но необходимость защиты общества вызываетъ вмѣшательство государства и въ тѣхъ случаяхъ, когда состраданіе, возбуждаемое душевною болѣзью, уничтожаетъ всякое чувство неприязни. Душевно-больной, котораго галлюцинаціи дѣлають опаснымъ для общественнаго порядка, подвергается заключенію въ домъ для умалишенныхъ даже тогда,

когда несчастный это часто пожизненное заключеніе считаетъ для себя величайшей жестокостью. При всемъ сочувствіи къ нему никто однако не сочтетъ принятую по отношенію къ нему мѣру недопустимой. Недавно германское законодательство сдѣлало еще одинъ шагъ въ этомъ направленіи. Душевно-больной, который совершаетъ поджогъ, приговаривается не къ тому наказанію, которое влечетъ за собою поджогъ, а къ возмѣщенію убытковъ «по справедливости», согласно § 829 гражданского уложенія. Хотя это опредѣленіе относится къ совершенно другой области, области *гражданскаго права*, но оно показываетъ, что *соціальная отвѣтственность не несоединима съ нашимъ правовымъ сознаніемъ*.

Отказъ отъ свободы воли въ глазахъ многихъ равносильнъ отрицанію чувства личной отвѣтственности; но это находится въ противорѣчій съ обычнымъ для всѣхъ непосредственнымъ сознаніемъ. «Вѣрю-ли я или нѣтъ въ свободу воли, но, если я только принадлежу къ нормальному большинству, я испытываю чувство неудовольствія, какъ только мое поведеніе отклоняется отъ того направленія, которое я, по своему субъективному убѣжденію, считаю правильнымъ; и это движеніе совѣсти руководитъ мною совершенно независимо отъ того, вижу-ли я въ *совѣсти* факторъ внѣ цѣли причинъ стоящей или нѣтъ. Я чувствую себя *виновникомъ моихъ дѣяній* и долженъ за нихъ отвѣчать; чувство личной отвѣтственности остается непоколебленнымъ даже при моемъ научно обоснованномъ убѣжденіи въ томъ, что и это чувство въ своихъ особенностяхъ причинно-обусловлено».

Это чувство отвѣтственности присуще нормальному человѣку; и, какъ это доказалъ *Hoche*,¹⁾ у душевно-больныхъ, у которыхъ даже самые фанатическіе противники детерминизма отрицаютъ свободу воли, оно не всегда отсутствуетъ. Отсюда мы должны заключить, что наше непосредственное чувство не противится присвоенію государствомъ права привлекать насъ къ отвѣтственности за *наши дѣянія*. Мы должны только допустить одно: такъ какъ мы не можемъ уже смотрѣть на характеръ, какъ на продуктъ индивидуальной воли, то по отношенію къ неудачникамъ болѣе уместно чувство *состраданія*, нежели моральнаго негодованія,—взглядъ, часто не совѣмъ примиряющійся съ личнымъ чувствомъ самоудовлетворенія.

Но это состраданіе не должно вырождаться въ *слабость*. Важнѣе правъ отдѣльнаго лица—*права всего общества*. Кто наноситъ имъ ущербъ, долженъ за то нести наказаніе. И подобно тому, какъ собо-

¹⁾ *Hoche, Die Freiheit des Willens vom Standpunkte der Psychopathologie, Wiesbaden 1902. Стр. 40.*

лѣзнованіе душевно-больному не мѣшаетъ намъ изъять его изъ обращенія, подобно тому, какъ мы оберегаемъ общество отъ соприкосновенія съ больными проказою, и поведеніе наше относительно социальнo-опасныхъ элементовъ должно руководиться такой точкою зрѣнія: *зашита нашей собственности, нашего здоровья, нашей чести.* Окажется-ли возможнымъ на этомъ фундаментѣ возвести болѣе широкую постройку—это покажетъ опытъ.

Чтобы тутъ-же устранить важное возраженіе, скажемъ: мы не требуемъ немедленнаго созданія новаго уголовного кодекса, рѣшительнаго устраненія всего того, что существовало до сихъ поръ; но мы требуемъ, чтобы не держались съ такимъ упрямымъ предубѣжденіемъ за старое только потому, что оно старо. Опытъ учить, что крупныя перемѣны совершаются только медленно, что стремительное усердіе новаторовъ находить свой естественный коррективъ въ осторожной обдуманности зрѣлыхъ людей. Ибо тогда только *шагъ за шагомъ завоеванъ* будетъ путь къ лучшему; каждый успѣхъ тогда будетъ поконяться на прочномъ основаніи.

Цѣль наказанія

Въ то время, какъ наши составители уголовныхъ кодексовъ избѣгали установленія точныхъ теорій объ *основахъ и сущности наказанія*, наука довольно усердно занималась ея разработкою. Однако, «надо сознаться, что не существуетъ единой, всеми признанной, общей для всѣхъ временъ и народовъ теоріи наказанія». ¹⁾ Она необходима для теоретика, для судьи и, быть можетъ, для законодателя, но не для *чиновника, производящаго наказаніе въ исполненіе.* Онъ долженъ только знать, какъ поступить ему съ плѣнникомъ уголовного закона. Теоретически современное положеніе представляется въ такомъ видѣ: судья приговариваетъ къ наказанію опредѣленной продолжительности, затѣмъ передаетъ осужденнаго въ распоряженіе исполнителя наказанія; на этомъ обязанность судьи кончается. Что касается самаго исполненія наказанія, это его не интересуетъ. Многіе судьи, *быть можетъ*, слушали лекціи по тюремновѣдѣнію, но большинство изъ нихъ *никогда* не посѣтили ни одной тюрьмы; *редко* среди нихъ встрѣчаются такіе, которые имѣютъ *ясное представленіе* о способахъ исполненія наказанія.

Кромѣ, извѣстный знатокъ практики наказаній, этого «пасынка уголовной юстиціи», какъ онъ ее опредѣляетъ, ссылаясь на опытные данныя, восклицаетъ: «Будь у васъ самые лучшіе законы, самые луч-

¹⁾ Von Holtzendorff, *Die rechtlichen Prinzipien des Strafvollzugs. Handbuch des Gefängniswesens.* Hamburg 1888. T. I. Стр. 384.

ліе судьи и, однако, если вы не будете имѣть способныхъ исполнителей наказанія, то можете свои законы бросить въ корзину, а судебный приговоръ съечь!»¹⁾ Такимъ образомъ, не со стороны закона надо ожидать *укрѣпленія общественной безопасности*, но отъ *методовъ исполненія наказаній*. Въ ней лежатъ центръ тяжести борьбы съ преступленіемъ.

Такъ какъ, по словамъ *Гольцендорфа*, едва-ли найдется въ Германіи хотя три видныхъ юриста, которые вполне согласны были-бы между собою въ пониманіи основной задачи уголовного права, то для врача тѣмъ болѣе было-бы непосильной задачей занять опредѣленную позицію по отношенію ко всѣмъ существующимъ теоріямъ, что въ концѣ концовъ ведетъ лишь къ построенію новой теоріи. Поэтому приходится считаться лишь съ важнѣйшими изъ господствующихъ точекъ зрѣнія. *Гольцендорфъ* полагаетъ, что каждое преступленіе ведетъ за собою троякаго рода дѣйствія, которыя соответствуютъ тремъ реальнымъ требованіямъ народнаго чувства: а) дѣйствіе *тѣла и чувства мести*; наказаніе дѣйствуетъ, какъ *удовлетвореніе* или *искупленіе*; б) дѣйствіе *страха*, возникающаго у лицъ, непосредственно не пострадавшихъ отъ преступленія; цѣлью наказанія въ этомъ случаѣ служитъ устрашеніе, какъ *спеціальная мѣра предупрежденія* противъ лица, совершившаго правонарушеніе, и какъ *общая мѣра предупрежденія* противъ опасныхъ элементовъ общества; в) дѣйствіе *примиренія* съ преступникомъ, наказаннаго раскаяніемъ, или сдѣланнаго безвреднымъ, или физически побѣжденнымъ. Наказаніе должно вести къ *исправленію преступника*.

Понятіе объ *искупленіи*, о *возмездіи* соответствуетъ въ строгомъ смыслѣ понятію «воздаянія равнымъ за равное»,²⁾ соизмѣренія наказанія съ величиною *объективной вины*. *Шмидтъ*³⁾ цитируетъ патетическія слова *Ансельма Фейербаха*: «Для государства можетъ быть иногда полезно оказать пощаду тому или иному преступнику! Если случайныя причины толкнули его на преступленіе, то нужно только предупредить опасность, дисциплинировать его, и онъ сдѣлается самымъ примѣрнымъ гражданиномъ; если же такой преступникъ подвергается наказанію, то онъ навсегда гибнетъ, и государство навсегда лишается полезнаго и, быть можетъ, необходимаго члена. Но еще полезнѣе для государства, чтобы справедливость была непреклонна, чтобы она не сообразовалась съ какими либо симпатіями и этимъ самымъ не уни-

¹⁾ *Mittheilungen der internationalen kriminalistischen Vereinigung*. T. VI. Стр. 364.

²⁾ *Birkmeyer*. Цитиров. соч., стр. 60.

³⁾ *Richard Schmidt, Die Aufgaben der Strafrechtspflege*. 1895. стр. 286.

жала авторитета законовъ, а угроза наказаніемъ не стала бы простой дѣтской игрушкой». Эта точка зрѣнія выражена въ извѣстномъ изрѣченіи *fiat justitia, pereat mundus!*

Приверженцы этого воззрѣнія теперь уже немногочисленны. Они, для доказательства необходимости соизмѣрять степень наказанія съ значеніемъ преступленія, ссылаются, какъ это дѣлаетъ Шмидтъ, на *правосознаніе* и чувство справедливости, присущія *народу*.

Едва ли нужно упоминать о томъ, какъ часто расходится непосредственное чувство народа съ мнѣніемъ судьи. Я хочу коснуться только нѣкоторыхъ пунктовъ, въ которыхъ обыденное мышленіе народа отклоняется отъ мышленія законодателя: народъ не понимаетъ, почему покушеніе на негодные предметы съ негодными средствами должно остаться безнаказаннымъ; онъ не можетъ примириться съ той мыслью, что соучастіе въ преступленіи, главный виновникъ котораго оправданъ вслѣдствіе его психической болѣзни, не влечетъ за собою наказанія; чувство мести требуетъ даже наказанія душевно больныхъ за поступки, которые особенно возбуждаютъ народное негодованіе; и это мы видѣли въ обвинительныхъ приговорахъ, которые выносятъ душевно больнымъ присяжные, а при случаѣ и судьи вопреки единодушному мнѣнію экспертовъ психіатровъ. О грубыхъ противорѣчіяхъ между непосредственнымъ народнымъ чувствомъ и закономъ, обнаруживающихся въ такихъ дѣлахъ, какъ кража электрической энергіи, не стоитъ говорить потому, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими разнорѣчіями, которыя легко могутъ быть устранены при помощи болѣе цѣлесообразнаго дополненія и истолкованія соответствующихъ параграфовъ закона.

Съ *теоріей искупленія*, требующей наказанія эквивалентнаго *объективной* винѣ, несогласны, однако, многія изъ важнѣйшихъ основныхъ положеній нашего уголовного законодательства, каковы: повышеніе наказанія при рецидивѣ, смягчающія обстоятельства, давность, досрочное освобожденіе отъ наказанія, меньшая наказуемость малолѣтнихъ, сложеніе и смягченіе наказаній при одновременномъ осужденіи по совокупности преступленій,—система, которую Ферри клеймитъ жестоко, но не безъ основаній, какъ «уступку при оптовыхъ операціяхъ». Всѣ эти положенія своимъ исходнымъ пунктомъ имѣютъ требованіе, въ силу котораго рядомъ съ *объективными размѣрами вреда, наносимаго правовымъ значеніемъ преступника*. Этого хотятъ также современные представители теоріи возмездія; «ибо, если наказаніе должно быть точно пропорціонально винѣ, то слѣдуетъ обращать большее вниманіе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, на то, чтобы наказаніе соизмѣрялось съ виною не только въ ея *объективномъ* проявленіи въ формѣ преступленія, но и въ ея *субъективномъ источникѣ, въ психикѣ преступника, въ его мотивахъ, въ его поведеніи до*

и послѣ преступленія»¹⁾). Судья оказывается передъ одной изъ труднѣйшихъ задачъ, какую только можно себѣ представить, — передъ задачей, часто остающейся неразрѣшимой: найти формулу, *объединяющую* субъективный и объективный элементы вины. Затрудненія становятся непреодолимыми, если дѣйствительные *результаты* совершеннаго дѣянія *ниже* или *даже выше* тѣхъ, на которые послѣднее было разсчитано. При попыткѣ совершить убойство, неудавшейся только потому, что преступникъ ошибся въ снарядъ употребленнаго имъ яда или револьвера; при поджогѣ, неосуществившемся только потому, что сѣно оказалось сырымъ; при взломѣ кассы, оказавшейся пустой, — при всѣхъ подобныхъ преступныхъ «покушеніяхъ» причиненный вредъ часто бываетъ бесконечно малъ или даже совершенно отсутствуетъ, хотя съ точки зрѣнія *субъективной* виновности, въ смыслѣ *права воздаянія*, преступленіе остается въ высокой степени опаснымъ. Совершенно обратное получается, когда мы имѣемъ предъ собою *рядъ послѣдствій*, дѣлающихъ отвѣтственнымъ челоѣка за такія событія, которымъ онъ далъ только незначительный толчокъ. Если пьяная пирушка имѣла послѣдствіемъ смерть одного изъ участниковъ, причиненную не тяжелой раной, но простой царапиной, загрязненной и осложнившейся вѣлѣдствіе этого гнойнымъ зараженіемъ, то этотъ печальный результатъ всею тяжестью ложится на виновника царапины; то же имѣетъ мѣсто при столкновеніяхъ студентовъ, когда одинъ изъ противниковъ, получивъ легкую ранку, не обратитъ на нее вниманія и впоследствии гибнетъ отъ нея; или когда прохожій небрежно броситъ зажженную спичку, отъ которой происходитъ цѣлый пожаръ, сопровождающійся челоѣческими жертвами. Чѣмъ же опредѣлится размѣръ наказанія? Ковечнымъ результатомъ дѣянія, субъективной виновностью или общими наклонностями преступника?

Мы совершенно теряемъ почву подъ ногами, какъ только — придерживаясь фикціи «справедливаго возмездія» — будемъ принимать за исходный пунктъ индивидуальность преступника. *Биркмейеръ*²⁾, который считаетъ возможной реформу уголовного законодательства *только* съ точки зрѣнія *идеи возмездія* и который поэтому долженъ быть признанъ типичнымъ представителемъ этого направленія, заходитъ такъ далеко, что вмѣстѣ съ *фонъ-Вейнрихомъ* выставляетъ такое положеніе: «Судья долженъ больше знать объ условіяхъ личной жизни преступника, чтобы правильно опредѣлить степень наказанія. Онъ долженъ знать были ли кромѣ обвиняемаго подвергаемы наказанію за тяжкія преступленія его родители или близкіе родственники, предавались ли они пьянству, не было ли въ семьѣ психическихъ заблѣваній; далѣе, — какъ велось воспитаніе обвиняемаго, въ какой жизненной обстановкѣ онъ развивался;

¹⁾ *Birkmeyer*, Цитиров. соч., стр. 67.

²⁾ *Тамъ-же*, стр. 84.

онъ долженъ знать, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, его семейныя отношенія, его знакомства, его социальное положеніе—знать настолько точно, насколько это возможно при современныхъ обычаяхъ».

Долженъ сознаться, что я не могу себѣ представить, что останется отъ идеи «справедливаго возмездія», если судья, какъ этого требуетъ *Биркмейеръ*, проникнетъ въ глубочайшія причины преступнаго дѣянія. Грустный образъ ребенка, почти съ молокомъ матери всасывающего презрѣніе ко всему тому, что дорого для другихъ, лишеннаго заботливаго ухода и воспитанія и достигающаго, наконецъ, возраста, когда онъ уже можетъ стать объектомъ преслѣдованія со стороны закона—можетъ возбудить въ судѣ скорѣе чувство *состраданія*, нежели *возмущенія*. Если же онъ еще обратится къ анализу *внѣшнихъ обстоятельствъ*, которыя человѣка безъ внутреннихъ устоевъ лишаютъ послѣдней точки опоры, то ему трудно будетъ рѣшить, на кого собственно падаетъ бѣлая доля вины—на отдѣльнаго индивидуума или на общество. Чѣмъ серьезнѣе судья отнесется къ своей задачѣ, тѣмъ шире станетъ кругъ обуславливающихъ данное преступленіе обстоятельствъ, на которыя онъ долженъ обратить вниманіе. Я не напрасно такъ ярко подчеркнулъ *соціальныя причины* преступления: онѣ должны показать, что преступленіе, помимо непосредственно познаваемыхъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ обуславливается безчисленными факторами, которыя при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются болѣе важными, нежели факторы наследственности.

Юстиція, которая на это обстоятельство не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, или совершенно не понимаетъ значенія социальныхъ условій преступленія, будетъ стоять немногимъ больше простой механической работы, будетъ отправленіемъ правосудія по *буквѣ*, но не по *духу*. Къ этимъ сложнымъ условіямъ, предшествующимъ возникновенію преступленія, присоединяется еще наиболѣе трудная для пониманія—*индивидуальность преступника*. Даже такой убѣжденный сторонникъ свободы воли, какъ *Кроне*¹⁾ вынужденъ допустить слѣдующее: «Почему въ одномъ случаѣ воля оказываетъ этимъ (социальнымъ) причинамъ побѣдоносное сопротивленіе, а въ другомъ—она уступаетъ ихъ силѣ—это загадка, передъ которой мы еще остаиваемся и говоримъ: *ignotamus*».

Какъ же можетъ судья рѣшать уравненіе, состоящее изъ однихъ только неизвѣстныхъ, какъ ориентироваться ему среди этого хаоса социальныхъ и психологическихъ причинъ, на основаніи какихъ данныхъ проносить свой приговоръ? Сторонники идеи возмездія очевидно усматриваютъ спасеніе въ возможно болѣе точномъ *опредѣленіи психологической важности каждаго наказуемаго дѣянія*. При этомъ *Биркмейеръ* желаетъ ограниченія слишкомъ широкаго судебного усмотрѣ-

¹⁾ *Krohne, Lehrbuch der Gefängniskunde, стр. 205.*

нія; Шмидтъ, съ своей стороны, предлагаетъ установленіе «нормъ, которыя, подъ условіемъ возможно большаго ограниченія судейскаго усмотрѣнія, предписывали бы судѣй отысканіе болѣе тяжкихъ и болѣе мягкихъ наказаній для болѣе тяжкихъ и болѣе мягкихъ формъ одного и того же преступленія въ предѣлахъ строгаго опредѣленнаго minimum'a и maximum'a»¹⁾.

«Это точное, цифровое исчисленіе каждаго отдѣльнаго обвиненія марками, мѣсяцами ареста или годами тюремнаго заключенія», писалъ Крепелингъ въ своей книгѣ «Abschaffung des Strafmasses», едва ли менѣе наивно, нежели выросшая на той же почвѣ, но еще болѣе прибыльная идея о регулированіи отпущенія грѣховъ путемъ выпуска различной цѣнности пасевъ, дающихъ право на извѣстную долю капитала, слагающагося изъ излишка добрыхъ дѣлъ». Для увѣнчанія этого своеобразнаго дѣла компенсаціи преступнаго дѣянія точно отмѣреннымъ наказаніемъ, недостатки котораго будутъ еще выяснены ниже, слѣдовало бы и данныя о характерѣ и воспитаніи преступника, о его происхожденіи и окружающей обстановкѣ, умыслѣ и раскаяніи, предшествующемъ наказанію и причинномъ правонарушеніи, представить въ такой схемѣ, которая позволила бы «при невозможномъ ограниченіи судебного усмотрѣнія» правильно выполнить задачу справедливаго воздаянія. Судѣй, очевидно, оставалось бы просто справляться какъ по прейсъ-куранту, каковы должны быть размѣры наказанія при наличности извѣстнаго рода факторовъ.

Я сомнѣваюсь, чтобы еще можно было найти судью для исполненія такой механической функціи. Но мы и не должны тревожиться по этому поводу, такъ какъ такого рода уголовный кодексъ неосуществимъ: мысль—включить жизнь въ опредѣленные формулы таитъ въ себѣ *глубокое заблужденіе*. Ибо, что послужитъ намъ исходнымъ пунктомъ для оцѣнки значенія наслѣдственныхъ свойствъ, воспитанія, окружающей обстановки? что послужитъ намъ масштабомъ для анализа наклонностей индивидуума и внѣшнихъ вліяній? О законѣ, который стѣсняетъ приговоръ судьбы еще большими ограниченіями, можно сказать то же, что и о теперешнихъ нашихъ уголовныхъ законахъ: «Мы не знаемъ въ точности размѣровъ вины, за которую наказываемъ; то, что мы называемъ изслѣдованіемъ вины, для которой мы хотимъ подыскать соотвѣтствующее ей тяжести наказаніе, есть въ сущности неопредѣленная попытка оцупью набрести на необходимыя, но неувидимыя для насъ данныя»²⁾.

Не буду останавливаться на томъ неоднократно уже указанномъ фактѣ, что и при нынѣшней системѣ наказаній размѣръ наказанія опредѣляется въ каждомъ судѣ сообразно съ господствующими въ различныхъ мѣстностяхъ различными обычаями и правилами; не буду оста-

¹⁾ Цитиров. соч., стр. 308.

²⁾ *Seuffert, Verhandlungen des 21. Deutschen Juristentages*, 1890, т. I, стр. 250.

навливаться также и на томъ, какъ двѣ различныя судебныя инстанціи, при согласіи во взглядахъ на сущность даннаго *преступленія*, совершенно, однако, расходятся въ *характеръ и размѣрахъ наказанія*, что трудно примирить съ идеей «справедливаго воздаянія». Очень мало вниманія обращается на *дѣйствіе наказанія*. Заключение въ тюрьму чиновника только на нѣсколько дней лишаетъ его уже и должности и уваженія; каждый день заключенія для честнаго человѣка, попавшаго въ тюрьму изъ-за проступка, совершеннаго по небрежности или оплошности, является настоящей пыткой, тогда какъ для привычнаго обитателя тюрьмы кратковременный перерывъ въ его свободной жизни едва ли даже вызоветъ въ немъ ощущеніе непріятности.

Я хочу привести только нѣсколько случаевъ изъ моихъ собственныхъ наблюденій: передъ нами человѣкъ, который, имѣя въ прошломъ уже 21 наказаніе за растрату и обманъ, кражу и сопротивленіе властямъ, угрозу и нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій, нищенство и бродяжество, понесъ 22-е наказаніе въ видѣ трехнедельнаго тюремнаго заключенія за оскорбленіе; наказаніе, непосредственно предшествовавшее этому послѣднему, за оскорбленіе должностнаго лица было 24 дневное тюремное заключеніе. 2-ой случай: 43 наказанія въ прошломъ большей частью одновременно за нѣсколько проступковъ, причемъ 6 разъ за нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій, 18 разъ за оскорбленіе, 20 разъ за сопротивленіе властямъ; 44-е наказаніе за «сопротивленіе, оскорбленіе и нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій»—на три мѣсяца тюремнаго заключенія. 3-й случай: 13 лѣтъ тюрьмы и смирительнаго дома въ прошломъ, а именно (не считая ареста за нищенство): 1 разъ за укрывательство, 3 раза за кражу и 14 разъ за мошенничество и попытку къ мошенничеству; 17-е же наказаніе послѣдовало опять таки за «подлогъ при повторномъ рецидивѣ»—4 мѣсяца тюрьмы! Наконецъ, 4-й случай: 7 лѣтъ тюрьмы, столько же смирительнаго дома и 4½ года въ работномъ домѣ—въ прошломъ; 39-е наказаніе—3 дня ареста за нищенство, 36-е за кражу при повторномъ (6 разъ) рецидивѣ—6 мѣсяцевъ тюрьмы.

Для всѣхъ этихъ субъектовъ нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы не составляетъ большого наказанія. На почвѣ современнаго уголовнаго законодательства даже путемъ болѣе тонкаго распредѣленія мѣры наказанія здѣсь очень мало можно что либо измѣнить: привычка къ тюремной жизни виѣдряется слишкомъ сильно, чтобы возможно было какое либо сравненіе съ интенсивностью дѣйствія наказанія на такого человѣка, который сталъ жертвой только собственнаго легкомыслія или несчастнаго стеченія виѣшнихъ обстоятельствъ. Именно, *лучшіе* среди осужденныхъ падаютъ подъ бременемъ наказанія, *худшіе же* къ нему очень мало чувствительны. Такимъ образомъ, уже одно *неравенство въ дѣйствіи наказанія*, неравенство, которое мы должны еще тщательно

изслѣдовать, чтобы вполне оцѣнить его значеніе, не позволяетъ намъ признать судебный приговоръ за справедливый эквивалентъ наказуемаго дѣянія.

Теорія, оправдывающая необходимость наказанія положеніемъ «*quia peccatum est*», опирается на ложныя предпосылки, и потому должна быть устранена, какъ *принципіально ошибочная*, не говоря уже о томъ, что она *отвергается и самой практикой*.

Русское циркулярное распоряженіе 1799 года, которое, въ виду усиленія числа кражъ, стремилось сдѣлать наказанія болѣе цѣлесообразными, содержало въ себѣ слѣдующее мѣсто: «При этомъ измѣненіи дѣйствовавшихъ до сихъ поръ наказаній мы руководились отеческою заботливостью обезпечить нашимъ вѣрнымъ подданнымъ обладаніе ихъ собственностью, путемъ устрашающихъ примѣровъ предупредить воровство и грабежъ, по возможности исправить преступниковъ, а если они не способны ни къ какому исправленію, сдѣлать ихъ безопасными для ихъ согражданъ». Въ этой цитатѣ въ ясныхъ выраженіяхъ, но въ иномъ смыслѣ опредѣляется цѣль наказанія: *достигнуть болѣе вѣрнаго обезпеченія правопорядка* и именно путемъ *устрашенія* съ одной стороны и *исправления и обезвреживанія* преступника—съ другой.

Устрашающее дѣйствіе наказанія должно обнаруживаться въ двухъ направленіяхъ. Оно должно оказывать общее вліяніе на сознаніе народа, дѣйствуя какъ *мѣра предупрежденія*, и вмѣстѣ съ тѣмъ по отношенію къ отдѣльному лицу оно должно служить предостереженіемъ, *удерживающимъ* его отъ новыхъ преступленій. Вліяніе перваго рода, какъ *общей предупредительной мѣры*, принадлежитъ къ такого сорта явленіямъ, значеніе которыхъ не поддается численному опредѣленію. Если вѣрить статистикѣ, то приходится заключить, что дѣйствіе, на которое разсчитывается въ данномъ случаѣ, крайне незначительно или же совершенно ничтожно. Какъ я подробно показалъ уже выше, число впервые наказанныхъ уменьшается почти незамѣтно, а среди малолѣтнихъ даже увеличивается. Изъ этого во всякомъ случаѣ можно сдѣлать тотъ выводъ, что *боязни наказанія* недостаточно для того, чтобы удержать отъ преступленія; но мы не должны забывать, что это увеличеніе числа впервые наказанныхъ среди подростковъ понятнымъ образомъ обусловливается такими социальными причинами, какъ народныя обычаи, экономическая пужда, которые выбрасываютъ слишкомъ рано на арену жизненной борьбы элементы, для нея недостаточно еще созрѣвшіе. Поэтому мы должны ограничиться тою мыслью, что *устрашающее дѣйствіе наказанія не настолько сильно, чтобы съ успѣхомъ противостоять растушей социальной опасности*.

Отчасти недѣйствительность устрашающаго вліянія, на которое разсчитано наказаніе, должна быть приписана *слишкомъ частому примѣ-*

ненію этого послѣдняго. Все наше существованіе мало-по-малу окружается такою густою сѣтью постоянно угрожающихъ намъ уголовныхъ и полицейскихъ каръ, что въ сущности очень трудно бываетъ избѣгать наказанія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что безчисленные мелкія наказанія за такія дѣянія, какъ вытряхиваніе съ балкона ковра въ неположенное время, непосыпаніе пескомъ тротуаровъ во время гололедицы и тому подобныя невинныя промахи, не будучи строго отграничены отъ такихъ проступковъ, которые караются уголовнымъ уложеніемъ, *умалѣаютъ серьезное значеніе наказанія*. Я думаю, что не ошибусь, если на основаніи собственныхъ наблюденій заявлю, что въ народѣ *боязнь тюрьмы и боязнь наказанія нѣсколько уменьшились сравнительно съ прежнимъ временемъ*. При этомъ я меньше всего значенія придаю тому обстоятельству, что болѣе гуманное обращеніе, чистота, очень скромное, но вполне достаточное содержаніе ослабили нѣсколько устрашающій характеръ тюрьмы; гораздо опаснѣе именно ослабленіе и утрата того чувства, которое заставляло пугливо отворачиваться отъ преступленія. Пока ежегодно будутъ наказываться сотни и тысячи людей, бывшихъ до момента наказанія совершенно непорочными, мы не можемъ рассчитывать на возникновеніе въ народѣ желательной реакціи противъ преступности. *Поменьше карательныхъ угрозъ, побольше серьезности при вчиненіи судебныхъ преслѣдованій*—вотъ логическое требованіе, къ которому мы въ концѣ концовъ приходимъ.

Въ тотъ *моментъ*, когда принимается рѣшеніе совершить преступленіе, или въ моментъ самого преступленія, совершаемаго внезапно подъ вліяніемъ аффекта, представленіе объ ожидающемъ наказаніи, какъ *противовѣсъ*, обнаруживаетъ слишкомъ слабое дѣйствіе; у одного—возбужденное состояніе рождаетъ надежду на то, что преступленіе его останется нераскрытымъ, для другого—угроза наказанія представляется въ туманной дали. Каждое преступленіе, совершаемое человѣкомъ, не имѣвшимъ въ прошломъ ни одного наказанія, служитъ доказательствомъ безсилія наказанія, какъ общей предупредительной мѣры. Тѣмъ не менѣе можно допустить, особенно по отношенію къ людямъ колеблющимся, неустойчивымъ, что въ моментъ преступной попытки страхъ предъ наказаніемъ можетъ сыграть рѣшающую роль и предупредить преступленіе; данныхъ такого рода статистика намъ не можетъ, конечно, дать.

Большее значеніе, чѣмъ въ каждомъ *отдѣльномъ случаѣ*, угроза наказаніемъ приобретаетъ какъ *цѣлесообразная мѣра*, воздѣйствующая на характеръ народныхъ *воззрѣній*, какъ *коллективнаго цѣлаю*.

Опредѣленіе какого-нибудь дѣянія, какъ проступка, преслѣдуемаго государствомъ съ беспощадною строгостью, возбуждаетъ, какъ непосредственную реакцію, представленіе чего-то непозволительнаго, недопустимаго,

непретойнаго, *противорѣчащаго обязанностямъ*¹⁾). Самый обыденный примѣръ достаточно иллюстрируетъ эту мысль. Возможность подвергнуться наказанію за безчестную конкуренцію напрягаетъ прежде всего вниманіе экономическихъ соперниковъ, которые строго наблюдаютъ другъ за другомъ, чтобы оказать немедленный и надлежащій отпоръ всякой мошеннической попыткѣ. Но въ настоящее время уже довольно часто наблюдается, что не одна только боязнь недремнаго ока завистливаго конкурента заставляетъ тщательно взвѣшивать каждое слово рекламы; мы вскорѣ это будемъ уже считать необходимымъ условіемъ всякаго серьезнаго дѣла, дорожащаго сколько-нибудь своей репутаціей, и съ презрѣніемъ будемъ относиться ко всякому кричащему бахвальству, рассчитывающему на легкомысліе публики.

Такимъ образомъ, наказаніе, какъ общая мѣра предупрежденія, дѣйствуетъ *незамѣтно*, медленно, но неуклонно *изоцрѣя* общественное правосознаніе, и путемъ усиленія чувствительности, различающей между правомъ и правонарушеніемъ, дѣйствуетъ скорѣе какъ средство *воспитанія*, а не *устрашенія*.

Для оцѣнки вліянія наказанія, какъ *спеціальной мѣры предупрежденія*, очень поучительны данныя статистики. Они показываютъ, что вліяніе это *совершенно ничтожно*. Укажу только, что многіе изъ преступниковъ неоднократно появляются передъ уголовнымъ судомъ въ теченіе одного и того же года; что чѣмъ больше наказаній въ прошломъ, тѣмъ быстрѣе и вѣрнѣе наступаетъ рецидивъ, при чемъ размѣры наказанія не оказываютъ никакого вліянія. Если задать себѣ трудъ графически изобразить жизненную карьеру привычнаго преступника, то нельзя будетъ не подивиться краткости промежутка времени, отдѣляющаго послѣднее наказаніе отъ новаго преступленія; при этомъ не слѣдуетъ забывать, что не всякій преступный актъ немедленно доходитъ до свѣдѣнія суда.

Причины, по которымъ устрашающее дѣйствіе наказанія не оказываетъ своего вліянія на *наказываемыхъ*, различны. Прежде всего они кроются въ самомъ *исполненіи наказанія*, которое при ближайшемъ знакомствѣ въ значительной степени утрачиваетъ свой *устрашающій* характеръ. Я не раздѣляю того взгляда, что для заключеннаго тюрьма, обезпечивающая отъ голода и холода, уже по одному этому является *заманчивымъ мѣстомъ*. Даже признаніе какого-нибудь преступника въ томъ, что на преступленіе его только желаніе добиться въ тюрьмѣ пріятной и спокойной жизни, при всей искренности этого заявленія, не заставитъ меня отказаться отъ убѣжденія въ томъ, что вообще преступники съ замирающимъ сердцемъ ожидаютъ дня своего освобожденія. Пока заключенный въ пенитенціарномъ заведеніи подчиненъ суровому ре-

¹⁾ *Liepmann, Einleitung in das Strafrecht. Berlin 1901, стр. 291.*

жиму, пока время его изо дня въ день проходить въ строго размѣренной и однообразной работѣ, тюрьма отнюдь не будетъ ему представляться чѣмъ-то желательнымъ или привлекательнымъ. Но всеѣмъ извѣстенъ психологическій фактъ, что *воспоминаніе* о пережитомъ *бѣдствіи* или *страданіи* быстро *изглаживается*, и что время облегчаетъ даже самую острую печаль. То же самое происходитъ и съ впечатлѣніями тюремной жизни, продолжительность, вѣчное однообразіе и строгій режимъ которой дѣйствуетъ въ общемъ такъ тяжело. Поэтому далекая перспектива снова очутиться въ тюрьмѣ представляется не столь страшною; и какъ *противовѣсь* противъ совершенія новаго преступленія воспоминаніе о тюрьмѣ едва ли имѣетъ силу.

Оговорюсь тутъ же, что я не думаю, чтобы *усиленіе* строгости тюремнаго режима могло бы увеличить силу и продолжительность воспоминаній. Подобная реформа привела бы только къ отягощенію положенія болѣе безвредныхъ и лучшихъ элементовъ среди преступниковъ, не оказавъ никакого вліянія на привычныхъ обитателей тюрьмы.

Вторая причина неэффективности наказанія, какъ спеціальной мѣры предупрежденія, кроется въ нашемъ (германскомъ) законодательствѣ. *Рецидивъ* только для очень небольшого числа преступленій служитъ причиною, *усиливающей строгость наказанія*, и лишь въ томъ случаѣ, когда совершено одинаковое преступленіе. Я уже неоднократно указывалъ, что при назначеніи наказанія должны быть приняты въ расчетъ все психологически-однородныя преступленія, а также данныя о прежнихъ наказаніяхъ вообще. Фактически такъ и происходитъ дѣло въ судебной практикѣ. Я всегда радуюсь, когда въ мотивахъ судебного приговора встрѣчаю указаніе на многочисленность *предыдущихъ наказаній*, какъ на *поводъ къ усиленію строгости наказанія*. Но постоянное сосредоточеніе вниманія на *матеріальной* сторонѣ *правонарушенія* мѣшаетъ проведенію этого принципа и вызываетъ такіе приговоры, о которыхъ мы уже упоминали на стр. 196-ой. Какое впечатлѣніе можетъ произвести на закоренѣлаго мошенника наказаніе въ размѣрѣ 4-хъ мѣсяцевъ тюрьмы, которое ему назначено за его 17-ое мошенничество? Или три дня ареста за нищенство—человѣку, который уже 19 лѣтъ провелъ въ работномъ и смиренномъ домѣ?

Чтобы наказаніе оказало свое устрашающее дѣйствіе на такихъ тюремныхъ завсегдатаевъ, слѣдовало бы его *дѣйствительно* сдѣлать страшнымъ, а достигнуть этого можно было бы только путемъ безпрерывнаго повышенія наказанія. Однако—и едва ли это нужно еще доказывать послѣ всего вышеизложеннаго—даже и въ такомъ случаѣ дѣйствіе наказанія можетъ свестись къ нулю, если оно встрѣтитъ себѣ *противодѣйствіе* въ самой *натурѣ* преступника. Самые драконовскіе законы—казни огнемъ и мечемъ, колесованіе и висѣлица не уничтожили

преступленія. Тамъ, гдѣ *устрашеніе* не оказываетъ своего дѣйствія, должны быть приняты *друія мѣры*.

Наказаніе должно защитить общество отъ преступныхъ посягательствъ со стороны отдѣльнаго индивидуума. Для достиженія этой цѣли мы не должны пренебрегать какими либо средствами только потому, что они мало дѣйствительны. Я не хотѣлъ совершенно игнорировать элементъ устрашенія уже въ силу его воспитательнаго вліянія. Но было бы ошибочно строить уголовный кодексъ исключительно на теоріи устрашенія.

Болѣе возвышенный характеръ имѣеть стремленіе сдѣлать преступника безопаснымъ посредствомъ его *исправленія*, внѣдренія въ него такихъ мотивовъ, которыхъ ему недостаетъ и которые могли бы уравновѣсить недостатки его воспитанія и способностей. Мы заранѣе должны отрѣшиться отъ какихъ либо иллюзій, потому что это идеальное стремленіе часто будетъ терпѣть неудачу и по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ терпѣть неудачу и система устрашенія. Ибо средства исправленія и, прежде всего, практикуемая система наказанія въ современномъ своемъ видѣ страдаютъ многими недостатками; ибо законодательство отказываетъ намъ въ правѣ вмѣшательства въ область наказанія, ибо, наконецъ, многіе преступники по своему характеру неисправимы. Единственный способъ дѣйствія по отношенію къ этой категоріи преступниковъ, даже съ точки зрѣнія *теоріи исправленія*, заключается въ томъ, чтобы *сдѣлать ихъ безвредными*. Но при этомъ слѣдуетъ устранить ошибки законодательства и практики наказаній. Для этого мы должны составить себѣ только ясное о нихъ представленіе, и я теперь же хочу попытаться разсмотрѣть «наказанія» и ихъ психологическое значеніе, какъ мѣры предупрежденія повторенія преступленій, всегда преслѣдуя одну цѣль: *защиту нашей собственности, нашего здоровья, нашей чести*.

Средства наказанія.

Радикальнѣйшимъ средствомъ помѣшать преступнику повторить его преступное дѣяніе—является *смертная казнь*. Поэтому оно постоянно примѣнялось по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, заявившимъ себя особенно опасными преступленіями. Примѣненіемъ этого средства «некуналось» преступленіе, общество избавлялось отъ необходимости покрывать въ теченіе десятковъ лѣтъ издержки на содержаніе такого чловѣка, устранялась опасность нападенія съ его стороны на тюремное начальство, или же, въ случаѣ удачнаго побѣга, опасность новаго правонарушенія. Нельзя отрицать того, что съ точки зрѣнія *безопасности смертная казнь* находитъ свое оправданіе; *де-Флери*¹⁾ желаетъ въ нѣте-

¹⁾ De Fleury, *L'âme du criminel*. Paris, стр. 134.

ресахъ *соціальною* подбора даже болѣе широкаго ея примѣненія; то, что вызываетъ въ насъ отвращеніе со стороны внѣшней процедуры смертной казни, могло бы быть устранено путемъ измѣненія способовъ ея исполненія.

За и противъ смертной казни говорилось уже такъ много, что всѣ выставленныя противъ нея возраженія, среди которыхъ важнѣйшее—возможность *судебной ошибки* ¹⁾, трудно перечислить. Всѣ эти возраженія коренятся, главнымъ образомъ, въ области чувства, которое вообще возмущается противъ смертной казни.

Все-таки слѣдовало бы разсмотрѣть вопросъ, дѣйствуетъ ли смертная казнь *устрашающимъ образомъ*? Я не вполне въ этомъ урѣненъ. Германская статистика показываетъ, что хотя число смертныхъ *приговоровъ* и уменьшается, но крайне незначительно. Напротивъ, въ Бельгій, гдѣ уже въ теченіе долгихъ лѣтъ не приводятся въ исполненіе смертные приговоры, несмотря на это, не наблюдается увеличенія преступленій, за которыя полагается смертная казнь. Наблюденія надъ смертною казнью также ничего не говорятъ въ пользу устрашающаго ея характера. Ферри ²⁾ имѣлъ случай наблюдать въ Парижѣ двѣ смертныхъ казни, и онъ пришелъ къ выводу, что дѣйствіе зрѣлища казни на населеніе парижскихъ предмѣстій было совершенно *противоположно* тому, на которое оно рассчитано ³⁾. Въместо нѣмого ужаса присутствующіе при казни обнаруживали нескрываемое любопытство, радовались такому сенсационному событію, держали пари по поводу того, какъ будутъ вести себя приговоренные къ казни—словомъ тутъ было все, кромѣ серьезной сосредоточенности, соотвѣтствующей столь печальному случаю. Можно даже утверждать, что своеобразная роль приговореннаго къ смертной казни, уже въ силу уваженія, которое, благодаря жадной къ сенсациямъ публикѣ и угождающей ей прессѣ, онъ возбуждаетъ своими подвигами, всею своею жизнью, своимъ поведеніемъ предъ казнью,—сводится къ тому, чтобы служить примѣромъ подражанія для многихъ психопатологическихъ субъектовъ.

Пусть думаютъ о смертной казни какъ угодно, но ея сохраненіе окажетъ столь же мало замѣтное вліяніе на преступность, какъ и ея отмѣна.

Что касается *ссылки*, то она, конечно, очень удобное средство избавиться отъ опасныхъ людей, съ тѣмъ, чтобы осчастливить ими чужія

¹⁾ *Lohsing, Abschaffung der Todesstrafe. Archiv für Kriminalanthropologie.* Т. IX, стр. 1.

²⁾ *Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни.*

³⁾ *Превосходное изображеніе такой сцены, которая, какъ оказывается изъ сравненія съ наблюденіями Ферри, чужда всякихъ преувеличеній, находится въ романѣ Золя «Парижъ».*

страны. Теоретически можно вполне допустить, что необходимость съ трудомъ пробивать себѣ дорогу на чужбинѣ нѣсколько ослабляетъ слишкомъ рѣзко выраженную склонность къ насильственнымъ дѣйствіямъ; относительно же практическаго значенія этого средства—сужденія расходятся. Въ самой Германіи мы пока еще имѣемъ достаточно *безплодныхъ болотъ и пустошей*; было бы лучше прежде всего культивировать эти мѣстности, нежели чужія. Это съ недавнихъ поръ начинаетъ все болѣе и болѣе практиковаться. Только заключенные, обнаружившіе хорошее поведеніе, употреблялись для этихъ работъ и въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ работы либо остались не исполненными за отсутствіемъ свободныхъ рабочихъ, либо вслѣдствіе чрезмѣрной высоты заработной платы, дѣлавшей обработку участковъ невыгодной. Въ 1901 г. 2300 заключенныхъ во всѣхъ прусскихъ провинціяхъ были употреблены для такой работы, которой они занимались охотно и толково. „Поддержаніе дисциплины не создавало никакихъ затрудненій, а попытки къ побѣгу были крайне рѣдки». Такимъ образомъ, *оставленіе преступниковъ на родинѣ* пока оказывается болѣе выгоднымъ, нежели ссылка.

Малый успѣхъ наказаній въ формѣ лишенія свободы подалъ поводъ *Беннеке* выступить съ предложеніемъ усилить по отношенію къ несправимымъ наказанія такъ, чтобы они дѣйствительно боялись ихъ; съ этой цѣлью онъ требуетъ *особаго рода обращенія* съ несправимыми и примѣненія къ нимъ, какъ главнаго средства, „*тѣлеснаго наказанія*“. Нельзя не удивляться, что еще до сихъ поръ это грубое воспитательное средство весьма сомнительной цѣнности находитъ вдохновенныхъ защитниковъ. Опытъ въ арміи, которая, какъ полагали раньше, не могла существовать безъ палки, показалъ всю ненужность палочной расправы. Дисциплина въ германскомъ флотѣ стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, въ которыхъ страхъ передъ «девятиконечной кошкой» и тому подобными милыми инструментами плохо способствуетъ поддержанію дисциплины. Дѣло хорошо идетъ и безъ этихъ позорящихъ человѣческое достоинство наказаній.

Въ качествѣ *дисциплинарной мѣры* тѣлесное наказаніе можетъ быть примѣнено въ прусскихъ *смирительныхъ домахъ*, но къ нему прибѣгаютъ очень рѣдко. Развращающее дѣйствіе, оказываемое тѣлеснымъ наказаніемъ и на наказываемаго и на наказывающаго, а также на свидѣтелей этого наказанія, совершенно не достигаетъ того эффекта, который при этомъ имѣется въ виду. *Кроне* ¹⁾ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ этой мѣры наказанія: «Обнаруживаютъ полное незнаніе «грубой натуры преступника» тѣ, которые полагаютъ, что можно предупредить въ немъ взрывъ злобы или страсти перспективой

¹⁾ *Lehrbuch der Gefängniskunde*, стр. 356.

сильнаго тѣлеснаго страданія». Кто хотѣлъ бы убѣдиться въ полной ничтожности устрашающаго дѣйствія тѣлеснаго наказанія, пусть познакомится съ тонкими наблюденіями *Достоевскаго* ¹⁾, которые онъ сдѣлалъ во время своего пребыванія въ сибирскихъ тюрьмахъ. Введеніе или — вѣрнѣе — возстановленіе тѣлесныхъ наказаній въ нашей (германской) системѣ наказаній во всякомъ случаѣ сопряжено съ такими вредными послѣдствіями, которые не будутъ уравновѣшены тѣмъ страхомъ, который они могутъ возбудить въ томъ или другомъ преступникѣ. На неправомерную же ихъ роль совсѣмъ ужъ не приходится разсчитывать.

Лишеніе гражданской чести мало имѣетъ значенія, и какъ средство устрашенія, и какъ средство исправленія. Оно можетъ только стать препятствіемъ попыткѣ человѣка, перенесшаго это наказаніе, возвратиться къ своему прежнему состоянію; это бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда влѣдствіе неспособности принять на себя обязанность опекуна, свидѣтельствовать на судѣ, — окружающимъ становится извѣстнымъ прошлое бывшаго преступника. Но такіе случаи рѣдки. *Лишеніе гражданской чести* является слѣдствіемъ такихъ преступленій, которые совершаются по *низменнымъ побужденіямъ*, такъ что и безъ того мало вѣроятно, чтобы такіа лица послѣ отбытія наказанія серьезно стремились бы къ возможно скорой своей реабилитаціи. Но именно государство сильно заинтересовано въ томъ, чтобы такихъ людей лишать всякаго вліянія на событія какъ общественной, такъ и частной жизни. Я считаю даже прямо необходимымъ — чтобы человѣкъ, который всѣмъ своимъ поведеніемъ показываетъ полную неспособность сообразовать свои дѣйствія съ закономъ, былъ прежде всего лишенъ права быть *опекуномъ* даже *своей собственной семьи*; нечего и говорить, что функціи воспитателя или завѣдывающаго имуществомъ несовершеннолѣтнихъ должны быть недоступны для него.

Отдача подъ надзоръ полиціи имѣетъ значительный интересъ потому, что здѣсь рѣшеніе вопроса по закону передается въ руки тюремныхъ властей; хотя право назначенія полицейскаго надзора принадлежитъ высшей полицейской администраціи, но несомнѣнно все-таки, что «мнѣніе тюремнаго управленія» сохраняетъ за собою наибольшій вѣсъ. Здѣсь передъ нами выступаетъ необходимость признанія того основнаго положенія, въ силу котораго превращеніе *допустимаго* только побочнаго наказанія въ окончательную административную мѣру должно быть поставлено въ зависимость отъ индивидуальности преступника, легче распознаваемой при тщательномъ непосредственномъ наблюденіи, нежели во время судебной процедуры.

Отдача подъ полицейскій надзоръ не имѣетъ большой цѣны,

¹⁾ *Достоевскій, Записки изъ мертваго дома.*

какъ средство защиты отъ преступленія. Она не имѣетъ ни положительнаго ни отрицательнаго значенія для привычнаго преступника, но иногда можетъ причинить большой вредъ. Поэтому число защитниковъ этой мѣры очень ограничено. Если трудно измѣнить предписаніе о полицейскомъ надзорѣ такимъ образомъ, чтобы можно было избѣжать обнаруживающихъ полную неспособность въ этомъ дѣлѣ низшихъ полицейскихъ органовъ, то лучше было бы совсѣмъ отмѣнить §§ 38 и 39 герм. уголовного уложенія; отсутствіе ихъ едва ли будетъ замѣчено.

Передачу на распоряженіе полицейской власти я уже охарактеризовалъ, какъ необходимую мѣру *соціальной репрессіи* даже въ томъ случаѣ, когда совершенный проступокъ не имѣетъ большой важности. Остается только удивляться, что она примѣняется лишь къ нищимъ, къ бродягамъ, къ пьяницамъ и проституткамъ, а не къ *болѣе опаснымъ* элементамъ. Эта передача даетъ полиціи право заключать лицъ, подвергшихся осужденію, въ работный домъ на время до 2-хъ лѣтъ. Этимъ оказывается благодѣяніе не только обществу, но и самимъ бродягамъ и проституткамъ, хотя они очень рѣдко при этомъ испытываютъ удовольствіе. Среди нихъ именно насчитывается громадное число *физически* и умственно *недоразвитыхъ субъектовъ*. Тамъ, гдѣ твердая воля тюремныхъ властей является для нихъ защитой противъ собственной ихъ неустойчивости; гдѣ обязательная работа отвращаетъ мысль отъ прошлаго; гдѣ, вслѣдствіе невозможности достать водку, прекращается безпробудное пьянство,—тамъ бродяга, старающійся обыкновенно избѣгать всякаго труда, становится прилежнымъ и надежнымъ батракомъ, а лѣнивая проститутка—прилежной и энергичной работницей. Но при этомъ необходимы сознательное и цѣлесообразное руководство работою, иначе ослабѣвающая энергія можетъ совсѣмъ измѣнить; поэтому-то часто случается, что вскорѣ послѣ освобожденія бывшіе въ заключеніи снова погружаются въ бездѣяіе.

Отсюда слѣдуетъ, что продолжительность этой мѣры не должна быть слишкомъ коротка. Лица, обнаруживающія склонность къ исправленію, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безупречнаго поведенія могутъ быть условно освобождены, хотя бы въ формѣ отпуска, который послѣ года или двухъ лѣтъ хорошаго поведенія превращается въ окончательное освобожденіе; неисправимые же и послѣ двухлѣтняго заключенія—высшій срокъ, который допустимъ до сихъ поръ, остаются тѣми же, чѣмъ были раньше. Проститутки сейчасъ же возвращаются въ публичные дома, мужчины опять принимаются за прерванное бродяжество, и только случаю или ловкости, съ которою они умѣютъ избѣгать взоровъ полиціи, обязаны они тому, что не попадаютъ снова на слѣдующій же день послѣ своего освобожденія. Тѣ нѣсколько дней *ареста*, которые предшествуютъ каждому тюремному заключенію, совершенно лишни. Они создаютъ для госу-

дарства излишніе значительные расходы и ненужные хлопоты по перевозкѣ въ подлежащую тюрьму и оттуда въ работный домъ, вмѣсто прямой и немедленной отправки туда.

Отдача лицъ на распоряженіе администраціи еще только *по-лумбра*, предшествующая послѣднему серьезному шагу. Но и это съ точки зрѣнія цѣлесообразной уголовной политики служитъ преимуществомъ—она совершенно расходится съ принципомъ воздаянія и имѣетъ единственной цѣлью освобожденіе общества отъ вредныхъ элементовъ. Досрочное освобожденіе для лучшихъ элементовъ, долготѣніе, а иногда, какъ этого требуетъ ф.-Гиппель, и пожизненные контроль и наблюденіе являются дальнѣйшими требованіями.

Денежные штрафы въ своей современной формѣ—никуда негодное средство; прежде всего потому, что не находится въ достаточномъ соотвѣтствіи съ имущественнымъ состояніемъ штрафуемаго. Совершенно слѣдуетъ отвергнуть такое постановленіе, когда неуплата штрафа можетъ быть замѣнена арестомъ, тюрьмой или работнымъ домомъ и когда осужденному предоставлено право уплатой штрафныхъ денегъ избавиться отъ замѣняющаго этотъ штрафъ наказанія. Такимъ образомъ, наказаніе денежнымъ штрафомъ превращается въ *классовое наказаніе*, такъ какъ, конечно, богатые люди всегда предпочтутъ уплатить относительно небольшую сумму, чѣмъ подвергнуться аресту, тогда какъ бѣднякамъ ничего иного не остается какъ жертвовать своей свободой.

Справедливѣе было бы вмѣсто ареста, который ничего государству, кромѣ издержекъ, не приноситъ, и который какъ мѣра наказанія лишена всякаго значенія, назначать *обязательныя* работы въ пользу общины. Такія постановленія раньше существовали, потому что въ введеніи къ германск. уголовному уложенію въ параграфѣ 6-мъ говорится слѣдующее: «Если въ мѣстныхъ законахъ вмѣсто наказанія тюрьмой или денежнымъ штрафомъ допускается приеужденіе къ обязательнымъ лѣснымъ или общиннымъ работамъ, то въ такихъ случаяхъ дѣлается эта замѣна». По общему мнѣнію и вновь издаваемые мѣстные законы должны сообразоваться съ этой замѣной денежныхъ наказаній и тюремнаго заключенія общественными работами, если мѣстному законодательству уже раньше были извѣстны подобныя постановленія. Я не могъ бы фактически показать, примѣняются ли вообще и въ какихъ размѣрахъ эти *отработки*, но мнѣ кажется, что въ нихъ кроется очень здравая мысль, и восстановленіе ея въ нашей системѣ наказаній было бы весьма цѣлесообразно. Такая мѣра наказанія для большинства лицъ, приговоренныхъ къ аресту, была бы гораздо чувствительнѣе, скорѣе могла бы удержать ихъ отъ новыхъ ошибокъ и сильнѣе запечатлѣла бы въ нихъ предосудительный характеръ ихъ дѣяній, нежели отсидка въ продолженіе одного-двухъ дней. Въ то же время количество требуемой работы могло бы сообразоваться съ спо-

способностью къ физическому труду. Если же наказываемый отказывается отработать, то этимъ самымъ онъ обнаруживаетъ нежеланіе приспособиться къ государственному порядку, и тогда къ нему должны быть примѣнены болѣе строгія мѣры.

Выговоръ, какъ наказаніе, установленъ только для возраста между 12 и 18 годами. Онъ, конечно, не вознаграждаетъ за причиненный вредъ и потому характеризуется исключительно какъ *исправительное наказаніе*. Но дѣйствительно ли выговоръ имѣетъ такое значеніе? Для нѣкоторыхъ случаевъ, я увѣренъ, онъ можетъ имѣть такое значеніе. Онъ долженъ примѣняться только въ «самыхъ легкихъ случаяхъ», и тогда онъ представляетъ собою не что иное, какъ *узычаніе* со стороны суда къ добропорядочной жизни. Но необходимо ли въ такомъ случаѣ, когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь пустячномъ проступкѣ, инсценировать всю впечатлительную обстановку *судебной процедуры*? Конечно, нѣтъ. Мы пойдемъ дальше и спросимъ, должны ли *дѣти* даже въ случаяхъ серьезныхъ преступлений появляться передъ судомъ. Что касается подростковъ, то о нихъ я еще буду говорить ниже. Здѣсь я хочу только установить, что *выговоръ*, какъ наказаніе, находитъ свое оправданіе только съ точки зрѣнія теоріи исправленія.

Важнѣйшее средство наказанія состоитъ въ *лишеніи свободы*. Нашему (германскому) уголовному уложенію извѣстны четыре вида его: 1) «простое лишеніе свободы», *арестъ* на время отъ одного дня до шести недѣль; 2) лишеніе свободы съ надзоромъ за занятіями и образомъ жизни заключеннаго, *заключеніе въ крѣпости*; оно отбывается въ крѣпостяхъ или иныхъ опредѣленныхъ для того мѣстахъ; время заключенія отъ одного дня до пятнадцати лѣтъ; имѣется также пожизненное заключеніе въ крѣпости; 3) *заключеніе въ тюрьмѣ* отъ одного дня до пяти лѣтъ. Заключенные въ тюрьмѣ могутъ быть заняты соответствующими ихъ способностямъ и положенію работами; 4) *заключеніе въ каторжной тюрьмѣ*—пожизненное или временное отъ одного года до пятнадцати лѣтъ. Осужденные къ заключенію въ каторжной тюрьмѣ приучаются къ введеннымъ тамъ работамъ.

Эта градация показываетъ, что къ лишенію свободы присоединяется еще и другое—*работа*, которая отъ надзора за работой постепенно доходитъ до возможнаго назначенія работы и прямо *принужденія* къ ней. Въ практическомъ отношеніи это различіе между видами труда почти совершенно исчезаетъ. Въ общемъ господствуетъ *принудительная работа*, и, за рѣдкими исключеніями, заключенный не свободенъ въ выборѣ той или иной работы. Въ каждой тюрьмѣ имѣется только ограниченное количество отраслей труда, часто настолько ограниченное, что почти нѣтъ возможности назначать работу въ соответствии съ физическими и духовными особенностями заключенныхъ. Раньше въ пенитенціарныхъ заведеніяхъ имѣлись самыя

разнообразныя ремесла. *Сдача рабочихъ силъ предпринимателю* вела къ конкуренціи съ вольнымъ трудомъ, что въ интересахъ трудящагося класса не было желательнымъ. Поэтому государство мало-по-малу пришло къ тому, чтобы допускать въ тюрьмахъ по возможности только такія работы, которыя предназначены для потребностей государственныхъ учрежденій—для военнаго, желѣзнодорожнаго вѣдомства, причемъ работы эти должны быть введены хозяйственнымъ способомъ. Этимъ, впрочемъ, конкуренція съ вольными рабочими не устраняется. Ибо все, что произвидится въ тюрьмахъ для государственныхъ надобностей, могло бы быть доставлено и вольнымъ трудомъ. Но это ограниченіе тюремной работы только собственными нуждами государства наносить ущербъ лишь нѣкоторымъ немногимъ отраслямъ.

Когда мы оцѣниваемъ ожидаемое дѣйствіе лишенія свободы, соединенное и несоединенное съ принудительной работой, то мы заранее должны ясно показать, что *исправление и устрашеніе* идутъ здѣсь рука объ руку съ задачей общественной безопасности. Заключение въ тюрьму препятствуетъ прежде всего элементамъ, опаснымъ въ социальномъ отношеніи удовлетворять своимъ наклонностямъ въ ущербъ обществу. Затѣмъ наказаніе лишеніемъ свободы оказываетъ могущественное вліяніе на общее настроеніе заключеннаго. Онъ становится членомъ строго распланированнаго, въ самомъ себѣ замкнутаго *организма*, въ которомъ все до мельчайшихъ подробностей регулировано. Тщательно регламентированный распорядокъ всегда ясно указываетъ ему на границы его права, приучаетъ его къ послушанію, повиновенію, къ порядку и опрятности и—прежде всего—къ *труду*.

Въ Германіи, къ счастью, не примѣняютъ тѣхъ нелѣпыхъ методовъ принудительнаго труда, которые въ Англіи практикуются въ формѣ молотбы на мельницѣ, приводимой въ движеніе ногою, тасканія за собою ядра и т. п. Эта чисто физическая работа, которая сводится къ тупымъ, механическимъ и совершенно безцѣльнымъ движеніямъ, дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ и на духъ и на тѣло; она совершенно противорѣчитъ той цѣли, на которую рассчитана работа, а именно—приучить преступника къ *цѣлесообразному и усердному труду*. Поощреніемъ для него у насъ (въ Германіи) служитъ небольшое вознагражденіе за работу, которое вмѣстѣ съ тѣмъ образуетъ фондъ, являющійся въ первое время послѣ освобожденія подспорьемъ въ нуждѣ (ср. стр. 179). Поурочная работа обыкновенно опредѣляется довольно точно, въ такихъ размѣрахъ, которая при напряженности силъ средняго работника ¹⁾ легко можетъ быть выполнена. Если работа его дастъ ббльшіе результаты, то вознагражденіе его увеличивается; если же онъ сработаетъ меньше, то под-

¹⁾ Само собою разумѣется, что при этомъ должно быть обращено надлежащее вниманіе на состояніе здоровья.

вергается всѣмъ строгостямъ дисциплинарныхъ наказаній. Для нѣкоторыхъ изъ отбывающихъ наказаніе тюрьма является мѣстомъ, гдѣ впервые испытывается *радость, ощущаемая при выполнении работы*, определенной задачи, гдѣ впервые создается нѣчто трудомъ рукъ своихъ.

Заключенный въ тюрьмѣ научается цѣнить трудъ еще и съ другой стороны; онъ избавляетъ его отъ одностоннаго, вѣчно *однообразнаго* времени *препровожденія*. Безъ занятій заключенный въ четырехъ стѣнахъ скоро становится жертвою скуки, *одиночества, внутренней пустоты*. Мои наблюденія убѣждаютъ меня, что расслабляющая тишина дѣйствуетъ сильнѣе, нежели тѣни прошлаго. Гораздо рѣже, нежели это думаютъ, преступника осаждаютъ воспоминанія о его дѣяніяхъ и превращаютъ часы его одиночества въ муку. Что дѣйствуетъ на заключеннаго удручающимъ образомъ, такъ это невозможность ускорить полетъ медленно ползущаго времени. Воскресенія и праздники—дни покоя и отдыха для свободныхъ людей—для заключеннаго въ тюрьмѣ являются днями глубокой *муки*, и онъ съ радостью встрѣчаетъ разрѣшеніе снова приняться за работу. Что сказанное мною соотвѣтствуетъ истинѣ, свидѣтельствуютъ не только сами заключенные, но и дащія, полученныя путемъ объективнаго наблюденія. Больные, которымъ я, вслѣдствіе ихъ физическихъ страданій, долженъ былъ на время запрещать работу, спустя нѣсколько дней большей частью обращались ко мнѣ, несмотря на боли и лихорадочное состояніе, съ просьбой разрѣшить имъ вновь приняться за работу; они не способны были переносить вынужденнаго бездѣлія и покоя. Впрочемъ, все это относится только къ *одиночному заключенію*.

Какъ ни велико значеніе труда, какъ *моуцнаго* воспитательнаго средства, но сравнительно съ регулярнымъ *обученіемъ* въ классахъ, которые должны посѣщать всѣ заключенные до 29-лѣтняго возраста, онъ играетъ подчиненную роль. Обученіе даетъ знанія, воспитаніе же—способность возвратиться къ правильной жизни въ благоустроенномъ государствѣ. Поэтому завѣдующій тюрьмою долженъ имѣть всегда передъ своими глазами не *прошлое*, но *будущее* преступника. Прошлое важно для него лишь постольку, поскольку оно можетъ освѣдомить его насчетъ происхожденія, развитія, образа жизни, преступныхъ дѣяній и духовнаго облика преступника. Правда, отъ времени до времени не бесполезно напоминать преступнику о его прошломъ, чтобы онъ также ясно представлялъ себѣ свое положеніе. Но чтобы преобразить его, ему нужно протянуть руку помощи и помочь ему подняться изъ пропасти, показать ему дорогу, которою онъ долженъ итти. Завѣдующій тюрьмой, который не ставитъ себѣ высшей цѣлью *исправленіе преступника*, добровольно спускается до уровня простаго *тюремщика*, исполняющаго чужія предписанія.

Задача *исправленія* преступника, повидимому, не соединима съ устрашеніемъ его, не можетъ и не должна съ нимъ соединяться. Смотря

по индивидуальности, для одного преступника устрашающее значеніе наказанія заключается въ разлукѣ съ женою и дѣтьми, для другого — въ отсутствіи пивныхъ, для третьяго въ лишеніи табаку, правѣ свободнаго передвиженія, въ строгой дисциплинѣ, въ общеніи съ другими преступниками, въ принудительной работѣ, въ самомъ фактѣ наказанія. Тамъ, гдѣ не дѣйствуетъ *ни одинъ* изъ этихъ мотивовъ, не окажетъ вліянія и обращеніе съ преступникомъ, какъ съ извергомъ, не заслуживающимъ ни одного дружескаго слова. Поддерживать дисциплину и порядокъ въ хорошо организованномъ пенитенциарномъ заведеніи не трудно, но трудно помочь опустившемуся человѣку вновь подняться.

Наша статистика не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что современная *система наказанія* не только *не оказываетъ никакого благодѣтельнаго вліянія*, но часто причиняетъ громадный вредъ. Одна изъ важнѣйшихъ ея тѣневыхъ сторонъ заключается въ *совмѣстномъ содержаніи отбывающихъ наказаніе съ поделѣдственными, безобидныхъ случайныхъ преступниковъ съ тюремными завсегдатаями*. Мелодой парень, который впервые съ робостью и дрожью переступаешь порогъ тюрьмы, скоро посвящается въ дѣла, которыхъ ему и не слѣдовало бы знать; онъ входитъ какъ бы въ *высшую школу порока*, въ атмосферѣ котораго исчезаетъ всякое чувство раскаянія. Кто послѣ продолжительнаго пребыванія при такихъ условіяхъ въ тюрьмѣ оказался невоспріимчивымъ къ заразѣ, этимъ самымъ доказываетъ, что онъ могъ бы исправиться и безъ тюрьмы. Относительно же другихъ сохраняютъ свое значеніе слова (Кроне: 1) *„Наказаніе преступника заключеніемъ въ обыкновенной тюрьмы есть не что иное, какъ дальнѣйшее усовершенствованіе его на государственнѣйшій счетъ въ области преступленія“*.

Сношенія закоренѣлыхъ преступниковъ съ новичками можно предупредить *изолированіемъ* заключенныхъ. Такъ называемая «пенсильванская система» довела до крайности принципъ одиночнаго заключенія: каждый заключенный въ теченіе всего срока наказанія остается въ одиночествѣ. Уже одна дороговизна такой системы одиночныхъ камеръ необходимо должна привести къ ограниченію области ея примѣненія; *обязанность молчанія*, которая, впрочемъ, ежедневно нарушается, отдѣльныя комнаты для ночлега при общихъ комнатахъ для работы и многія другія отступленія отъ строгой системы одиночнаго заключенія уже были допущены. Идеаломъ остается все же *одиночная камера*. Но нельзя не признать глубоко ошибочной систему уже по одному тому, что заключенный выпускается на шумную арену жизни послѣ долготнаго оди-

¹⁾ Krohne, *Lehrbuch der Gefängnisshunde*, стр. 246.

ночного заключенія, прерывавшагося только случайнымъ появленіемъ зрителя или тюремнаго надзирателя. На другихъ недостаткахъ системы одиночнаго заключенія я не буду подробно останавливаться. Самое серьезное возраженіе, что одиночное заключеніе является причиною душевныхъ расстройствъ, было опровергнуто. Опасность онанизма? Но это зло развивается и при размѣщеніи заключенныхъ въ общихъ камерахъ, и при этихъ условіяхъ оно еще осложняется педерастіей; однако, вредъ, протекающій отъ него, я не считаю очень значительнымъ. Одиночная камера, напротивъ, представляетъ то преимущество, что къ заключенному можно примѣнять болѣе *индивидуализированные* приемы обращенія, и къ тому же личное вліяніе тюремнаго чиновника на заключеннаго болѣе цѣлесообразно осуществляется при бесѣдахъ съ глазу на глазъ.

Для многочисленныхъ преступниковъ, съ многократными уголовными наказаніями въ прошломъ, нѣтъ подобности въ изоляціи. Больше испортиться они уже не могутъ, а на исправленіе ихъ нѣтъ надежды. Для нихъ поэтому достаточно и *общихъ рабочихъ камеръ*; но въ интересахъ огражденія нравственности ихъ все-таки слѣдуетъ на ночь помѣщать въ *отдѣльныхъ камерахъ*.

Чрезвычайно счастливая мысль положена въ основаніе „*ирландской карательной системы*“. Я не буду останавливаться на ея ошибкахъ, такъ какъ для меня важнѣе всего отмѣтить лишь руководящую ея *идею*. Наказаніе расчленено на рядъ *последовательныхъ моментовъ*; участь заключеннаго постепенно облегчается и въ прямой зависимости отъ его поведенія. Чѣмъ лучше онъ себя ведетъ, тѣмъ болѣе смягчается его наказаніе, и его усилія въ этомъ направленіи поощряются *перспективой досрочнаго освобожденія*. Точно также премія, которую онъ можетъ получить за работу, прилежаніе, послушаніе и разумное поведеніе, исполнѣ *цѣлесообразна* и гораздо лучше предупреждаетъ нарушеніе тюремной дисциплины, нежели угроза наказаніемъ.

Условное освобожденіе не чуждо также и нашему (германскому) законодательству. § 23 уголовного уложенія гласитъ: «Приговоренные къ болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію могутъ быть съ ихъ согласія, по стбытіи $\frac{3}{4}$, но во всякомъ случаѣ не менѣе одного года всего срока назначеннаго имъ наказанія, въ случаѣ хорошаго поведенія, обнаруженнаго ими за это время, освобождены досрочно». Союзный совѣтъ требовалъ еще для этого «доказательствъ исправленія», но рейхстагъ вычеркнулъ эту оговорку. Тѣмъ не менѣе, путемъ циркуляровъ, исправленіе снова сдѣлалось необходимымъ условіемъ досрочнаго освобожденія. Последнее должно быть предлагаемо тюремнымъ начальствомъ «только въ томъ случаѣ, если у него составилось убѣжденіе, что заключенный исправился и что онъ добросовѣстно воспользуется возможностью, доставляемою ему досрочнымъ освобожденіемъ, снова начать

честную и согласную съ законами жизнь». Результатомъ такого ограниченія было замѣтное уменьшеніе предложеній о досрочномъ освобожденіи; такъ, въ 1900 г. такихъ предложеній было сдѣлано только относительно 186 изъ 19880 заключенныхъ въ смирительномъ домѣ и относительно 130 изъ 46284 заключенныхъ въ тюрьмахъ. Рѣшеніе исходитъ отъ высшей судебной инстанціи, которая выслушиваетъ предварительное рѣшеніе тюремнаго управленія, но нисколько имъ не связано; изъ постановленій о досрочномъ освобожденіи, касающихся лицъ, отбывающихъ наказаніе въ смирительныхъ домахъ, получили одобреніе менѣе половины, а въ тюрьмахъ—около двухъ третей. Весьма жаль, что эта мѣра, столь драгоценная въ борьбѣ съ преступностью, такъ мало использована. Практика «досрочнаго освобожденія» въ томъ видѣ, какъ она примѣняется, совершенно противорѣчитъ той цѣли, которая имѣлась въ виду при разработкѣ соотвѣтствующаго положенія, а именно—*поощрить* заключеннаго къ хорошему поведенію надеждою на награду.

Если мы окинемъ общимъ взглядомъ всѣ *недостатки*, которыми страдаетъ *лишеніе свободы, какъ мѣра наказанія*, то намъ прежде всего бросается въ глаза чисто механической способъ осуществленія этого наказанія. Законодательство не придаетъ никакого значенія тому, какъ должна вліять эта мѣра наказанія на осужденнаго. У тюремныхъ чиновниковъ отнимается всякій интересъ къ этой дѣятельности, и они рады, если имъ удастся устранить вредъ. Дѣло должно и можетъ быть поставлено иначе, и для этого нѣтъ надобности прибѣгать къ замѣнѣ строгости сантиментальными нѣжностями по отношенію къ преступнику. Серьезное значеніе наказанія несомнѣнимо съ чисто формальнымъ исполненіемъ приговора; нужно заключеннаго довести до сознанія, что онъ самъ, путемъ самоисправленія, можетъ загладить совершенное имъ правонарушеніе; если же онъ оказывается неспособнымъ къ этому, то онъ долженъ страдать, чтобы избавить отъ страданій все общество. Наказаніе лишеніемъ свободы тогда только будетъ служить цѣли охраненія правопорядка, когда оно будетъ вліять на преступника *устрашающимъ и исправляющимъ* образомъ; тамъ же, гдѣ это вліяніе оказывается неэффективнымъ, преступникъ *исключается* изъ общества.

Возмѣщеніе причиненнаго вреда, условное осужденіе и условное освобожденіе.

Наказаніе лишеніемъ свободы на короткіе сроки постепенно превратилось въ серьезную опасность для общественнаго порядка. Подобно тому, какъ врачебное средство отъ постоянного и продолжительнаго его употребленія утрачиваетъ свою силу, такъ и злоупотребленіе такой мѣрой наказанія, какъ заключеніе на нѣсколько дней, лишаетъ ее всякаго

вліянія, *притуляетъ чувство уваженія къ закону*, пріучаетъ относиться къ наказанію, какъ къ чему-то *довольно обыкновенному*, отъ чего не избавленъ ни одинъ порядочный человѣкъ. Страхъ предъ наказаніемъ исчезаетъ, объ *исправленіи* заключеннаго въ тюрьму на нѣскольکو дней или недѣль не можетъ быть и рѣчи. Во всякомъ случаѣ тюремные чиновники, при массѣ другихъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, должны отказаться даже отъ всякой попытки къ пробужденію чувства законности у такого лица. Все-таки нельзя обойтись безъ краткосрочныхъ наказаній тамъ, гдѣ мѣра наказанія приводится въ соотвѣтствіе съ индивидуальностью преступника. Невозможно противъ безобидныхъ проступковъ выдвигать тяжелую артиллерию долгосрочнаго заключенія. Единственный выходъ изъ этой диллемы можетъ быть предпринять въ двухъ направленіяхъ: первый путь—*вознагражденіе за причиненный вредъ* второй—*условное осужденіе*.

По общимъ взглядамъ, господствующимъ въ нравѣ, важнымъ недостаткомъ признается то обстоятельство, что государство при назначеніи наказанія совершенно игнорируетъ интересы потерпѣвшаго и не совмѣщаетъ съ наказаніемъ *обязанности вознагражденія за причиненный вредъ*. Я знаю, что для этого существуетъ гражданскій судъ; однако, подобнаго рода раздѣленіе имѣетъ свои громадныя неудобства. Если рабочій получаетъ такую серьезную рану, нанесенную ему какимъ-нибудь пьяницей, которая на нѣсколько недѣль лишаетъ его способности къ труду, то онъ можетъ *искать вознагражденія за убытки*. Но признаніе этого права остается только на бумагѣ, ибо вслѣдствіе бѣдности обвиняемаго гражданскій искъ остается, обыкновенно, неудовлетвореннымъ; болѣе того, раненому, жалующемуся въ судъ, приходится еще нести издержки. Это болѣе чѣмъ несправедливо. Ферри изображаетъ эту процедуру, которую онъ называетъ «забавной сценой», въ слѣдующихъ очень рѣзкихъ и мѣткихъ словахъ: «Государство, совершившее несправедливость (не обезпечивъ достаточной защиты), арестуетъ преступника и заботится только объ интересахъ высшей справедливости; жертву же преступленія оно предоставляетъ ея низшимъ частнымъ интересамъ, оставляя за нею право частнымъ образомъ искать возмъщенія убытковъ. А затѣмъ государство заставляетъ преступника платить себѣ въ формѣ денежной пени въ общественную кассу вознагражденіе за ту оборонительную роль, которой оно въ сущности и не выполнило, даже тогда когда преступленіе состояло въ простомъ нарушеніи имущественныхъ правъ». Строго говоря, раненый или обворованный самъ долженъ даже оплачивать содержаніе преступника, такъ какъ расходъ по отправленію правосудія несетъ мирный гражданинъ, а не бѣднякъ, совершившій правонарушеніе.

Я полагаю, что *уваженіе къ законамъ* значительно *повысилось бы*, если бы *исударство признало своей обязанностью* заботиться о

возстановленіи нарушеннаго права не только въ *уголовномъ*, но и въ *гражданскомъ* порядкѣ. Преступникъ долженъ былъ бы *возмѣстить причиненные убытки* трудомъ своихъ рукъ, и къ этому *государство* должно было бы его принудить. Осуществленіе этой мѣры не вездѣ возможно, но въ мелкихъ преступленіяхъ этого легко достигнуть. Подобнаго рода наказаніе гораздо болѣе соотвѣтствуетъ задачамъ *устрашенія* и *исправленія*, нежели обычное краткосрочное тюремное заключеніе. Последнее въ настоящее время представляетъ собою не что иное, какъ нѣсколько дней бездѣлья—при краткосрочномъ заключеніи работа не обязательна—на простой, но вполнѣ достаточной нищѣ. Съ нашимъ требованіемъ могъ бы согласиться и защитникъ теоріи воздаянія, ибо оно лучше удовлетворяетъ принципу эквивалентнаго возмѣщенія причиненнаго вреда, нежели учитываніе тѣлеснаго поврежденія или разрушенія матеріальной цѣнности количествомъ дней тюремнаго заключенія.

Привычный преступникъ, несомнѣнно, такого наказанія будетъ бояться гораздо больше, нежели нѣсколькихъ дней тюрьмы, а угроза принудительнаго возмѣщенія убытковъ заставитъ его съ большимъ уваженіемъ относиться къ собственности и личности, къ чести и спокойствію его ближнихъ. Съ случайными же преступниками дѣло обстоитъ еще проще. Ему можно *отсрочить наказаніе*, обязавъ его къ *возмѣщенію убытковъ* въ удобное для него время. Необходимость *дѣлать сбереженія* для чужихъ людей на долгое время послужитъ ему *предостереженіемъ*, лучше предохраняющимъ отъ рецидива, нежели нѣсколько дней тюрьмы, которые, особенно при извѣстномъ легкомысліи, быстро изглаживаются изъ памяти.

О *цѣлесообразности* излагаемаго взгляда и особенно о его *осуществимости* на практикѣ не можетъ быть спора; нужно только отыскать удобный путь, который допускалъ бы совмѣщеніе двухъ различныхъ судебныхъ компетенцій. Онъ, быть можетъ, смягчилъ бы отношеніе нашихъ непреклонныхъ теоретиковъ искупленія къ *«условному осужденію»*. Условное осужденіе исходитъ изъ той мысли, что появленіе человѣка передъ уголовнымъ судомъ не всегда является доказательствомъ преступности его натуры. Небрежность, ошьяненіе, раздраженіе, нужда, даже легкомысліе и соблазнъ—все это можетъ толкнуть на путь преступленія, и однако это не даетъ еще намъ права осудить человѣка, сдѣлавшаго ложный шагъ. Если преступленіе его относится къ категоріи дѣлъ, начинающихся по частной жалобѣ, то, быть можетъ, онъ и самъ попытается добровольно покрыть причиненные убытки. Теперь же онъ подвергается законному наказанію, хотя, быть можетъ, судья и убѣжденъ, что для такого преступника было бы достаточно одного предостереженія. Къ чему тогда излишне переполнять тюрьмы, къ чему еще наказывать человѣка, который уже и безъ того достаточно нака-

занъ раскаяніемъ по поводу содѣяннаго и готовъ добровольно или по принужденію со стороны государства возмѣстить причиненные убытки? *Отсрочкою наказанія*, которая можетъ быть осуществлена въ формѣ *поручительства* или *условнаго освобожденія*, обществу будетъ оказана большая услуга. Поручительство введено въ Англіи въ 1887 г. изданіемъ «*Probation of first offenders Act*»¹⁾: «Если лицо, признанное виновнымъ въ нарушеніи закона, ранѣе не подвергалось никакимъ наказаніямъ, то судъ, во вниманіе къ молодости, характеру и прошлому преступника, такъ же, какъ и къ маловажности совершеннаго правонарушенія или при наличности смягчающихъ его обстоятельствъ, можетъ освободить виновнаго, подъ условіемъ его хорошаго поведенія въ будущемъ; судъ можетъ отказаться отъ немедленнаго наложенія наказанія и освободить съ поручительствомъ и безъ онаго виновника, беря съ него обязательство, что онъ въ продолженіе извѣстнаго промежутка времени, по первому требованію, снова предстанетъ передъ судомъ для наложенія наказанія, не совершитъ никакого правонарушенія и будетъ себя хорошо вести. Судъ можетъ при этомъ возложить на обвиняемаго цѣликомъ или въ извѣстной долѣ судебныя издержки, назначивъ ему срокъ для уплаты».

Принципъ *отсрочки наказанія* коренится *въ надеждѣ*, что преступникъ не совершитъ въ будущемъ ничего такого, что навлекло бы на него новое обвиненіе. Тотъ же принципъ лежитъ въ основаніи заимствованнаго изъ Америки «*условнаго осужденія*», которое, въ той или иной, но очень мало видоизмѣненной формѣ, введено уже во многихъ европейскихъ государствахъ. Оно исходитъ изъ того предположенія, что неустойчивыя натуры дѣйствительно удерживаются отъ рецидива *угрозою* наказанія, нежели *перенесеннымъ* уже наказаніемъ. Психологическая правильность этого предположенія не подлежитъ сомнѣнію. Осужденный знаетъ, что отъ его собственнаго поведенія зависитъ, сдѣлается ли онъ преступникомъ, имѣющимъ уже въ прошломъ наказаніе, или же незаятнаннымъ и порядочнымъ человѣкомъ; онъ знаетъ, что безупречной жизнью можетъ загладить минутное легкомысліе; знаетъ, что при дурномъ поведеніи онъ понесетъ еще добавочное наказаніе.

Сдѣлать хорошее поведеніе условіемъ освобожденія отъ угрожающаго наказанія—значить создать самый сильный мотивъ для такого поведенія. Если осужденному удастся вновь подняться морально, то изъ одного того факта, что его еще считаютъ способнымъ къ исправленію, что онъ собственными усиліями можетъ загладить свою вину, онъ черпаетъ сознаніе возможности бороться съ соблазнами; онъ приобретаетъ вѣру въ самого себя, и государство вмѣсто человѣка, погрязнуваго въ омутъ преступленія, получить полезнаго гражданина.

¹⁾ Mumm, *Die Gefängnisstrafe und die bedingte Verurtheilung in modernen Strafrecht*. Hamburg 1896. Стр. 27.

Однако, время, въ теченіе котораго ему вмѣняется въ обязанность хорошее поведеніе, должно быть *продолжительнѣе* срока краткосрочныхъ наказаній. Я совершенно несогласенъ съ тѣмъ, чтобы при преступленіяхъ, наказываемыхъ шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, было достаточно тѣхъ же шести мѣсяцевъ хорошаго поведенія для искупленія преступления. Если кто-нибудь становится рецидивистомъ уже по прошествіи года послѣ преступленія, то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ образчикомъ такой соціальной опасности, къ которому освобожденіе отъ наказанія было примѣнено неудачно. Но почему *вовполнѣ* не использовать столь цѣнное для направленія человѣка средство и не поощрять къ внутреннему самодисциплинированію возможно долѣе? Я полагаю, что отсрочка наказанія при легкихъ проступкахъ должна длиться *по крайней мѣрѣ одинъ—два года*, при болѣе же опасныхъ—она не менѣе трехъ лѣтъ должна висѣть Дамокловымъ мечемъ надъ осужденнымъ и служить постояннымъ предостереженіемъ противъ рецидива и постояннымъ побужденіемъ къ добропорядочному поведенію.

Чѣмъ менѣе преступленіе свидѣтельствуетъ объ опасныхъ свойствахъ преступника, тѣмъ вѣрнѣе можемъ мы рассчитывать на положительные результаты предлагаемой мѣры. Тѣ, которые становятся рецидивистами, явнѣе, чѣмъ при нынѣшней системѣ наказаній, доказываютъ, что обычные мотивы, долженствующіе удерживать отъ преступленія, для нихъ недостаточны; что къ нимъ должны быть примѣнены иныя мѣры. При *удлинненіи испытуемаго срока* число лицъ, которыя могутъ выдержать наложенный на нихъ искусь, окажется меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда мы ограничимся простымъ примѣненіемъ отсрочки наказанія на время, определенное въ судебномъ приговорѣ; но результаты при этомъ получаются болѣе цѣнные, и они заставятъ насъ идти далѣе тѣмъ же путемъ, на которомъ мы можемъ *избѣжать* наказанія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ быть примѣнено нѣчто *лучшее*.

Противники «условнаго освобожденія» все болѣе и болѣе умоляютъ; они уже покинули принципиальную борьбу съ тѣхъ поръ, какъ во всѣхъ болѣе крупныхъ государствахъ Германіи было введено «условное помилованіе». Результаты, достигнутые до сихъ поръ этой мѣрой, которая примѣняется только къ малолѣтнимъ преступникамъ и которая принципиально едва ли отличается отъ условнаго осужденія, превосходны. Въ 18107 случаяхъ изъ 25304, т. е. въ 71%, примѣненіе наказанія оказалось излишнимъ. Благопріятные результаты этой попытки должны проложить путь для введенія взаимнѣ мѣстныхъ законоположеній *общаго имперскаго закона объ условномъ осужденіи* и для лицъ, перешедшихъ за 18-лѣтній возрастъ.

«*Досрочное освобожденіе*» исходитъ изъ тѣхъ же психологическихъ предпосылокъ, какъ и условное осужденіе. Я уже говорилъ, какимъ по-

опреніемъ является для заключеннаго надежда на сокращеніе срока своего наказанія, если онъ сумѣетъ внушить къ себѣ довѣріе со стороны тюремнаго начальства. *Право* воспользоваться привилегіей сокращенія наказанія можетъ быть имъ *добыто* прилежаніемъ и повинovenіемъ. Условно освобожденный не пользуется безграницнымъ довѣріемъ. Онъ подвергается цѣлому ряду серьезныхъ *ограниченій* въ личной свободѣ, онъ чувствуетъ себя подъ неослабнымъ надзоромъ и при каждомъ помыслѣ о новомъ правонарушеніи въ воображеніи его встаетъ *предостерегающая угроза*. Я полагаю, что и здѣсь мы лишаемъ себя весьма цѣннаго средства борьбы, если мы ограничиваемъ срокъ нехологическаго воздѣйствія угрозы—*временемъ, оставшимся до полнаго стбытія назначеннаго наказанія*, предполагая, что послѣднее и безъ того было довольно непродолжительно. Суть же дѣла заключается въ томъ, что освобожденный, который, напр., въ теченіе двухъ лѣтъ велъ себя хорошо, имѣетъ тѣмъ больше основаній остерегаться рецидива на третій годъ, ибо онъ долженъ искупить *весь остатокъ своего наказанія*; онъ не легко рѣшится какимъ-нибудь легкомысленнымъ поступкомъ воставить на карту дѣло двухъ длинныхъ и трудныхъ годовъ. Поэтому, чѣмъ длиннѣе срокъ возможной отмѣны привилегіи досрочнаго освобожденія, тѣмъ легче путемъ этого суроваго испытанія отдѣлится *дѣйствительно исправившихся* отъ *соціально опасныхъ элементовъ*. По моему мнѣнію, срокъ этотъ слѣдуетъ опредѣлять по крайней мѣрѣ тремя годами для впервые наказываемаго и пятью—для рецидивистовъ.

Отмѣна размѣра наказанія.

Если бы хирургъ, принявъ пациента отъ другого врача съ просьбою послѣдняго произвести больному въ извѣстной части ноги ампутацію вслѣдствіе злокачественной опухоли, уступилъ этой просьбѣ, предварительно не убѣдившись въ необходимости такой операціи, то онъ грубо нарушилъ бы одно изъ элементарнѣйшихъ правилъ врачебнаго искусства. Но именно въ положеніи такого хирурга находится *тюремный чиновникъ*. Судь отправляетъ ему арестованнаго съ приказомъ такъ-то и столько-то лѣтъ держать подъ замкомъ. Если тюремный чиновникъ, благодаря непосредственному своему наблюденію, убѣдится, что судь ошибся въ опредѣленіи наказанія, то все же онъ не имѣетъ никакого права выступить съ своими возраженіями; помимо помилованія и условнаго освобожденія—иного средства для сокращенія или удлиненія наказанія, хотя бы на одинъ день, нѣтъ.

Тюремный чиновникъ, питающій извѣстный интересъ къ лицамъ, отданнымъ подъ его попеченіе, скоро этотъ интересъ утрачиваетъ. Ближайшее знакомство съ обстоятельствами дѣла, продолжительныя бесѣды

и наблюденія показали ему, что иной заключенный сталъ преступникомъ только по несчастному сбѣвленію обстоятельствъ; онъ убѣждается, что несчастный внутренне остается честнымъ человѣкомъ, для котораго продолженіе наказанія причиняетъ лишь бесполезную пытку и, можетъ быть, даже прямой вредъ для его физическаго и психическаго состоянія. Но онъ ничѣмъ не можетъ ему помочь, онъ не можетъ до срока возвратить ему свободу, не можетъ возвратить семьѣ ея кормильца, не можетъ избавить государство отъ издержекъ по исполненію наказанія, едѣлавшагося излишнимъ.

Еще мучительнѣе для мыслящаго тюремнаго чиновника такое положеніе, когда ему приходится возвращать *свободу* человѣку, который, по его убѣжденію, *не заслужилъ* ея. Если случайно не вполне выздоровѣвшій, но оправившійся душевно-больной совершитъ убійство или преступленіе противъ нравственности, то пресса не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ въ своихъ обвиненіяхъ противъ психіатровъ. Между тѣмъ очень часто трудно бываетъ составить безошибочное сужденіе о томъ, представляетъ ли тотъ или иной психически больной субъектъ опасность, тогда какъ опасность для общества со стороны лицъ, освобожденныхъ послѣ отбытія наказанія, можно, къ сожалѣнію, предсказывать съ достаточной опредѣленностью.

Большинство упомянутыхъ на стр. 156 заключенныхъ въ Пруссіи, относительно которыхъ тюремные чиновники полагали, что они неспособны къ нормальной общественной жизни на почвѣ законности, уже большей частью выпущены на свободу. Несмотря на глубокое убѣжденіе, что данный преступникъ рано или поздно совершитъ новое преступленіе въ формѣ ли вооруженнаго нападенія на своихъ ближнихъ, или насилія надъ нашими женами и дѣтьми, двери тюрьмы, однако, должны предъ нимъ раскрыться *пунктуально*, минута въ минуту, къ сроку окончанія наказанія. Кусливая собака должна быть привязана на цѣпи — и горе тому хозяину, который не сдѣлалъ этого во время. А человѣка, еще болѣе опаснаго, съ разрѣшенія государства, снова спускаютъ «на челоуѣчество».

Предо мной лежитъ «уголовный формуляръ» 40-лѣтняго преступника, который въ настоящее время отбываетъ свое 8-ое наказаніе за гнусныя нападенія на дѣтей ниже 14 лѣтъ. Первое наказаніе въ шесть мѣсяцевъ относится къ 1886 г., послѣднее къ іюню 1901 г. Такимъ образомъ, въ теченіе 15 лѣтъ одинъ и тотъ же субъектъ за одно и то же преступленіе былъ наказанъ *восемь разъ*, въ совокупности — къ десяти годамъ тюрьмы или смирительнаго дома; часто промежутки, отдѣляющій два слѣдующихъ одно за другимъ преступленія, не длиннѣе времени содержанія преступника въ тюрьмѣ, когда онъ физически лишенъ былъ совершить преступленіе. Вскорѣ онъ снова будетъ выпущенъ на свободу.

Какой ребенокъ станетъ новой жертвой его опасныхъ наклонностей? Другой примѣръ: молодой парень 16 лѣтъ, во вниманіе къ его молодости, былъ приговоренъ въ 1897 г. за попытку къ изнасилованію къ шестимѣсячному тюремному заключенію. Годъ спустя за то же преступленіе приговоренъ къ годичному заключенію. Затѣмъ послѣдовало трехмѣсячное заключеніе за порчу вещей, а потомъ векорѣ двухлѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ за попытку къ изнасилованію и неприличное поведеніе. Такимъ образомъ, въ теченіе неполныхъ пяти лѣтъ указанный субъектъ, достигшій уже 21 года, понесъ уже три года и девять мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. И относительно его не можетъ быть никакого сомнѣнія, что черезъ короткое время онъ снова повлится передъ судомъ, услѣвъ снова обезчестить дѣвочку или взрослую женщину. Третій примѣръ: субъектъ за попытку къ изнасилованію въ 1895 г. былъ осужденъ къ девятимѣсячному, а въ 1898 г. за нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій—къ трехмѣсячному тюремному заключенію; въ 1898 г., на основаніи § 176^з, приговоренъ къ 2 годамъ и 7 мѣсяцамъ заключенія въ смирительномъ домѣ. 24 января 1901 года онъ былъ освобожденъ, а 2-го іюня того же года онъ напалъ на 12-лѣтняго ребенка и за попытку къ изнасилованію и оскорбленію осужденъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію!

Каждый ребенокъ, каждая женщина, становящіяся жертвами такихъ субъектовъ, имѣютъ полное основаніе выступить съ *обвиненіемъ противъ государства*, которое, чтобы только соблюсти призракъ «справедливаго возмездія» по отношенію къ преступнику, жертвуетъ высшимъ достояніемъ нашихъ женщинъ, ихъ честью. Я бралъ примѣры только изъ области преступленій противъ нравственности, хотя то же явленіе быстрого и непосредственнаго рецидива наблюдается и въ области такихъ преступленій, какъ кража, нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій. Желалъ бы я встрѣтить такого сторонника теоріи искупленія, который, увидѣвъ обезчещенными свою жену или своего ребенка, не призналъ бы за лучшее заключить въ тюрьму на неопредѣленный срокъ человѣка, совершившаго цѣлый рядъ изнасилованій и обнаружившаго полную неспособность къ исправленію. Неужели мы должны лично пострадать, чтобы судить о ненормальности нашей современной карательной системы? Неужели мы настолько слѣпы, чтобы не видѣть того, что само собой ежедневно бросается въ глаза? Надо покончить съ этимъ положеніемъ, которое обезпечиваетъ преступнику возвратъ къ свободѣ, доставляющей ему поводъ заслужить лишь новое наказаніе въ нѣсколько лѣтъ, но оставляетъ безъ защиты мирныхъ гражданъ!

Приспособленіе наказанія къ индивидуальности преступника, проведенное до крайнихъ его логическихъ послѣдствій—такова задача; отмѣна размѣровъ наказанія—таково ея рѣшеніе.

Размѣръ наказанія сдѣлается излишнимъ, какъ только въ основу нашего уголовного права будутъ положены мотивы устрашенія, исправленія и безопасности. «Детальное исчисленіе размѣра наказанія, полагающагося за преступленіе, проступокъ и полицейское нарушеніе, мы до тѣхъ поръ будемъ сохранять въ нашей карательной системѣ, пока чувство возмездія, коренящееся еще въ первобытномъ варварствѣ, будетъ господствовать въ нашихъ уголовно-правовыхъ воззрѣніяхъ; пока судья, не заботясь о «мягкосердечномъ гуманизмѣ» цѣлостнаго и величественнаго міровоззрѣнія, будетъ ставить рядомъ съ активомъ преступныхъ дѣяній ихъ «пассивъ» въ видѣ денежныхъ штрафовъ и наказаній, поражающихъ тѣло, честь, свободу, чтобы дать удовлетвореніе правосудію этого міра; пока несчастный, совершившій ошибку въ минуту внезапнаго волненія, подъ гнетомъ нужды, будетъ испытывать всю тяжесть судебного приговора, который безвозвратно отниметъ у него двѣтучіе годы жизни и возвратитъ его на арену борьбы за существованіе уже человѣкомъ надломленнымъ, лишеннымъ всякихъ радостей и дружеской поддержки; до тѣхъ поръ, наконецъ, пока привычный преступникъ съ злорадствомъ будетъ отсчитывать дни заключенія и ждать приближенія того момента, когда передъ нимъ *должны* будутъ открыться двери тюрьмы, чтобы послѣ короткаго, но содержательнаго использованія своей свободы, снова войти въ нихъ. «Summum jus summa injuria!»¹⁾).

Совѣтъ инымъ, болѣе солиднымъ, гармоничнымъ и лучшимъ стало бы судопроизводство подѣ влияніемъ новой системы уголовного права, которая *не поражаетъ слѣпую яростью случайнаго преступника и не допускаетъ слабости* по отношенію къ неисправимому. Для того и другого значеніе *неопредѣленнаго* судебного приговора будетъ совершенно различно. *Впервые наказываемый*, если только не будетъ примѣнено къ нему условное осужденіе, вступить въ тюрьму съ искреннимъ *желаніемъ исправиться*. Раскаяніе и совѣсть уже вызвали въ немъ глубокое внутреннее потрясеніе; его обуреваютъ лучшія намѣренія. Отнынѣ онъ знаетъ, что онъ *самъ долженъ будетъ завоевать себѣ* свободу, что при новыхъ условіяхъ, въ которыхъ вынужденъ жить, онъ долженъ показать, приобрѣлъ ли онъ достаточно внутренней твердости; онъ борется за свое освобожденіе и получаетъ его; еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ передъ нимъ стоитъ угрозой возможная отмѣна его свободы, какъ напоминаніе о прошломъ, какъ предупрежденіе для будущаго. Но если онъ останется вѣрнымъ своимъ добрымъ намѣреніямъ, то государство приобрѣтетъ однимъ полезнымъ гражданиномъ больше.

Даже въ глазахъ субъекта *лекомысленнаго*, безъ всякаго смущенія «отсиживающаго» теперь свои нѣсколько мѣсяцевъ, величіе права

¹⁾ Kraepelin, Die Abschaffung des Strafmasses. Срр. 17.

представится въ 'совѣтѣ' иномъ видѣ. При болѣе тщательномъ психологическомъ наблюдениіи со стороны тюремныхъ властей легко можетъ удаться распознать поверхностный характеръ показнаго раскаянія; легкомысленный субъектъ, даже задаваясь намѣреніемъ исправиться, не достигаетъ серьезныхъ результатовъ въ этомъ направленіи. Мѣсяць-другой, которые ему приходится высидѣть по дѣйствующему праву, пройдутъ, но никакихъ мѣръ не будетъ предпринято для его освобожденія. Въ монотонномъ однообразіи потекуть дни за днями, постоянно все снова и снова побуждая его къ внутреннему самокаблуденію и внушая сознаніе, что только путемъ внутренняго перерожденія онъ можетъ добыть себѣ свободу. Когда, наконецъ, онъ образумится, и двери тюрьмы останутся позади его, то у него уже будутъ болѣе серьезные намѣренія сохранить свое хорошее поведеніе. Мысль о возможной отмѣнѣ его освобожденія преслѣдуетъ его всюду, и онъ знаетъ, что это не *пустая* угроза; онъ понимаетъ теперь все серьезное значеніе наказанія и боится его. Быть можетъ, въ такомъ субъектѣ мы не найдемъ никакого дѣйствительнаго улучшенія, но и такой суррогатъ исправленія скорѣе обезпечитъ общественный миръ, нежели теперь.

Наконецъ, какъ быть съ преступникомъ *неисправимымъ*? Долженъ ли онъ безнадежно провести всѣ годы подъ тюремнымъ замкомъ? Конечно, если нельзя иначе. Въдѣ и по дѣйствующему праву подвергаютъ пожизненному заключенію людей, среди которыхъ иной, какъ показываетъ опытъ помилованія, еще способенъ былъ бы къ исправленію. Никто же не останавливается передъ необходимостью пожизненнаго интернированія душевно больныхъ, опасныхъ для общества? Почему же не поступать точно такъ же и съ преступникомъ? Я знаю одного субъекта, просидѣвшаго одинъ разъ семь лѣтъ, другой разъ восемь лѣтъ, съ краткимъ промежуткомъ пребыванія на свободѣ, въ каторжной тюрьмѣ за изнасилованіе. Выпущенный на свободу, онъ на ближайшей же недѣлѣ, въ теченіе двухъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ дней, совершилъ нападеніе на двухъ женщинъ и изнасиловалъ ихъ; послѣ этого онъ снова былъ водворенъ въ тюрьму еще на 15 лѣтъ. Въ данномъ случаѣ примѣненіе срочнаго вмѣсто пожизненнаго заключенія свелось къ тому, что государство предоставило преступнику свободу къ той мѣрѣ, въ какой она ему была необходима для совершенія новаго преступленія; что государству понадобилась *жертва* здоровьемъ и честию нѣсколькихъ незапятнанныхъ молодыхъ дѣвушекъ, прежде чѣмъ оно воспользовалось правомъ сдѣлать то, что и раньше напрашивалось само собою.

Я осмѣлюсь даже сдѣлать предсказаніе, повидимому противорѣчащее возрѣнію о *неисправимости* многихъ преступниковъ, которое я здѣсь защищаю. Я полагаю, что подобная карательная система, быть можетъ, даже окажется спасительное дѣйствіе на такихъ субъектовъ, которые при

настоящемъ положеніи дѣла неизбежно должны погибнуть. Впрочемъ, я разсматриваю, какъ уже неоднократно утверждали, несправимость не какъ слѣдствіе врожденныхъ *преступныхъ* наклонностей, но какъ неспособность при современныхъ социальныхъ отношеніяхъ согласовать свое поведеніе съ уваженіемъ къ чужимъ правамъ, неспособность, обусловленная недостаточнымъ развитіемъ, ненормальнымъ воспитаніемъ. Почему не допустить, что при помощи неустаннаго труда можно пробудить въ человѣкѣ, котораго мы считаемъ потеряннымъ, искру благородныхъ помысловъ и воздѣйствовать на него систематическими и настойчивыми воспитательными мѣрами въ желательномъ направленіи? Теперь это удастся съ величайшимъ трудомъ, потому что преступникъ заранѣе знаетъ конецъ наложеннаго на него наказанія. Если же поставить его въ такое положеніе, при которомъ онъ *самъ становится хозяиномъ* своей судьбы, то оно можетъ пробудить въ немъ желаніе къ исправленію, возбуждаемое перспективой строгаго *надзора* и долготѣшняго *дисциплинарнаго режима*. Разъ въ немъ это стремленіе къ самоисправленію не обнаруживается, то ничего иного не остается съ нимъ дѣлать, какъ строго *изолировать отъ общества*.

Кому, однако, должно быть предоставлено рѣшеніе вопроса объ освобожденіи заключеннаго или о продленіи срока лишенія свободы? «Противъ практической осуществимости раздѣленія преступниковъ на категоріи случайныхъ, привычныхъ и несправимыхъ, замѣчаетъ Франкъ ¹⁾, говоритъ то соображеніе, что подобнаго рода раздѣленіе не можетъ быть дѣломъ судьи, а должно быть предоставлено тюремнымъ чиновникамъ. Но такой выводъ,—другими словами,—допущеніе неопредѣленныхъ приговоровъ—для ближайшихъ столѣтій неприемлемъ, потому что мы пока не въ состояніи познать человѣка въ его внутреннемъ бытіи, а также потому что тюремные чиновники не пользуются общественнымъ довѣріемъ ²⁾, наличность котораго является необходимымъ условіемъ оправдывающей всякое посягательство на человѣческую свободу».

¹⁾ *Mitteilungen der internationalen kriminalistischen Vereinigung*. т. VI, стр. 577. Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что въ настоящее время Франкъ не поддерживаетъ уже эту точку зрѣнія во всемъ ея объемѣ.

²⁾ Не безынтересно, что и врачи-психіатры, «неустанной энергіи которыхъ леченіе душевныхъ болѣзней и уходъ за душевно больными прежде всего обязаны своимъ современнымъ высокимъ уровнемъ развитія и своимъ гуманнымъ характеромъ» (*Korn, Die Medizin im neunzehnten Jahrhundert*, стр. 189) не пользуются довѣріемъ ни народа, ни судей. Каждый шагъ по пути прогресса съ трудомъ пролагаетъ себѣ путь сквозь дебри предразсудковъ профановъ, повторяющихъ затверженный прирѣвъ: безусловное недовѣріе. Кто только разъ имѣлъ случай осмотрѣть современное учрежденіе для душевно больныхъ, убѣдится, что «недовѣріе народа» не можетъ уже служить критеріемъ для оцѣнки достоинствъ профессиональныхъ функцій.

Оба эти возраженія сохраняютъ, однако, свою силу только при господствѣ *современнаго* уголовного права. Въ *будущемъ* судья не будетъ играть только роль *связующаго звена* между слѣдователемъ и тюремнымъ чиновникомъ; онъ будетъ ставить вопросъ не только о виновности подсудимаго. Въ противоположность современнымъ его функціямъ передъ нимъ возникнетъ цѣлый рядъ весьма сложныхъ задачъ. Онъ долженъ будетъ предпринять попытку, путемъ болѣе внимательнаго изслѣдованія внѣшнихъ причинъ преступленія и болѣе тонкаго психологическаго анализа *личности преступника*, заранѣе выдѣлить тѣхъ изъ нихъ, къ которымъ можетъ быть примѣненъ опытъ отерочки наказанія. Ему придется опредѣлить, при какихъ условіяхъ можетъ быть примѣнено простое *возмъщеніе убытковъ*, и позаботиться о возстановленіи правъ пострадавшаго. Онъ долженъ будетъ выдѣлить тѣхъ преступниковъ, по отношенію къ которымъ, вмѣсто современнаго формальнаго осужденія, можетъ быть примѣнено *леченіе и воспитаніе*, обѣщающія болѣе дѣйствительные результаты, нежели простое наказаніе.

Такими мѣрами пользуются уже и теперь по отношенію къ малолѣтнимъ преступникамъ и до извѣстной степени по отношенію къ душевно больнымъ. Но ими не исчерпывается категорія лицъ, къ которымъ вмѣсто тюремнаго заключенія, дающаго результаты столь ничтожныя, слѣдовало бы примѣнить цѣлесообразныя лечебныя и воспитательныя средства, имѣющія, наоборотъ, очень плодотворныя послѣдствія; къ этой категоріи принадлежатъ, прежде всего, *пьяницы* и субъекты не вполне *змѣняемые*, заслуживающіе особаго вниманія.

Уголовный судья, которому представляется задача психологическаго анализа преступника, найдетъ болѣе цѣнный и болѣе благопріятный поводъ для обнаруженія своихъ способностей, нежели теперь, когда его дѣятельность сводится къ механической функціи постановленія приговоровъ противъ нищихъ и бродягъ, пьяницъ и воровъ; когда болѣе серьезныя требованія предъявляются къ нему лишь въ дѣлахъ, требующихъ тонкаго различенія между мошенничествомъ и растратой и т. п., если только и въ этихъ случаяхъ имперскій судъ не освободилъ его отъ необходимости самостоятельнаго сужденія. Затѣмъ дѣятельность судьи, признавшаго необходимымъ приучить къ подчиненію государственному порядку и подвергнуть основательно воспитательной дрессировкѣ преступника, не сводится къ простой передачѣ послѣдняго въ руки тюремныхъ чиновниковъ. Онъ долженъ нести долю *ответственности и за дальнѣйшую его судьбу*.

Для образованія нашихъ судей — и это можно предсказывать съ полвою опредѣленностью — въ будущемъ станетъ необходимой для нихъ *временная служба въ пенитенціарныхъ учрежденіяхъ*. Крайняя ненормальность нынѣшняго законодательства въ томъ именно и заключа-

стес, что судьи, постановляя свои приговоры, не имѣютъ почти никакого представленія объ ихъ исполненіи. Конечно, одно—два посѣщенія мѣсть заключенія, демонстрированіе и разъясненіе нѣсколькихъ наиболее тяжкихъ случаевъ преступленій въ счетъ не идутъ. Но дѣло получило бы еще худшій видъ сравнительно съ настоящимъ его положеніемъ, если бы явилось предположеніе, что можно было бы всецѣло проникнуть въ самую сущность *методовъ* и *вліянія наказанія*, проникнуть въ *глубь человеческой души*. Итъ, будущій судья долженъ *практически сотрудничать* на этой почвѣ, онъ долженъ самъ *подробно знакомиться съ преступниками, самостоятельно вырабатывать мнѣніе* относительно того, заслуживаетъ ли тотъ или иной преступникъ досрочнаго освобожденія, можно ли ему оказать довѣріе, или же его слѣдуетъ признать несправимымъ.

Судья самъ долженъ *наблюдать надъ приведеніемъ наказанія въ исполненіе и принимать участіе въ рѣшеніяхъ*, связанныхъ съ дальнѣйшей судьбою заключеннаго. Такъ обстоитъ теперь дѣло въ Баденѣ и Вюртембергѣ. Въ Вюртембергѣ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, вѣдающихъ мѣста заключенія, засѣдаютъ съ правомъ голоса высшіе чиновники судебнаго вѣдомства и административныхъ и медицинскаго учреждений, а также представители духовенства обоихъ исповѣданій (католическаго и протестантскаго); въ Баденѣ въ *усиленную конференцію чиновниковъ*, кромѣ нѣсколькихъ гражданъ, входятъ, въ качествѣ предсѣдателя, предсѣдатель или совѣтникъ земскаго суда. Совмѣстное дѣйствіе судей и представителей общества, и лучше всего такихъ, которые состоятъ одновременно членами попечительныхъ обществъ (см. стр. 179), было бы лучшимъ предупреденіемъ опасности, которой, какъ показывають опытъ, подвержена большая часть чиновниковъ — придавать слишкомъ неключительное значеніе своимъ собственнымъ мнѣніямъ. «Мы, тюремные чиновники, очень легко превращаемся въ автократовъ и непогрѣшимыхъ людей», говорить *Кроне*.

На годичномъ собраніи международнаго союза уголовного права въ 1897 г. были приняты слѣдующія положенія, предложенныя *Зейфертомъ* и *Кроне*:

1) Для обезпеченія цѣлесообразнаго примѣненія наказанія необходимо участіе въ періодическихъ конференціяхъ высшихъ властей болѣе крупныхъ тюремъ и пенитенціарныхъ учреждений довѣренныхъ людей, делегированныхъ органами надзора; среди нихъ должны быть члены попечительствъ.

2) Къ женскимъ тюрьмамъ должны прикомандировываться тоже и женщины.

3) Прикомандированныя лица пользуются правомъ посѣщенія заключенныхъ безъ постороннихъ свидѣтелей.

4) Они должны принимать участіе въ постановленіяхъ о прекращеніи наказаній, о досрочномъ освобожденіи и помилованіи.

Болѣе широкіе планы объ отмѣнѣ размѣровъ наказанія должны повести къ еще большому расширенію этихъ тезисовъ. Совмѣстное дѣйствіе *прокуратуры судовъ и органовъ администраціи* должно быть обеспечено въ болѣе значительной мѣрѣ и не должно сводиться только къ участію въ конференціяхъ.

Главная часть работы, во всякомъ случаѣ, выпадеть и должна выпасть на долю *тюремныхъ чиновниковъ*. Но они успешно справятся съ своею задачею только тогда, когда они будутъ обладать болѣе основательными представленіями по вопросамъ, прежде всего, юридическимъ и *психологическимъ*, когда будутъ стоять въ самой гущѣ жизни и потому будутъ способны судить о происхожденіи преступника и его вѣроятной судьбѣ. Для правильнаго примѣненія наказанія достаточно было бы уже хорошихъ чиновниковъ. Я еще разъ напоминаю о словахъ *Кроне*: «Буде у васъ лучшей законъ, лучшие судьи, лучшие приговоры, но если у васъ неспособные тюремные чиновники, то можете бросить вашъ законъ въ корзину, а приговоръ сжечь».

Отмѣна размѣровъ наказанія, досрочное освобожденіе и предстоящее улучшеніе нашего колеблющагося правового состоянія приведутъ къ положительнымъ или отрицательнымъ результатамъ въ зависимости отъ той или иной *организации наказаній*. Тамъ, гдѣ заключенный собственными усиліями добивается улучшенія своей участи, тамъ нужно приложить рычагъ.

Отношеніе къ малолѣтнимъ и къ преступникамъ съ уменьшенной вмѣняемостью.

Согласно нашему (германскому) законодательству, первое преступное дѣяніе несчастнаго созданія, перешагнувшаго за 12-лѣтній возрастъ, приводитъ уже на скамью подсудимыхъ. При оцѣнкѣ вреда, вытекающаго изъ *публичности судопроизводства*, мы раздѣлили преступныхъ дѣтей на двѣ отдѣльныя группы: 1) на такихъ, которыя не могли противостоять какому-либо особенно заманчивому искушенію, но *внутренне испорчны*, и 2) такихъ, которыя выросли въ преступной обстановкѣ, испорчены съ самаго ранняго возраста и знакомы со страхомъ, внушаемымъ имъ только полиціей и угрозой наказанія, но не испытываютъ отвращенія къ правонарушенію. Для ребенка первой группы процессъ будетъ *пятномъ*, слѣды котораго не изглаживаются даже въ случаѣ оправдательнаго приговора, и которое тѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать, чѣмъ менѣе испорченъ ребенокъ; вмѣстѣ съ ребенкомъ страдаютъ и его родственники, вина которыхъ часто совершенно ничтожна. Ребенокъ

становится жертвой презрѣнія со стороны своихъ школьныхъ сверстниковъ, подозрительности—со стороны учителей; въ каждой простительной шалости школа и семья готовы видѣть проявленіе преступныхъ наклонностей. Подъ этимъ постояннымъ гнетомъ подозрительности можетъ погибнуть всякая болѣе или менѣе чуткая душа. Едва ли нужно говорить, что для такого ребенка судебный процессъ былъ тѣмъ менѣе необходимъ, что предполагаемыя въ немъ ненормальности могли бы быть съ большимъ успѣхомъ устранены воспитательными мѣрами.

Иначе обстоитъ дѣло съ дѣтьми, которыя вырастаютъ среди полной распущенности и эгоизма обстановки большихъ городовъ. Для нихъ первый судебный процессъ является первымъ шагомъ къ самостоятельности. Съ этого момента ребенокъ, несмотря на свою духовную и физическую незрѣлость, чувствуетъ себя уже *взрослымъ*, ибо какъ съ таковыми и судъ имѣетъ съ нимъ дѣло. Онъ уже чувствуетъ себя героемъ, явившимся предметомъ спеціальнаго вниманія со стороны государства, и съ *сознаніемъ собственной достоинства* ожидаетъ газетныхъ отчетовъ о своемъ процессѣ. Сознаніе такой общественной роли свойственно не только герою процесса, но передается также и его товарищамъ, которые начинаютъ относиться къ нему съ нѣкоторымъ уваженіемъ; а его единомышленники даже поклоняются ему. Но лишь совершенные невѣжды въ области дѣтской психологіи могутъ допустить, что его примѣръ окажетъ на неиспорченныхъ дѣтей только *устрашающее* или отталкивающее дѣйствіе. Дѣтская фантазія возбуждается всѣмъ необыкновеннымъ. Юный преступникъ въ глазахъ даже совершенно неиспорченныхъ дѣтей таитъ въ себѣ нѣчто таинственное, и къ чувству презрѣнія присоединяется боязливое уваженіе къ его самостоятельности, къ его преждевременной зрѣлости.

Вредъ, причиняемый присутствіемъ такого ребенка въ школѣ, не подлежитъ сомнѣнію. И даже въ случаѣ *оправдательнаго приговора*, такой ребенокъ не долженъ быть возвращенъ въ школу, а въ *исправительное заведеніе*; потому что его имя, его дѣяніе, его поведеніе на судѣ еще долгое время будетъ служить для школьныхъ его товарищей темою разговоровъ, губительное вліяніе которыхъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ пробить первую брешь въ неустановившихся, еще незрѣлыхъ нравственныхъ привычкахъ дѣтей.

Обязательное по закону обученіе продолжается до 14 лѣтняго возраста. Такой періодъ времени считается необходимымъ для школьнаго воспитанія ребенка. Но никто не рѣшится назвать ребенка, вышедшаго изъ школьнаго возраста и начинающаго самостоятельное *соціальное существованіе*, физически и духовно созрѣвшимъ. Почему же для малолѣтнихъ преступниковъ не отодвинуть начало уголовного совершеннѣтія по крайней мѣрѣ до предѣловъ *школьнаго возраста*? А если это

оказывается неудобнымъ, если интересы школы требуютъ удаленія изъ нея преступнаго ребенка, такъ почему не помѣстить его въ исправительно-воспитательное учрежденіе вмѣсто того, чтобы устраивать публичное зрѣлище судебного процесса или даже подвергать его тюремному заключенію?

Наказаніе—обоюдоострое оружіе. Пока оно служитъ для преступника лишь угрозой, оно можетъ дѣйствовать устрашающимъ образомъ. Но разъ онъ уже съ нимъ познакомился на дѣлѣ, то дѣйствіе его ослабляется; вторичное наказаніе уже не такъ страшно, какъ первое: это вполне подтверждается статистикой рецидива среди взрослыхъ преступниковъ. Во сколько же разъ больше теряетъ въ своемъ дѣйствіи угроза наказанія, если послѣднее становится уже знакомымъ съ малолѣтства, если для человѣка, вошедшаго въ періодъ зрѣлости, оно сплелось съ впечатлѣніями юности!

Отбываніе наказанія должно быть такъ организовано, чтобы юные преступники были совершенно *изолированы* отъ взрослыхъ. Достаточно уже одного совместнаго пребыванія съ болѣе опытными преступниками, чтобы истребить въ юныхъ душахъ послѣдніе остатки порядочности, раскаянія и добрыхъ намѣреній. Такъ, я видѣлъ, что дѣвочки, не вступившія еще въ періодъ менструацій, удивительно легко усваивали представленія о разнаго рода ненормальныхъ явленіяхъ въ половой сферѣ. Учительницей ихъ была рано созрѣвшая и рано испортившаяся товарка по *заключенію!* Болѣе строгое проведеніе системы одиночнаго заключенія могло бы предупредить такіе факты, но предварительное заключеніе и тѣсныя подслѣдственные тюрьмы бросаютъ, даже при осуществленіи потомъ лучшихъ способовъ приведенія наказанія въ исполненіе, гибельныя сѣмена на слишкомъ воспримчивую почву.

Исходя изъ подобныхъ взглядовъ, *фонъ-Листъ* приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Если малолѣтній совершаетъ преступленіе, и мы его отпустимъ послѣ этого съ миромъ, то вѣроятность совершенія имъ новаго преступленія меньше, нежели въ томъ случаѣ, если мы подвергнемъ его наказанію». Мы не должны его наказывать, но не должны его и отпускать на всѣ четыре стороны. Законъ объ исправительномъ воспитаніи даетъ намъ право отбывшихъ уже наказаніе удерживать отъ дальнѣйшаго преступнаго образа жизни путемъ восполненія пробѣловъ ихъ прежняго воспитанія. Что значить для 12—13-лѣтняго ребенка, совершившаго преступленіе, наказаніе нѣсколькими мѣсяцами тюремнаго заключенія сравнительно съ исправительнымъ воспитаніемъ, продолжающимся до 20-лѣтняго возраста? Къ чему еще тюрьма? Почему не прямо помѣщать въ исправительно-воспитательное учрежденіе? Въ случаѣ оправданія по мотивамъ недостаточной разсудительности обвиняемаго, законо-

дательство и раньше уже разрѣшало примѣненіе системы принудительнаго воспитанія. Къ чему же тогда зрѣлице публичнаго процесса?

Лишь для того, чтобы установить, не было ли на лицо въ концѣ концовъ *сознательнаго элемента*; но мнѣ это кажется дѣломъ бесполезнымъ, пока будутъ происходить такіе случаи, что на этотъ вопросъ будетъ даваться утвердительный отвѣтъ, хотя ребенокъ находился въ школѣ для малоспособныхъ. Уже и предварительнаго слѣдствія было бы достаточно для того, чтобы положить конецъ *ненормальному порядку*, при которомъ въ нашихъ судебныхъ засѣданіяхъ *публично фигурируютъ дѣти*.

Дѣти не могутъ подлежать вѣдѣнію ни суда, ни тюрьмы. Весь вопросъ въ томъ только и заключается, до какого возраста уголовный законъ долженъ уступать мѣсто *воспитательному воздѣйствію*. Международнѣй союзъ уголовного права¹⁾ высказался за 14-лѣтній возрастъ, какъ начальный моментъ уголовного совершеннолѣтія, вопреки первоначальному проекту Кроне, Листа и Аннелиуса, предлагавшихъ принять 16-лѣтній возрастъ, въ пользу котораго высказалась и третья запрошеныхъ по этому поводу пенитенціарныхъ учреждений.

Пока ребенокъ не вышелъ изъ школьнаго возраста, онъ, разумѣется, долженъ считаться ребенкомъ, а не *взрослымъ*. 14 лѣтъ — это самое меньшее, что должно требовать. Послѣ этого, подростающій вступаетъ въ переходный періодъ развитія, т. е. въ періодъ тѣхъ лѣтъ, которые характеризуются «недостаткомъ внутренней устойчивости»²⁾. Для оцѣнки этого періода нельзя воспользоваться тѣмъ же масштабомъ, который применяется къ взрослымъ. Чтобы привести въ соотвѣтствіе эти особыя свойства періода созрѣванія съ требованіями уголовныхъ законовъ, понадобилось бы гораздо больше времени, нежели то, которое судья можетъ посвятить единичному случаю. Но если бы онъ въ состояніи былъ исполнить эту задачу, то всѣ приговоры его, почти безъ исключенія, состояли бы въ томъ, чтобы — вмѣсто приписываемаго закономъ краткосрочнаго заключенія — примѣнять *продолжительное и систематическое воспитаніе*. Бываютъ случаи, исключенія, въ которыхъ преступленіе является результатомъ столь очевидной незначительной ошибки, что самая широкая снисходительность оказывается вполне уместной. Официальное признаніе такихъ случаевъ нашло свое выраженіе въ «условномъ помилованіи». Благодѣяніями этой мѣры могутъ пользоваться подростки, только впервые навлекшіе на себя наказаніе, не превышающее 6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Но опаснымъ элементомъ *послѣ* отбыванія наказанія грозитъ еще принудительное воспитаніе, потому что наказаніе въ боль-

¹⁾ *Mitteilungen der internationalen kriminal. Vereinigung*. T. 3, стр. 327.

²⁾ *Aug. Cramer, Entwicklungsjahre und Gesetzgebung*. 1902, стр. 7.

шнствѣ: случаи не считаются достаточнымъ. Остается только пожелать, чтобы уголовная политика по отношенію къ малолѣтнимъ преступникамъ была бы *объединена* и урегулирована нашимъ законодательствомъ. Программа выполненія этой задачи могла бы быть кратко формулирована въ слѣдующихъ словахъ: *безпризорныя дѣти* нуждаются въ *принудительномъ* или *почетительномъ воспитаніи*, даже и тогда, когда они не совершили нарушенія уголовныхъ законовъ. Уголовное преслѣдованіе начинается только съ *окончаніемъ 16-лѣтняго* возраста. Судопроизводство *не должно быть гласнымъ*. Въ приговорѣ вмѣсто наказанія можетъ быть всегда предписываемо почетительное воспитаніе. Въ случаяхъ ничтожныхъ проступковъ наказаніе можетъ быть отсрочиваемо до 21 года и при хорошемъ поведеніи совершенно отмѣняться. При *рецидивѣ условно осужденныхъ* дѣлается распоряженіе объ отдалѣ въ *исправительно-воспитательное заведеніе*. Эта программа въ существенныхъ пунктахъ совпадаетъ съ программой международного союза уголовного права; мнѣ было бы только желательнымъ возстановить первоначальный проектъ, прежде всего, потому, что въ немъ возрастъ отъ 14—16 лѣтъ психологически правильнѣе оцѣнивается, нежели въ принятомъ видѣ.

Совершенно иною представляется мнѣ политика по отношенію къ лицамъ, которыя стоятъ на границѣ между душевнымъ здоровьемъ и душевною болѣзью и для квалифікаціи которыхъ справедливо требуютъ введенія понятія «*уменьшенной вмѣняемости*». Германское уголовное законодательство въ противоположность нѣкоторымъ прежнимъ нѣмецкимъ государствамъ и многимъ иностраннымъ не знаетъ этого понятія. Но мало-по-малу въ общественное сознаніе проникло убѣжденіе, что наряду съ душевно-больными и здоровыми людьми существуетъ еще нѣкій рядъ индивидуумовъ, которые не могутъ мѣряться тою же мѣркой. *Смягчающія обстоятельства* должны, — какъ было заявлено при мотивировкѣ отклоненія понятія объ «*уменьшенной вмѣняемости*» во время преній въ рейхстагѣ, — по существу удовлетворить практической потребности, безспорно лежащей въ основаніи понятія, которое предложено было ввести».

Не буду останавливаться на томъ, что для самыхъ тяжелыхъ преступленій не существуетъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ, что самый компетентный судья въ этомъ сложномъ вопросѣ — врачъ, замѣняется судьей; достаточно здѣсь только замѣтить, что дѣйствіе смягчающихъ обстоятельствъ совершенно противорѣчитъ тому, чего требуетъ рациональная уголовная политика. По дѣйствующему праву субъектъ съ *уменьшеною вмѣняемостью* подвергается *болѣе мягкому*, т. е. *меньше продолжительному* наказанію. Но этимъ путемъ его, быть можетъ, лишаютъ единственнаго сдерживающаго элемента, которымъ онъ еще обладаетъ. Перспектива легкаго наказанія еще болѣе уменьшаетъ страхъ наказанія — единственный мотивъ, который, быть можетъ, удерживаетъ

ого отъ преступленія. Если даже эти недостаточно-вмѣняемые субъекты и не усмотрятъ въ мягкихъ приговорахъ поощренія къ продолженію своихъ дѣяній, то все же остается фактъ *безполезности краткосрочныхъ наказаній*. Мнѣ неоднократно приходилось наблюдать такого рода испихопатическихъ субъектовъ, которые, сознавая свою социальную непригодность, сами просили о назначеніи имъ продолжительныхъ наказаній въ надеждѣ,—можетъ быть, тщетной—выработать въ себѣ за это время недостающую имъ энергію, и во всякомъ случаѣ въ томъ расчетѣ, вполнѣ справедливомъ, что краткосрочное наказаніе не оставитъ по себѣ никакаго впечатлѣнія.

Гораздо болѣе разумнымъ кажется предложеніе, чтобы къ такимъ лицамъ примѣнять наказанія *не количественно меньшія, но качественно отличающіяся отъ обычныхъ*. Это желательное видоизмѣненіе въ характерѣ наказаній должно сообразоваться съ свойствами каждой отдѣльной личности и выставлятъ на первомъ планѣ то терапевтическія, то воспитательныя задачи, а при извѣстныхъ условіяхъ и полное изытіе изъ общества съ помѣщеніемъ изыятыхъ въ специальное учрежденіе на продолжительное время.

«La responsabilité proportionnelle n'est toutefois acceptable que sous la réserve formelle d'une sorte de pénalité spéciale» писалъ уже въ 1874 г. Легранъ-дю-Соль¹⁾. Дѣйствительно, въ этомъ лежитъ корень всего вопроса. Только при условіи *видоизмѣненія въ характеръ примѣняемыхъ наказаній* приобретаетъ важную цѣнность законодательное признаніе недостаточной вмѣняемости. Какъ долженъ быть видоизмѣненъ характеръ наказаній, ясно изъ сказаннаго. Часть преступниковъ съ недостаточной вмѣняемостью должна быть помѣщаемъ въ учрежденія для эпилептиковъ, а иногда и въ дома для умалишенныхъ. Большая часть—въ учрежденія, представляющія собою промежуточное звено между рабочимъ домомъ и домомъ для умалишенныхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо *участіе врачей*.

Этимъ учрежденіямъ должна принадлежать также большая часть *бродягъ*, среди которыхъ лица физически и духовно нормальныя составляютъ меньшинство. Какое могутъ имѣть для нихъ значеніе краткосрочныя наказанія и даже временныя заключенія въ рабочие дома? Ровно никакого. Опытъ учитъ, что очень многіе усердные и полезные работники, находящіеся въ рабочихъ домахъ, продуктами своего труда цѣлкомъ или отчасти успѣваютъ возмѣщать тѣ расходы, которые они причиняютъ государству. Почему же отказываются удерживать такихъ людей на продолжительные сроки въ цѣлесообразно организованныхъ учрежденіяхъ, вмѣсто того, чтобы черезъ короткое время снова выбрасывать ихъ на

¹⁾ Legrand du Sault. *Traité de médecine légale et de jurisprudence médicale*. Paris 1874, стр. 723.

большую дорогу? Мѣра эта не столь жестока, какъ кажется. Промежутки между двумя слѣдующими одно за другимъ заключеніями въ работный домъ большей частью совершенно ничтожны, и многіе изъ заключенныхъ не чувствуютъ себя вовсе несчастными въ условіяхъ регулярнаго рабочаго режима работныхъ домовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно уменьшилось бы число дѣлъ, связанныхъ съ нищенствомъ и бродяжествомъ, разсматривающихся въ различныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, а это дало бы возможность удѣлять большее вниманіе отдѣльнымъ случаямъ тяжкихъ преступленій.

Нѣсколько словъ должно еще посвятить *пьяницамъ*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ учрежденіе для душевно-больныхъ былъ привезенъ пьяница влѣдствіе обнаружившагося у него *delirium tremens*, исчезнушаго черезъ нѣсколько дней. Онъ былъ здоровымъ человекомъ, но безпутнымъ пьяницей, который, какъ это было формально засвидѣтельствовано, тиранилъ жену и дѣтей, колотилъ сосѣдей и прохожихъ, нападалъ на полицейскихъ и т. д. Но *по буквальному смыслу закона не было основанийъ признать его душевно-больнымъ*, и его должны были отпустить на свободу. Таково было рѣшеніе самого министерства, мнѣніе котораго было исполнено по этому поводу.

Случай этотъ очень типиченъ для современныхъ правоотношеній и показываетъ, что можетъ и должно быть въ нихъ измѣнено. Въ такихъ случаяхъ должно быть признано необходимымъ вмѣшательство суда, и такой опасный человекъ долженъ быть водворенъ въ больницу для алкоголиковъ, а если онъ неизлѣчимъ—въ пріютъ для пьяницъ. Ко вѣдъ индивидуумамъ отъ душевно-больного до обыкновеннаго преступника примѣнима формула: *приспособленіе мнѣрь соціальной репрессіи къ индивидуальности преступника*.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Когда въ 1880 году *Крепелингъ* впервые въ логической послѣдовательности развилъ теорію исправленія и выставилъ требованіе объ *отмѣнѣ размѣровъ наказанія*, то, за исключеніемъ нѣсколькихъ отзывать, большей частью отрицательныхъ, ее совершенно замолчали. Но не надолго. Принимая во вниманіе чрезвычайную трудность, съ которою *практическія идеи* проникаютъ въ науки преимущественно *теоретическаго характера*, и вѣковую неподвижность представленій о природѣ преступленія и о способахъ борьбы съ нимъ, мы должны будемъ признать весьма серьезнымъ успѣхъ, достигнутый въ столь короткое время. Въ Германіи наряду съ условнымъ освобожденіемъ существуетъ только институтъ условнаго помилованія, да и то ограниченно примѣняемаго. Но и это является

уже маленькой брешью въ строе окостенѣвшихъ формъ уголовного права.

Дальнѣйшимъ шагомъ впередъ является *проектъ швейцарскаго уголовного законодательства Штооса*, который при наличности факта уменьшенной вѣняемости даетъ судѣ право по собственному усмотрѣнію смягчать наказаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и право *интернировать* подсудимаго *въ какое-либо учрежденіе*. Гораздо важнѣе еще постановленія, касающіяся преступленій, связанныхъ съ алкоголизмомъ. Относительно привычнаго пьяницы, оправданнаго по мотивамъ уменьшенной вѣняемости или даже осужденнаго, можетъ быть сдѣлано постановленіе о переводѣ ихъ *въ лечебницу для алкоголиковъ*. Но при наличности преступления, совершеннаго имъ въ состояніи опьяненія, онъ можетъ быть приговоренъ вмѣсто тюрьмы къ двухъ-трехлѣтнему заключенію въ работный домъ. Итакъ, мы видимъ здѣсь *непосредственную* замѣну наказанія целесообразными мѣрами воздѣйствія и приспособленіе къ индивидуальности преступника, не обращая вниманія на причиненный материальный ущербъ.

Ближе всего подошелъ къ нашимъ требованіямъ проектъ норвежскаго уголовного права 1896 г. § 65 гласитъ: «Если кто-либо оказался виновнымъ въ совершеніи или въ попыткѣ къ совершенію нѣкоторыхъ преступленій, наказуемыхъ по §§ 148, 149, 152 Отд. I, 154 Отд. I, 159, 160, 161 (прест. противъ общественнаго спокойствія) §§ 174, 178 (подѣлка денежныхъ знаковъ), §§ 191—193, 195—198, 200—204 (преступленія противъ нравственности), § 217 (похищеніе малолѣтнихъ), §§ 224, 227 (захватъ людей), §§ 230, 231, 233, 245 (преступленія противъ жизни, тѣлесной неприкосновенности и здоровья), § 261 (крупная кража), §§ 266—268 (грабежъ и вымогательство), § 292 (поврежденіе вещей и имущества), то судъ можетъ постановить, чтобы присяжнымъ былъ поставленъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли разсматривать обвиняемаго, въ виду особенностей преступленія, мотивовъ, побудившихъ къ нему, или въ виду особыхъ свойствъ психическаго состоянія, обнаружившихся въ самомъ характерѣ совершеннаго имъ преступленія, какъ особенно опаснаго для общества или для жизни, здоровья, благосостоянія отдѣльныхъ его членовъ. Если на этотъ вопросъ будетъ данъ утвердительный отвѣтъ, то въ приговорѣ можетъ быть постановлено, чтобы осужденный содержался въ тюрьмѣ столько времени, сколько это найдено будетъ нужнымъ, но не болѣе троекратнаго размѣра назначеннаго наказанія и ни въ какомъ случаѣ не долѣе 15 лѣтъ».

До *крайнихъ* выводовъ, до отмены размѣровъ наказанія даже для самыхъ *тяжкихъ* случаевъ преступленій не отважились дойти даже въ Норвегіи. Но разрывъ съ прежней практикой очевиденъ. Мы можемъ спокойно ожидать дальнѣйшаго развитія преобразованія уголовного права. «Въ наукѣ, какъ и въ жизни, современный консерваторъ спокойно за-

щищает идеи, которые нѣсколько лѣтъ тому назад находили поддержку только у самых смѣлыхъ радикаловъ»¹⁾. Если наши взгляды справедливы, то *побѣда ихъ обезпечена*. Теперь уже не требуется доказательства того положенія, что *приспособленіе мнѣръ соціальной репрессіи къ индивидуальности преступника* ведетъ не къ ослабленію авторитета государства, а, напротивъ,—къ его усилению. Что можетъ сильнее укрѣплять *сознаніе могущества государственной организаціи*, какъ не чувство *безопасности* противъ тѣхъ лицъ, которыя не могутъ или не хотятъ приспособиться къ государственному порядку, какъ не *цѣлесообразная уголовная политика* по отношенію къ преступникамъ, не останавливающаяся даже передъ такой крайней мѣрой, какъ неопредѣленно продолжительное изытіе изъ общества, если оно окажется необходимымъ?

Заключеніе преступника на неопредѣленный срокъ и особенно пожизненное за сравнительно безобидное преступленіе клеймятъ какъ *бессмысленную жестокость*, а мягкое отношеніе къ случайнымъ преступникамъ ославили какъ *неумѣстную сентиментальность*. И то и другое несправедливо. Къ чему подвергать уголовному рабству челоѣка, для котораго достаточно простого предупрежденія, который, избѣгнувъ наказанія, можетъ вновь сдѣлаться полезнымъ членомъ челоѣческаго общества? Къ чему наказывать того, кто готовъ возмѣстить вредъ, причиненный имъ отдѣльному лицу или цѣлому обществу?

Съ другой стороны, развѣ мирные граждане не имѣютъ права на *защиту и безопасность*?

Практиковавшіяся до сихъ поръ средства борьбы съ преступленіемъ обнаружили свою *неодность*. Только близорукая ограниченность и слѣпая приверженность къ существующимъ до сихъ поръ методамъ, обнаружившимъ свою полную несостоятельность, заставляли закрывать глаза на необходимость дальнѣйшихъ реформъ. Выводы безпристрастной уголовной статистики не могутъ уже быть оспариваемы. Передъ прогрессомъ знанія должно уступить также втиснутое въ параграфы и неподвижныя рамки уголовное право. Новая жизнь, которая своимъ дыханіемъ должна обвѣять неподвижныя формы, надо надѣяться, не сразу, не путемъ смѣлаго переворота, *но путемъ постепеннаго професса возраститъ лучшіе плоды*.

Общество несетъ отвѣтственность передъ преступникомъ, потому что оно въ своихъ нѣдрахъ таитъ часть тѣхъ причинъ, которыя обуславливаютъ преступленіе; оно не можетъ уклониться отъ задачи изслѣдовать, гдѣ возможно, эти причины и устранить ихъ. Но и преступникъ *отвѣтственъ передъ обществомъ*, потому что онъ живетъ въ немъ и своєю

¹⁾ Ферри, Цитиров. соч., стр. 489.

дѣятельностью вредить условіямъ его существованія. Потому онъ долженъ примириться съ тѣмъ фактомъ, что общество защищается противъ него всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами.

Мы переживаемъ теперь такой моментъ, когда солидныя, повидимому, основанія уголовнаго права начинаютъ колебаться, когда чувствуется потребность въ построеніи новаго зданія, камни для котораго еще не испробованы, а матеріалъ только отчасти найденъ. Но предстоящая задача никоимъ образомъ не можетъ быть разрѣшена теоретическими выкладками за письменнымъ столомъ. Только безпристрастное наблюденіе надъ явленіями, которыя мы называемъ преступленіями, *отправляющаеся отъ конкретныхъ фактовъ къ общимъ выводамъ*, — другими словами, только *естественно-научный методъ* можетъ проложить путь къ познанію *преступленія и преступниковъ*. Тогда только будетъ построенъ прочный фундаментъ, на которомъ можно будетъ съ успѣхомъ до конца довести зданіе устойчивыхъ всеобщихъ правовыхъ гарантій.

Предметный указатель.

- Аболиціонистское движеніе 80.
абсолютныя цифры 5.
алкоголь 35, 37, 50, 55, 68, 72, 95,
97, 149, 174.
альтруизмъ 186.
анатомическое изслѣдованіе 136.
аномаліи 154.
арестъ 205, 207.
атавизмъ 153.
аффектъ 115, 161, 186; см. также
возбужденіе.
- Баденское герцогство 61.
безопасность 201, 220.
благосостояніе 45.
благотворительность 177.
боязнь тюрьмы 198.
бракъ 130.
» ранній 15, 130.
бродяга 22, 59, 127, 145, 149, 163,
188, 205.
- Вдовцы 129.
vendetta 28.
венерическія болѣзни 74.
вечернее время 65.
взаимопомощь 45.
вина 191, 192.
вино; см. алкоголь.
виновникъ 189, 193.
вмѣняемость 149, 188; см. также
уменьшенная вмѣняемость.
внѣбрачныя рожденія 15, 24, 26, 102,
178.
водка; см. алкоголь.
военные смотры 65.
возбудимость 70, 146.
возбужденіе 161.
воздаяніе 193.
возмездіе 187, 191, 192, 193.
возмущеніе 194.
возмѣщеніе убытковъ 214, 223.
вознагражденіе за работу 180, 209.
возрастъ 108.
воля, свободная 70, 185, 194.
воровской жаргонъ 144.
воровство; см. кража.
- воскресеніе 62.
воскресный отдыхъ 65.
воспитаніе 56, 98, 101, 109, 155, 158,
182, 223, 228.
воспитательный домъ 100.
вспоминаніе 200.
впервые наказываемый 165.
впечатлительность 125.
врачи 54, 73, 125, 230.
времена года 11, 14, 15 16, 20, 21.
врожденные преступники 134, 153, 159.
выговоръ 207.
вырожденіе 98, 140, 153.
вытравленіе плода 8, 23, 50, 124, 181.
вѣра въ самого себя 215.
вѣроисповѣданіе 40.
вѣсъ мозга 136.
- Газеты 182.
галлюцинаціи 126.
гашишъ 73.
германская раса 27.
гимнастическія игры 176.
гипнозъ 126.
гнѣвъ 191.
головная водянка 139.
городъ 49.
грубость 166.
- Delinquente nato; см. врожденные пре-
ступники.
денежный штрафъ 206.
день полученія недѣльной зарабо-
тной платы 63.
детерминизмъ 184.
диссидентъ 46.
дисциплина 146.
дисциплинарный режимъ 222.
дисциплинарныя мѣры 203.
дни зачатія 11.
» недѣли 62.
добропорядочное поведеніе 216.
домашнее винокуреніе 176.
драчливость 36.
духовенство 187.
духовное лицо 125.
душевная болѣзнь 98, 139, 145, 157,
188, 192, 231.

- дѣйствіе наказанія 196.
дѣти въ возрастѣ обязательнаго
школьнаго обученія III.
дѣти предъ судомъ 207, 225.
дѣти, преступленія противъ нрав-
ственности 11.
дѣтоубійство 19, 50, 124.
- Евангелическое вѣроисповѣданіе 46.
- Женщины 96, 122, 162.
жестокость 126, 141.
жилищная гигиѣна 177.
жилищныя условія 105.
жители Пфальца 24, 36.
- Задоръ 67.
заключеніе брака 15, 136.
заключеніе въ крѣпости 207.
» » тюрьмѣ 142.
законный порядокъ 172.
законъ о попечительномъ воспита-
ніи 119.
законъ причинности 185.
запрещеніе браковъ 178.
заработная плата 86.
заточеніе 207.
защита общества 190, 201.
» отъ нападенія 185.
зима 22.
знаніе 101, 106, 140.
- Игра 80.
идіотъ 136.
издержки по преслѣдованію уголов-
нымъ судомъ 3.
измѣненіе расовыхъ особенностей 40.
изнасилованіе 8, 94, 122.
изолированіе 210, 222.
индивидуализирован. воспитаніе 104.
индивидуализированные приемы об-
ращенія 211.
индивидуальное предрасположеніе
158, 194, 219, 233.
индивидуальныя причины преступ-
ленія 97.
инстинкты подражанія 115.
интеллектуальное развитіе 111.
интеллектъ 186.
искупленіе 187, 191, 192.
исповѣдь 48.
исправительный домъ 59.
исправленіе 48, 116, 197, 201, 208,
209, 214, 220.
- истерія 126.
истребленіе имущества 8, 20, 125.
Иудейское вѣроисповѣданіе 41.
- Кабакъ 176.
казнь 202.
калѣки 56.
католическое вѣроисповѣданіе 46.
кельтская раса 29.
классификація преступниковъ 158.
классовое наказаніе 206.
клятвопреступленіе 53.
коварство 126.
кокаинъ 73.
колебаніе хлѣбныхъ цѣнъ 86.
контрабанда 182.
конфликты 20.
концессіи на производство расш-
вочной продажи 176.
Корсика 28.
кофе 72.
кража 8, 21, 35, 54, 85, 86, 112, 117,
125, 131, 172, 177.
кризисы экономическіе 96.
кровавая месть 28, 187.
- Легкомысліе 220.
лечебницы 145.
лживость 141.
либеральныя профессіи 53, 96.
лишеніе гражданской чести 204.
» свободы 207.
личное благополучіе 187.
локалізація проституціи 77.
лотерея 80.
- Малолѣтніе 179.
матоиды 159.
международный союзъ уголовнаго
права 159, 161, 228.
мелкая кража 22.
менструація 18.
месть 187, 191, 220.
минимумъ существованія 86.
мистицизмъ 115.
мозговая извилина 136.
мозгъ 136.
молодые преступники 53, 92, 108,
166, 192, 197, 223, 225.
moral insanity 157.
моральная статистика 4.
морфій 73.

мотивъ 2, 185.
 мошенничество 21, 38, 44, 94, 172.
 мѣры, замѣняющія наказаніе 174.
 мѣсто рожденія 27.
 » совершенія преступленія 27.
 мѣстности съ крупной промышленностью 37, 38, 95.
 музей 176.

Надбровныя дуги 138.
 надзоръ полиціи 204.
 наказаніе 1, 99, 188, 192, 242.
 намѣреніе 161.
 нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій 8, 20, 35, 63, 95, 113, 125, 172.
 наркоть 126.
 наркотическія средства 72.
 народная нравственность 28, 55, 72.
 народное образованіе 106.
 народные концерты 176.
 народныя читальни 176.
 нарушеніе закона 165.
 » обществен. тишины 20, 120.
 » промышленнаго устава 43.
 населеніе предмѣстій 202.
 насиліе 20.
 » и угроза противъ должностныхъ лицъ 20, 37, 53.
 наслѣдственная передача 98.
 наслѣдственность 56, 98, 99.
 невмѣняемость 1, 2, 188.
 негодность съ соціальной точки зрѣнія 155.
 недобросовѣстное обвиненіе 125.
 незаконнорожденныя дѣти 25.
 неисправимость 157, 163, 205, 221.
 необходимая оборона 160.
 непорочность 117.
 несходство законодательствъ 23.
 неустойчивость 141.
 нижняя Германія 24.
 нищій 127, 149, 188, 205.
 нормальный человѣкъ 135.
 нравственно-помѣшанные 157.
 нужда 22, 38, 76, 92, 97.

Обезвреживаніе преступниковъ 120, 197, 201.
 обезпеченіе больныхъ и инвалидовъ 177.
 обезпеченіе правопорядка 197, 234.
 обложеніе 176.
 образованіе 30, 103, 106.

обремененность судебныхъ учреждений 111.
 общая мѣра предупрежденія преступленія 191, 197.
 общее наемное помѣщеніе 122, 125, 131.
 обязанность вознагражденія за причиненный вредъ 213, 223.
 обязанность молчанія 210.
 обязательная работа 206.
 одинокое заключеніе 209, 210.
 опекунь 204.
 опиумъ 73.
 оправдательный приговоръ 7, 110, 113.
 опредѣленіе преступленія 8.
 опьянѣніе 60.
 освобожденіе отъ наказанія 215.
 оскорбленіе 8, 20, 44, 67, 125.
 » величества 83.
 осужденіе 7.
 отвѣтственность 183, 189.
 отмѣна размѣра наказанія 217, 219, 231.

Паспортныя книжки 39.
 педерастія 181.
 «пенсильванская система» 210.
 передача на распоряженіе полицейской власти 205.
 переходный періодъ развитія 228.
 періодическія колебанія въ сферѣ половой жизни 18.
 періодическія колебанія психическаго равновѣсія 18.
 печать 182, 183.
 пиво; см. алкоголь.
 племена 29.
 повышеніе уровня образованія 107.
 подвижныя игры 176.
 поджогъ 51, 83.
 подкидываніе дѣтей 124.
 подслѣдственные арестанты 145.
 поединокъ 43.
 пожизненное заключеніе 221.
 покушеніе на негодные объекты 2.
 » съ негодными средствами 1.
 полиція 7, 24, 181.
 половая возбудимость 2, 18, 122.
 » зрѣлость 113.
 половое возбужденіе 15, 115.
 половыя сношенія 1, 24, 114.
 поль 124.

- понедѣльникъ 63.
 попечительное воспитаніе 179, 227, 228, 229.
 попечительныя общества 180.
 попечительство надъ отбывшими наказаніе 179, 221.
 попойка 36, 174.
 портовый городъ 37.
 постъ 15.
 посѣщеніе трактировъ 44, 177.
 потовство пьяница 55.
 потребление алкоголя 36, 175.
 правосознаніе 182, 192.
 праздничное торжество 20.
 праздничные дни 65.
 предприниматель 208.
 предупредительныя мѣры 184, 208.
 предупрежденіе преступленія 173, 197.
 преслѣдованіе уголовнымъ судомъ 198.
 преступленіе 1, 2, 4, 5, 31, 92, 183.
 преступленіе противъ личности 20, 115, 119.
 преступленіе противъ нравственности 11, 15, 113, 120, 148, 172.
 преступленіе противъ собственности 20.
 преступники-помѣшанные 147, 148, 159.
 преступникъ 4, 5, 134.
 » по аффекту 160.
 » подъ вліяніемъ минуты (случайный) 159, 160.
 преступность 5.
 Прибалтійскія губерніи 30.
 привычный преступникъ 159, 160, 162, 214.
 привычный пьяница 58, 60.
 признаки вырожденія 135, 139.
 примѣненіе наказанія 146, 152, 190, 199, 210, 217, 223, 224, 225, 230.
 примѣръ 104.
 принудительная работа 207.
 принудительное воспитаніе 101, 104, 179, 188, 226, 228.
 принужденіе 20.
 природныя особенности 98, 106, 157, 158.
 приспособленіе наказанія 219, 231, 233.
 причины, усиливающія размѣръ наказанія 200.
 приюты 145.
 » для идіотовъ 104.
 прогнанизмъ 137.
 продолжаемое преступленіе 172.
 продолжительность дня 17.
 проектъ норвежскаго уголовного законодательства 232.
 проектъ швейцарскаго уголовного законодательства 232.
 происхожденіе 37, 55, 72, 98, 155; см. также раса.
 промышленная дѣятельность 115.
 просвѣщеніе 82.
 проститутка 74, 126.
 проституція 73, 126.
 противодѣйствующія представленія 114.
 профессиональная преступность 168.
 профессиональные преступники 160, 163.
 профессія 37, 39, 43, 44, 49, 93, 94.
 профилактика 65, 72.
 процессы противъ вѣдьмъ 82.
 психическое зараженіе 179.
 психіатры 145, 222.
 психологія массъ 96.
 » преступника 141.
 публичный домъ 78.
 пьяница 55, 60, 223, 231.
 пьянство 20, 55, 96, 98, 113, 175.
 Работа 180.
 работный домъ 188.
 работы для бѣдныхъ 178.
 рабочее бюро 177.
 рабочіе часы 86.
 рабочій 54, 66, 85, 94, 95.
 разведенный 129.
 развитіе физическое 111, 123.
 » умственное 111, 123.
 раздача хлѣба 178.
 различіе судопроизводствъ 23.
 раса 22, 27, 40, 44.
 раскаяніе 142, 220.
 расовыя особенности 28, 44, 187.
 распушенность 162.
 растрата 93, 172.
 реакція противъ алкоголя 70.
 религіозныя общины, небольшія 45.
 религія 22, 41.
 рецидивисты 160, 162, 165, 167, 168, 199, 200, 229.
 рецидивъ 2, 162, 169, 192, 227.

- реформа средствъ наказанія 233.
 романскіе народы 27.
 ростовщичество 42, 54.
 ростъ населенія 6.
 рыцари ножа 173.
- Баксонія 27.
 самосохраненіе 187, 188.
 самоубійство 16, 17, 26, 27.
 Сардинія 28.
 сберегательныя кассы 177.
 сводничество 8, 55, 78, 122, 125.
 секты 46.
 сельское населеніе 49.
 » хозяйство 38.
 семейное положеніе 127.
 » предрасположеніе 98.
 семейство пьяницы 56.
 семья 109.
 сентиментальность 141.
 симптомы тюремной болѣзни 149.
 симуляція 147, 151.
 скука 209.
 слабость 189.
 слабоуміе 100, 140, 146, 148.
 славяне 27.
 сложеніе наказанія 192.
 слуга 54.
 слуховыя галлюцинаціи 149.
 случайное пьянство 175.
 случайный преступникъ 159, 160,
 169, 210, 214, 220.
 случайный пьяница 60.
 смежныя состоянія 152.
 смертная казнь 201.
 смирительный домъ 203, 207.
 смягчающія обстоятельства 2, 192,
 229.
 совершеннолѣтіе 167.
 совмѣстное жительство 131.
 » спанье 105, 177.
 современная система наказанія 210,
 233.
 содержательница публичнаго дома
 122, 125.
 сознательность 110, 228.
 сопротивленіе исполнительной вла-
 сти 37, 67.
 сосредоточеніе 77, 80.
 социальная репрессія 231.
 социальное положеніе 82, 105.
 социальный подборъ 202.
- соціальныя причины преступленія
 11, 49, 98, 155, 158, 194.
 специалисты 163, 170.
 специальная мѣра предупрежденія
 преступленія 191, 199.
 спиритизмъ 82.
 способность сужденія 140.
 средства наказанія 201.
 срокъ испытанія 216.
 ссылка 202.
 старческое слабоуміе 122, 148.
 статистика 23.
 стачки 96.
 страсть къ развлеченіямъ 112.
 страхованіе 177.
 страховая премія 51.
 строеніе ушей 139.
 студенты 66.
 судебная ошибка 202.
 судебный чиновникъ 53.
 судья 187, 223.
 судейское усмотрѣніе 195.
 суевѣріе 81.
 сутенеры 78, 83, 120, 125.
- Табакъ 72.
 тайная исповѣдь 47.
 » проституція 74, 78.
 татуировка 143.
 темнота 22.
 температура 17, 20.
 тенденціозная статистика 22.
 течка 18.
 типическія извилины 137.
 типъ 134.
 торговля 42, 53, 93.
 » живымъ товаромъ 79.
 трактиръ 65, 113, 131.
 тѣлесное наказаніе 203.
 тѣлесныя поврежденія; см. нанесе-
 ніе тѣлесныхъ поврежденій.
 тюремная дисциплина 146.
 тюремное помѣшательство 149.
 тюрьма 207, 227.
- Убійство 28.
 убѣжище для безпріютныхъ 178.
 уваженіе къ закону 213.
 » къ семьѣ 45.
 увѣщаніе 207.
 уголовная біологія 3.
 » соціологія 3, 4.

- уголовная статистика 3, 4 5, 6, 233.
 » чувствительность 7.
 уголовно-наказуемые 2, 109.
 угроза 20, 217, 221.
 угрозы наказаніями 181, 197.
 укрывательство 93, 112, 122, 125.
 уменьшенная вмѣняемость 149, 223,
 225, 229.
 умѣние приспособиться 92.
 уплата заработка 176.
 упорство 146.
 усиленіе строгости и тюремнаго ре-
 жима 200.
 условное освобожденіе 205, 211.
 » осужденіе 214, 216.
 » помилованіе 216, 228.
 устрашеніе 191, 197, 198, 203, 208,
 209, 214.
 устройство комнатъ для обогрѣва-
 нія 178.
 ученіе 43, 48.
 учитель 54.
- Фабрикація** ангеловъ 51.
фабричное законодательство 117.
фабричный рабочий 115.
физическіе признаки вырожденія 139.
физическія силы 113.
френологія 133.
- Характеръ** 185, 216.
 хлѣбныя цѣны 86.
 холостые 129.
- Церковь** 182.
 цѣль наказанія 190.
 цѣны на жизненные предметы 86.
 » на предметы потребленія 93.
- Частная жалоба** 67.
 чай 72.
 черепъ 136, 138.
 чехи 29.
- Швабы** 40.
 школа 107, 109, 182, 226.
 » для слабоумныхъ 104.
- Экономическая нужда** 22, 38, 39, 48,
 56, 174, 177.
 экономическіе кризисы 96.
 экономическія отношенія 24, 30, 82,
 124.
 экспертиза 147.
 эксперты 192.
 эпилепсія 98, 115, 146, 149, 154.
 этнографическое различіе; см. раса.
 эфиръ 72.

Указатель авторовъ.

- Appelius 110. 228.
Aschaffenburg 58. 69. 109. 145.
Augustinus 184.
Avé-Lallément 144.
Baer 59. 60. 137. 138. 139. 154. 175.
Bebel 75. 76. 94.
Benedikt 136.
Berg 91. 93.
Berger 144.
Beurle 29.
Birkmeyer 184. 191. 193. 194.
Bischoff 136.
Bleuler 155.
Bodio 23. 24.
Bonhöffer 56. 59. 149.
Brennig 7. 23.
Chatelet, Parent du 74.
Corre 4.
Cramer 145. 228.
Cron 43.
Delbrück 145.
Demme 55.
Dix 109.
Достоевскій 204.
Dugdale 99.
Durkheim 16.
Engel 106.
Ellis, Havelock 18. 144.
Ferrero 75.
Ferri 11. 15. 159. 174. 180. 187. 202.
213. 223.
Ferriani 104. 105.
Fleury, de 201.
Földes 36. 50.
Frank 222.
Fürer 69.
Garofalo 23. 97.
Geyer 1.
Gnauck-Kühne 105.
Guillaume 102.
Зерновъ 137. 153.
Hauptmann 96.
Hegar 18.
Heim 66.
Hirsch 70. 97.
Hirschberg 87.
Hoche 145. 152. 186. 189.
Holtzendorff, von 190. 191.
Hoppe 59.
Joly 28.
Kirn 154. 155.
Knecht 138. 151.
Koblinski, von 61. 62.
Korn 222.
Kraepelin 69. 71. 135. 195. 220. 231.
Krauss 159.
Krohne 145. 151. 157. 180. 181. 194.
203. 210. 224. 228.
Kuerz 65. 69.
Kurella 30. 87. 99. 100. 134. 137. 138.
Lacassagne 143.
Lafargue 87. 94.
Landmann, von 184.
Lang 62.
Langreuter 151.
Legoyt 23.
Legrain 56.
Levasseur 106.
Lewin 7. 23. 125.
Lipmann 199.
Liszt, von 3. 8. 116. 119. 184. 227. 228.
Löwenstimm 81.

- Lohsing 202.
 Lombroso 5. 24. 72. 75. 108. 134. 135.
 138. 143. 153. 154. 155. 158. 159.
 Masoni 58.
 May 88.
 Mayr, von 16. 26. 27. 86.
 Mayer 69.
 Meyer 91.
 Miller 74.
 Moenkemöller 100. 101. 104.
 Morselli 17. 27.
 Müller 86. 87. 91.
 Mumm 215.
 Naecke 135. 139. 148.
 Nicefero 28.
 Oettingen, von. 5. 23. 49. 106. 127.
 Offenbacher 48.
 Olrik 159. 160.
 Ortloff 185.
 Oseretzkowsky 69.
 Prinzing 130. 132.
 Quetelet 123.
 Rettich 68.
 Richter 145. 151.
 Rüdin 69. 149.
 Сакеръ 162.
 Sander 145.
 Saulle, le Grand du 230.
 Scheel, von 5.
 Scheven 148.
 Schmidt 191. 195.
 Schmitz 179.
 Schroeter 63.
 Schuster 111.
 Sergi 29.
 Seuffert 7. 9. 39. 83. 119. 195. 224.
 Sichert 99. 102.
 Sighele 96. 100.
 Сикорскій 81.
 Smith 69.
 Snell 59.
 Sommer 154.
 Soquet 16.
 Ströhmberg 76.
 Szalardi 25.
 Тарновская 75.
 Töply 75.
 Verce, Fornasari di 86.
 Villermé 14.
 Wach 2. 3. 165. 173.
 Wachenfeld 23.
 Werner 151.
 Wittenberg 105.
 Wundt 186.
 Yvernès 50.
 Zola 99. 202.
 Zucker 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе редактора перевода	V.
Предисловіе автора	VII.
Введение.	
Задачи и методы	1
Часть I. Соціальныя причины преступленія.	
Преступленіе и времена года	11
Раса и религія	22
Городъ и деревня; профессія	49
Народная нравственность; алкоголь	55
Другіе напитки и наркотическія средства	72
Проституція	73
Игра и суевѣріе	80
Экономическое и социальное положеніе	82
Часть II. Индивидуальныя причины преступленія.	
Происхожденіе и воспитаніе	98
Образованіе	106
Возрастъ	108
Поль	124
Семейное положеніе	127
Физическія свойства преступника	133
Психическія свойства преступника	140
Психическія разстройства у преступниковъ	145
Дѣленіе преступниковъ на группы	153
Часть III. Борьба съ преступленіемъ.	
Уголовный обликъ современнаго общества	165
Предупрежденіе преступленія	173
Отвѣтственность	183
Цѣль наказанія	190
Средства наказанія	201
Возмѣщеніе причиненнаго вреда, условное осужденіе и условное освобожденіе	212
Отмѣна размѣра наказанія	217
Отношеніе къ малолѣтнимъ и къ преступникамъ съ уменьшенною вибняемостью	225
Заключеніе	231
Предметный указатель	235
Указатель авторовъ	241